

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани

Средневековые тюрко-татарские государства

Выпуск 1

Казань – 2009

ББК 63.3
С 75

Редакционная коллегия:

Р.С.Хакимов, И.К.Загидуллин (сост. и отв. ред.), И.М.Миргалеев, А.Г.Ситдилов

Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – 232 с.

В сборнике статей представлены доклады участников Всероссийской научной конференции «Политическая и социально-экономическая история средневековых тюрко-татарских государств (XV – третья четверть XVIII в.)», состоявшейся в Казани 20 мая 2008 г.

ISBN 978-5-98245-048-7

На обложке: Город Касимов. Хан-Сарай. Фрагмент рисунка из кн. А.Олеария, 1 треть 17 в.

© Институт истории АН РТ, 2009

Предисловие

Приметой современной историографии является пересмотр сложившихся в царский и советский периоды точек зрения на многие вопросы тюрко-татарской истории. Одна из главных причин формирования «нового взгляда» на средневековую тюрко-татарскую историю была вызвана общественно-политическим фактором, имеющем, по крайней мере, две составляющие. 1) После падения коммунистического режима исчезли идеологические «клише», не позволявшие ранее точно излагать научную информацию. 2) Появление на политической карте мира после распада СССР новых государственных образований тюркских народов активизировали деятельность историков этих стран по определению места своих народов в мировом сообществе. Другой важной причиной явилась активизация научных изысканий в регионах, результатом которых стали новые материалы, проливающие свет на отдельные стороны жизнедеятельности средневековых тюрко-татарских государств.

Актуальность данной тематики бесспорна. Наследие Золотой Орды и тюрко-татарских ханств, их материальная и духовная культура являются неотъемлемой частью истории и культуры народов Российской Федерации и СНГ. Московское государство «выросло» из Русского улуса Золотой Орды. Изучение распада Улуса Джучи и образование новых средневековых государственных образований требует многофакторного подхода. В определенные периоды истории взаимоотношения с тюрко-татарскими ханствами оказывали существенное влияние на развитие России. «Татарский вопрос» престал быть актуальным для самодержавия лишь после аннексии Крымского ханства. В то же время Россия оказалась главной внешней политической силой, оказывавшей влияние на военно-политические

события в тюрко-татарских государствах. За счет завоевания и присоединения их территорий происходило усиление Российского государства, расширение ареала обитания русских.

На современном этапе востребованы кооперация усилий историков и археологов, комплексное изучение исторических событий в региональном измерении, обмен новой информацией и дискуссии с целью выявления общих тенденций и специфических особенностей в эволюции социально-экономических, общественно-политических, этнодемографических и социокультурных процессов, протекавших в этот период. По нашему мнению, проведение конференций, посвященных Золотой Орде и тюрко-татарским государствам, и издание их материалов может стать своеобразной возможностью координации научных изысканий в этой области исторических знаний. Круг научных проблем, предлагаемых к обсуждению в виде докладов и статей, довольно широк – начиная от концептуальных вопросов средневековой евразийской истории и заканчивая отдельными сюжетами татарской истории.

Первый шаг в этом направлении сделан. 20 мая 2008 года в Казани на базе Института истории им. Ш.Марджани АН РТ была проведена всероссийская научная конференция «Политическая и социально-экономическая история средневековых тюрко-татарских государств (XV – третья четверть XVIII в.)», материалы которой представлены в данном сборнике.

Мы открыты для сотрудничества. Надеемся, что наш проект привлечет внимание историков, археологов, литературоведов, искусствоведов, исследователей, интересующихся средневековой историей татар.

И.К. Загидуллин

Русские летописи конца XV века о московско-казанской войне 1467–1469 годов

Крупнейшим событием первых лет правления Ивана III стала русско-казанская война 1467–1469 годов. В Московском летописном своде конца XV в. содержится пространная статья «О первой Казани» (ПСРЛ, 1949, с.279), благодаря которой в исторической литературе конфликт получил название «первой казанской войны». Еще А.А.Шахматов предположил, что в основе указанной летописи лежит свод 1479 года (Шахматов, с.256-283). Позже он обнаружил свод 1479 г. в «чистом виде» – в Эрмитажном списке XVIII века (Лурье, с.122-167). Поэтому можно считать, что московский книжник буквально по горячим следам составил рассказ о казанской войне.

Летописный рассказ примечателен не только обилием известий – здесь отражена идейная направленность, придаваемая войне московским правительством. Создатель Московского летописного свода конца XV в. начал статью «О первой Казани», казалось бы, традиционно – с датировки: «В лето 6976. Съ вздвижения дни» (ПСРЛ, 1949, с.279). Однако, если первая часть указанного предложения содержится практически во всех источниках, то вторая – «Съ вздвижения дни» – уникальное известие великокняжеского летописания. Воздвижение Креста Господня – один из главных праздников православного календаря. История Крестовоздвижения была широко известна на Руси. Ее написал придворный Константина Великого Евсевий Кесарийский. По его словам, император собрался сразиться с Максенцием и обратился к богам. Перед походом Константин и его войско увидели «знамение креста с надписью: сим побеждай». Чудо склонило василевса к «истинной» вере и принесло победу над «нечестивым» врагом (Четыре книги ...).

Русский книжник намеренно приурочил начало похода на Казань ко дню Воздвижения Креста Господня. Перед нами попытка летописца провести смысловые параллели между историей православного праздника и событиями «первой казанской войны». «Съ вздвижения дни» – это словосочетание, с помощью которого автор придает конфликту религиозный характер, так как Крестовоздвижение было символом успеха в борьбе с нечестивыми

иноверцами. Крест воздвигался священнослужителями «на четыре стороны: сначала на восток...» (Романенко, с.171). Именно в восточном направлении двигались московские войска, «воздвигая крест». Возможно, данная религиозная церемония служила дополнительным аргументом для привязки церковного события к мирскому.

Московский летописец сообщает о причине похода на Казань: «а позван был царевич от цареи Казанских, от Авдул-Мамона и от прочих, на царство лестью». «Он же (Касим. – А.А.) надеясь на них, а лести их не ведаа» (ПСРЛ, 1949, с.279). На первый взгляд, Касим представлен жертвой, а казанцы – лстивыми. Если размышлять, исходя из представлений современного человека, мало знающего Священное писание, то становится непонятной логика средневекового автора, который пишет, что казанцы обманом (лестью) позвали Касима «на царство».

С.М.Соловьев и Хади Атласи буквально восприняли слова летописца. По их мнению, Касим был обманут (Соловьев, с.65; Атласи). М.Г.Худяков говорил о промосковской партии в Казани, возглавляемой Абдул-Мамоном: часть аристократии была недовольна политикой хана Ибрагима и пригласила на трон Касима. В условиях войны Ибрагиму якобы удалось расправиться с промосковской партией и выступить против великокняжеской армии (Худяков, с.16-17). Однако данные источников не позволяют говорить о расколе в кругах правящей элиты ханства. Казанские князья, тяготеющие к Московскому двору – реальность конца XV века. Подобным образом известие летописца объяснили К.В.Базилевич, С.Х.Алишев и Д.А.Котляров: они приняли 1467 г. за дату появления в Казани московской партии (Алишев, с.33; Базилевич, с.66; Котляров, с.322).

На наш взгляд, слова летописца не следует понимать буквально. В сознании средневековых знатоков Священного писания нравственная характеристика «лесть» имела более глубокое значение. В.Н.Рудаков считал, «что такие качества как лстивость, использование лести..., должны были порождать у читателя

достаточно четкие ассоциации с примерами нечестивого поведения вообще, а также с качествами нечестивых народов в частности» (Рудаков, с.51). В своих рассуждениях ученый опирался на библейские рассказы, где «нечестивым» народам обязательно приписывалась «лесь».

Возможно, московский книжник провел аналогию с ветхозаветными сюжетами. В Священном Писании некий «презренный» человек «лестью овладеет царством» (Дан, 11:12). Этот царь «войдет в согласие с отступниками», а его войска «осквернят святилище» (Дан, 11:31). И, что ближе всего к тексту Московского свода, «поступающих нечестиво против завета он (царь – А.А.) привлечет к себе лестью; но люди, чтящие своего Бога, усилятся и будут действовать» (Дан, 11:31). Библейское предсказание «привлечет к себе лестью» сбылось в произведении средневекового книжника: «позван был... лестью». В Московской летописи казанцы выступают «отступниками», «осквернителями святилищ» и «нарушителями завета». Православные христиане, «чтящие своего Бога», осуществили поход на татар, они «действовали» – делали то, что им предписывалось в Священном писании.

Летописного «Авдул-Мамона» историки именуют по-разному. М.Г.Худяков назвал его казанским князем «Абдул-Мумином» (Худяков, с.13). С.Х.Алишев поправил московского летописца и заменил «Авдул-Мамона» на «Абдул-Муэмина» (Алишев, с.33). Д.А.Котляров вернулся к «Абдул-Мумину» (Котляров, с.318). Первая часть имени представителя казанской аристократии не вызывает споров: Авдул – это искаженное Абдул. Но трактовка историками второй составляющей весьма сомнительна. Скорее всего, слово «маммон» не имеет никакого отношения к имени казанского вельможи, а является эпитетом, характеризующим личность Абдула. В Евангелиях от Матфея и от Луки термин «маммон» упоминается в значении – «неправедное богатство» (Мф. 6:24; Лк. 16:9, 11, 13). По Новому Завету, нельзя одновременно «служить Богу и маммону, ибо или (человек – А.А.) одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть» (Мф. 6:24; Лк. 16:13). То есть, по мысли летописца, Абдул имел «неправедное богатство», занимался стяжательством и не служил богу – был отступником.

Таким образом, словосочетание «позван... лестью» и эпитет «маммон» образуют единое

смысловое поле, семантика которого заключается в оправдании наступательных действий Москвы.

В Московском летописном своде содержится подробное описание похода на Казань весной 1469 г. В нем приняли участие не только служилые люди многих русских городов: вместе с войсками великий князь «послал суружань и суконников и купчих людей и прочих всех Москвич, кои пригоже по их силе» (ПСРЛ, 1948, с.281). По мысли книжника, экспедиция 1469 г. – общее дело всех русских людей.

Показателен сюжет о формировании добровольческого отряда. Князь К.А.Беззубцев предложил: «кто всхошет, итти воевати Казанские места по обе стороны Волги»; «вои» ответили: «все хотим на окайнных Татар за святые церкви и за государя великого князя Ивана и за православное христианство» (ПСРЛ, 1949, с.281). Тем самым книжник снова заявил об идейном характере войны.

Неоднократно в статье «О первой Казани» упоминается святой Никола. Так, во время зимнего похода 1467–1468 гг. москвичи пришли воевать «на Николин день». По дороге в Казань весной 1469 г. передовой отряд остановился «под Николою на Бречеве», «и отоляшед тако же и у святого Николы молебнаа сотвориша» (ПСРЛ, 1949, с.281). Скорее всего, перед нами еще один элемент апологетики конфликта. Книжник в очередной раз подчеркнул, что война была оправдана: святой Николай помогает русским, значит, война с Казанью – богоугодное дело.

Описывая нападение отряда И.Д.Руно на Казань, автор изобразил «нечестивое» поведение татар: будучи алчными и жадными, они «не хотяще дати в руки христианом, а более, запирающися над своим добромъ в храмах своих и з женами и з детьми и совсемъ, что у них есть, и тако изгореша» (ПСРЛ, 1949, с.282). Русские не только сожгли казанский посад и уничтожили грешников-иноверцев, но и сделали еще одно «благое дело» – освободили христианский «полон». На этом апология казанской войны не заканчивается. В конце рассказа составитель свода показал вероломство татар, напавших на русское войско во время дневной молитвы (ПСРЛ, 1849, с.283).

Книжник не единожды акцентирует внимание на героизме русских людей: достаточно вспомнить сообщение о добровольцах, напавших на Казань, несмотря на запрет главного воеводы, и рассказ об удачном бое москвичей с

превосходящими силами противника. Самопожертвование имеет место там, где есть великая и справедливая цель.

С точки зрения московского летописца, «первая казанская война» была важнейшим событием в истории русского народа. Святые церкви, великий князь, православное христианство – то, о чем говорит летописец на протяжении всего рассказа – это символы единства, почва для объединения всех земель под властью Москвы.

Другой взгляд на казанскую проблему имел создатель Ермолинской летописи. Б.М.Клосс считал, что Ермолинская летопись была составлена при дворе великой княгини Марии Ярославны, «переехавшей после 1462 г. жить в Ростов». Ученый датировал рукопись концом 80-х – началом 90-х годов XV в. Как и Московский свод, ростовский памятник имеет протограф – летописный сборник конца 70-х годов (Клосс, с. V). Можно сказать, что создание Ермолинской летописи велось параллельно с работой московского книжника над великокняжеским сводом. Несмотря на данное обстоятельство, автор Ростовского свода иначе описал конфликт 1467–1469 гг.

Рассказ Ермолинского летописца менее содержателен, чем статья московского книжника, но несет в себе много уникальных известий, формирующих у читателя иное представление о «первой казанской войне». Здесь Касим не является инициатором похода. Служилый царевич выступает исполнителем воли Ивана III. В результате, автор Ермолинской летописи не оправдывает войну против Казани. Он резко высказался относительно результатов первого похода: «и поидоша прочь не учинивше ничтоже» (ПСРЛ, 2004, с.1581). Летописцы обычно употребляли подобный речевой оборот, характеризуя действия врага. Например, автор Типографской летописи оценил поход казанцев на Вятку следующим образом: «татарове же идоша прочь, не сотвориша зла» (ПСРЛ, 2000, с.1881). Похожие строки можно найти в Летописном своде 1497 г.: «и поиде прочь (татары – А.А.), много зла оучини» (ПСРЛ, 1963, с.147).

Ермолинский летописец не написал об ответных набегах казанцев, что усиливает неприязнь читателя к «восточной политике» великого князя. Он изобразил картину неудачного похода весной 1469 г. Этот поход не представлен в качестве общерусского. Здесь читатель не найдет мысли о христианско-

мусульманском антагонизме, так же, как и о героизме русских людей.

В Ермолинской летописи содержится сообщение о трагедии, постигшей северную колонну московско-устюжских войск. Казанцы убили двух князей (Данила Васильевича Ярославского и Никиту Константиновича) и пленили много московских и устюжских воевод. Автор свода пишет, что «Татарове всю рать судовую ис-подъ Казани отбили» (ПСРЛ, 2004, с.159). Смысловая конструкция летописца такова: неоправданная война ведет к поражению нападающей стороны, то есть военная кампания 1467–1469 гг. была обречена на провал.

Ермолинская летопись является самым ранним источником, повествующим о походе на Казань князя Юрия Васильевича в сентябре 1469 г. Книжник показал триумф младшего брата великого князя. Но сам Иван III остался непричастным к сентябрьской победе над Ибрагимом (ПСРЛ, 2004, с.159). Здесь проявляется оппозиционность летописца.

Князь Юрий Васильевич прервал цепь неудачных походов. Далее в Ермолинском своде описаны успехи московского оружия в борьбе с Великим Новгородом. В заключительной части рассказа о разгроме новгородско-двинского войска летописец написал, что «Бог помогаше великому князю за его исправление» (ПСРЛ, 2004, с.159). Значит, неудачи в походах на Казань преследовали москвичей из-за неправильных действий Ивана III. Следовательно, создатель Ермолинской летописи не одобрил активизацию внешней политики на востоке, но полностью поддержал позицию великого князя в отношении Новгорода.

Книжник четко разделял татар казанских и ордынских. Для него «погаными» являлись не казанские, а ордынские татары. Русское христианское единство летописец противопоставил ордынцам (ПСРЛ, 2004, с. 159). Он убежден, что главная опасность исходит от степи: прежде всего, нужно бороться с Ахматом. Поэтому им выделены новгородское и ордынское направления внешней политики Москвы. Казанский вопрос для него второстепенен.

Данные источников позволяют определить имена участников «первой казанской войны». Эта реконструкция может показать политические силы, интересы которых представляли летописцы. Много боярских имен упоминает Московский летописный свод конца XV века. По сведениям московского летописца, вместе с

Касимом на Казань ходил Иван Васильевич Стрига-Оболенский (ПСРЛ, 1949, с.279). Последний является представителем старомосковских княжат. И.В.Оболенский был соратником Василия II и верно служил Ивану III в качестве боярина и воеводы. А.А.Зимин назвал И.В.Оболенского «сторонником объединительной политики великокняжеской власти» (Зимин, с.58). Поэтому не удивительно, что московский летописец выделил имя И.В.Оболенского среди великокняжеских воевод.

Ермолинская летопись практически не сообщает о боярах Ивана III. Но ей известны имена других, более знатных воевод. По Ермолинской летописи, вместе с Касимом на Казань ходил серпуховской князь Юрий Васильевич (ПСРЛ, 2004, с.158) – следующий, после Ивана, сын Василия II – нужно признать, персону более значительная, чем Иван Оболенский. Юрий Васильевич принимал участие во всех крупных военных операциях. В 1472 г. князь скончался от болезни, и московский летописец предал его имя забвению. Возможно, данное явление было результатом противостояния Ивана III и удельных князей.

Подобная ситуация повторяется при описании военной экспедиции 1469 года. Великокняжеский свод перечисляет более десятка имен – участников похода. Но главным среди них, по мнению летописца, был князь Константин Александрович Безубцев (ПСРЛ, 1949, с.281). Л.И.Ивина, вслед за С.Б.Веселовским, отнесла Константина Александровича к угличским боярам, то есть к служилым людям князя Андрея Васильевича Большого (Ивина, с.355). Ермолинский летописец вспомнил имена двух предводителей похода на Казань: князя Юрия Васильевича и Андрея Большого (ПСРЛ, т.23, 2004, с.158). Симптоматично, что московский летописец не внес в список участников экспедиции 1469 г. братьев великого князя, однако упомянул вассала Андрея Большого – Константина. Скорее всего, данное обстоятельство – результат конфликта Ивана III с братьями. Особенно тяжело складывались отношения с Андреем Большим. В 1480 г. угличский князь «отступиша от великого князя», в начале 90-х годов был пойман и умер в заточении (ПСРЛ, 1949, с.326; Зимин, с.68).

Казанская война для московского книжника носила идейный характер, являлась делом верных великому князю людей. Предатели и отступники, подобные Андрею Большому, не могли воевать «за святые церкви и за государя великого князя и за православное христианство» (ПСРЛ, 1949, с.282).

Гипотеза Б.М. Клосса о происхождении Ермолинской летописи объясняет лояльность ростовского книжника к братьям Ивана III. Вдова Василия II приняла сторону младших сыновей. Это наглядно продемонстрировано в Ермолинской летописи, составленной при ее дворе (Клосс, с.V). Значит, Мария Ярославна, Юрий Васильевич и Андрей Большой не являлись сторонниками войны с Казанью. Братья великого князя были вынуждены участвовать в конфликте, который не сулил им выгоды. Война с Казанью была направлена на расширение политического влияния Москвы. Для Юрия Васильевича и Андрея Большого усиление Москвы представлялось опасным: данный процесс ставил под угрозу существование удельных княжеств. Возможно, указанное противоборство стало главной причиной существования столь различных взглядов на «первую казанскую войну».

Таким образом, основным источником, формировавшим представление о московско-казанской войне 1467–1469 гг., являлась статья «О первой Казани». Напомним, здесь «первая казанская война» обрисовывается как благословленная Богом борьба христиан русской земли с нечестивыми татарами. Данное мнение оставалось господствующим в официальном летописании на протяжении всего XVI столетия. В силу вполне понятных причин, альтернативные взгляды на те же события не получили широкого распространения и имели хождение только в некоторых центрах местного летописания. «Первая Казань» Ермолинского летописца показана в качестве неоправданной войны, инициированной лично Иваном III и завершившейся разгромом русских войск. Схожая оценка конфликта сохранилась только в новгородских и устюжских памятниках XVI века (ПСРЛ, 2004, с.188; с.46-47).

Примечания

Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI веках. Казань, 1995; Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства во второй половине XV века. – М., 1950., Котляров Д.А. Русь и Поволжье: этнополитическое взаимодействие (XIV–XVI века) // Формирование российской государственности. – Екатеринбург, 2003.

Атласи Н.М. Себер тарихы. Сөөн-бике. Казан ханлыгы (Тарихи эсэрлэр). – Казан, 1992.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI века. – М., 1988.

Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. – М., 1982.

Ивина Л.И. Эволюция состава уездного дворянства во второй половине XV – первой трети XVII века (на примере Угличской земли) // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. – СПб., 1996.

Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2004 года // ПСРЛ. – Т. 23. – М., 2004.

Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. – М., 1976.

ПСРЛ. – Т. 24. – М., 2000.

ПСРЛ. – Т. 25. – М., 1949.

ПСРЛ. – Т. 28. – М.-Л., 1963.

ПСРЛ. – Т. 37. – Л. 1982.

Романенко Е.В. Повседневная жизнь русских средневековых монастырей. – М., 2002.

Рудаков В.Н. Язык Библии в ранних рассказах русских летописей о монголо-татарском нашествии // Одиссей. Человек в истории. – М., 2003.

Соловьев С.М. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – Кн. III. – М., 1960.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. – Казань, 1991.

Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. – Л., 1938.

Четыре книги Евсевия Памфила епископа Кесарии Палестинской о жизни блаженного василевса Константина // www.biblicalstudies.ru.

К этнополитической истории кумыков в составе Золотой Орды (XIII–XV вв.)

Этнополитическая история кумыков – народа во всех отношениях исторического – пока еще не исследована полностью. Зародившаяся в трудах Мухаммеда Аваби Акташи (XVII в.), Кадир-Мурзы Кяхулайлы (XVIII в.), Девлет-Мирзы Шейх-Али (XIX в.), Джамалутдин-Хаджи Карабудахкентли (начало XX в.), Абдуллы Тамая (перв. пол. XX в.) национальная историография в советский период не получила должного развития. В изданных в советский период «Историях Дагестана» этногенез и этнополитическая история кумыков освещены довольно однобоко и тенденциозно. А ключевой этап этнополитического развития и формирования кумыкской феодальной народности в составе великой державы своего времени – Золотой Орды (XIII–XVI вв.) в целом в исследованиях не ставился и не рассматривался.

Наша статья, имеющая во многом постановочный характер, посвящается именно этому этапу. Кумыки значатся среди покоренных монголами народов и земель в списке Плано Карпини уже в 1245–1247 гг. (Карпини, 1957, с.57). Плано Карпини называет среди завоеванных монголами земель и один из главных городов кумыков – Тарки (кум. Таргу), известный еще с гуннских времен (Гаджиева, 1961, с.48).

Кумыки и др. их степные сородичи, составлявшие основное население бывшей северокавказской Кумании (или Кумыкии) (Витсен, 1692, с.377, 454) после монгольского завоевания были включены в т.н. *седьмой или черкесский (китчакский, хазарский улус)*, которым владел брат Бату-хана – Берке. Улус этот, как было принято в государстве монголов, делился на два крыла: правое – «sag kol» и левое – «sol kol». На территории Приморского Дагестана, охватываемой правым крылом, было создано особое владение вроде пограничного округа. Считается, что во главе его был поставлен один из внуков Шибана (Чобана) сына Джучи – Токта (Тохтар), командовавший особым сторожевым войском, охранявшим Каспийские географические ворота (Рашид ад-Дин, 1960, с.74; Магомедов, 1994, с.85) Тарки и Дербент. Здесь монголы держали значительный воинский гарнизон. Есть основания полагать, что Тарки, очевидно, являлись

«инджу», т.е. удельным владением золото-ордынских ханов (Алиев, 2001, с.12).

Весь этот огромный черкесский улус, видимо, был поделен на многочисленные административные области (вилайеты), за основу которых, по всей видимости, были взяты существовавшие до прихода монголов сюда этнополитические, территориальные образования местного населения и их правителей. Ибо известно, что монголы, покоряя все новые народы и земли, проводили политику опоры на союзников в лице местной феодальной знати. С их помощью они рассчитывали укрепить и сохранить деспотическую власть ханов над покоренными народами. По свидетельству араба Эль-Омари, подобные же взаимоотношения существовали между правителями куман, черкесов, алан с ханами Золотой Орды.

«Они (черкесы, аланы), пишет Эль-Омари, – не в силах сопротивляться султану этих стран (т.е. Золотой Орды – К.А.), и потому (обходятся) с ними как подданные его, хотя у них и есть (свои) цари. Если они обращались к нему с повиновением, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них грабительские набеги и стеснял их осадами» (Тизенгаузен, 1941, с.231).

Так, по тексту тимуровского историка Низаметдина Шами, например, можно судить о существовании в составе Золотой Орды на Северном Кавказе и в Дагестане в период до и после нашествия Тимура следующих областей (вилайетов), населенных кумыками и их соплеменниками: 1) «Область Гази Кумуклук» («Гази Кумуклук вилаети») с центром, очевидно, в Тарках и правителем («раис») назван «Сокал» (кум. Шаухал), упоминаемыми тимуровскими историками; 2) «Область Мамукту» (Засулакская Кумыкия); 3) «Область Кайтак»; 4) «Область Симсим» (правитель Мухаммет сын Гайырхана); 5) «Область Бораган-Маджары» с правителями Буриберди и Буракан; 6) «Область Капчыгай» с центром в г. Джулат (Татар-и Шехир), правителем которого в тимуровскую эпоху был Бораган-хан; 7) «Область Пулада» или Бек-Болат-хана; 8) «Область Эркувен»; 9) «область Чдур Казак» (Шами, 1992, с.12-18).

Все эти вилайеты в составе Золотой Орды, разумеется, были тесно связаны между собой как в силу этнического состава населения, находящихся в родстве господствующих элит, так и социально-политического устройства, существовавшего в Золотой Орде. Кроме того, все они наследовали многие из прежних культурных достижений, в том числе единый письменный тюркский язык золотоордынского государства со всеми его атрибутами. В каждом из указанных вилайетов правителями являлись представители правящих этнических кланов, в той или иной степени связанных родством с чингизидами. Кумыкский этнограф Девлет-Мирза Шейх-Али (XIX в.) в этой связи совершенно резонно отмечал, что, несмотря на то, что на завоеванных территориях здесь установилась власть монголов, «татарская народность восторжествовала над своими завоевателями, по крайней мере, тем, что передала им свой язык и составила для них Золотую Орду, где говорили уже не на монгольском, а на тарском наречии» (Девлет-Мирза Шейх-Али, 1848).

Кумыки, несомненно, принуждены были принять власть монголов и взаимодействовать с ними. Они, как и аланы, маджары, естественно, стали данниками золотоордынских ханов (Сафаргалиев, 2002, с.303). Указывая на это, кумыкский историк Джамалутдин Хаджи Карабудахкентли пишет: «Северный Дагестан состоял в подчинении царей Золотой Орды до 793 г. х. (1391 г.)». И далее: «Действуя по законам «Тёре» своего великого хана Чингиза, шамхал служил хану и находился в подчинении ему» (Оразаев, 2001, с.53, 62).

Но все же кумыкам, их правителям, очевидно, все же удалось отстоять свою внутреннюю автономию, относительную самостоятельность. На это указывает и Я. Рейнегс (XVIII в.), который пишет, имея в виду, прежде всего кумыкские и др. земли, что во времена «татарского нашествия при Чингис-хане ни сии провинции, ни же владетели их никакой перемены не претерпели, только часть оных пришельцев смешалось с жителями страны сей...» (Дагестан, 1992, с.266). Дагестанский историк Али Каяев, располагавший неизвестными списками «Тарих-и Дагестан», на этот счет указывал, что в 634 году хиджры (1236/1237) монголо-татары отстранили *прежде правившую династию*, а правителем назначили своего

ставленника вновь с титулом «шамхал»¹ и что тот происходил из рода Чингиз-хана. С этого времени и установилась в Дагестане, т.е. в Кумыкии, власть «*татарских шамхалов*» (Каяев, 1990, с.26). Другие авторы и источники уточняют это. По данным одного из отпрысков кумыкского правящего рода шаухалов Али Кули Хана Валеха Дагестани (XVIII в.), хорошо знавшего восточные источники и свою родословную, «воцарение (восхождение на престол) его предков в Дагестане состоялось после 1258 г.» (Валиходжаев, 2001, с.36). Кумыкский историк Джамалутдин Карабудахкентли уточнял: «То обстоятельство, что в Дагестане избрали (своими правителями) род Чингиза и назвали их именем «шавхал-хан», исходило из установившейся *тюркской, татарской генеалогической традиции*... Род Чингиза почитался среди них так же (высоко), как курайшиты среди мусульман» (Оразаев, 2001, с.55).

Однако, вопрос, кто же был родоначальником «татарских» шаухалов и какому конкретно роду чингизидов он принадлежал, остается неясным.

Наша гипотеза заключается в том, что упоминание имени-титула «шаухал» («шевкал», «саукал») в относительно ранних и более поздних золотоордынских («тюрко-татарских») источниках не является случайностью. Можно предположить, что в период монгольских завоеваний термин «шаухал» у кумыков был наследуемым именем-титлом, т.е. он использовался одновременно и как имя, и как титул. Это видно и в случае с *царевичем Шевкалем* золотоордынских исторических источников и русских летописей. Относительно его известно, что он был сыном Тудана (рус. Дюдень), внуком хана Золотой Орды Менгу-Темира, правившего в 1265–1282 гг. (Сафаргалиев, 2002, с.333, 520) и приходился двоюродным братом хану Узбеку (1312–1342 гг.).

¹ Отметим, что «шаухал» – исконно кумыкская (тюркская) форма титула кумыкских (татарских) правителей Дагестана, очевидно, в угоду их арабомусульманской генеалогии была искажена позднейшими мусульманскими летописцами. Это подтверждается русскими и грузинскими дипломатическими актами XV–XVI вв., в которых они именуются шевкалами (шавкалами). Этим же именем в них часто называется и подвластный им народ; большей же частью народ этот называется кумыками (см.: Шамхалы Тарковские // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис. – Вып. I. – 1868. – С. 55).

Считается, что Тудан (рус. Дюдень) был властелином г. Татар-Тула (Нижний Джулат) и целой области в составе Золотой Орды. Не случайно, Э.Челеби, ссылаясь на Мирхонда, Шереф-Хана и на сведения «Татарханийе», указывает, что «в древние времена столицей падишахов Дагестана был именно этот город» (см. Gunes, 1973, с.75,76). Этот край Э. Челеби называет «областью Дадьяна» («Dadyan iraki») (см. Gunes, 1973, с.76-79). По свидетельству Э. Челеби в окрестностях этого города еще в середине XVII в. находились «священные могилы» предков, которые оберегались смотрителями-тюрбеدارами из кумыков» (см. Gunes, 1973, с.78). Сюда еще в XVII в. совершали свои паломничества многочисленные *дerviши из Дагестана*, а кумыкские правители (шевкалы) выходили еще в XVI в. с инициативами к своим сородичам крымским ханам – помочь им восстановить разрушенный Тимуром «один из лучших тюркских городов» (Ибн Баттута) – Маджары, где еще в конце XVI – начале XVII в. существовали «семь мечетей татарских», в том числе и «мечеть Аиса Ахмет» (см. Книга, 1950, с.50, 88-92), очевидно, имени Ахмеда Йесеви, прозванного «тюркским пророком».

Таким образом, осторожно можно предположить, что династия «татарских» шаухалов («дагестанских падишахов»), или «шевкаловых детей» могла происходить из рода Шавкала сына Дюдены, в восходящей своей линии связанной с младшим сыном Джучи Тука-Тимуром (1291–1312). Подкрепляет нашу гипотезу и сведения, содержащиеся в некоторых источниках. Так, известное историческое сочинение Халим Гирея Султана «*Гюльбин-и Ханан*» (перв. пол. XVIII в.) связывает происхождение шаухалов с чингизидами (Cevdet 1997). Автор же сочинения «*Рисале-и Ахвал-и Дагыстан ее Моско ее ахвал-и мюлюк-и сайре*» (XVIII в.) Мехмет Эфенди (Волынский) вносит очень важное уточнение о том, что и крымские ханы, и кумыкские шаухалы происходят из одного и того же чингизидского рода (Mehmet, XVIII, с.5). С. Броневский также указывал, что «Кумыки, чаятельно род свой вели от Кыпчакских колен или Золотой Орды». А «роды кумыкских князей почитаются после Кабардинских за знатнейших между горскими народами. Из оных избираемы были Шамхалы...» (Броневский, 1823, с.191, 192). В.Ф. Минорский в отношении кумыков прямо указывал, что «правители этих тюрков, носившие титул

шамхал, по происхождению являются кипчаками» (см.: Алиев, 1999, с.81).

Известно, что именно из рода батуидов происходили первые независимые ханы Крыма и Северного Кавказа Абдулла-хан и его сын (а по другим сведениям – брат) Мухаммет Булак хан в течение 1360–1380 гг. (20 лет!). Конец их власти в 1380 г. положил Токтамыш-хан².

Однако в 1390 г. Бек-Булат-хан (эс султан' ал адил Бик Пулад Хан) (Agat, 1961, с.11) «из рода Бату, Тука-Тимура из западно-кыпчакской орды» (Стенли Лен-Пуль), провозглашает себя независимым ханом. Он правил в Крыму и на Северном Кавказе с небольшими перерывами около 6 лет (Agat, 1961, с.13). Турецкий историк Шерафеттин Эрель в своей книге «Дагестан и дагестанцы» отмечает, что он был командующим токтамышевских войск, захвативших в 1385 г. Азербайджан и Тебриз (Erel, 1961, с.87).

В период тимуровских походов (1395–1396 гг.) Бек-Булат-хан³ ожесточенно защищал свою «неприступную крепость Кабчагай», которая по одной из версий находилась в Кумыкии (Дагестан) (Kirzioglu, 1993, с.520), а по другой – в Пятигорье, где Бек-Булат был пленен и отправлен, как сообщается, в кандалах в Дагестан (Agat, 1961, с.13), где к тому времени в сражении с тимуровскими войсками был убит и правитель золотоордынской области «Гази-Комуклуг» («Gazi Komukluk vilayeti») под именем «Шаухал» («Сокал») (Sami, 1987, с.200).

В рассматриваемую эпоху известен и правитель «*народа асов*» *Буракан (Бораган)* (Sami, 1987, с.181), – «один из потомков золотоордынских ханов», с именем которого связывается погребение в мавзолее брагунских ханов Борга-каш (Гребенец, 1913), что ныне на территории Ингушетии. Согласно надписи над входом, датированной 808 г.х. т.е. 1405–06 г., имя погребенного – Бек-Султан б. Худайнад. По мнению этнографа Л.И. Лаврова, Бек-Солтан Худайнатов был скорее представителем «бораганской знати, пережившей опустошительное нашествие Тимура (1395–1396 гг.)»

² Абдуллах и Мухаммед Булак были ханами смутного периода и боролись за объединение Улуса Джучи, не претендуя на создание нового государства (прим. ред.).

³ Бек Булат предал Токтамыша во время войны с Тимуром и пытался захватить власть в Золотой Орде (См.: Миргалеев И.М. К вопросу о Бек Булате – Бек Пуладе // Научный Татарстан. – №. 1/2. – 2004. – С. 145-149) (Прим. ред.).

(Лавров, 1982, с.187). Следовательно, в данном случае речь может идти об одном из ханов бештавских (брагунских) кумыков. Родным городом этого хана считался Татар-Туб – Нижний Джулат (Гребенец, 1913), название которого, как правильно указывают ученые (Мизиев, с.111) восходит к названию племенного объединения Дуло или дулат, существовавшего еще среди гунно-булгар, т.е. предков борганов, владевших еще в раннем средневековье районами Северного Дагестана, Терско-Кумскими степями и Прикубаньем.

Из изложенного выше следует обычный для историка-этнополитолога вывод о том, что при монгольском завоевании, в Золотой Орде, кумыкам удалось отстоять свою некоторую этнополитическую самостоятельность и свой социально-политический уклад, выражавшийся не только в том, что их правители (шаухалы) согласно древней наследственной традиции, берущей свое начало еще у их гуннских предков в эпоху Ануширвана, отмеченной еще в Огуз-наме (вариант Муслихитдина Лари) (Kirzioglu, 1992, с.11-12) избирались народом, но и в том, что Кумыкия в составе Золотой Орды, как показывают источники, пользовалась некоторой административной автономией, сохраняла свое имя и экономику, свои города и правителей.

Однако этническая ситуация на Северном Кавказе и этнополитическое развитие кумыков в корне были дестабилизированы в период нашествия Тимура на Золотую Орду. Сведений, освещающих этот период истории кумыков, в источниках не так уж и много. Но известно, что в результате тимуровских походов на Кавказ историческая Кумыкия, границы которой в «Дербент-наме» определяются на севере городами Маджары, Джулат (Татар-Туп), на юге Анжи и Темир-Капы (Дербент) и сам кумыкский этнос были разгромлены, а земли опустошены. Складывавшаяся «хазаро-кумыкская феодальная народность» (выражение И. Пантюхова), включавшая в себя предков современных кумыков, балкарцев, карачаевцев, крымских татар была фактически расколота. Вполне возможно, что именно тогда и появились в обиходе этнические термины «арияк» и «берияк». Одна часть этноса (балкарцы, карачаевцы), оставив «плодородные земли от Азова до Дербента» («прикумские степи», «Бораган», «Кырк-Маджар», «Кумыкская равнина»), которые она занимала до этих событий, вынуждена была обустроиваться в ущельях Эльбруса, в бассейнах рек

Черек, Чегем, Бахсан и Кубань до того, как черкесы пришли в Кабарду, Об этом говорят зафиксированные в различных источниках многочисленные предания и сведения (Адыги, с. 330-337, 421, 429).

И, напротив, на покинутые ими «безымянные земли» «продвинулись» другие, в частности, адыгские племена, возглавляемые т.н. «черкесскими князьями» – этническими кипчаками (половцами), обретя здесь свою новую родину – Большую Кабарду (Адыги, с.407).

Воспользовавшись сложившейся ситуацией, наиболее крупная и подвижная часть адыгских племен – кабардинцы – после трагических событий на Центральном Кавказе в XV-XVI вв. начала интенсивно расселяться по всему Центральному Предкавказью, вплоть до реки Сунжи. Вот что писали кабардинские ученые XIX века: По сказаниям, кабардинцы встретили на новых местах *татарские (кумыки, балкарцы, карачаевцы – К.А.)* поселения, отодвинули их в степи или заперли в горных ущельях, а сами поселились на их местах. Из всех разнообразных рассказов можно сделать, таким образом, одно только несомненное заключение: кабардинцы (адыги) не были исконными жителями Кабарды, а откуда-то сюда переселились. Считается, что кабардинцы заняли эти места не раньше XV века или начала XVI века (Ртвеладзе, 1973, с.20-21; Нагоев 1974: 123). Начали переселяться с гор на плоскость и осетины (Берозов, 1980, с.11, 16). Но вскоре, в результате экспансии кумыков в северном направлении самые пределы расселения кабардинцев по берегам Сунжи стали значительно сокращаться, и восточные границы их стали пролегать в моздокских степях.

Какая-то часть (будущие «городские и горные крымские татары»), покинув прежние места в Татар-тубе, переселилась на полуостров Крым и Херсон. Об этом имеются сведения в позднесредневековой кумыкской (дагестанской) хронике «Дербент-наме» «отца кумыкской историографии» Мухаммеда Аваби Акташи, содержащей полный список городов исторической Кумыкии (Кавказской Хазарии). В этом списке наряду с городами Семендер (т.е. Тарху), Анджи, Эндирей, Ихран названы и Большой и Малый Маджары на р. Куме, Нижний Джулад (локализуется на правом берегу Терека, в районе г. Майского) и Шехр-и Татар (Татар-Туб локализуется на левом берегу Терека близ ст. Змейской РСО-А) (Шихсаидов, 1993, с.18). В нем сообщается сле-

дующее: когда был «разрушен этот город (Татар-Туб. – К.А.), его народ стал подвластен крымскому (татарскому) хану: большая часть крымского народа *вышла* оттуда...». Я.Рейнеггс пишет о городе Татар-Туб: «жители онаго, оставив жилища свои, поля, поселились в том месте, где ныне находится Херсон» (Дагестан, 1992, с.263). И далее: «Татарская история повествует, что они, наконец, завладели Тавридою и по имени предводителя называли они полуостров Кирым, сами же они, назвавшись по имени города своего Татара, татарами, также новое получили название и сделались известными под именем крымских татар» (Дагестан, 1992, с.263). Следует, однако, уточнить, что в Крым с Татар-Туба выселилась, очевидно, только часть этого кумыкско-татарского племени, известного у кумыков и крымских татар под именем «борагъан» (борган, баргын, барын). Его немецкий историк Тунманн называет «древней ордой, которая сражалась в 1396(7) за Тохтамыша против Тимур бега» (Тунманн, 1784, с.26). Часть же татарского населения области Бораган-Маджары, этнических кумыков после разгрома Тимуром города Маджар на Куме бежала, очевидно, на север, в Поволжье и Прикамье, о чем говорят многие факты, общность этнотопонимики, языковые данные. Город под названием Гиччи-Маджар существовал на Сулаке и на реке Чумлу (ныне Новоласковский район РД).

Другим последствием названных этнических процессов стало возникновение условий для проникновения и расселения их в притеречных, присунженских «безымянных землях» предков будущих т. н. равнинных чеченцев и ингушей (Багаев, 1961, с.67; Кобычев, 1977, с.184). В результате здесь произошло смещение вайнахского и кумыкского элементов. Этому доказательством наличие среди современных чеченцев более 20 тейпов, имеющих кумыкское происхождение (Гусейнов, 2001, с.20-24).

С вышеописанными процессами, очевидно, было связано и возникновение в низовьях Терека и т.н. постзолотоодынского кумыкского удельного владения – Кавказская Тюмень, правитель которого прозывался «тюменский шавкал» (Лавров, 1976, с.163). Правда, В.Н.Татищев идентифицирует это владение или провинцию с бывшим «*королевством Куманским*» (см.: Татищев 1979, с.172), а историк М.Г.Сафаргалиев твердо полагал, что Тюмень на р. Терек возникла на месте лагеря ханского

темника – начальника десяти тысячного гарнизона (Сафаргалиев, 2002, с.348).

Другим последствием нашествия Тимура стало отторжение от Золотой Орды ее южных областей («Гази-Кумуклук» и «Кайдак»), которые до 1443 г. находились под властью тимуридов. Эти области (Южная Кумыкия) Тимуром были отданы под управление своему сыну Миран-Шаху (Гоксе, 1979, с.15). С.Броневский со ссылкой на тимуровского историка утверждал, что кумыки, составлявшие сильное колено, покорились Тимур «вместе с коленом Мамкату» (Броневский, 1823, с.190-191).

Кумыкский историк Дж. Карабудахкентли, пользовавшийся ему доступными восточными источниками, также указывал: «После того, как Хромой Тимур одержал победу над ханом Тохтамышем, отделились южный Дагестан и его северная часть, а также другие города (области) Кавказа и подпали под власть его сына Мухаммада Амираншаха... Дербент и окружающие его места он (*Тимур – К.А.*) поручил своему сыну Амираншаху. Дагестан стал под властью Амираншаха, размещавшегося в Тебризе, и этот сын Тамерлана проводил (здесь) в Дагестане свои законы и свою политику» (Оразаев, 2001, с.54). Это подтверждается и нумизматическими данными. Так в Таджикистане была найдена редкая монета, чеканенная в Дербенте, на которой выбито: «Султан Махмуд-хан, да продлит Аллах его царствование, великий эмир Тимур» (Подольский, 1980). Видно, Дербент попал под сферу влияния тимуридов. Более того, признавая хозяйственно-экономическое и стратегическое значение Дербента, а также возможность использования этой крепости для прикрытия своих владений в Закавказье и Иране от нападений Золотой Орды, Тимур весной 1396 г., покидая Северный Кавказ, приказал воздвигнуть в Дербенте оборонительные сооружения и укрепить стены города (Тизенгаузен, 1941, с.124, 187).

Исторические данные позволяют утверждать, что кумыкские правители «колена Мамкату» и под властью тимуридов продолжали сохранять свой прежний статус и привилегии. Об этом свидетельствует все тот же Н. Шами, который пишет, что Тимур «утвердив за ними (эмирами кумыков – К.А.) область(!) и дав им ярлыки (!), отослал их назад». И в данном случае мы видим, что Тимур, решая вопросы престолонаследования у кумыков, впрочем, как и в других, хорошо известных из источников случаях, строго следовал динас-

тическому принципу. Известно, как и у остальных тюрков, у кумыков никто не мог претендовать на престол, если не происходил из рода «татарских шаухалов», т.е. чингизидов (Mehmet, XVIII).

Весьма показательно в этом плане то, что Иоанн де Галонифонтибус, архиепископ Султании (Иран), побывавший на Северном Кавказе в начале XV в., после известных событий, связанных с тимуровским нашествием, и последние годы проведенный в Крыму, «*среди провинций Великой Татарии*» называет и Кумыкию наряду с Куманией и Хазарией (Галонифонтибус, 1404), что лишний раз подтверждает наш тезис о сохранении кумыками и их правителями своей административной автономии и после тимуровского нашествия. И такой статус они, по всей вероятности, сохраняли до провозглашения своей независимости и образования Тарковского кумыкского государства (Девлет-и Шаухалие).

Как сообщают источники, вышеуказанное событие произошло после поражения и гибели Миран-Шаха в войне с туркменами Ак-Коюнлу в 846 г. х. или в 1442/43 г. и почти что совпало по времени с образованием независимого Крымского ханства во главе с Гази-Гиреем. Воспользовавшись сложившейся благоприятной ситуацией, кумыки «*избрали* себе хана из рода Чингиз-хана, которого величали по своему «шаухал» (Halim, 1871, с.11-16; Cevdet, 1309, с.279-280; Togan, 1961, с.352-354; Gokce, 1979, с.15).

Шаухалам, очевидно, удалось установить свою власть на обширном историческом этноареале расселения кумыкских племен. Им платили дань (ясак) почти все местные феодальные правители, как на это указывает Мухамед Рафи (Шихсаидов, 1993). В подвластную им территорию входили бассейны рек Кумы, Терека, Койсу-Сулака, вплоть до Дербента, где проходила граница бывшей Золотой Орды. Это отражалось и в титуле кумыкского шаухала. По сведениям Я. Рейнегса, кумыкский шаухал в старину носил титул «*главноначальствующего князя (царя – К.А.) и повелителя всего Кавказа и земли Тест-Кипчакские, даже до последних пределов Ширвана*» (Дагестан, 1992, с.265).

С момента возникновения независимого государства (сер. XV в.) шаухалы Тарковские берут на себя миссию собирания кумыкских земель и объединения всех разрозненных кумыкских феодальных владений и уже с

конца XV в. становятся крупнейшими владельцами Дагестана, положив начало существованию единого феодального образования с единым языком (къумукъ тил), единой территорией (Къумукъ Эл), единой материальной и духовной культурой. В рамках этого феодального образования уже к концу XVI – началу XVII в. и происходит окончательное завершение процесса формирования кумыкской феодальной народности с общим устойчивым этнонимом «Къумукъ» («Къумукъ-лукъ»). Последний в качестве этнополитонима и закрепился окончательно за государством шаухалов «Девлет-и Шаухалие» (Э. Челеби) – «Къумукъ» («Къумукъ Эл», «Къумукъстан»), а в русских источниках – «Кумыки», «Кумыкия», «Кумыцкая земля» («Шевкальство»).

И в заключение также отметим, что в силу не изученности этнополитической истории кумыков, к сожалению, Тарковское шаухальство в изданных в последние годы в Татарстане и Турции работах по истории тюрко-татарских государств не упоминается вовсе. Между тем оно, несомненно, является одним из постзолотоордынских образований, возникших в результате распада Золотой Орды, одним из прямых наследников ее прежних культурных достижений, в том числе единого письменного тюркского языка (тюрки), религии, традиций и заслуживает себе пристального интереса и углубленного изучения.

Примечания

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик, 1974.

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – начала XIX вв. – Махачкала, 1999.

Алиев К.М. Таргу-наме. – Махачкала, 2001.

Багаев М.Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость. Археолого-этнографический сборник. – Грозный, 1961.

Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость. – Орджоникидзе, 1980.

Броневский С. Новейшие исторические и географические известия о Кавказе. – М., 1823.

Валиходжаев Б. Али Кули Хан Валех Дагестани и его антология «Риёз ал-Шуаро».

«КНКО: Вести». – Вып. 2-3. – Махачкала, 2000.

Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа. Извлечения из «Книги познания мира». 1404. – Баку, 1980.

Гребенец Ф.Г. «Борга-Каш» // Терские ведомости. – 1913. – № 234.

Гребенец Ф. Курганы в окрестностях станицы Змейской // СМОМПК. – Вып. 44. – Тифлис. 1915.

Гусейнов Г.-Р. А.-К. «Тарковские юные молодцы» чеченских героических сказаний и проблемы этнической географии Северо-Восточного Кавказа XVI–XIX вв. // КНКО: Вести. – 2001. – № 2-3.

Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов. Составление, введение и предисловие В.Г. Гаджиева. – Махачкала, 1992.

Девлет-Мирза Шейх-Али. Рассказ кумыка о кумыках // Газета «Кавказ». – 1848.

Каяев А. Шамхалы // Советский Дагестан. – 1990. – № 3.

Каяев А. Материалы по истории лаков // Рукоп. фонд ИИЯЛ ДФ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.1642. Л.269.

Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. – М., 1977.

Карпини. – «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». – М., 1957.

Лавров Л.И. Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана. – М., 1976.

Лавров Л.И. Этнография Кавказа. – Л., 1982.

Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. – Махачкала. 1994.

Мизиев И.М. Шаги к этнической истории Центрального Кавказа. – Нальчик. 1986.

Нагоев А.Х. К вопросу о расселении кабардинцев // Археолого-этнографический сборник. – Вып. 1. – Нальчик. 1974.

Оразаев Г.М.-Р. «История Кавказа и селения Карабудахкент» Джамалутдина-Хаджи Карабудахкентского. – Махачкала, 2001.

Подольский А. Редкая находка // Советская Россия. – 1980. – 18 сентября.

Рашид ад-Дин. Сборник документов. – Т. II. – М.-Л. 1960.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. – М.: Инсан, 1996.

Татищев В.М. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский // Избранные произведения. – Л., 1979.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 1. – СПб., 1884; Т. 2. – М.-Л., 1941.

Ртвеладзе Э.В. К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в Центральные районы Кавказа // Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. – Грозный, 1973.

Тунманн. Крымское ханство (1784). – Бахчисарай, 1936.

Шахи Низамеддин. Зафер-наме. Азербайджан ва гоншу олкелерин тарихине даир игтибаслар. – Баку, 1992.

Шихалиев Д.-М. (Шейх-Али). Рассказ кумыка о кумыках. – Махачкала, 1993.

Шихсаидов А.Р.; Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. – М.: Наука, 1993.

Ahmet Cevdet. Kirim ve Kafkas Tarihcesi // Emel. – 1997. – № 221.

Halim Giray Sultan. Gulbin-i Hanan. – Istanbul, 1871. – Ve 1911.

Gokce Cemal. Kafkasya ve Osmanli Imparatorlugu'nun Kafkasya siyaseti. – Istanbul, 1979.

Gunes Mehmet. Evliya Celebi ve Hasim Efendi'nin Cerkezistan notlari. – Istanbul, 1973.

Mehmet Efendi. Risale-I Ahval-I Dagistan. Nuruosmaniye kutuphanesi, 3906.

Agat Nurettin. Bagimsiz Krim Hanlari // Emel. – Istanbul, 1961.

Erel Serefettin. Dagistan ve Dagistanli'lar. – Istanbul, 1961.

Kirzioglu Fahrettin. Kipcaklar. – Ankara, 1992.

Kirzioglu Fahrettin. Osmanlilar'in Kafkas-elleri'nin Fethi. 1451–1590. – Ankara, 1993.

Sami Nizammettin. Zafername. 2 baski. Cev. Necati Lugal. – Ankara, 1987.

Togan Zeki Velidi. Umumi Turk Tarihi'ne Giris. – Istanbul, 1961.

Wittsen N. Noord en Oost Tartarie. – Amsterdam, 1692.

Ибраһим хан ярлыгы һәм Манаш тархан нәсел шәжәрәсе

Казан университеты галиме, тарихчы Рафаэль Николаевич Степанов тарафыннан Мәскәүдәге Борынгы актлар архивында 1963 елда табылган Казан ханы Ибраһимның суйурган ярлыгы 1965 елда кыскача тасвирланып, искәрмәләр, тәржемә һәм сүзлекчә белән басылып чыккан иде (Госманов, Мөхәммәдъяров, Степанов, 1965).

Ярлык тексты инде ничә дистә еллар фәнни даирәгә билгеле булса да, аның текстын аңлату юлында хәзергәчә кыл кыймылдаткан галим күренми. Хәлбуки, фәндә тарихи чыганаclarга ихтыяж шактый зур күренсә дә, ул шулай кала килә.

Ибраһим хан ярлыгы искә алынган бер шәжәрә табылу турында Казан университеты археографлары моннан берничә дистә еллар элек хәбәр чыгарсалар да, аның кайда саклануы, тасвирлануы да мәгълүм булмыйча онытылды. Тик мәрхүм Альберт Фәтхинең ярлык искә алынган шәжәрә тексты Татарстан Республикасының Чирмешән төбәге Үтәмеш авылында табылды дигән, телдән әйткән сүзгә генә хәтерләрдә.

Безгә хәзер шушы читен эшкә кереп, тәвәккәлләп каләм тибрәтергә туры килә. Яңа табылган шәжәрә материалларына текстологик анализ уздырып, эшкә жәлеп итәргә булдык. Ярлык белән бәйләп карар өчен соңгы елларда матбугатта басылган, Казан өязенең тасвирлау кенәгәләре, татар эпитафия текстлары һәм тарихчыларыбызның хезмәтләре дә зур таяныч булды (Писцовая, 1987, с.239; Фәхретдинов, 1996, б.255; Ермолаев, 1980, б.261; Истории Татарии, 1937, с.503).

Ибраһим хан ярлыгындагы мәһим терминнарға карата:

Ярлыкның беренче юлында ук Ибраһим хан, — дип язылып, аның Казанда хан буларак идарә иткән еллары 1467–1479 елларга туры килә. Ибраһимның ханлык итү дәверендә Казан ханлыгының биләмәләре көнбатышта Сура, Ука, төньякта Нократ, Чердын жирләренә кадәр, көнчыгышта Агыйделнең һәм Чулманның кушылдыклары булган Буй, Тол, Танып елгалары бассейнына, көньякта Алтын Урданың Болгар олысы жирләрен Самара елгасы ярларына кадәр булган киң жирләргә эченә алган. Безгә мәгълүм булган Ибраһим

хан ярлыгы һәм Манаш тарханның нәсел шәжәрәләре дә шулай ук бик киң мәйданнардагы вакыйгалар, шәхесләр турында сүз алып барырга мөмкинлек бирәләр.

Гөл-Бостан-хатун, бу хатынга беренче мәртәбә ярлык Ибраһим хан һәм Мәскәүдәге ханнарға кадәр идарә иткән Хәйдәр-Гали-солтан тарафыннан бирелгән булган. Мәгълүм традицион урыс елъязмаларында Хәйдәр-Гали-солтан исемә телгә алынмый. Ул күпмедер урта гасырлардагы антропонимнар һәм топонимнарның үзенчәлегә белән бәйле. Без бу хакта беркадәр фикерләребезне элек тә игълан иткәнбез булды (Мәсәлән: Кара бәк, Олысби, Бикчура хан, Габдулла хан, Таштимер хан, Чирмеш ханы, Болгар ханы — алар барысы да Габдулла ханның төрле кушаматлары). Мәсәлән, Габдулла хан — Алтын Урдада — Сарайда хан булып торган кеше, ул Чыңгыз нәселеннән, хан булырга хокукы бар. Ләкин ул Туктамыш хан тарафыннан Болгар олысына фәкать Олыс бәге, Олыс бие, Элес бие дәрәжәсендә куела. шунлыктан халыктагы аты «Элесби» рәвешендә танылып китә. Кара бәк, Кара би шул ук Габдулла ханның Алтын Урданың төньяк өлешенә хужасы итеп танылуы билгесе: Бикчура хан, Габдулла ханның гаскәри бәк дәрәжәсендә булуын күрсәтә, Чирмешләр ханы — Габдулла ханны мыскыллап Болгар олысында чирмешчуашлар белән идарә итүче икәнненә кинәя. Соңгысы Хисаметдин Мөслиминнең «Тавәрихе Болгария» әсәренә кереп калган). Менә шул Габдулла ханның улы Гали биннең, Газый Угланның, Бәк улы Шаһзадәнең тулы мөселман исемә Хәйдәр-Гали-Солтан булган. Солтан булу өчен атаң хан булу, бәк булу тиеш. Урыслар өчен аның тулы исемә беркайчан да мәгълүм булмаган. Шуңа күрә аны алар «Газы», «Баков сын» (ягъни Кара бәк улы), Либий (ягъни Гали бий) дип беләләр (ПСРЛ, т.27, с.102; Атласи, 1993, б.197). Ә Гали биннең Гөл-Бостан-хатунга биргән ярлыгында ул үзенә исемә тулысынча язып калдырган. Ихтимал, Гали би бу ярлыгын 1430–40 еллар арасында биргәндер. Әгәр аннан да элек биргән булса, Гөл-Бостан хатун Ибраһим хан дәверенә кадәр яши алмаган булыр иде (ягъни 1467–1479 елларга). Мөхәммәт-Гали Мөхәммәт Газиз-хан, шаһ нәселе, Жанәкә-солтан нәселе — Гөл-Бостан-хатунның улы.

Ярлыкта аның да тарханлык алуы күрсәтелә. Аның элекке хужасы, ягъни Хәйдәр-Гали-солтан – Мөхәммәт-Гали Мөхәммәт-Газиз ханга ике тамга урман бүлэк итә һәм аның хокукы Хәйдәр-Гали-солтан ярлыгында да язылган булып, Ибраһим хан аның әлегә милкен үз ярлыгында да хужасына ныгытып бирә.

Ибраһим хан ярлыгында искә алынган Хәйдәр-Гали-солтан һәм Гөл-Бостан-хатун

«Манаш тархан шәжәрәсе» текстлары турында

Хәзерге көндә Манаш тархан нәсел шәжәрәсенә дүрт текст мәгълүм. Аларның һәркайсы үзенчә, кабатланмас факторларга ия. Мәсәлән, дүрт шәжәрәсенә берсендә генә нәселнең ханнардан килүен күрсәтүче бабасы Гали бай (бәй) исеменә кушылып йөрүче социаль термин белән берлектә бирелә. Башка версияләрдә ул гади генә «Гали» дип язылган.

Шәжәрә текстларының беренчесе нык таушалган, 1840 елдагы күчermәсе Оренбург өлкәсе Солтангол авылында Казан университеты профессоры Марсель Бакиров тарафыннан 1960 елларда табыла. Ул кулъязма хәзер текстологик эшләнеп, матбугат өчен хәзерләнде. Анда бүтән версияләрдәге шактый исемнәр очрамаса да, ул башка текстларның бөтенлеген билгеләргә ярдәм итә. Аны беренче текст итеп тәгаенләдек. Аның күчermәсе Г.Ибраһимов исемендәге Институт Мирахсансендә 99 кол., 1 тасв., 1055 акбер булып саклана. Икенче бер кулъязма текст 1790 еллардагы күчermә нигезендә 1926 елда Ризәтдин бине Фәхрәтдингә күчереп жибәрелгән. Аның бу күчermәсе галимнең Петербурктагы архивында саклана. Текст шуннан күчереп алынды. Шәжәрәне күчереп саклаучы Кенәле елгасы янындагы Гали авылында имам-хатыйб Мөхәммәтгариф Моради була. Беренче текстта I–VII буын һәм 55 исем күрсәтелә, икенчесендә XI буында 132 исем күрсәтелә.

Өченче текст Татарстан Республикасының Әлмәт төбәге Камы Исмагыйль авылы иске зиратындагы кабер ташына Манаш нәселеннән булган Зәкижан бине Мортаза Шаһгәрәев тарафыннан 1926 елда язылган. Ул – Камы Исмагыйльгә килеп имамлык иткән Манаш нәселеннән булган Әхмәтгәрәй Шаһгәрәй улының

исемнәре, аның Ибраһим ханнан ярлык алу тарихлары фәндә әлегә аз билгеле булган Манаш тархан шәжәрә текстларының кайберләрендә дә теркәлеп калып, Ибраһим хан ярлыгын Манаш тархан шәжәрәсендәгә нәселләр белән бәйләүгә юл ача.

эпитафик язмасы. Әлегә хәзрәт 1898 елның 19 декабрендә 72 яшендә вафат булган. Аның кабер ташындагы шәжәрә текст, өченче текст, түбәндәгечә: «Әхмәтгәрәй бине Шаһгәрәй бине Галиәсгар бине Фәйзулла бине Йосыф бине Дуст Мөхәммәт бине Рәжәб бине Галибай (бәй)». Бу нәселнең имамнарын Гали авылыннан чыккан дип әйтәләр. Әлегә ташка гарәп графикасында язылган текст 1997 елда Әлмәт энциклопедиясе ижади төркеме житекчелегә тарафыннан оештырылган археографик экспедиция эзләнүләре вакытында табылды (Әхмәтжанов, 2000, б.37).

Әлегә шәжәрәнең 8 буыны бар. Аның «...Йосыф бине Дуст Мөхәммәт... бине Галибай» чылбыры 1, 2 нче язма текстларда рәттән тора. Тик аларда урын башкача, анда Йосыф Дуст Мөхәммәтнең атасы итеп күрсәтелә һәм Дуст Мөхәммәт исеме кыскартылып «Дускәй» рәвешендә һәр ике кәгазьдәгә текстта язылганнар.

Галибай (бәй) исемнең Татарстан Республикасы Чирмешән төбәге Үтәмеш авылында табылган текстның борынгы бабалары рәтендә Гали антропонимы рәвешендә язылганлыгы мәгълүм.

Әлбәттә, таш куелган мәрхүм Әхмәтгәрәй кулында да шәжәрә булгандыр. Ләкин эпитафия язылган 1926 елда инде кызыл террор барганда, язучының үзе дә имам булганлыгын, шәжәрәсен белгәнлеген искә алып, бөтен кыйммәтле мәгълүматны күрсәткән өчен нинди куркыныч янаганлыгын Зәкижан хәзрәт бик яхшы белгән, шулай да шәжәрә чылбырын кыскартып булса да ташка язу ысулын тапкан.

Түбәндә Манаш шәжәрәсенә Гали авылында барлыкка килгән ике язма текстның укучыларга тәкъдим итәбез.

<i>I-текст</i>		35. Арслан	16
		36. Исәли .	16
		37. Иштун	16
		38. Котман	17
		39. Солтангыл	18
		40. Колыммәт	19
		41. Ягъфәр	20
		42. Мәхмүт	21
		43. Мөслим	22
		44. Йосыф	23
		45. Зау	25
		46. Кыйас	26
		47. ?	26
		48. Гаттар	27
		49. Гали	28
		50. Жәгъфәр	29
		51. Жәлкәй	29
		52. Габдел жәлил	30
		53. Ресмәткыл	32
		<i>VII буын</i>	
		54. Кунак	33
		55. Сөяргыл	34
Искәрмә			
Шәжәрә тексты кулъязмасы филология фән- нәре докторы Марсель Бакиров тарафыннан 1970 нче еллар башында Оренбург өлкәсендә уздырылган археографик-фольклор экспеди- циясе вакытында табылган. М.Бакиров ул шә- жәрә текстын риясез рәвештә безгә файдала- нырга биреп торды. Хәзер ул аның шәхси архивында саклана.			
Шәжәрәнең кулъязмасы бик начар сакла- нышлы, кәгазе коңгырт төскә керә язган, бер- ничә кисәккә өзгәләннгән 40х30 см зурлыктагы кәгазьгә имән кайрысыннан ясалган коңгырт кара белән язылган. Язулары уңу, кыршылу, ертылу сәбәпле уку өчен гаять кыен иде. Алар вак кына гарәп хәрефләре белән язылганнар. Шулай да соңыннан архивта табылган икенче текст мәгълүматлары бу иске кулъязма уку- лышының дәрәжә булганлыгын күрсәтте.			
Бу беренче текстта шәжәрәнең 1840 нчы елларда язылуы турында бер искәрмә бар иде.			
Марсель Бакировтан алынган шәжәрә тек- стының күчермәсе Мирасханәдә 99 коллекция, 1 тасвир, 105 саклау берәмлеге булып хисап- лана.			
Богырыслан өязенең Кенәле буенда мәкам кыйлгучы Тархан жәмәгатенең нәсәб хаты мәгълүм булурдыр:			
<i>I буын</i>			
1. Манаш			
<i>II буын</i>			
2. Сөләйман		1	
3. Киләй		1	
<i>III буын</i>			
4. Йосыф		2	
5. Қадер		3	
6. Йәмәк		3	
<i>IV буын</i>			
7. Арслан		4	
8. Дүскәй (кабере Курчаилдә)		4	
9. Сафай		4	
10. Бохарай		5	
11. Илкәй		5	
12. Бикташ		5	
13. Габдулла		5	
14. Муса		6	
<i>V буын</i>			
15. Әсхәт		8	
16. Ишмәмәт		8	
17. Үрәскә		8	
18. Бикмәт (Бикәш)		9	
19. Юлмәт		9	
20. Йосыф		10	
21. Хөсәен		11	
22. Тагай		11	
23. Илкәй		12	
24. ?		12	
25. Сәет		12	
26. Рәмкол		12	
27. Уразай		12	
28. Мөхәммәт		13	
29. Таңатар		13	
30. Зәет		13	
31. Исмагыйль		13	
32. Иманкол		14	
<i>VI буын</i>			
33. Исгыл		15	
34. Атнагыл		15	

<i>II текст</i>		38. Ишэле	21
Поколенная роспись тарханского рода Манашева.		39. Мокан	22
Бу шэжэрэне тэсдыйк кыйлган пичэтендэге елы 1800 нче ел 30 июне.		40. Ишти	22
Күчермэ алынды нижри 1344 милади 1926 нчы 30 гыйнвар.		41. Гали	23
<i>I буын</i>		42. Госман (Кэшин)	24
1. Манаш вафат		43. Миңлебай вафат	24
		44. Габделжәлил вафат	24
		45. Кайумбирди	25
		46. Хөсәен	27
		47. Ишмөхәммәт	28
		48. Әлмөхәммәт	28
<i>II буын</i>		<i>VI буын</i>	
2. Сөләйман вафат	1	49. Сәйедкыл	29
3. Тукай вафат	1	50. Иармөхәммәт вафат	30
4. Пулат вафат	1	51. Ишмөхәммәт	30
5. Киләй вафат	1	52. Миңнегыл	30
<i>III буын</i>		<i>VII буын</i>	
6. Йосыф вафат	2	53. Исхак	31
7. Кадер вафат	5	54. Собханкыл	32
8. Котби вафат	5	55. Габбас	32
9. Йәмәк вафат	5	56. Габдулла	32
<i>IV буын</i>		57. Габдерәхим	33
10. Әхмәт вафат	6	58. Чиракай вафат	34
11. Дускәй вафат	6	59. Ракай	34
12. Габдулла вафат	7	60. Солтанморад	35
13. Рәмкыл вафат	7	61. Йәсикәй	35
14. Әхмәт вафат	8	62. Солтанбик	35
15. Абай вафат	9	63. Габделжаббар	35
16. Муса вафат	9	64. Сәгыйд	36
<i>V буын</i>		65. Эзмәй	37
17. Атнагыл вафат	10	66. Морат хәзрәт	38
18. Атнагыл вафат	11	67. Абнай	39
19. Котманай вафат	11	68. Фәйзулла	40
20. Котлыгош вафат	11	69. Фәтхулла	40
21. Ишмәт	11	70. Сәгыйд	41
22. Ишбулат	11	71. Халид	41
23. Мөхәммәт вафат	12	72. Габид	41
24. Уразмәт	12	73. Хәлил	41
25. Бигәш	13	74. Бәкер	42
26. Фәррәх	14	75. Габделжәгъфәр	42
27. Әсәкәй вафат	14	76. Габделжаббар	43
28. Йулдаш	15	77. Мөхәrrәм	45
29. Йулбарыс	15	78. Гайсә	45
30. Имангыл вафат	16	79. Зайсан	45
31. Сийәргыл вафат	17	80. Мөхәммәд	45
32. Чувай	18	81. Дәмин	45
33. Шәриф вафат	19	82. Мәкам	46
34. Котби	20	83. Мәкәй (Рәшит)	46
35. Биккол	20	84. Жыендык	47
36. Арслан	21	85. Сыендык	47
37. Ишкилде	21	86. Илгәрәй	47
		87. Илназыр	47
		88. Азамат	48

89. Шәмсетдин	48
90. Габделлатыйф	52
91. Габдеррафикъ	52
92. Габделвәли	52

VIII буын

93. Рәхмәтулла	57
94. Рәхмәтулла	58
95. Гайнулла	59
96. Фәйзулла	59
97. Габделвахид	61
98. Габделлатыйф	61
99. Габделнасыр	61
100. Габделмәннан	61
101. Салават	64
102. Халид	64
103. Йуламан	64
104. Фазый	64
105. Әмин	65
106. Зәбир	65
107. Габидулла	65
108. Зәбир	65
109. Ногман	66
110. Котлызаман	66
111. Исмагыйль	66
112. Имам Котлуг-Әхмәт	66
113. Ибраһим	66
114. Габделмәннан	66
115. Рафикъ	66
116. Мифтахетдин	66
117. Рәшит	83
118. Габделмәннаф	92

IX буын

119. Гобәйдулла	104
120. Имам Хөснетдин	112
121. Мөхәммәдгалим	112
122. Мөхәммәдвәли	112
123. Шәрәфетдин	112

X буын

124. Ярулла	121
125. Мөхәммәтхарис	121
126. Мөхәммәтвагыйз	121
127. Мөхәммәтсалих	121
128. Мөхәммәттакий	121
129. Мөхәммәтсафи	121
130. Габделвәли	121

XI буын

131. Имам Мөхәммәтгариф	125
132. Мөәзин Мөхәммәтшафигъ	127

Бәгъзе берләренең исемнәре язылмауның сәбәбе исә, бу шәжәрәне бер вакыт илә агалары карап утырганда, арадан берсе ачуы илә ертып ала да бирми. Ул кисәк кәгазе табылмый.

Күчереп алынды: 1926 нчы сәнә-и миладия, гыйнвар 30да.

Самар губирнасы Богырыслан өязе Куратовский вулост Гали «Алкин» карийәсе.

I нче мәхәлләдә имам-хатыйб Мөхәммәтгариф Моради.

Күчермә саклана Гали карийәсендә аерылган «Салих» авылы мөәзине Гозаметдин Гыймадетдин углында. Бу шәжәрәнең күчермәсендә Ишмәт углы Арслан гына язылган иде. 1912 нче елдагы күчермәдә Ишмәтнең 3 углы барлыгын күрсәтә. Ишәли Морад хәзрәт атасы, 2 – Ишкилде, 3 – Арслан 1915 нче елдагы күчермә Морат хәзрәтнең 8 углы барлыгын күрсәтә. Шул сәбәбле Морат хәзрәтнең дә угылларын яздым һәм дә үземнең бабаларымыз язып – бән имам Мөхәммәтгариф Мөхәммәтхарис углы Моради дийә күрсәтә.

Искәрмә

Шәжәрәнең тексты Россия Фәннәр академиясе Көнчыгышны өйрәнү институтының Санкт-Петербург бүлеге Көнчыгышны өйрәнүчеләр архивыннан, 131 ф., 1 тасвир., 32 сак. берәмлегеннән алынды. Ул 26,2х33,5 см зурлыктагы ак кәгазьгә кара кара белән язылган. Аерым искәрмәләр шәжәрә тексты эченә кертелмичә аның кырларына теркәлгәннәр. Шәжәрә таблица рәвешендә, исемнәр төзек түгәрәкләр эчендә бирелгәннәр. Түгәрәкләр берберсенә төзек һәм сындырылган төзек сызыклар белән тоташтырылганнар.

Шәжәрәне күчереп саклаучы Кенәле елгасы буендагы Гали Алкин (әүвәлге Самара губернасы, Богырыслан өязе, Куратовский волосте) авылындагы I нче мәхәллә имам-хатибы Мөхәммәтгариф Моради була. Шәжәрә 1926 елның 30 нчы гыйнварында күчерелгән. Асыл нөсхә Гали авылыннан бүленеп чыккан «аерылган Салих» авылы мөәзине Гозаметдин Гыймадетдин углында калган. Асыл нөсхәдә 1800 елның 30 июнендә сугылган мөһер аның инде шул елдан да язылуын күрсәтә.

Дүртенче шәжәрә версиясе

Манаш нәселе шәжәрәсенә дүртенче версиясе кәгазьдә язылган, аның төп нөсхәсен күрергә туры килмәде әле. Бу текст борынгылыкны чагылдыру ягыннан калган версияләрдән тулырак. Аның сәхифәләрендә Кенәле буендагы Галибай исеме дә, Казан артында Түбән Оры авылында тарихта исеме калган Котлыгыл да бар, гомумән, бу текстка конкретлык житми, төп асыл нөсхәсен карау кирәк. Шунлыктан Үтәмештә табылган текст якынча гына файдаланылды.

Манаш нәсел шәжәрәсенә Үтәмеш авылында табылган нөсхәсеннән бер фрагмент

№	буыннар тәртібе аталар исем	Атасының тәртіп саны
1.	<i>I буын</i> Шәйхелхаж	
2.	<i>II буын</i> Әлфар	1
3.	<i>III буын</i> Әлхәмед	2
4.	<i>IV буын</i> Әлфәс	3
5.	<i>V буын</i> Гали	4
6.	<i>VI буын</i> Солтан = Гөлбостан	5

7.	<i>VII буын</i> Манаш (Миңәш)	6
8.	<i>VIII буын</i> Жөнәй	7
9.	<i>IX буын</i> Котлыяр	8
10.	Кодаш	8
11.	<i>X буын</i> Бәхтияр	9
12.	Котлыгош	9
13.	Әлмәнтай	9
14.	<i>XI буын</i> Ишмәт	10
15.	Котлымәт	12
16.	Туча	13
17.	<i>XII буын</i> Әләм	14
18.	Йосыф	15
19.	Бикмәт	15
20.	Колчура	15
21.	Әбкә	15
22.	<i>XIII буын</i> Гомәр	17
23.	Мортаза	18
24.	Сәлимжан	18
25.	Исмәгыйль	18

Манаш нәсел шәжәрәсенә карата

Ибраһим хан тарафыннан бирелгән ярлык текстыннан һәм Үтәмештә табылган шәжәрә текстыннан аңлашылганча, Гөл-Бостан-хатунның улы Мөхәммәт-Гали, Мөхәммәт-Газизхан, шәжәрә материалыннан чыгып караганда, Манаш булып чыга.

Манаш нәселе вәкилләренең тарихына кагылышлы хәбәрләр әүвәл Кама елгасының уң як ярындагы жирләрдә бара. Ләкин анда аларның кайдан килеп чыгулары аңлашылмый. Моңа төшенү өчен яңа чыганаclar кирәк. Алар бөтенләй үк юк түгел, ахыры.

Әйтик, Манаш нәселенә эзләре аның буыннары яшәгән Казан артындагы татар авылларында да сакланып калган. Мәсәлән, Казан артындагы Арча төбәге Түбән Оры

авылына 1616 ел чамасында Нократтан килеп утырган Хужа Сәйетевләргә кадәр Котлыгыш нәселе хужа булып торган. Түбән Ордан алар Талнамаз (Тыңламас), хәзерге Александров исеме белән мәгълүм Арча янындагы авылда яшәгәннәр¹.

Манаш нәселеннән булган казаклы татар Булат Манашев Күгәрчен авылыннан (хәзерге Татарстан Республикасы Балык Бистәсе төбәге Күгәрчен авылы) булып 1613 елда Кинель (Кенәле) елгасы буйларын кондыз аулау һәм бал кортлары тоту өчен биләмәне ярлык белән

¹ Бу мәгълүматлар мәкалә авторының 1973 елгы археографик экспедициясе вакытында язып алынган иде.

алган (Габдуллин, Роднов, 2003, с.106; Габдуллин, 2006, с.219-220). Булат Манашев үзе 1618 елда Арзамас янында черкаслар белән сугышта һәлак булган. 1618 елда Күгәрчен авылынан булган Булат Манашевның туганы казанлы татар Килэй Манашев Кинель (Кенәле) елгасы буенда кондыз аулау һәм бал жыйнау хокукына тарханлык ярлыгы алган (Габдуллин, Роднов, 2003, с.100). Шулай ук елда Килэй Манашев Күгәрчен авылынан ерак булмаган Чаллы шәһەرлегә янында утар һәм жирләргә хужа булу хокукын ала.

Килэй Манашев 1652 елда хәзерге Татарстан Республикасы Балык Бистәсе төбәгенә көнчыгыш өлешеннән агып уза торган Шимбут елгасы кушылдыклары булган Мешлэк һәм Мәме инешләре буйларында жирләр биләп яшәгән (Писцовая, 2001, с.210). Манашевлар нәселеннән булган казаклы татар Келбис Манашевның XVII гасыр уртасында Яңа Мәләш (хәзерге Актаныш төбәге) авылында колы яшәгән (Габдуллин, Роднов, 2003, с.302).

Манашев фамилиясе вәкилләре бүтән төбәкләргә дә таралып яшиләр. Мәсәлән, Оренбург өлкәсе Әсәкәй төбәге Әсәкәй авылында морза Габделвәли Габденнасыр улы Манашев яшәгән, Башкортстанның Шаран төбәге Кыр Елан, Тархан авылларына да Манашевлар килеп төпләнгәннәр (Габдуллин, 2006, с.219-220).

Сөләйман Манашевның 1690 елда Казанда хезмәттә булган улы Йосыфның Мәме Казак Чаллысы авылында (Жөри даругасында) утары була (Габдуллин, Роднов, 2003, с.100). Шулай ук аның Кинель (Кенәле) елгасы кушылдыклары Кинель, Кинельчек, Савруш, Аманак, Зычи елгалары буйларында биләмә жирләре булган (Габдуллин, Роднов, 2003, с.100).

1690–1691 елларда Кинель (Кенәле) елгасы буендагы Килэй Манашев биләгән жирләренә ярлык белән казаклы татар Ишәй Тохтаровка биреләр. Ишәй-Килэй Манашевның туганнан туган апасының улы (Габдуллин, Роднов, 2003, с.100).

Кинель (Кенәле) елгасы буйларында Манашев һәм аның улы Сөләйманнан башлап Сөләйманов фамилиясен йөрткән кешеләр социаль хәлләренә карап асаба башкортлар дип йөртелә башлыйлар (Габдуллин, Роднов, 2003, с.100).

Манашев һәм аның улы Сөләйман исемен фамилия итеп йөртүчеләренә күбесе Кинель (Кенәле) елгасы буенда Гали авылындагы шәжәрәләргә язылмаганнар. Алардан күренгәнчә, хәтта ки Манашның бертуганнарының исемнәре дә нәсел шәжәрәсендә күренми.

Гали авылында Манаштан туган өч буынның гына исемен һәм нәселен яхшы белгәннәр, Казан ягындагы Манашка хәтле бабалар һәм ул якта калган нәсел тармаклары онытылган.

Галидә Гани бәйне генә онытмаганнар дип әйтергә мөмкин. Чирмешән төбәге Үтәмеш авылында сакланган шәжәрә пакеты Манашның Гали шәжәрәләрендә күрсәтелмәгән Жөнәй исемле улына карый. Әлбәттә, Үтәмеш кулъязма текстында да буталулар булса кирәк. Ләкин бу текстта Түбән Оры авылында яшәгән Котлыгол нәселе тармаклары күренә. Шулай ук бу нөсхәдә Ибраһим ханнан ярлык алган Гөл-Бостан-хатун исеме дә язылган.

Манашевлар шәжәрәсе тарихыбыздагы тагын бер караңгы сәхифәне ача. Аларның иң борынгы нәсел башы булып Галибай (бәй) тора. Бу Галибай хронологик исәп белән XVI гасыр урталарында Кенәле суы буенда яшәгән. Шуңа күрә Казанда хөрмәттә булган Манашевлар Кенәле буендагы бабалары жирләрен үзләренә вотчина итеп калдырырга тырышканнар. Галибай биләмәсеннән ерак түгел, Болгар шәһәре белән Кенәле елгасы арасындагы Майна елгасы буенда (тамагыннан ерак түгел) Аптынбай болыннары 1621 елның 10 апрелдә чукуыган татар князьләре Асановларга бирелә (Жалованная грамота, 1937, с.169-170). Бу очракта Нугай Урдасы морзаларының 1576 елда санап киткән «Алибаев и Алтынбаев юрт и Болгарский царев юрт» атамаларына (Исхаков, 2004, с.123) аңлатма бергә мөмкинлек ачыла.

Беренчедән, боларны Казан ханлыгы төзелгә тәэсир иткән Галим бәк, Алтынбәк һәм Габдулла ханга бәйләп карар өчен мәгълүмат житми. Чөнки Аксак Тимердән соң да Болгар шәһәре әле 1431 елга яшәвен дәвам итә.

Икенчедән, Гали бай белән Алтынбайны Габдулла хан, яки башка берәр хан балалары белән якынлаштыру – мөшкел эш.

Манашевлар шәжәрәсе буенча, аларның ерак бабасы Галибай – хан да, солтан да түгел. Алтынбай турында да шул фикерне белдерергә мөмкин. Хәтта аның шәжәрәсе дә юк. Болгар шәһәреннән дә 1395–1396 еллардан соң жетәкче шәхесләр мәгълүм түгел.

Гали бай белән Алтынбай йортлары Урта Иделдә Аксак кыргынында исән калган шәһәр кешеләре тупланып караган урын булырга мөмкин, ләкин анда алар ныклап тамыр жәеп китә алмаганнар. Бәлки Гали авылы, олы су юлларынан ерак булуы сәбәпле, шул туздырылган шәһәрләрдән күчеп килгән татарлар

тырышлыгы белән торгандыр. Алтынбай нигезе Иделгә якин булганлыктан, ушкуйниклар

һәм юлбасар Дон, Жигули казаклары тырнагыннан котыла алмыйча юкка чыккандыр.

Шәжәрәнең тарихи кыйммәте

Манаш шәжәрә текстлары Ибраһим хан ярлыгы белән бәйләлектә Казан ханлыгы тарихына һәм, гомумән, Урта Идел тарихына бик мөһим яңа мәгълүмат өстиләр.

1. Казанда 1445 елда үтерелгән Гали бәйнең, башка Казан ханнары кебек үк, мөлкәт мәсьәләсендә тарханлык ярлыклар биргәнлеге яңалык булып тора. Аларның бу ярлыклары соңгырак алышынган ханнар тарафыннан расланып, яңартылып бирелгәннәр. Ибраһим хан тарафыннан расланган Хәйдәр-Гали-солтан, шул ук Гали бәй тархан ярлыгыннан аңлашылганча, андый ярлыклар ханнар нәселеннән булган кешеләргә дә бирелгән.

2. Хәйдәр-Гали-солтан үзенең хозурында башка татар ханнарының балаларын да тоткан (Манаш нәселе).

3. Манашевлар нәселенең кинәттән генә Нугай Урдасы биләмәсенә кереп, анда Кинель (Кенәле) елгасы һәм аның тармак елгалары буйларында кондыз аулары, кортчылыкларынан бал жыйнап яшәүләре аларның бу тирә далалар белән күптән танышлыгын сөйли. Нәселләрендә шаһ нәселе булып ярлык алган Мөхәммәт-Гали Газиз хан, шаһ нәселенең биләмәләре әүвәлдә Болгар олысы өлкәсенә караган Алибаев йорт түгелме икән, дигән сорау туа. Шул жәһәттән чукуынган татар князе Яков Асановның 1621 елның 10 апрелендә Кама аръягында, Нугай илендә, Майна елгасы тамагын, Үрән елгасы буйларын һәм Алтынбай болынын биләргә алынган ярлыгы кызыклы.

Бу жирләргә ярлыкны чукуынган татар князе Яков Асан морза 1596/97 документ ясап алган була. Анда кондыз аулау, бал кортлары чолыклары балык тоту урыннарыннан табыш алган. Әлегә Майна тамагындагы Алтыбай (Алтынбай) болыннары да әлегә чукуынган татар князгә калган. Аңа хәтле бу жирләр аның атасы Әсән морза князь биләмәләре булып торган (Писцовая, 2001, с.210).

Шунысы игътибарга лаек, Манашевлар кебек, Әсән морза князь дә Казан арты Жәри даругасында Норма елгасы (һәм авылында да – М.Ә.) буенда жирләр биләп торган булган (Писцовая, 2001, с.210).

Нугай морзалары язган Алибаев һәм Алтынбаев йортлары, Болгар олысы өлкәләре, шушы урыннар, мәйданнар булмады микән,

дигән фикер кала. Чөнки Урта гасыр европалылар сызган карталарда әле XVII гасырда да Болгар олысы карта-схемасы төшерелеп йөртелгән.

Өстәмә

Гали авылы бүгенге Самара өлкәсе Похвистнев районына керә. Похвистнев 1947 елга хәтле татар авылы Котлыгош дип йөртелгән. Жирле татар халкы аны бүген дә Котлыгош дип атый. Аны Манашевлар нәселеннән Котлыгош тархан нигезләгәнә бәхәс уятмый.

Искәрмәләр

Госманов М., Мөхәммәдъяров Ш., Степанов Р. Яңа ярлык // Казан утлары. – 1965. – № 8. – Б. 146–150.

Писцовая книга Казанского уезда 1602–1803 годов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1978.

Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. – М., 2001.

Фахретдинов Р.Г. Татар халкы һәм Татарстан тарихы. – Казан: «Мәгариф» нәшр., 1996.

Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980.

История Татарии в документах и материалах. – М.; Государ. соц. эконом. изд-во, 1937.

ПСРЛ. – Т. 27. – М.-Л., 1962.

Атласи һади. Себер тарихы. Сөембикә. Казан ханлыгы. – Казан, 1993.

Әхмәтжанов М. Үлгәннәрнең каберен бел. Әлмәт төбәге эпиграфик истәлекләре. – Казан: «Мәгариф» нәшр., 2000.

Габдуллин И., Роднов М. К истории формирования населенных пунктов Альметьевского региона в XVIII–XX вв. // Әхмәт-Альметьевск. – Казань, 2003.

Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. – М., 2006.

Жалованная грамота князьям Асановым, 10 апреля 1621 г. // История Татарии в материалах и документах. – М., 1937.

Исхаков Д. Еще раз о казанских князьях рубежа XIV–XV вв. // Проблемы истории Казани: современный взгляд. – Казань, 2004.

Себер ханлығын яулап алуға яңа караш

Барлык рус һәм совет энциклопедияләрендә диярлек Себер ханлығын яулап алучы итеп казак атаманы Ермак күрсәтелә, рус тарихчылары да дүрт гасыр буе шуны исбатлап яздылар, соңгы елларда исә бу турыда кино-фильмнар төшерелде, Себердә һәм Россиянең башка урыннарында аңа һәйкәләр куелды. Әмма бу дәрәжәгә туры килмәсе соң, Себерне буйсындыручы, чыннан да, Ермакмы яки бу хакыйкәтне яшерер өчен уйлап чыгарылган ялганмы?

«Татар энциклопедик сүзлеген»нән күренгәнчә, «Себер ханлығы 15 йөзнең 20-нче елларында барлыкка килә һәм 1598 елда, Күчем хан үтерелгәннән соң, мәстәкыйльлеген югалта һәм рус дәүләтенә буйсындырыла», диелә (Татар энциклопедик сүзлеген, 2002, б.558). Ермакның Себергә яу чабуы исә кайбер тарихчылар язуы буенча 1581 елның 1 сентябрендә башлана («Есиповская летопись») Миллер Г.Ф., «История Сибири», Шеглов И.В. «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири», Хади Атласи «Себер тарихы» һ.б.), кайберләренең язуы буенча бу поход 1582 елның 1 сентябрендә башлана. (Скрынников Р.Г. «Сибирская экспедиция Ермака», Габдельбар Файзрахманов «История сибирских татар с древнейших времен до начала XX века» һ.б.). Ермак кайбер тарихчылар язуы буенча 1584 елның 5-6 августында, кайберләре язуынча – 1585 елның 5-6 августында Вагай елгасының Иртышка коя торган урынында Күчем хан яугирләре тарафыннан үтерелә.

Ни булса да, Ермак Себердә нибары 3 ел була, Наполеон Мәскәүгә алган кебек, Себернең башкаласы Искәрне генә кулына төшерә, Күчем хан исә казак атаманы үтерелгәннән соң да 15 елдан артык кулына кылыч тотып урыс гаскәренә каршы сугыша. Тагы да тулырак итеп әйткәндә, Күчем ханның исеме бары тик 1601 еллардан соң гына елъязмаларда күрсәтелми башлай, шулай булгач, аның үлеме дә 1598 елда түгел, 1601 елларда гына булган булырга тиеш. Димәк Күчем хан, Ермак үтерелгәннән соң да әле 15 елдан артык үз дәүләте өчен көрәш алып бара, әмма бу көрәш инде казак атаманы Ермакка каршы түгел, урыс регуляр армиясенә каршы була. Ягъни, озак

еллар буе Себер ханлығы белән Россия дәүләте арасында канкойгыч сугышлар бара, татарлар өчен бу илне һәм жирне бирмәс өчен азатлык сугышы булса, руслар өчен, Россия өчен яулап алу сугышы була.

Хәер, Ермакка кадәр дә Россиянең Себерне кулга төшерергә ныклы нияте була, бу турыда тарихи документлар сөйли. Россия патшасы Иван IV үзе хужа булмаган Урал-Себер жирләрен 1558 елда ук урыс байлары Строгоновларга таларга рөхсәт бирә. 1574 елның 30 маенда исә ул Күчем хан биләмәләренен, ягъни, чит дәүләт булган Себер ханлығының зур өлешен жалованная грамота нигезендә шул ук Строгоновларга бирә, аларга анда крепостылар салырга, кораллы сакчылар тотарга, тимер эшкәртەرгә, иген чәчәргә рөхсәт итә һәм себер халкыннан ясак жыеп, аны үзенә китертергә боера (Бахрушин, 1955, с.93) һәм болар өчен Иван патша Строгановларны 20 елга барлык салымнардан азат итә! Югыйсә бу бит Күчем ханның урыс патшасы белән тыныч яшәү хакына, үз халкыннан өзеп, Мәскәүгә һәр ел саен мең кеш тиресе ясак түләп торган чаклары! һәм шул ук вакытта Явыз Иванга: «Тынычлык теләсәң – тыныч яшәрбез, сугышырга теләсәң – сугышырбыз», – дип хат язган еллары...

Ә Иван патшага Себер тулысынча кирәк була һәм ул сугышка әзерләнә. Строгановлар экспанциясе аша Себерне яулап алуның беренче этабы башланса, Ермак аның дэвამы гына булып тора, ә Россиянең регуляр армиясе исә бу мәкерле эшнә азагына житкәрә. 1570 елларда Строгановлар Урал-Себердә 8 миллион десятина жирләргә ия булалар, бу тирәләрдә Соликамски, Конкор, Орел-Каргедан, Чусовой кебек таш калалар салдыралар, бандит казакларны яллап, хәзергә ханты-манси жирләренә хәтле һөжүмнәр оештыралар, алар таламаган бер генә авыл да калмый, һәм, әлбәттә, Күчем хан да, Мәскәү белән тынычлык хакына, дип, күрәлтә илен талатырга теләми һәм 1573 елда үзе Строгановларга каршы яу чыга, урысларга ясак түләүне туктата.

Ул арада Урал аръягына, Строгановлар янына Ермак юлбасарлары килеп чыга, аларның Идел буенда оештырган канлы суеш-

лардан соң патша гаскәреннән качып йөрүләре була. 1577 елның жәендә фарсы иленә баручы урыс илчелеген талаганы һәм илче Карамышевны үтереп, Россия патшасының фарсы шаһына дигән бөтен бүләкләрен үзенә алганы өчен Иван IV Ермакны һәм аның башкисәрләрән үлем жәзасына хөкем итә (Миллер, 1999, с.335). «А те атаманы и казаки преж того ссорили нас с Ногайской ордою, послов ногайских на Волге на перевозех побивали, и ордобазарцев грабили и побивали, и нашим людем многие грабежи и убытки чинили; и им было вины свои покрыти тем, что было нашу Пермскую землю оберегать, и они зделали с вами вместе по тому ж, как на Волге чинили и воровали...» (Миллер, 1999, с.335). Пермь жирләрән сакламаган очракта, Иван патша Ермакны һәм аның казакларын асып куярга боера.

Әмма Ермакның «Себер ханлыгын яулап алуы» турындагы хәбәрән ишеткәч, Иван IV үзенә Ермакка карата булган фикерен капмакаршыга үзгәртә. «...взял Сибирское царство, победил о обратил в бегство хана Кучума, многих татар, остяков, вогулов привел к шерти быть под царскую руку и давать им ежегодно ясак», – дип мактанып яза Ермак Рәсәй патшасына хатында. Ермак атаманы Иван Кольцо аның бу хатын 1583 елның язында Иван патша кулына китереп тоттыра. Әле күптән түгел генә үлем жәзасына хөкем ителгән Иван Кольцоны да, аның янындагы казакларны да Рәсәй патшасы асып куймый, киресенчә, башкисәр Ермак өчен дип, үз өстеннән тунын салып бирә, аңа сугыш көбәләре бүләк итә, башкаларны да мул бәхилләтә. Ул гына да түгел, Иван патша Ермакка ярдәмгә дип, воеводалары князь Семеон Болхонский һәм Иван Глуховны, 500 кешелек кораллы гаскәр белән Себергә озата, аларга христиан дине әһелләре, эрхәриләр һәм поплар да кушыла, бу тәре походына соңрак Уралда Строгоновларның 300 кешелек сугышчылары да өстәлә (Сибирские летописи, 1907, с.346).

Инде тарихтан билгеле булганча, Ермак ул вакытта Себерне ала алмый, бары тик ханлыкның башкаласы Искәрне генә кулга төшерә һәм якин-тирәдәге шәһәр-авылларны талый. Беренче кышта ук Искәрдә чолганышта калып, аның ачлыктан күп кешесе кырыла, көзен Мәскәүдән килеп кушылган мең кешелек гаскәр һәм чиркәү чирүе Ермакның хәлен җиңеләйтсә урында, алдагы салкын кышта тагы чолганышта һәм азыксыз калып, бөтенләе белән кырылып-үлеп бетә, аларның үлемендә

Ермакның да гаебе зур була. Искәр һәм Карача шәһәрләрендә чолганышта калган урыс гаскәре, христиан руханилары шул хәтле хәлгә килеп житәләр ки, алар хәтта бер-берләренә мәетләрен ашып башлылар.

Бу хакта Себер елъязмалары хәбәр итә. 1585 елның жәендә исә Ермак бөтен көчен куеп Себердән чыгып качарга омтыла, ул елга юлы белән көнбатышка да, төньякка да ыргылып карый, әмма аны татарлар бер яктан да чыгармыйлар һәм Ермак гаскәре белән Искәрдән ерак түгел үлемен таба... Искәрне саклап калган воевода Иван Глухов һәм казаклар 1585 елның 15 августында аны ташлап, шәһәргә үт төртеп качалар, Обь һәм Печора елгалары аша Рәсәйгә кайтып егылалар (Сибирские летописи, с.299). Күчем хан исә вакытлы гына калдырып торган башкаласына яңадан кайта һәм ханлык белән идәрә итә башлый.

Күрәбез, башкисәр Ермак Себерне ала алмаган, бары тик юл өстендәге авыл һәм калаларны талау һәм жирле халыкны үтерү, аларны көчләп чукуындыру белән генә шөгыльләнгән. Әмма Котыптан кыпчак далаларынача жәелгән, Урал тауларыннан Бараба далаларына кадәр таралып яткан Себер иленә аның кулы житмәгән, анда әле озак еллар буге татарлар хужа булган. Тик урыс гаскәре дә Ермакның артыннан бастырып Себергә килеп житкән, алар инде бу бай һәм иркен жирләрне югалтырга теләмәгәннәр. Шулай итеп, Себер өчен дистә елларга сузылган канлы сугышлар башланып киткән. Әле 1585 елның көзендә үк, Мәскәүдән Себергә воевода Иван Мансуров гаскәре жиберелә, ул Котыпта урыс кәлгәсә төзи, 1586 елны воеводалар Василий Сукин, Иван Мясной һәм письменный голова Данила Чулков гаскәр белән Себергә килеп житәләр, алар борынгы татар шәһәрләре Чимги-Тура һәм Тубыл-Тура өстендә Төмән һәм 1587 елда Тобольск хәрби кәлгә-калаларын салалар. Ул арада Котыпта, элеккеге Пелым князлеге урынында Пелым, Березов, Сургут калалары калкып чыга, 1594 елда исә Күчем ханның Ялым-Тора шәһәре урынында урысларның Тара каласы барлыкка килә (Миллер, 1937, с.355). Татарларның төп су юллары булган Иртыш һәм Тубыл, Тура һәм Тара, Обь елгалары буена урнашкан бу урыс калалары тиз арада көчле хәрби крепостьларга әйләнәләр, Себерне тулысынча яулап алу буенча төп таяныч ролен үтилә.

Шунысын да онытмаска кирәк, Себер жирендә бу хәрби крепостьларны төзү һәм саклау урыс гаскәре ярдәмендә башкарыла,

шул ук вакытта яулап алынган жирле халыкларны файдалану очраклары да була. Әйттик, 1594 елның башында князь Андрей Елецкий житәкчелегендә Мәскәүдән Себергә озатылган 147 кешелек жәяүле урыс гаскәренә Казаннан 100 атлы татарны, Урал башкортларыннан 300 атлы жайдакны алалар, аларга башлык итеп чуқынган татар Мамлы Мальцев билгеләнә. Моңа өстәп тагы Лаештан һәм Тәтештән иллешәр поляк тоткыны, Казаннан тагы илле татар Мәскәү гаскәренә килеп кушыла. Себергә килеп житкәч исә бу гаскәр тагы да зураеп, аңа тагы йөзләгән казак, урысларга хезмәткә күчкән йөздән артык Тубыл татары, Төмән шәһәрәннән дистәләгән литвалы һәм чәркәсләр, жирле вогул-остяклар кушылып, Тарага килеп житкәндә меңнән артык сугышчыны хасил итәләр, шуларның яртысы татар-башкорт була (Тарская мозаика, 1994, с.7).

Күчем ханга дистә еллар буге менә шулай берничә фронтта – Себергә дәрәя булып агылган урыс регуляр армиясенә, аларга килеп кушылган сатлык милләттәшләренә һәм форсаттан файдаланып, арттан Искәргә бәрәп кәргән казак солтаннарына каршы да көрәшәргә туры килә. Дөрәс, соңгылары бик тиз үзләре дә урыс колына әйләнәләр, 16 яшьлек казак солтаны Ураз-Мөхәммәт, тайбугачы Сәйтәк һәм Күчем ханга хыянәт итеп, казакларга хезмәткә күчкән Карача-вәзир, вакытлыча Искәргә кәрәп утырсалар да, 1588 елның жәендә аларны мәкер юлы белән әсирләккә төшәрәләр һәм Мәскәүгә озаталар (Сибирские летописи, с.293-294). Себер канга батып ятканда, казак ханы Тәвәккәл 50 мең кешелек гаскәрен Бохараны туздырырга жибәрә, ярдәм сорасалар да, үз төрки-мөселманнарына булышмый. Үз хәле хәл булганга, Бохара да Себергә ярдәм итә алмый, Кырым, Госманлы дәүләте дә ярдәмгә килми, Идел-Урал үзе ут эчендә ята, шулай итеп, Күчем хан урыс армиясенә каршы көрәштә аз санлы халкы белән бер ялгызы кала.

Себернең зур су буйлары әкерәләр урыс кәлгәләре белән тулса да, алар кулында утлы корал, мылтык һәм чуен туплар булса да, Күчем хан алардан качып далада йөрми, бөтен гайрәтен һәм гаскәрен жыеп, санай-уклар, кылыч-сөңгеләр белән булса да шушы калаларга һөжүм итә. 1590 елның 23 июнендә ул Төмән тирәсендә зур сугышлар алып бара, Тубыл каласына һөжүм итә, шәһәрне ала алмаса да, күп урыс гаскәриләрен юк итә, тирә-як авылларда урысларга хезмәткә күчкән сатлык татарлырны әсир итеп алып, Бараба

далаларына озата, шулай ук жирле халыкның күпчелегә үз теләге белән Күчем ханга иярәп, Иртыш-Омь буйларына китеп бара. Биредә исә Күчем хан Сала, Каурдак олысларына һөжүм итеп, үзенә каршы чыккан патша гаскәрен чигенәргә мәжбүр итә. Шулай итеп, жирле халык ясақны яңадан Күчем ханга түли башлый, Иртышның һәм Обьның югары өлешләре, Бараба далалары, Тара һәм Омь елгасы буйлары тулысынча диярлек Күчем хан кулында була (Фәйзрахманов, б.206).

Әмма урыс гаскәре дә моның белән килешәргә теләми, аларга татарлардан килә торган ясақ рәвешендәгә кеш тиреләре, тоз күлләре һава кебек кирәк була, һәм алар кәлгәләреннән чыгып, Күчем ханны эзәрлекли башлыйлар. Күчем хан гаскәре белән шундый зур бәрелешләрнең берсе 1591 елның августында була, Тубыл воеводасы Кольцов-Масальский Ишим елгасы буйларында кинәттән татарларның ыстанына һөжүм итә. Бу сугышта күп татарлар үлә, Күчем ханның балалары урысларга әсир төшә, әмма татар ханы жиңелми, дәүләт өчен сугышын дәвам итә (Атласи, 1993, б.114).

Күчем хан һәм патша гаскәре арасында шундый канкойгыч сугышларның тагы берсе 1595 елны Иртышның югары агымындагы Кара-Атау каласында була. Урыс воеводасы Борис Доможиров Күчем ханның ыстанына көтмәгәндә һөжүм итеп, бик күп татарларны юк итә, урыслар ягыннан да күп сугышчылар үлә, күп кенә затлы татарлар әсирләккә эләгә (Бущинский, 1899, с.143, 145). Әмма Күчем хан бу яудан да исән чыга һәм үзе дә урыс кәлгәләренә һөжүмнәрен дәвам итә, аның янында олы улы Али һәм тугрылыклы морзалары һәм яугирләре була. 1595 елның мартында Тубыл воеводасы Ростовский Тара шәһәрәндәгә урыс гаскәренә ярдәмгә 239 хәрби һәм күп корал жибәрә. 500 кешелек гаскәр, Күчем хан эзләре буйлап, Бараба далаларына тарала. Биредә һәр шәһәр һәм авыл өчен канкойгыч сугышлар башлана. Урыс воеводалары Доможиров һәм Ропозовлар карамагындагы атлы гаскәр татарларның Чангула, Лугай, Килем, Барма, Лиуба, Тораш, Кәрпәк олысларын утка тоталар, Тунус шәһәре жир белән тигезләнә, халкы юк ителә. Бу хәлләрне күрәп куркуга төшкән жирле халыкның бер өлеше Рәсәйгә буйсынуын белдерә, урысларга ясақ түләргә ризалаша (Атласи, 1993, б.125).

Күчем хан исә урыслар белән сугышып чигенә-чигенә, Иртыш һәм Обь елгаларының югары агымына, Омь елгасы буйларына ук

килеп житә, гаиләсен Ирмән елгасы буендагы Тон-Тура шәһәрәндә калдырып, яңа һөжүмнәргә ташлана. Дөрөс, Кара-Атау сугышыннан соң аны 300 морзасы калдырып китә, алар сәүдә кәрваннарына ияреп, гаиләләре белән Бохарага күчәләр, Хива якларына китеп баралар. Бу юл Күчем хан өчен дә ачык була, әмма ул илен, халкын, дәүләтен ташлап китә алмый һәм урыс гаскәрәнә каршы сугышларын дәвам итә. Бу вакытта аңа инде 80 яшь тулып килгәнлеген дә, Күчем ханның яртылаш сукурайганын да онытмаска кирәк. Шушы хәлендә дә ул илен яклау өчен хәрбиләрне оештыра ала, алар белән канкойгыч сугышларга керә, 1596 елны Ык күле буеннан калмыкларны куып чыгара, 1597 елны Иртышның урта агымындагы Терәни һәм Омь елгасы буендагы Лугуй олысын урыслар кулыннан тартып ала, берничә тапкыр Тара шәһәрәнә һөжүм итә (Буцинский, б.143, 146).

Татар ханының болай гына бирешмәсен аңлаган Рәсәй патшалары аңа хатлар да язып карыйлар, үзләренә хезмәткә күчәргә үгетлиләр. 1596 елны урыс патшасы Федор Иванович Күчем ханга болай дип яза: «...Синең элеккеге эшләрең һәм буйсынмавыңа карамастан, без сине, Күчем патша, балаларың белән үзөбездә чакырабыз һәм безгә хезмәт итәргә өндибез! Син безнең күз алдыбызда булырсың, без сиңа башка хан һәм ханзадәләргә биргән кебек, хакын түләп торырбыз! Әгәр инде Себер-йортыңда калырга теләсәң икән, анда хан булырсың, һәм безгә буйсынып, тиешле хакын алып торырсың!» (Абдиров, с.125). Әмма Күчем хан урыс патшаларының бу ялган вәгъдәләренә ышанмый, аның Мәскәүгә буйсынган татар ханы булып тарихка кереп каласы килми һәм ул ил-жире өчен сугышларын дәвам итә.

Күчем ханны бу рәвешле үзләренә буйсындыра алмагач, Мәскәү патшасы аңа әсирлектәге улы Әбелхәер һәм туганының улы Мөхәмәткол аша мөрәжәгать иттереп карый. «Бөек Рәсәй патшасы алдында үзеңнең гаебеңне каплау өчен, бирегә берәр улыңны тотык-амәнәт итеп жибер, – дип язалар алар. – Үзең дә монда кил һәм безнең кебек рәхәт тормыш табарсың, безгә бөек падишаһ жирләр һәм шәһәрләр бирде, син дә аларны алырсың! Әгәр теләсәң, Рәсәй патшасына буйсынып, аннан хезмәт хакы алып, Себердә хужа булырсың!» (Абдиров, с.125). Әмма Күчем хан Мәскәүдән качып кайткан татар-нугай яугирләре сөйләгәннән анда Себер морзаларын сугыш өчен генә тотканнарын, аларны төрки-мөселманнар-

га каршы яуларда кулланганнарын белә иде инде. Күчем хан үз гомерен саклап калу бәрәбәрәнә мондый хурлыклы килешүгә бармый һәм ил-жире өчен сугышуын дәвам итә.

«Күчем неуступчиво боролся с Ермаком; в этой борьбе он не унижал своего сана, ни своего достоинства, ни падал ниц перед покорителем, метил ему, сообразно духу времени, и тайно, и явно, и, наконец, семнадцать лет скитаясь по степям, он, в диком величии своем, предпочел лучше пасть под ударами судьбы, но не запятнать себя добровольной передачей перед тем, кого он считал своими притеснителями и врагами...», – дип яза бу хакта тарихчы П.И.Небольсин (Небольсин, 1849, с.111).

Себер өчен иң көчле соңгы сугышларның берсе 1598 елның 20 августында була, воевода Андрей Воейков гаскәре Чан күле буенда урнашкан Күчем хан ыстанына төннә көтмәгәндә һөжүм итә һәм йоклап яткан халыкны суеп чыга. Үлүчеләр арасында Күчем ханның 370 яугире, оныклары һәм морзалар да була, ә хан гаиләсеннән 30 кеше урысларга әсир төшә (Буцинский, с.147). Күчем хан исә үзе бу вакытта уллары Али, Кагай, Азим һәм йөзләгән яугире белән ерак олысларда гаскәр туплап йөри һәм ул яңадан Ялым-Тора – Тара шәһәрәнә кире кайтарырга уйлый. Уллары, киләчәктә, оныклары урыслар кулына әсир булып төшкәч, воеводалар Күчем ханга тагы илче жибереп карыйлар, бирелергә кушалар. Күчем ханның җавабы: «Мин Себерне үзем теләп бирмәдем, ирегемне дә үз теләгем белән бирмәм!» – була. Шулай итеп, 1598 елның 20 августы Көнбатыш Себернең рәсми рәвештә Россия составына керүенә фактик датасы булып тора.

Шушы канкойгыч сугыштан соң Күчем ханның исеме тарих җәһазларында күрәнмә башлый, ә 1601 елдан Себер ханы булып аның олы улы Али ишәпләнә. Күчем хан тарих мәйданынан юкка чыкса да, Себер өчен көрәшкән башта аның улы Али, ул урысларга әсирлеккә төшкәч, башка уллары Азим, Канай, Ишим, Морат, соңрак оныклары Аблай-Гәрәй, Дәүләт-Гәрәй, Тәүкә, Бука солтан дәвам итәләр. Себерне кире кайтару өчен көрәш әле тагы ике гасыр дәвам итә, Күчем ханның оныклары урысларга каршы сугышлар белән 1636 елны Уфа шәһәрәнә хәтле барып житәләр. Рәсми тарихта «башкорт восстаниеләре» дип йөртелгән татар күтәрелешләренә дә башында, нигездә, Күчем хан нәселе торган. Ә Күчем

ханның урысларга әсир төшеп, Мәскәүгә жибәрелгән нәселе тулысынча диярлек христиан диненә күчеп бетә, урыслаша һәм тарих сәхнәсеннән төшеп кала.

Нәтижә ясап әйткәндә, Себерне бернинди Ермак та басып алмаган, ә Россиянең регуляр армиясе яулап алган. Озакка сузылган бу сугыш Ермак белән Күчем хан арасындагы сугыш түгел, ә бәлки ике дәүләт – Рәсәй белән Себер ханлыгы арасындагы сугыш була. Россия өчен бу яулап алу сугышлары булса, Себер ханлыгы өчен милли-азатлык көрәше булып тора. Себер ханлыгы Россия белән бернинди килешүләргә дә бармый, аның бүгенге көнгә хәтле Мәскәү белән солык төзөгәнә юк, халыкара нормалар буенча ул әле дә Россия белән сугыш хәлендә исәпләнә. Шуңа күрә Себер ханлыгының төп давамчылары булган себер татарларының яңадан үз бәйсез дәүләтләрен торгызырга да, яулап алынулары өчен Мәскәүдән компенсация түләтергә дә, Рәсәйнең татарларга карата уздырган юк итү сәясәте өчен халыкара мәхкәмәләргә бирергә дә хаклары бар. Чөнки тарихи дәрәжәләр алар ягында.

Ә татар халкы өчен, бигрәк тә, себер татарларына Ермак бернинди дә батыр түгел, ә башкисәр һәм юлбасар. Ул Себергә талау һәм үтерү нияте белән килгән һәм шул кара эшен эшләгән дә, һәм үлемен дә татарлар кулыннан Себердә тапкан. Ә Күчем хан исә татар халкы

өчен милли каһарман, азатлык көрәшчесе һәм жиһангир ир – Себернең Алтын ханы булып кала бирә.

Искәрмәләр

Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. – Алма-Ата, 1996.

Атласи һади. Себер тарихы. Сөөнбикә. Казан ханлыгы. – Казан, 1993.

Бәйрәмова Ф.Ә. Күчем хан. – Казан, 2007.

Будинский П. Заселение Сибири и первые ее насельники. – Харьков, 1899.

Кабдулвахитов Калиль. По следам тюменских шейхов. – Тюмень, 2005.

Бахрушин С.В. Пути в Сибири в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. – Т. III. – Ч. I. – М., 1955.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т. I. – М.-Л., 1937.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 1999.

Небольсин П.И. Покорение Сибири. – СПб., 1849.

Татар энциклопедия сүзлеге. – Казан, 2002.

Тарская мозаика. – Омск, 1994.

Тобольский хронограф – 1, 2, 3, 4. – Омск, М., Екатеринбург, 1993, 1994, 1998, 2004.

Сибирские летописи. – СПб., 1907.

Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар с древнейших времен до начала XX века. – Казань, 2002.

Сибирские татары в составе Российского государства в XVII–XVIII вв.

Сибирские татары, составлявшее население Сибирского ханства, после присоединения к Российскому государству, продолжали строить свою жизнь на основе традиционных норм. Ясак, который платили сибирские татары Кучуму, остался тем же: русское правительство просто перевело ясак на себя. По мнению С.В.Бахрушина, ясак существовал в Сибири задолго до ее вхождения в состав России. Он указывал на то, что существовала историческая преемственность в организации сбора ясака и технике обложения. Новые власти, как утверждал историк, воспользовались при раскладке ясака старыми единицами: «В ясачных волостях Тобольского и близлежащих уездов легко угадать «агарянские веси», входившие в состав прежнего Кучумова царства, а близлежащими агентами при сборе ясака явились те князьки и старшины, отцы и деды которых служили Кучуму». В основу деления на ясачные волости легли уделы, владения вассалов Кучума. Так, например, Бабасанскую волость Тобольского уезда, по мнению С.В.Бахрушина, образовали владения Бабасан-мурзы, аналогичное происхождение имели и другие татарские волости Сибири (Бахрушин, 1955, с.49).

Как и в Сибирском ханстве, ясак взимался в основном «мягкой рухлядью» – пушшиной. При этом первоначально Москва не стала вводить для татар жестких окладов – воеводам предписывалось собирать ясак с «инородцев» «как кому из них мочно заплатите, смотря по тамошнему делу... по вотчинам и по промыслам, чтоб государевой казне не было убыли, а земле тягости не навесить и людей ясачных от государя не отгонять» (Огородников, 1921, с.6-7).

В XVIII в. ясак у сибирских татар облагались только мужчины в возрасте от 18 до 50 лет; старые, увечные, бедные и больные освобождались от уплаты ясака. В сохранившемся документе 1720 г. находим по этому поводу предписание: «А которые по данным розыску и по свидетельству ясачных людей престарелы и больны и увечны или ... за промыслом не ходят, а буде у тех братья и племянники и зятья ясак збирать с детей их и

братьев или племянников, буде на них особого ясаку не положено. А буде у каково ясачного человека будет сын один, а буде сына нет, а буде племянник или брат, а такие немногие люди писать вместо престарелые. А буде у ясачного у престарелого и увечного будут сыны два или три, и его ясак класть на одного, а на тех класть особо ясак по рассмотрении как бы не было в тягость» (ГУТО ГАТО. Ф. 47. Оп.1. Д. 2183. Л. 7-7 об.)

Наряду с ясаком татары платили так называемые «поминки», которые правительство постепенно превратило в принудительно-добровольный сбор. Так, ясачный татарин Тюменского уезда Мамеко Кызылтаев в 1721 г. в прошении об освобождении его от платежа по старости, указывал, что он в течение 47 лет платил ясак «деньгами по 30 алтын, по полпятидесяти деньги да мягкой рухляди по 2 лисицы, да в поминочные лисиц по осьмнадцать да две деньги на год» (ГУТО ГАТО. Ф. 47. Оп.1. Д. 2183. Л.6 об.).

К началу XVIII в. все татарские волости находились в окладном ясаке. Размеры окладов не были одинаковыми в разных волостях. Так, в приходной книге за 1726 г. ясаку и поминков Тобольского уезда с волостных ясачных людей требовалось взять по волостям порознь: волости Аремзяна с человека ясака и поминков собирать по 10 рублей 2 копейки, волости Карбина – на 10 рублей 4 алтына, волости Надцов – на 2 руб. 80 алтын, волости Лабутана – на 2 руб. 10 алтын, городка Кошуков – на 1 руб. 80 алтын и т.д. В Тарском уезде в это время разные татарские волости тоже различались по сумме выплачиваемого ясака. В Туринском уезде в ясачных волостях Епанчина, Кокузовской, Индричьева, Илясова, Куртумова с ясачного человека взималось «мягкой рухляди» на 1 руб. 10 коп. (РГАДА. Ф. 199. оп. 495. Д.1. Л. 1-22 об.; Ф. 199. оп. 481. (4). Л. 23 об. – 29; Ф. 199. Ч.3 (2). Л. 65-66).

В Тюменском уезде в первой половине XVIII в. с татар ясак взимался частью пушшиной, частью – деньгами. В 1723 г. с татар требовалось собирать ясак деньгами «по рублю да мягкой рухлядью по оценке тюменских купеческих русских людей и татар ... с

Бачкурской по 12 лисиц, с Терсяцкой волости по 3 лисицы по 40 белок, с Иленской – по 12 лисиц, с Шикчинской волости по 14 лисиц» (ГУТО ГАТО. Ф. 47. Оп.1. Д. 2183. Л. 14).

Власти предписывали татарам в случае «недобычи мягкой рухляди» покупать ее, хотя и разрешали вносить ясак деньгами. С сибирских татар власти требовали вносить ясак преимущественно лисицей, которая считалась наиболее дорогим мехом. Однако, как видно из дела за 1726 г., разрешалось вносить ясак другими, менее ценными мехами: горностаями, белками, бобрами и др. (ГУТО ГАТО. Ф. 47. Оп.1. Д. 2184. Л.4).

В Тюменском и Туринском уездах некоторые татары платили ясак хлебом. В 1759–1769 гг. в Тюменском такой ясак платили 14 татар. На каждого плательщика был установлен ясак ячменем по 4 четверти и 4 четверика в год (ГУТО ГАТО. Ф. 47. Оп.1. Д. 2197. Л. 13 об.). В Туринском уезде, по данным Г.Ф.Миллера, хлебный ясак платили новокрещенные татары и русские ясачные, всего 116 человек (РГАДА. Ф. 199. ч.3 (2). Л.72).

Вместе с тем, Российское государство из состава общины выделяет тарханов, т.е. служилую знать, освобождая их от уплаты ясака, устанавливает за службу денежное и хлебное жалованье. Служилые татары («йомышлы»), наряду с ясачными, являлись коренным населением Сибири. В состав юртовских служилых татар вошли бывшие кучумовские «мурзы» и «мурзичи», «беки» (владельцы самостоятельных уделов), племенные князцы, духовенство (Бахрушин, 1937, с.164-165).

Юртовские служилые татары в Тобольском уезде проживали в Тобольске и соседних селениях по Тоболу и Иртышу. В состав служилых татар входили отставные служилые татары, их дети и захребетники. В XVIII–XX вв. служилые татары проживали в г. Тобольске и в селениях-юртах совместно с ясачными татарами. В 1782 г. всех служилых татар в Тобольском уезде (включая отставных и их детей) насчитывалось 864 мужчины, а в 1816 г. их было 721 (РГИА. Ф. 1341. Оп.1. Д. 295. Л. 191 об.-192 об.; Ф. 1264. Оп.1. Д.4. Л. 147 об.-148).

В Тарском уезде служилые татары жили в юртах Кыргапских, Туралинских, Аиткуловых, Атацких, Шиховых, деревнях Иткучакова, Атацкой, Бабиной, Сеитовой, Батугановой. Во всех селениях Тарского уезда в начале XVIII в. числилось 64 служилых татарина, 58 захребетников (Томилов, 1981, с. 67, 149). По мнению Б.О. Долгих, тарские служилые татары

происходили из волости Аялы (Долгих, 1960, с.49).

Тюменские служилые татары проживали совместно с татарами в юртах по Тоболу от устья Исети до устья Иски. По мнению Б.О. Долгих, служилые татары Тюменского уезда и татары Каскаринской волости «в прошлом составляли нечто целое ... были известны под названием андреевских...» (Долгих, 1960, с.43, 46-47). По данным Н.А. Томилова, в 1699 г. тюменских служилых татар насчитывалось 119 человек, захребетников – 105 человек (Томилов, 1981, с.44, таблица 3).

Русские власти первоначально оставили и прежний порядок общинного управления сибирских татар. Местные татары имели издревле особенных властелинов под именем «князцов» и «ясаулов». В течение всего XVIII в. на окраинах бывшего Сибирского ханства прежние звания еще сохранялись. В частности, в 1726 г. во главе татарских волостей Тюменского округа были «ясаулы» Кучук Кырнаев, Тогильды Куртбаков, Инестезяр Уртякова в Иленской волости – Окун Ишбулин (ГУТО ГАТО. Ф. 47. Оп.1. Д. 2184. Л. 11). В 1782 г. в Тарском уезде во главе четырех волостей были «князцы»: в Коурдакской, Саргацкой, Тавской и Отуской и Аялымской. Во главе Подгородной и Остяцкой волостей в этот период стояли старшины (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 31. Л. 953-1150).

Ясаулы занимались непосредственным сбором ясака в селениях волости и находились в подчинении старшины. В документе 1766 г. видим, что у тюменских ясачных татар «ясаулы с ясашных и захребетных людей с ясашных по десяти, а с захребетных по 13-ти копеек с души поборы собирали по приказу старшины Ермакова» (ГУТО ГАТО. Ф. 47. Оп.1. Д.2225. Л. 1 об.-2).

В старшины выбирали из «прожиточных», «добрых», «неподозрительных», «непьяниц», «в штрафах и начетах и наказаниях ни в каких не бывавших». (ГУТО ГАТО. Ф. 47. Оп.1. Д.2213. Л. 10, 14; Ф. 47. Оп.1. Д. 2188. Л. 5 об.). Эти формулировки спускались сверху – именно таких людей власти хотели видеть на выборных должностях. В 1755 г. Тюменская воеводская канцелярия обращалась к татарам Тюменского уезда с требованием выбора к «хлебному ясаку в ясаул... понеже нынешний 755 год приходит уже ко окончанию и наступает 756 год... велено выбрать вам из своих человека доброго, прожиточного, не подозрительного и не пьяницу, на коих нечетов и

доимок не было» (ГУТО ГАТО. Ф. 47. Оп.1. Д.2214. Л. 1).

Срок службы старшин у татар еще в XVIII в. не был точно определен администрацией. Так, старшина Подгородной татарской волости Тарского уезда Нияс Абышкин находился в должности 21 год (с июня 1766 г. до 1787 г.). Князец Аялынской волости – 42 года (Валеев, 1993, С.58). Старшина Тюменского уезда Муллабак Кучаков исполнял свои обязанности 18 лет (ГУТО ГАТО. Ф. 10. Оп.1. Д. 806. Л. 1-1 об.)

Освобождение от должности ожидало лиц, находившихся под следствием или судом. Например, старшина Тавской и Отуской волостей Тарского уезда Маметей Рахмабердин в 1789 г. был освобожден от должности «по привлечению по делу» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 341. Оп.1. Д. 43. Л. 60-60 об.). Пьянство также служило препятствием для несения должности старшины. В 1790 г. татары Тавской и Отуской волостей не пожелали иметь у себя старшиной Мусу Ильчебагина за пьянство и «буйственные поступки». Кроме того, жители отмечали, что Ильчебагин «другой, а не нашей волости, как исстари у нас находились старшинами из тех же наших волостей» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 341. Оп.1. Д. 43. Л. 60-об.-61). Таким образом, татары ссылались при выборе старшины на древний обычай – выбирать из той волости, в которой он проживал.

Центральная власть предписывала местным чиновникам не вмешиваться в процедуру выборов на мирские должности. По указу генерал-губернатора Тобольского наместничества Е.П.Кашкина предписывалось, чтобы «в бываемые между ясашными народами выборы по волостям князцов никто вмешиваться не долженствует, а сами они тот выбор между собою чинить должны». Здесь же указывалось, что о необходимости выборов волость должна объявить нижнему земскому суду, который затем докладывает наместническому правлению «о позволении приступить в той волости к назначенному выбору». По указу требовалось, чтобы нижний земский суд удостоверил подлинность выборов «сообща ли всей той волости жителей согласия учинен ..., о чем с прописанием всех обстоятельств и доносит наместническому правлению, которое и утверждает, быть ли избираемому князцу или нет» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 341. Оп.1. Д. 43. Л. 79-79 об.). Однако, несмотря на указания центральных властей о невмешательстве в ход

выборов старшин, имели место попытки назначения на должность по своему усмотрению. В 1790 г. вследствие отстранения от должности старшины Рахманбердина по причине «нахождения под следствием», Тобольское наместническое правление определило старшиной Тавской и Отуской волостей Мусу Ильчибагина. Однако, как указывалось выше, община не пожелала мириться с назначением Ильчибагина и выбрала «по общему согласию» Апсаяма Аптрашитова (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 341. Оп.1. Д. 43. Л. 75-75 об.).

Значительное место в социально-экономической и административной жизни общины-селения принадлежало старосте. В XVII–XVIII вв. у татар человека, занимавшего выборную должность в деревне, называли десятником, либо сотником, либо «выборным». Так, в конце XVIII в. в Уватской, Коурдатской, Салинской и Супринской волостей Тобольского округа во главе всех юрт находились десятники. В Тарском округе, в Аялынской волости во главе деревень Устарской, Чиплярова, Инцизской, Бергамацкой, Черталинской, Ельменева, Сеитова, Ашинской, Туралинской, Кузенева, Суюнчинской, Апталова, Ковинской и Уйской были выборные. Сотники были в Усть-Ишимском острожке, в деревнях Ильчибагиной, Ашеванской, а остальные селения Тарского округа возглавляли десятники (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп.8. Д.289. Лл. 151-191 об., 206-226, 802-954). Звание «десятника» и «сотника» необходимо рассматривать как реликт военно-административной системы Сибирского ханства.

Десятники сохранялись в каждом татарском селении до конца XIX в. Они отвечали, прежде всего, за своевременный сбор ясака, а позже податей в сельской общине. Они наделялись полицейскими полномочиями. Десятникам вменялось в обязанность «в юртах смотреть накрепко, чтоб воров, разбойников, татей, беглых солдат, драгун, матросов и рекрут и беглых же дворцовых и помещиковых крестьян также и других пришлых гулящих не имеющих у себя свободных прямых отпусков или по себе поручных записей не было, а ежели таковые явятся, то их поймав, объявлять в ... воеводской канцелярии немедленно». Такой, в частности, наказ получил уличный десятник Урускул Уразымбетов от надворного советника воеводы Михаила Ладыгина в 1749 г. Десятнику предписывалось «по прошествию каждого месяца подавать в ... воеводскую канцелярию ежемечасные сказки, смотреть накрепко с неусып-

ным попечением, чтоб в тех юртах запоевными товарами никто отнюдь не торговали и никакого озорничества, драк и протчих продерзностей и непотребств чинено отнюдь не было и беспашпортовых тех юрт жители никто ни для чего в другие города и уезды не ездили». Также десятник обязан был принимать меры против скотского и конского падежа, лесных пожаров, а если таковые случались, должны были объявлять в Тюменскую воеводскую канцелярию (ГУТО ГАТО. Ф. 47. Оп.1. Д.2213. Л. 7).

Староста отвечал за созыв сельских сходов и председательствовал на них. Являясь выборным лицом, староста не мог самовольно решать возникавшие вопросы, а выносил их на рассмотрение схода. При совершении преступления пострадавший или свидетель сообщал о случившемся десятнику, который собирал немедленно сход с привлечением ответчика. Так, в один из февральских дней 1766 г. пришла в мирскую избу жена тюменского ясачного татарина Науразбига Кутлушева с жалобой на захребетного татарина Усмана Илчикова, который был отыскан через уличного десятника «и по приводе в мирскую избу прибывших тогда немалого числа татар» был собран сход (ГУТО ГАТО. Ф. 47. Оп.1. Д.2225. Л. 1).

Таким образом, анализ исполнительных органов общинного самоуправления тоболо-иртышских татар на протяжении XVII–XVIII в. показывает, что состав исполнительных органов определялся традицией. Обычаем определялись срок службы выборных, их функции.

Важной составной частью политики Российского государства являлась конфессиональная политика в отношении сибирских «иностранцев». Основной целью этой политики являлось распространение православия, которое, в свою очередь, являлось важным инструментом для «обрусения» этих народов. Все это должно было коснуться и сибирских татар, которые являлись мусульманами-суннитами. Однако в XVII в. официальная власть не так рьяно содействовала распространению православия среди нерусских народов Сибири. В этот период власти разрешали крестить «иноверцев» только добровольно. Так, в указе 1685 г. местным властям предписывалось «добровольно желающих в православную христианскую веру принимать, и крестить, и ... которые крестятся, и к тем держать ласку и привет, и чтоб на них смотря и иные иноземцы православные христианские веры пожелали» (Сословно-правовое..., 1999, с. 57-58). Полити-

ка веротерпимости и запрещение массового крещения было связано, как отмечает Н.А. Миненко, с опасением «потерять такой важный источник доходов, как ясачные платежи» (Миненко, 1975, с. 263-264), поскольку при переходе в разряд «новокрещенных» с ясачных людей слагалась обязанность по уплате ясака.

Однако, начиная с правления Петра I, политика в отношении сибирских «иностранцев», в том числе и татар-мусульман Сибири, начинает изменяться. Уже в 1714 г. выходит указ о насильственном крещении татар, наряду с остяками и вогулами (Щеглов, 1993, с.112). В 1703 г. был издан закон о запрете строить мусульманские мечети вблизи от церквей (Щеглов, 1993, с.105). В первой половине XVIII в. в городах Тобольске и Таре и в уездах из 133 мечетей было сломано 98 (ПСЗ. Т.XIV. Ст.609). Насильственные методы инициировались архимандритом Филофеем Лещинским. Он проводил крещение татар с помощью грозных указов и солдат, о чем сообщал в Москву и Петербург. По данным И.И.Огрызко, в 1752 г. 56 человек тюменских, тобольских и тарских татар подали челобитную Сенату, в которой писали, что всех их «...запирали в темницы и не давали пищи многие дни, потом ковали в железы, и на шею чеппи, и привешивали кверху за шею железом... и без всякого чувства накладывали кресты» (Огрызко, 1941, с.66).

Но не только принуждением действовали власти. Российское государство поощряло перешедших в христианскую веру. Новокрещенным предоставлялись разного рода податные льготы, награды, в том числе и денежные (законы 1720, 1721, 1722, 1731, 1740 гг.) (ПСЗ. Т. XI. № 8236. п. 15).

Применение этих методов обеспечило некоторый успех, хотя число перешедших в православие в целом было небольшим. Так, по данным ревизии 1782 г. в городе Тюмени и уезде числилось крещенными 173 душ обоего пола, в Туринском уезде – 265 чел. В Тарском уезде – 146 чел. (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп 8. Д. 26. Л. 1031; Д. 31. Л. 953, 989; Д. 38. Л. 1-11).

Власти опасались влияния татар-мусульман на новокрещенных и пытались оградить последних от нежелательного соседства переселением их в другие деревни. Указы 1747 и 1757 гг. запрещали строить мечети в селениях, где православное и мусульманское население проживало смешанно (Щеглов, 1993:118,157). Эту же цель преследовал запрет

мусульманским миссионерам проводить проповеди среди русских христиан и новокрещенных. Дело в том, что в еще 1724 г. Ф. Лещинский писал Синоду о том, что татары «подъезжают к новокрещенным и, смущая, велят именем своего начальника Сабанака церкви жечь, попов и причетников до смерти побивать и кресты побросать» (Огрызко, 1941: 68). Ответом на это явился указ от 7 сентября 1727 г., в котором говорилось: «Буде кого басурман какими-нибудь мерами и насильством или обманом русского человека в свою басурманскую веру принудит и по своей басурманской вере обрежет ... и того басурмана по сыску казнить, сжечь огнем без всякого милосердия...» (ГУТО ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 4719. Л. 6.). В то же время, власти оказывали поддержку христианским проповедникам. Указ от 28 сентября 1744 г. гласил: «Когда в татарские жилища будут приезжать русские духовные персоны для проповеди слова божия и им татарам тем проповедникам никакого озлобления и препятствия не чинить и ежели кто из них татар по своему соизволению пожелают воспринять веру греческого исповедания, им татарам желающим никаких озлоблений и обид не чинить» (ГУТО ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 4726. Л. 38).

Таким образом, Российское государство в XVII–XVIII вв. не стало проводить мер, направленных на ломку традиционной жизни сибирских татар, а во многом использовало сложившиеся в Сибирском ханстве элементы управления и самоуправления – ясачную систему, а при ее раскладке – волости, уделы вассалов Кучума, верхушку сибирско-татарской общины – князьков, есаулов, десятников,

сотников и др. Характеризуя конфессиональную политику Российских властей в отношении сибирских татар в XVII в., можно назвать ее политикой веротерпимости. Однако, уже начиная с начала XVIII в., лояльная политика сменяется методами прямого насилия, продолжавшимися до правления Екатерины II.

Примечания

Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Исторические записки. – 1937. – Т.1. – С. 55-80.

Бахрушин С.В. Ясак в Сибири // Научные труды. – Т.3. – Ч.2. – М., 1955. – С. 49-85.

Валеев Ф.Т. Сибирские татары. – Казань, 1993.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960.

Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск: Наука, 1975.

Огородников Б.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. – Ч.1. – Иркутск, 1920.

Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. – Л., 1941.

Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века). Сб. правовых актов и документов. – Тюмень, 1999.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в XVI – первой четверти XIX в. – Томск, 1981.

Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. – Сургут, 1993.

Сочинение «Шаджара рисаласи» и его списки*

Памяти моего любимого отца

В изучении Сибирского юрта, как показали попытки написания его обобщающей истории, необходимо комплексное использование разнообразных по происхождению источников (дипломатических, рукописных, нумизматических, эпиграфических и др.), а также – в перспективе – соответствующее принятым нормам издание текстов, факсимиле и переводов исторических источников сибирских татар. Поиски специальной хроники по истории Сибирского юрта привели меня к сочинению, известному в литературе под названием «Шаджара рисаласи». К началу моих изысканий науке были известны издание В.В.Радловым татарского текста, надиктованного ему муллой деревни Саургачи (Радлов, 1872, с.217-220), его перевод на немецкий и русский языки (Катанов, 1897, с.51-60; Radloff, 1872, S.267-271); вариант в книге Р.Фахрулдина (Фахруллин, 1909, б.168-173); краткое описание рукописи, обнаруженной М.А.Усмановым в с. Бегишево (Усманов, Шайхиев, 1979, с.86-87). Этот комплекс стал основой исторической и текстологической критики сочинения «Шаджара рисаласи».

В рамках круглогодичных археографических поисков автор изучил коллекции сибирских рукописей, оказавшиеся в Казани и Санкт-Петербурге. В результате было выявлено три новых списка «Шаджара рисаласи», а также уточнено содержание бегишевского и радловского списков. Работа с рукописным материалом привела к таким заключениям:

1) Название «Шаджара рисаласи» дано источнику известным мусульманским деятелем Р.Фахруллином еще в начале XX в. и прочно закрепилось в историографической традиции, поэтому не будем использовать дру-

гие предлагающиеся заглавия, отсутствующие в текстах рукописей.

2) В широких народных массах текст, изобилующий арабо-персидской лексикой, не мог быть принят, он не на них рассчитан. Это произведение элитарной культуры, имеющее целью легитимацию того высокого социального положения, которое обрели сибирские х^аджа: духовный статус, большие земельные владения, промыслы и торговые привилегии. «Шаджара рисаласи» выходит и за рамки краеведения, поскольку автор оперирует фактами истории не только Сибирского юрта, но и государства Шибанидов, отчасти также отношений с Москвой и Касимовским ханством.

3) «Шаджара рисаласи» – самостоятельное сочинение, имеющее разночтения в ряде списков, а не группа источников, как, например, сибирско-татарские насаб-наме об исламизации Сибирского юрта шейхами братства Накшбандийа.

4) Весьма сложен вопрос о научной ценности приведенного Р.Фахруллином текста. Вероятно, один из списков «Шаджара рисаласи» был адаптирован для публикации на литературном языке поволжских татар. Слишком уж существенны лексические и фонематические разночтения с известными рукописями, в том время как манускрипт, *текстуально идентичный* публикации Р.Фахруллина, неизвестен и отсутствует в Архиве востоковедов в Санкт-Петербурге (правда, остается надежда на обследование уфимской части архива). Вариант В.В.Радлова также знакомит нас с общим содержанием памятника, но мало приближает к первоначальному тексту, хотя с оригиналами рукописей здесь больше общего. Кроме того, благодаря системе транскрипции В.В.Радлова мы знаем, как звучало произведение в устах сибиряков, чего не позволяет арабская графика с ее спецификой.

Приведем краткое описание всех известных списков «Шаджара рисаласи».

1) Бегишевский список. Восточный сектор Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского государственного университета, шифр 3414 т. 7 л. Размер листа 23х17,2

* Пользуясь случаем, благодарю за финансовую помощь в осуществлении проекта Р.Ю. Реву (г. Новосибирск), за ценнейшие консультации профессора Т.И. Султанова, сотрудников сектора тюркологии и монголистики Института восточных рукописей РАН (С.Г.Кляшторный, Л.Ю.Тугушева, Д.В.Рухлядев) и имама мечети «Хаир-Ихсан» Закира-хаджи Шарипова (г. Омск).

см, текста – 16,2x10,5 см. 15 строк на странице. Пагинация выполнена ручкой уже археографами. Имеются хафизы в левом нижнем углу оборотной стороны каждого листа, сохраняющие порядок текста. Бумага лл. 1-2, 5-7 синеватого цвета первого десятилетия XIX в. (филигрань на лл.5-6 «1806»). Листы 3-4 белого цвета, более ранние – конец XVIII в. Чернила черные. Почерк насталик. Переплета нет. Рукопись дефектная (нет нижней части л.1, последнего листа с колофоном). Сгиб посередине списка делает некоторые слова 8-й строки почти всей рукописи не читаемыми. Список выявлен М.А.Усмановым в 1977 г. в селении Бегишев юрт (Тубысы) Вагайского района Тюменской области у хранительницы крупной библиотеки Рабиги Гафуровой, не обладавшей конкретными сведениями о прежних владельцах. Текст сохраняет нумерацию параграфов, имевшуюся, очевидно, в авторской редакции.

2) Радловский список. Институт восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург), шифр В 4609. 1 л. Размер листа 35,5x21,5 см, текст сплошной в 32 и 35 строк. Пагинация отсутствует. Конец XIX века (плохо читаемый штемпель в правом нижнем углу). Лист согнут пополам, и был, видимо, вырван из книги или широкоформатной тетради. Этот фрагмент списка хранится в папке с рукописями разного времени и формата «из коллекции ак. Радлова». Текст не имеет начала и конца, но нумерация параграфов сохранена.

3) Список в составе сочинения «Мусульмане в Сибири». Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (далее – АВ ИВР РАН). Ф. 131. Оп.1. №8. Папка 2: «Материалы к истории сибирских деревень, родословные». Лл. 4а-8б (пагинация сплошная по всей единице хранения). Размеры листа 22x18 см. Кустодов нет. Л.4а чистый. Дата – 1893 год. В левом нижнем углу л. 8б находится штемпель (***ФАБРИКА №6). Эта часть

архива передана в Петербург самим Р.Фахруddином в 1935 г. по просьбе А.Н.Самойловича. Сведения об этих документах введены в научный оборот М.А.Усмановым. Анонимное краеведческое сочинение о бухарцах, инородцах и ясачных татарах в Сибири; содержит список «Шаджара рисаласи» без разбивки на параграфы.

4) Сеитовский список. АВ ИВР РАН. Ф.131. Оп.1. №8. Папка 2: «Материалы к истории сибирских деревень, родословные». Лл. 13-18. «Родословные деревни Хаджа-аул». Размер тетрадных листов в линейку 21x13 см. Кустоды, а также арабская постраничная нумерация от 1 до 10. Начало XX века. Нет пронумерованных параграфов, но соблюдается русская пунктуация. Наиболее полный список с указанием переписчика и дополненной развернутой родословной. Сохранность отличная. Ниже прилагаются текст рукописи, перевод и краткие комментарии.

5) Список «Абдрашида (Ибрагимов?)». АВ ИВР РАН. Ф.131. Оп.1. №8. Папка 2: «Материалы к истории сибирских деревень, родословные». Лл. 19-25. «Родословные фамилий тарских и барабинских». Размер листа 22x18 см. Количество строк разное. Чернила черные. Кустодов нет. Автограф «Абдрашида с обращением к «дорогому Риза-эфенди» (л.1а). В левом нижнем углу л. 7а – штемпель «Успенской фабрики №6». Текст без параграфов, но с генеалогическим древом и описанием дел потомков Дин-‘Али до начала XX века, опубликованном в «Асар»е. Скорее всего, именно этот список лег в основу «варианта Р.Фахруddина».

Автором этих строк планируется более обстоятельное издание текста «Шаджара рисаласи» с учетом разночтений в списках и тщательным источниковедческим исследованием. Предлагаемый материал – промежуточный этап изысканий.

[شجره رساله سى]

Л.1а

تابل غوبرنه ،تارا اويازى	۱
(خواجه آوول) نام قريه ده بولغان	۲
خواجه لر نك شجره سى و تأريخى .	۳
مذكور قريه نك امامى ملا محمد بن نوروز الابن يا بنى	۴

۵ قولنده بولغان ایسکی تاریخ و شجره دف کوجرلدى

Л. 16

- ۱ سید آتا نك اوغلى توبوجاق سید ، آنك اوغلى علا الدین سیده
- ۲ بو علا الدین سید نك ایکی اوغل ؛ اولوغى نك آتی یاریم سید ،
- ۳ کجی سی نك آتی میر علی خواجه ؛ میر علی نك اوغلى دین علی
- ۴ خواجه بو دین علی خواجه طاریدین طابول شهرینه
- ۵ کیلدى ، بز نك شجرامن یارماق غاوغا سنده ایرتیش که
- ۶ سوغه کیئتدی ، ایمدی شجره آلورغه اورکنج که بارامن دیب .
- ۷ اول وقتده بز فقیر یوسف بی نك اوغلى خواجه م شکر
- ۸ طابول شهرنده آخون ایردوک ، بو دین علی خواجه جواب
- ۹ ایتدوک ؛ هر اینه بارساکز یاراولی یول ایردی لکن بوجاقده قورقنجلی در
- ۱۰ امّا بزلرکه بارمق لق هیچ کیراک توکل ، آنک اوجون سز معلوم لی کشی سز
- ۱۱ بخارانک خانى عبدالله خان سید نی اورکنج دین ایسکر خانى
- ۱۲ کوجوم خانغه سیبر خلق نی دین اسلام غه اوندارکه ییاکانلکی
- ۱۳ دنیا غه معروف و قهور در .
- ۱۴ بـه جملـه خلق نك کواهلغى برلن هم سزنك برله برکه کیلکان شربتـی
- ۱۵ شیخ نـ سوزى و کواهلغى برلن بز مونده سزکه شجره یازوب
- ۱۶ بیرایوک دیدوک ؛ دین علی خواجه هم بو سوز نی اونادی
- ۱۷ (معتول) کوردی و هم شهرکه بارونی قویدی .
- ۱۸ اندین صوک شربتـی شیخ نی و هم قارت کشی لر نی جاقردق
- ۱۹ و هم بز نك آتامز کوجوم خان نك وقتنده یوسف دیکان بی
- ۲۰ ایردی آتا مز بو دنیا دین رحلت کیلغان ایردی و هم آتامز دین

Л. 2a

- ۱ بز خوجم شکر آخون دین علی خواجه نك دین اسلام بیلترورکه
- ۲ کیلکاننی ایشتکان ایردوک و هم نسلین سید آتا دین دیب . . .
- ۴ آندین صوک سؤآل قیلدق شربتـی دین و هم اولترغان
- ۵ قارت جماعتلر دین ؛ شربتـی شیخ جواب بیردی سورساکز

- ۶ بیلکاغنی و کورکاغنی ایتاین : راست بو دین علی
- ۷ خواجه هاشمیلر در بولار نك ذاتی سید زاده دب
- ۸ و بولار نك خیشاوندی [на полях приписано : خیشاوندی] بخاراده و هم اورکنج ده اولوغ لری نك
- ۹ عمام لری (جالمه) یاشل دین بولور ، یاش اوغللری نك
- ۱۰ ایکی قولاغی نك یاننده ساج قویارلار سید زاده لرنك بیلکوسی
- ۱۱ دیب ؛ بوییلکونی کورسالر اکر بادشاه زاده بوسون اکر
- ۱۲ بك بولسون اول یرده توروب بیغمبر علیه السلام عه سلوات
- ۱۳ ایتورلر دیدی ، بزنگ برله برکه بودین علی خواجه نی بخارا خانی
- ۱۴ عبدالله خان ایکی مز نی اورکنج دین آلدروب کوجوم
- ۱۵ خان نك آغاسی احمد کرای سلطان نی برکه قوشوب ییاردی
- ۱۶ مونده کوجوم خانغه برکه کیلدوک دیدی ؛ ا ولتورغان جماعت
- ۱۷ همه سی راست دیدیلر .
- ۱۸ آندین صونك شربتی شیخ و هم اوزلری برله برکه کیلکان
- ۱۹ بابا دیکان ابتال و هم قارة کشیلر بو دین علی خواجه نی نجوك اورکنج دین

Л. 26

- ۱ کیلکانینی و نجوك عبدالله خان ییارکانینی بز خواجه م شکر آخون
- ۲ نك آلدنده سویلاب دفترکه یازدوق انداغ روایت قیلله در کم
- ۳ تأریخ غه توقوز یوز سکسان ده ۹۸۰ سنه ده ایسکر شهرنده
- ۴ کوجوم خان بخارانك خانی عبدالله خانغه ینه بر شیخ ییارسون
- ۵ دیب ایلجی ییاردی .
- ۶ آندین صوك عبدالله خان بخاراده اوزی نك حاکمی
- ۷ خواجه یعقوب عه ایتدیلر سز خلقزدین اسلام غه دعوة
- ۸ قیلغالی بر سید زاده و ینه بر شیخ ایدکوکشی لر دین جقارغیل
- ۹ دیدی ؛ آندین بخارانك حاکمی ایتدی هراینه ییورکه کیراک
- ۱۰ اورکنج شهرنده یاریم سید دیکان برکه خیشاوند دورر و هم

- ۱۱ اوركنج نك حاكمی خان سید خواجه نك هم حیساوندی دورر
- ۱۲ آلاړ عالم دانشمند ایرمیش آلاړنی ییارساگز بولور مو ؟ دیدیلر .
- ۱۳ ینه عبدالله خان حاکمی که ایتدی شیخ نی قایدین ییارایوک خواجه
- ۱۴ یعقوب حاکم ایتدی شیخ نی هم اوركنج دین ییارایوک
- ۱۵ امام جعفرنك ذاتی شربتی شیخ نی دیدیلر ؛ عبدالله خان
- ۱۶ خوش آنداغ بولسون دیدی .
- ۱۷ آندین صونك عبدالله خان حاکم که بیوردی بارغیل دیوان
- ۱۸ خانه غه خط یازغیل منم حکم برلن اوركنج نك حاکمی خان سید که ؛
- ۱۹ ییارسون دین اسلام بیلتورور ایجون اول سید زاده
- Л. 3 a
- ۱ یاریم سید نی و هم اول شیخ زاده شربتی شیخ نی دیدیلر .
- ۲ آندین صوك خواجه یعقوب حاکم خط یازدی و هم
- ۳ کوجوم خاندین کیلکان ایلجی لرنی اوركنج که ییاردی .
- ۴ آندین صوك خط بخارا شهرينك خانیغه سیبرنك
- ۵ خانی کوجوم خاندین ایجلی کیلدی دین اسلام بیلتورور که مونده
- ۶ بر سید زاده و بر شیخ ییارسون دیب ؛ ایمدی مفتی لرنك
- ۷ فتواسی برلن شرع شریف بیوغونجه سز حاکم خان سید که
- ۸ معلوم بولسون بو حکم برلن بو خط بارغاج یاریم سید نی و هم
- ۹ شربتی شیخ نی ییارکیل سیبرکه کوجوم خان نك ایلجی سینه
- ۱۰ شرط برلن تابشرسون یخسی عزة و اکرام برلن خان سید
- ۱۱ خواجه سید زاده برلن شیخ نی اوزاتسون ینجاقلی یول خراجتترین
- ۱۲ بیت المالین بیرسون و هم اون کشی بولارغه بارورغه یولداشغه
- ۱۳ بیرسون یخشی کشی لردین ، ییارکان کشی لری اورده یاش
- ۱۴ بولسون قارت و هم بیك یاش بولماسونلر .
- ۱۵ آندین صوك بو کوجوم خان ننك ایلجی سی عبدالله خان نك بیركان
- ۱۶ خطین اوركنج نك حاکمی خان سید که آلوب کیلدیله ادب عزة و اکرام
- ۱۷ برلن عبدالله خان نك خطینی بیردیله ؛ آلاړ هم آلوب خطغه

۱۸ نظر قیلدیلر خطنی تمام اوقودیلر بو حاکم خان سید خواجه دیوان

۱۹ خانه غه باردیلر هم یاریم سید برلن شربتی مشیخنی ایکوسین دیوان

Л. 36

۱ خانه غه جاقردیلر بو کیلکان خطنی اوقوکز دیدی خان سید خواجه

۲ یاریم سید که بیردی یاریم سید اوقوب شربتی شیخغه بیردی،

۳ شربتی شیخ هم اوقودی ، دین آجار ایجون کوجوم خان ، سید زاده

۴ و هم بر شیخ سوراتغان بولسه و همه عبدالله بارورغه بیورغان

۵ بولسه اسلام دین نی آجار ایجون بز لر هم بارورمن دیدوک .

۶ آندین صوک سفر یارغین قیلوب سیبر خلقی ایسکر

۷ شهرینه یوزلاندوک برنجه کونلردین صوک ایسکرکه یعتین

۸ یتروک ایرتیش قرقینه (جیتینه) ؛ بز نک برله برکه کیلکان

۹ ایلجی خبر ییاردی سید زاده برلن شیخ کیلدیلر دیب؛

۱۰ کوجوم خان اوزی نک نوکارلری برلن ایرتیش نی کیمه که اولتروب؛

۱۱ (اوتروب) جقدیلر و کورشدیلر ، بز لرکه خان برلن کیمه که

۱۲ اولتوروب ایسکرکه جقدوک .

۱۳ آندین صوک کوجوم خان اوزی نک قاتنده یاریم سید نی

۱۴ حاکم لیک قیلغالی بیوردی شرع شریف حکمنی یورتدی ، بز شربتی

۱۵ شیخ بو طابولده یار عزیزلر یاتقان آستانه لر نی بیان قیلدوک .

۱۶ آندین صوک بو یاریم سید ایکی یل تورتنی ایکی یل دین

۱۷ صوک وفات بولدی ، بو یاریم سید وفات بولغاندین

۱۸ صوک بز شربتی شیخ بو ایسکر دین اورکنج که قایتوب

۱۹ باردق بز اورکنج که بارغاندین صوک ینه کوجوم خان یلجی ییاردی

Л. 4a

۱ بخاراغه ، یاریم سید دنیا دین اوتدی ، شربتی شیخ یرینه (اورکنج) که

۲ قایتدی . ینه بز نک قاشمزه شرع شریف حکمنی یورترکه

۳ هم بیلتوررکه بر سید زاده ینه بر شیخ ییارسون دیب ایلجی ییاردی

۴ عبدالله خان ، حاکم که بیوردی بر سید زاده برلن بر شیخ ییارکیل،

- ۵ خواجه یعقوب حاکم ایتدی اول یاریم سید باردی ایمدی آنک
- ۶ برلن بر توغان اینیسی میر علی خواجه نك اوغلی دین علی خواجه نی
- ۷ قایدارا یبارکیل آنک ایجون من اشتدم شربتی شیخ آنک برلن
- ۸ قایتوب بارسه ایسکرکه ینه آستانه لر بار درور آنلرنی بیان
- ۹ قیلغیل دیدور ایرمش ، آنک ایجون ایکوسین برکه یبارکز دیدی.
- ۱۰ آندین صوك عبدالله خان حاکم خواجه یعقوبغه بیوردی
- ۱۱ دیوان خانهغه بارغیل ، خط یازغیل منم حکم برلن اورکنج نك
- ۱۲ حاکمی خان سیدکه یبارسون وفات بولغان یاریم سیدنك اورنیغه
- ۱۳ دین اسلام بیلتوررکه اول هاشم سید زاده دین علی خواجه نی
- ۱۴ و هم اول شیخ زاده شربتی شیخنی دیدی.
- ۱۵ آندین صونك خط یازدی بخارانك خانی ، سیبر خلقی نك
- ۱۶ خانی کوچوم خاندین ایلجی کیلدی دین اسلام بیلتورورکه
- ۱۷ مونده بر سید زاده هم بر شیخ یبارسون دیب یاریم سیدنك اورنیغه
- Л. 46
- ۱ ایمدی مفتی لرنك فتواسی برلن شرع شریف بیورغونجه سز حاکم
- ۲ خان سیدکه معلوم بولسون بو حکم سزکه بارغاج دین علی
- ۳ خواجه نی و هم شربتی شیخنی یبارکیل سیبرکه ، بو کوچوم خاندین
- ۴ کیلکان ایلجیسی که شرط برلن تابشرسون ، یخش عزة و اکرام
- ۵ برلن شیخ نی اوزاتسون ینجاقلی یول خراجت بیت المالدین بیرسون
- ۶ و هم اون کشی بو لارغه برکه بارورغه یولداشغه بیرسون،
- ۷ یخشی کشی لردین ، بیرکان کشی لری اوردا یاشلی بولسونلر
- ۸ قارت همه اشکارا یاش بولماسون دیب.
- ۹ خطنی ایلجی لرنك قولینه بیردی ایلجی لر هم اورکنجکه رمان
- ۱۰ بولدیله.
- ۱۱ آندین صوك بوایلجی لر خطنی اورکنج حاکمی خان سیدکه عزة
- ۱۲ و اکرام برلن بیردیله ، خان سید خواجه قولیغه آلدی باقدی،
- ۱۳ حاکم اوزی دیوان خانه غه باردی ، دیوان خانه غه دین علی خواجه

- ۱۴ برلن شربتى شىخنى جاقدىلر ، بز شربتى شىخ اویده ایردوك
- ۱۵ دیوان خانه غه کردیم ؛ بارغان کشى لردین صوردىلر
- ۱۶ قنى دین علی خواجه ، اول بارغان کشى لر ایتدیلر مکتب ده
- ۱۷ سبق اوقور دیدیلر ؛ آندین صوك ینه بر کشى یباردیلر
- ۱۸ اوینده ساقلاب مکتب دین جقسه مونده آلوب کیل دیب،
- ۱۹ اول کسی باروب اوینده ساقلاب مکتب دین جقغاندین صوك

II.5a

- ۱ بو دین علی خوجه نی آلوب کیلدى
- ۲ دیوان خانه غه عبدالله خان یبارکان خطنى دین علی خواجه نك قولینه بردیلر
- ۳ دین علی آجوب اوقودی ، بز شربتى شىخ نك قولینه بردى ، بز هم
- ۴ اوقودق اورکنج حاکمی خان سید خواجه ایتدی نه جواب بیوروسزلر؟
- ۵ آنده دین علی جواب بردى بز مصلحت قیلايوق بر هفته دین
- ۶ صوك جواب بیرایوک ، خان سید خواجه ایتدی یخشی بولور دیدی
- ۷ بر هفته دین صوك جواب بیردوك بز نی بو ایلجی لر برلن ینه برکه
- ۸ قایتاروب یبارکز بخارا دین آری بارورمز دیدوك ، اورکنج
- ۹ حاکمی آنداغ بولسون دیدی.
- ۱۰ آندین صوك سفر بارغین قیلدوق بیت المالدین سفر خراجیتن آلدق
- ۱۱ بخاراغه یوزلندك ، اورکنج نك حاکمی بر منزل (منزل = استانسه)
- ۱۲ یول اوزاتدی لر و داع قیلوب خان سید خواجه قایتدی لر ، بزلر
- ۱۳ نجه کوندین صوك بخاراغه یتدك ، کیلکانمز نی معلوم قیلدوق
- ۱۴ عبدالله خانغه ؛ عبدالله خان ایتدی من سزلرنی اورکنج دین آری
- ۱۵ کیتسونلر دیب بیورغان ایدم ، مونده نه سبیدین کیلدکر دیدی؟
- ۱۶ بز دین علی خواجه جواب بیردك هر اینه سز بیوریز
- ۱۷ یول بو جاقد (زمانده) قورقنجلی بولدی بز که برکه بارورغه
- ۱۸ یولداشغه کوجوم خان نك آغاسی احمد کرای سلطان نی یبارکیل
- ۱۹ دیدوك ، آندین صوك احمد کرای سلطان نی یباردی ینه

Л. 56

- ۱ یوز کشی برکه ییاردی کوجوم خان نک ایلجی لری برلن برکه کیلدک
- ۲ مونده ایسکرکه.
- ۳ آندین صونک کوجوم خان اوزی نک خان اورنونی
- ۵ بو احمد کرای سلطان غه بیردی ، اول حکم یورتدی.
- ۶ صوک اوزی نک قاین آتاسی جول قزاق خلقی نک خانی
- ۷ شغای خان احمد کرای نی قتل قیلدی؛
- ۸ آندین صوک کوجوم خان ینه ایسکرکه خان لیک قیلدی
- ۹ بو دین علی خواجه غه کوجوم خان لعل خانش اسملی
- ۱۰ قزین بیردی ، بر آنجه یل بو ایسکر شهرنده دوردق.
- ۱۱ آندین صوک بو یورت بوزلدی کوجوم خان دنیا دین
- ۱۲ اوتدی ، کوجوم خان نک اوغلی آرسلان سلطان نی مَسکوکه
- ۱۳ (Москва) غه اولوغ بادشاه ، خان کرمان دیکان یورتنی
- ۱۴ بیردی ، آلر کرمان دیکان یورته مقام توتدیلر و یورن
- ۱۵ لاندیلر
- ۱۶ بو دین علی خواجه دین و لعل خانش دین اوج اوغول
- ۱۷ بولدی اولوغی نک آسمی سلطان محمد خواجه ایکنجی سی نک
- ۱۸ اسمی سید محمد خواجه اوجونجی سی نک اسمی آق سیّد خواجه
- ۱۹ اوزلری طاری توراسنده (قله) مقام توتدیلر. الله اعلم

Л.6a

- ۱ ایسکر شهرنده کوجوم خان ایردی ، جول قزاق نک خانی شغای
- ۲ خان نک قزی لالی بک خانش نی آلدی ، کوجوم برلن
- ۳ لالی بک خانش دین بر اوغول بولدی اسمی آرسلان سلطان
- ۴ بر قز بولدی اسمی لعل خانش ، بو لعل نی دین علی خواجه
- ۵ نکا حلدی.

Перевод¹
[Трактат о родословии]

Л. 1а

1-3) Родословная х^ваджа² (х^ваджаралнын шаджараси) и история (та'рих), находившиеся в деревне с названием Х^ваджа-аул Тобольской губернии, Тарского уезда.

4-5) Бывшие в руках у муллы этой деревни, имама муллы Мухаммада б. Навруза ал-Ибн-Йабини³, старые история (та'рих) и родословная (шаджара) переписаны.

Л. 1б

- 1) Сын Сайид-Аты – Тобучак-сайид. Его сын – 'Ала'-уддин-сайид.
- 2) У этого 'Ала'-уддин-сайида [было] два сына, имя старшего – Йарым-сайид,
- 3) имя младшего – Мир-'Али-х^ваджа. Сын Мир-'Али – Дин-'Али
- 4) х^ваджа. Этот Дин-'Али-х^ваджа из Тары в город Тобол
- 5) пришел: «Наша родословная (шаджара) в смуту Ермака в Иртыше
- 6) утонула, теперь для получения родословия (шаджара) отправлюсь в Ургенч».
- 7) В это время мы, бедный сын Йусуф бия Х^ваджам-Шукур,
- 8) в городе Тобол были ахуном и этому Дин-'Али-х^вадже ответили:
- 9) «Если бы [Вы] раньше отправились, [то] дорога была нормальной, а сейчас [она] опасна.
- 10) Однако нам нет никакой надобности в поездке, поскольку Вы известный человек,
- 11) [ибо] направление ханом Бухары Абдулла-ханом⁴ хану Искера Кучум-хану⁵ сайида из Ургенча для обучения сибирского народа исламской вере
- 12) миру известно и почитаемо.
- 13-14) [В связи с этим] мы Вам здесь напишем родословие (шаджара) вместе с народным свидетельством и со слов и свидетельства прибывшего с Вами Ширбети-шайха⁷,
- 15) – [так] сказали. Дин-'Али-х^ваджа эти слова принял,
- 16) немощь [свою] увидел и поездку в город отменил.
- 17) Затем позвали Ширбети-шайха и старых людей.
- 18) [Затем Х^ваджам-Шукур-ахун сказал:] «Наш отец Йусуф был бием⁸ во времена хана Кучума.
- 19) Наш отец из этого мира переселился, но от нашего отца

Л. 2а

- 1-3) мы, Х^ваджам-Шукур-ахун, слышали о прибытии для обучения исламской вере Дин-'Али-х^ваджи, а также [что] его происхождение от Сайид-Аты⁹ ...»
- 5) Затем спросили Ширбети-шайха и присутствовавшего
- 6) старшего собрания. Ширбети-шайх дал ответ: «Если спросите,
- 7) что я знаю и видел, скажу: действительно, этот Дин-'Али-
- 8) х^ваджа [из рода] Хашима. Их прирожденный [статус] – потомки сайида,
- 8-9) а их родственники – имамы великих [людей] в Бухаре и Ургенче, чалма [у них] – зеленого [цвета], у молодых людей
- 10) рядом с обоими ушами волосы оставляют – это примета потомков сайида.
- 11) Если эту примету увидит [кто бы то ни было], будь то потомок падишаха
- 12-13) или бек, [то] в том же месте остановившись, говорят: «Благословение Пророку, [да будет] мир над ним». Нас вместе с этим Дин-'Али-х^ваджой хан Бухары
- 14-15) 'Абдулла-хан отправил, вдвоем из Ургенча взяв. Заодно присоединил брата Кучум-хана Ахмад-Гирай-султана.
- 16) Сюда, к Кучум-хану, вместе прибыли», – [так] сказал, [а] присутствовавшее собрание
- 17) единогласно сказало: «Действительно!»
- 18) Затем Ширбети-шайх и вместе прибывший
- 19) Баба-Абдал¹⁰, и старые люди [рассказали], как этот Дин-'Али-х^ваджа из Ургенча

Л. 2б

1-2) прибыл и как 'Абдулла-хан [их] отправил. [Они это рассказали], рядом с Х^ваджам-Шукур-ахуном сидя, [а] мы записали в тетрадь. Получился такой рассказ.

- 3) В дату около девятьсот восьмидесятого (980) года¹¹ в Искерском юрте
- 4-5) Кучум хан отправил посла к хану Бухары 'Абдулла-хану, [чтобы тот] одного шайха отправил.
- 6) Затем 'Абдулла-хан в Бухаре своему хакиму¹²
- 7-8) х^ваджа Йа'кубу сказал: «Позовите одного потомка сайида и одного шайха из благочестивых (*изгелер*) людей для распространения исламской веры [среди сибирского] народа.
- 9) Затем хаким Бухары сказал: «Непременно нужно отправить
- 10) Йарым-сайида из города Ургенча, [он] наш родственник и
- 11) ургенчскому хакиму Хан-сайиду-х^вадже – тоже родственник.
- 12) Он – мудрый учитель. Может, его отправите?» – сказал.
- 13) 'Абдулла-хан хакиму сказал: «Шайха откуда пошлем?» Х^ваджа
- 14) Йа'куб-хаким сказал: «Шайха тоже из Ургенча пошлем –
- 15) происходящего от Имама Джа'фара¹³ Ширбети-шайха», – сказал. 'Абдулла-хан
- 16) «Ладно, [да] будет так», – сказал.
- 17) Затем 'Абдулла-хан хакиму приказал: «Иди в диван-
- 18) хане¹⁴, пиши письмо с моей печатью ургенчскому хакиму Хан-сайиду.
- 19) [Пусть он] отправит для обучения исламской вере этого потомка сайида

Л. 3а

- 1) Йарым-сайида и этого потомка шайха Ширбети-шайха», – сказал.
- 2) Затем х^ваджа Йа'куб хаким написал письмо и
- 3) отправил прибывших от Кучум-хана послов в Ургенч.
- 4-5) Затем, [в письме говорилось, что] от сибирского хана Кучум-хана прибыл посол [с] письмом к хану города Бухары: «Для обучения исламской вере сюда
- 6-7) пришлите одного потомка шайха и одного сайида». ['Абдулла-хан диктовал:] «Теперь же приказ фетвой¹⁵ муфтиев, благородным законом (*шари'*) Вам, хакиму Хан-сайиду,
- 8) [да] будет известно: [когда] это письмо с печатью придет, Йарым-сайида и
- 9-10) Ширбети-шайха отправьте в Сибирь, передав послу Кучум-хана с условием (*шарт*): с уважением и почестью Хан-сайид
- 11) х^ваджа [пусть] проводит потомка сайида с шайхом, все необходимые в дороге расходы
- 12) [пусть] выдаст из казны (*бейт-ул-мал*) и десять человек им в дорогу попутчиками
- 13) даст из хороших людей¹⁶; отправленные люди средних лет
- 14) [пусть] будут, не старыми и не слишком молодыми».
- 15-16) Затем посол этого Кучум-хана привез данное 'Абдулла-ханом письмо ургенчскому хакиму Хан-сайиду. [С соблюдением] обычая уважения и почести
- 17) к 'Абдулла-хану письмо вручили. Он [хаким], взяв, письмо
- 18) рассмотрел, прочел письмо полностью. Этот хаким Хан-сайид х^ваджа в диван-
- 19) хане пошел и обоих, Йарым-сайида с Ширбети-машайхом, в диван-

Л. 3б

- 1) хане позвал. «Это пришедшее письмо читайте», – сказал. Хан-сайид х^ваджа
- 2) дал Йарым-сайиду. Йарым-сайид, прочитав, дал Ширбети-шайху.
- 3) Ширбети-шайх тоже прочитал. «[Если] Кучум-хан для открытия [людям] веры потомка сайида
- 4) и одного шайха позвал и, кроме того, 'Абдулла[-хан] приказывает ехать
- 5) для открытия [людям] исламской веры, то мы поедem», – сказал [Ширбети-шайх].
- 6-7) Затем, приготовив [все] необходимое в путешествии, отправились в город [=столицу] сибирского народа Искер. Спустя несколько дней приблизились к Искеру,
- 8) [что] на берегу Иртыша. Прибывший с нами вместе
- 9) посол отправил весть: «Прибыли потомок сайида с шайхом».
- 10) Кучум-хан со своими нукерами¹⁷, сев в лодку, переплыл Иртыш
- 11-12) и встретился [с нами]. Посадив нас вместе с ханом в лодку, направились в Искер.
- 13-14) Затем Кучум-хан приказал сделать под своим покровительством хакимом, блюсти благородный закон (*шари'*) и суд. Мы, Ширбети-шайх,

15) в этом Тоболе делали известными (*бэйан*) астана¹⁸ почтенных усопших (*йар 'азизлер йаткан астана*).

16) После этого этот Йарым-сайид два года жил, спустя два года

17) умер. После смерти Йарым-сайида

18) мы, Ширбети-шайх, из этого Искера в Ургенч вернулись.

19) [Когда] мы ушли, Кучум-хан вновь отправил посла из Искера

Л. 4а

1-2) в Бухару: «Йарым-сайид ушел из мира, Ширбети-шайх вернулся на родину, в Ургенч. [Чтобы] вновь блюсти при нас благородный закон (*шари'*) и суд

3) и учить [народ], пришлите одного потомка сайида и заново одного шайха» – [с такими словами] посла отправил.

4) 'Абдулла-хан хакому указал: «Одного потомка сайида и одного шайха отправь».

5) Х^ваджа Йа'куб-хаким сказал: «Этот Йарым-сайид ездил. Теперь его

6) родного младшего брата, сына Мир-'Али-х^ваджи, Дин-'Али-х^ваджу

7-8) туда отправь. Поскольку я слышал, [что там] еще есть астана, [пусть] Ширбети-шайх вместе с ним вернется в Искер, их известными (*бэйан*)

9) сделает», – сказал. «Поэтому отправьте вдвоем вместе», – сказал.

10) Затем 'Абдулла-хан хакому Йа'куб-х^вадже поручил:

11) «Иди в диван-хане, пиши письмо с моей печатью

12) хакому Ургенча Хан-сайиду. [Пусть] отправят на место умершего Йарым-сайида

13) для обучения исламской вере этого потомка Хашим-сайида Дин-'Али-х^ваджу

14) и этого потомка шайха Ширбети-шайха», – сказал.

15-17) Затем хан Бухары написал письмо: «От хана сибирского народа Кучум-хана прибыл посол, [чтобы] сюда прислали одного потомка сайида и одного шайха для обучения исламской вере вместо умершего Йарым-сайида.

Л. 4б

1) Теперь, ветвой муфтиев, указанием благородного закона (*шари'*) Вам, хакому

2) Хан-сайиду, [да] будет известно: [когда] это письмо к Вам придет, Дин-'Али-

3-4) х^ваджу и Ширбети-шайха отправьте в Сибирь, поручи [их] пришедшему от этого Кучум-хана послу с условием (*шарт*): с хорошим уважением и почестью

5) шайха [пусть] проводит, все необходимое в дороге выдаст из казны (*бейт-ул-мал*)

6) и [пусть даст] десять человек им попутчиками в дороге

7) из хороших людей; отправленные люди [пусть] будут средних лет,

8) [но] не будут старыми или слишком молодыми».

9) Письмо дали в руки послов. Послы в Ургенч робко

10) выдвинулись.

11-12) Затем эти послы отдали с уважением и почестью письмо ургенческому хакому Хан-сайиду. Хан-сайид х^ваджа [письмо] взял в руки, посмотрел.

13-14) Хаки сам пошел в диван-хане и позвал в диван-хане Дин-'Али-х^ваджу и Ширбети-шайха. Мы, Ширбети-шайх, были дома, [поэтому]

15) пришли в диван-хане. С отправленных людей спросили:

16) «Где Дин-'Али-х^ваджа?». Эти отправленные люди сказали: «В школе

17) дает урок». Затем вновь отправили одного человека:

18) «У дома выждав, [когда он] выйдет из школы, сюда приведи».

19) Этот человек пошел, выждал у дома, после выхода из школы

Л. 5а

1) этого Дин-'Али-х^ваджу привел

2) в диван-хане. Присланное 'Абдулла-ханом письмо дали в руки Дин-'Али-х^вадже.

3) Дин-'Али открыл, прочитал, нам, Ширбети-шайху, в руки отдал, мы тоже

4) прочли. Хаки Ургенча Хан-сайид х^ваджа сказал: «Какой ответ даете?»

5) Тогда Дин-'Али-х^ваджа ответил: «Сделаем доброе дело. Через неделю

6) ответ дадим». Хан-сайид х^ваджа сказал: «Будет хорошо».

- 7) Через неделю мы дали ответ: «Нас с этими послами обратно
- 8) верни, из Бухары точно поедем», – сказали. Ургенчский
- 9) хаким сказал: «[Да] будет так».
- 10) Затем совершили путешествие. Дорожные расходы взяли из казны (*бейт-ул-мал*),
- 11-12) направились в Бухару. Ургенчский хаким проводил [нас до] первой остановки в пути и, достигнув гор, Хан-сайид х^ваджа вернулся. Мы
- 13) через несколько дней прибыли в Бухару. О приезде сообщили
- 14-15) ‘Абдулла-хану. ‘Абдулла-хан сказал: «Я ведь вас послал из Ургенча, [чтобы] ехали [в Искер]; сюда по какой причине пришли?»
- 16-17) Мы, Дин-‘Али-х^ваджа, дали ответ: «В это время дорога стала опасной, [поэтому] непременно поручите с нами вместе для похода
- 18) отправить попутчиком брата Кучум-хана Ахмад-Гирай-султана».
- 19) Затем [‘Абдулла-хан] отправил Ахмад-Гирай-султана. Еще

Л. 56

- 1) послал сто человек. Прибыли вместе с послами Кучум-хана
- 2) сюда, в Искер.
- 3) После этого Кучум-хан свое ханское место
- 4) отдал Ахмад-Гирай-султану. Он власть держал.
- 5) Этот Ахмад-Гирай-султан ханствовал четыре года, затем
- 6-7) Ахмад-Гирай убил отца собственной жены – хан народа кочевых казаков Шигаи-хан.
- 8) Затем Кучум-хан вновь в Искере стал ханом.
- 9-10) За этого Дин-‘Али-х^ваджу Кучум-хан выдал дочку, ханшу по имени Лейла. Первый год в этом городе Искер жили.
- 11) Затем этот юрт рухнул, Кучум-хан умер.
- 12-15) В Москве великий падишах дал юрт Керман сыну Кучум-хана Арслан-султану. Они жили в Керманском юрте¹⁹.
- 16-18) У этого Дин-‘Али-х^ваджи и ханши Лейлы было три сына. Имя старшего – Султан-Мухаммад-х^ваджа, имя второго – Сайид-Мухаммад-х^ваджа, имя третьего – Ак-сайид-х^ваджа.
- 19) Сами [они потом] жили в городе Тара. А знание у Аллаха.

Л. 6а

- 1-2) В городе Искер был Кучум-хан, [который] взял дочь хана кочевых казаков Шигаи-хана ханшу Лайлу-бек. От Кучум-хана и
- 3) ханши Лайлы-бек был один сын, именем Арслан-султан,
- 4) и одна дочь, именем ханша Лейла. Эту Лейлу за Дин-‘Али-х^ваджу
- 5) отдал.

Комментарии

¹ При наборе арабской графики по техническим причинам персидские буквы заменены арабскими. Принимаются транскрипционные знаки для фонем ‘*айн* [‘] и *хамза* [’]. Прилагаемое к списку родословное древо из-за больших размеров здесь не приведено, но будет опубликовано совместно с С.Н. Корусенко при сопоставлении с материалами метрических книг и переписей.

² Термин «х^ваджа» входит в следующую цепочку: санскрит. *upādhyāya* – пракрит. *uvājjhāa* – староуйгур. *хвāja* (в буддийских текстах) – перс.-тадж. *х^ваджа-ходжа* – татарск. *хозя* – рус. *хозяин*. Значение изменилось: монах – святой – «одаренный [выс-

шим] знанием» через «знающий – грамотный» (у мусульман в первую очередь знаток арабского языка и Корана, особенно «уважаемый – почтенный» и вплоть до «господин» и даже «начальник»). Х^ваджа – уважаемый человек, хорошо знающий Коран, умеющий читать и писать по-арабски, поэтому с полным правом занимающий разные высокие посты (Настич, 1989, с. 174; Jürgen, 1991, S. 144; Wehr, 1958, S. 238).

³ По данным переписей имам Мухаммад-х^ваджа б. Науруз-х^ваджа Ибн-Йабинов (род. 1837 г.) был указным муллой д. Сеитово Тарского уезда (ныне Омская область) уже в 1858 году, когда ему было двадцать лет; учился у прежнего указного муллы Аниятва

Аширбаги. Имел земельные владения и два бревенчатых дома, крытых тесом.

⁵ Абдулла (1533–1598) – бухарский хан из династии Шибанидов, сын Искандар-султана.

⁶ Кучум (ум. ок. 1598) – сибирский хан, Шибанид, сын Муртазы.

⁷ Шайх (арабск., мн. ч. шуйх, ашйах, машйах, машайх) – старец, вождь, староста; духовный лидер; глава суфийской обители (Cour, 1934, Р. 275; Jürgen, 1991, S. 144).

⁸ Бий (тюркск.) – князь, представитель аристократии (Гиганов, 1801, С. 33).

⁹ Возведение рода Дин-‘Али-х^ваджи именно к Сайид-Ата имеет принципиальное значение. Н. Ханыков приводит такие сведения о сайидах и х^ваджа в Средней Азии: «Первые два сословия в Государстве суть: 1) Сеиды и 2) Ходжи... Принадлежащие к этим сословиям должны иметь письменные родословные (шаджара), которые доказывали бы их происхождение от четырех названных особ (т.е. ‘Османа, ‘Али, Абу-Бекра или ‘Омара – А.Б.). Ходжи разделяются на два отдела: на Ходжи Сеид-ата и Ходжи Джуй-бари, первые имеют преимущество перед вторыми, потому что все имеют письменные доказательства своего происхождения, между вторыми же есть некоторые семейства, слывшие постоянно Ходжами, но затерявшие свои родословные» (Ханыков, 1843, с. 182). Ряд почетных должностей в Бухарском ханстве предоставлялся только потомкам Сайид-Ата. В прилагаемой к «Шаджара рисаласи» родословной имеется комментарий к этому персонажу: «Потомки Сайид-Аты жили в Бухаре, Самарканде, Ургенче. Сам этот Сайид-Ата в Ташкенте был мюридом Занги-Ата. Чудеса (*караматы*) его святости известны». Занги-Ата (букв. «черный отец», похоронен в 1258 г. у Ташкента) – популярный народный святой, ученик шайха Хаким-Ата, считается покровителем скота. Ученичество Сайид-Ата у Занги-Ата подтверждается суфийской традицией. Более того, именно Сайид-Ата приписывается обращение в ислам хана Узбека в 1310–1311 г. (Абашин, 2006, с. 152).

¹⁰ Абдал (ед. ч. ибдал «заменитель») – святой в особой иерархии посвященных в таинства познания божества (см. подробно: ИА, 1988, S. 59-61).

¹¹ 980 год хиджры соответствует 1572–1573 гг. Акцент следует сделать на том, что

дата определена автором сочинения примерно.

¹² Хаким (арабск., мн. ч. хуккам) – правитель, губернатор, начальник; судья, арбитр. В данном контексте – правитель города.

¹³ Имам Джа‘фар – шестой имам ши‘итов-двунадесятников, снискавший авторитет в области духовного законоведения среди мусульман вообще. Вероятно, имеется ввиду духовная преемственность, высоко поднимающая статус Ширбети-шайха.

¹⁴ Диван-хане (перс.) – суд, помещение суда, судебная палата. Диван – совет высших чиновников, государственный совет; двор, придворное окружение. Диваноррәсәл – канцелярия по составлению дипломатических документов (Персидско-русский словарь, 1970. С.696-697).

¹⁵ Фетва – предписание, изданное духовными лицами в рамках мусульманского права.

¹⁶ При толковании этого места появилось мнение, что под словом *йахишилар* (татарск., «хорошие») следует разуметь святых, как их называют сибирские татары (Исхаков, 1997, с.63). Однако это не тот случай. Текст носит светский характер, а в этом месте до крайности утилитарный: ведь далее поясняется, какими хорошими характеристиками должны обладать попутчики.

¹⁷ Нукер (монг.) – дружинник, военный слуга, часто воин вообще.

¹⁸ Астана (перс.) – гробница святого, место паломничества. Сочетание «йар ‘азизлер» в данном случае – синоним арабского термина «вали», т.е. святой, близкий, почтенный (Гиганов, 1801, с.53, 70; Белич, Селезнев).

¹⁹ Под Керманом здесь следует понимать город Касимов и само царство, где правил внук хана Кучума Арслан. Объяснить, почему в тексте он назван сыном Кучума от Лайлы-бек, пока не удалось.

Список литературы

Абашин С.Н. Занги-Ата // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. – Т.1. – М., 2006.

Белич И.В., Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М. (в печати).

Грамматика татарского языка, сочиненная учителем татарского языка, Софийского

собора священником Иосифом Гигановым и Муллами юртовскими свидетельствованная. СПб., 1801.

Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. – Казань, 1997.

Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып. VII. – Тобольск, 1987.

Настич В.Н. К эпиграфической истории Баласагуна (Анализ изданных надписей и новые находки) // Красная Речка и Бурана: Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции Фрунзе, 1989.

Персидско-русский словарь в 2-х тт. / Под ред. Ю.А. Рубинчика. – Т.1. – М., 1970.

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Ч.IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. – СПб., 1872.

Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений

по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археография и источниковедение. – Новосибирск, 1979.

Описание Бухарского ханства, составленное Н. Ханыковым. – СПб., 1843.

Cour A. Shaikh // The Encyclopedia of Islam. Volume IV. S-Z. Leyden, London, 1934.

Jürgen P. Die politische und soziale Bedeutung der Naqsbandiyya in Mittelasien im 15. Jahrhundert (Studien zur Sprache, Geschichte und Kultur des islamischen Orients. Neue Folge. Band 13). – Berlin, New York, 1991.

Radloff V.V. Proben der Volksliteratur der Türkischen Stämme Süd-Sibiriens. IV. Teil. Die Mundarten der Barabiner, Taraer, Toboler und tümenischen Tataren. – St.-Petersburg, 1872.

Wehr H. Arabisches Wörterbuch für die Schriftsprache der Gegenwart. Leipzig, 1958.

IA, 1988 – Islam Ansiklopedisi. Cilt 1. Istanbul, 1988.

جلد ۱. اورنبورغ، ۱۹۰۹ – ۱۹۰۹،
رضا الدین بن فخرالدین. آثار. ۱۰ جزء، ۲۰۰۰

Р.Г. Галлям, Р.Г. Насыров

Историческая география Закамья в эпоху Казанского ханства (к проблеме расселения в регионе в XV–XVI вв.)

Закамье – один из историко-географических регионов Среднего Поволжья, многовековое прошлое которого характеризуется исторически значимыми процессами и событиями. Эта территория также является колыбелью ислама в Среднем Поволжье. Умеренно-континентальный климат, ландшафт с преобладанием равнинной лесостепной зоны в междуречье рек Шешма, Кама и Волга – в Западном Закамье – и с более выраженным рельефным разнообразием восточнее р. Шешмы, в Восточном Закамье (особенно на юго-востоке), наличие плодородных черноземов, лесных массивов с преимущественно лиственными породами деревьев, крупных рек с большими и малыми притоками, прежде всего таких крупнейших водных магистралей Восточной Европы как Волга и Кама, с обширными, богатыми на разнотравье пойменными лугами, издавна создавали благоприятные условия для занятий как охотой и рыболовством, так и земледелием и скотоводством, промыслово-производительной деятельностью и торговлей. Эпоха Волжской Булгарии – наиболее заселенный период в истории края. С конца IX в. до монгольских завоеваний Западное Закамье выполняло функцию культурно-политического и экономического центра всего Среднего Поволжья. Здесь образовались и развивались «Великий город» средневековья Биляр и другие крупные города: Сувар, Булгар, Джукетау и др. Городские поселения были и в Восточном Закамье. К домонгольскому периоду относятся около 700 выявленных сельских поселений в Закамье.

Нашествие войск хана Батые в 1236 г. изменило структуру расселения края. С этого времени количество закамских поселений начинает сокращаться, и эта тенденция сохранилась вплоть до начала XVII в. Тем не менее, с вхождением болгарских земель в состав Золотой Орды регион сохраняет свою политическую и культурно-экономическую значимость. В период Золотой Орды в одном лишь Западном Закамье существовало не менее 120 поселений. Около 30 из них функционировали и в домонгольский период, а остальные являлись заново отстроенными. Еще более 100

населенных мест классифицируются археологами как общеполгарские, они могли существовать до и после нашествия монголов (Фахрутдинов, 1975, с.89-152). В этот период возвышаются города Булгар и Джукетау, ставшие центрами автономных княжеств-эмиратов.

События конца XIV–XV веков, связанные с ослаблением политической мощи и распадом Золотой Орды, вновь сильно изменили географию расселения всего поволжского региона. Интенсивные миграционные процессы происходили и в Закамье. Конец XIV – середина XV века явились тем переломным периодом, когда произошло очередное резкое сокращение городских и сельских поселений в Закамье. Нашествие войск Тамерлана в 1391 г., участвовавшие набеги ушкунников, разорение в 1431 г. города Булгар и его округа Федором Пестрым, катаклизмы социально-политического, хозяйственно-экономического характера способствовали перемещению основной массы населения в более благополучные регионы – в Предкамье и Предволжье (Нагорную сторону), возвышению нового культурно-политического центра – Казани. Таким образом, территории, ранее являвшиеся периферией Волжской Булгарии, стали центральными областями Казанского ханства.

Период Казанского ханства в истории Закамья является наименее изученным. Еще до недавнего времени прошлое края эпохи ханства оставалось неким «белым пятном» в позднесредневековом прошлом Волго-Камья. Ряд исследований последних лет несколько проясняют картину XV–XVI вв. в регионе (Исхаков, 1998, с.16-31, 140-174; Трепалов, 2002, 752 с.; Галлям, 2002, с.280-316; Исхаков, Измайлов, 2005, с.20-33; Насыров, 2007, с.26-42 и др.). Однако, вопрос все еще далек от исчерпывающего решения. До настоящего времени остаются неразрешенными проблемы вхождения закамских земель в состав Казанского ханства и пределов его территориальной юрисдикции, роли и места региона в социально-политической системе данного позднесредневекового государства,

этнической составляющей и поселенческой структуры края в этот период.

Главная причина кроется в малочисленности письменных свидетельств той эпохи. Положение усложняется малоизученностью археологии края периода ханства, нехваткой целевых историко-археологических изысканий в этой области.

Ранее преобладала и была как бы хрестоматийной точка зрения, согласно которой с XV в. вплоть до строительства в 1652–1656 годах Закамской засечной линии, Закамье представляло собой некое «дикое поле», где «летовали» кочевые племена, прежде всего, ногайцы. Это положение с легкой руки Г.И.Перетятковича глубоко утвердилось в XIX в. (Перетяткович, 1882, с.114). Основная цель, которую преследовал исследователь – показать прогрессивное значение российской экспансионистской политики в крае. Его подход к проблеме и оценка русской колонизации новозавоеванных земель базируется в основном на писцовом материале второй половины XVI – начала XVIII вв., в котором имеются сведения лишь относительно небольшой, в основном западной окраины земель региона и Засечной черты 1652–1656 годов с острожками. Вопрос заселенности региона в эпоху Казанского ханства мало интересовал Г.И.Перетятковича. Таким образом, за неимением в своем распоряжении других источников, он свел проблему к гипотетическим рассуждениям о «дикости» края в этот период. Впоследствии этот тезис укоренился и в советской исторической науке.

Вместе с тем, были и исследователи, которые вопреки официальной точки зрения придерживались мнения о том, что не смотря на перемещение основной части населения Закамья в центральные области Казанского ханства, в Заказанье и Предволжье, определенное количество оседлого населения в регионе проживало и в XV–XVI веках. Такого мнения придерживались исследователь XIX в. С.Е.Мельников, а также целый ряд ученых последующих периодов М.Г.Худяков, С.Вахиди, Е.И.Чернышев, Р.Г.Фахрутдинов и др. (Мельников, 1885, с.1; Худяков, 1990, с.17-18; Чернышев, 1971, с.272-292; Фахрутдинов, 1975, с.75-78 и т.д.).

В условиях развития современной исторической науки данный тезис нашел развитие в ряде источниковедческих статей археологов по результатам новых раскопок в Закамье, новейших исследованиях Д.М.Исхакова, И.Л.Измайлова, Р.Г.Насырова и других авторов (Ис-

хаков, 1998, с.16-31, 140-174; Исмаилов, 2002, с.20-33; Насыров, 2007, с.26-42 и т.д.). Эти разработки опираются на более широкую источниковедческую базу от данных археологии до материалов исторической этнографии и лексикологии. Однако в них вопросы исторической географии Закамья эпохи ханства, расселения в крае в этот период затронуты лишь частично, в контексте разработки других актуальных вопросов позднесредневековой истории Среднего Поволжья и татарского народа. В этой связи выявляется потребность в более целенаправленной разработке проблемы. Её изучение предполагает рассмотрение ряда взаимообусловленных вопросов: 1) проблемы вхождения Закамья в состав Казанского ханства и территориальных пределов его юрисдикции в регионе; 2) этнической составляющей края эпохи ханства с определением типов ее хозяйствования; 3) места и роли закамских земель в социально-политической системе Казанского ханства и Ногайской Орды; 4) выявление и локализация поселенческой сети Закамья в XV–XVI века с определением основных факторов расселения.

Как выше отмечалось, история Казанского ханства характеризуется малым количеством письменных источников, узостью их круга. В этих условиях подавляющая часть трудов по данной тематике базируется на сведениях русских летописей. Во многих случаях их достоверность вызывает у исследователей обоснованную критику. Тем не менее, в них можно почерпнуть информацию о политических событиях в столице ханства и ее округе, сведения, касающиеся взаимоотношений Казанского ханства с Московским государством и т.д. Закамский же край оставался вне поля зрения русских летописцев. В этом кроется одна из основных причин малочисленности летописных сведений о Закамье периода ханства. В этой ситуации значительно возрастает значение археологических источников.

Что касается археологии Казанского ханства, то положение в этой области с начала 70-х годов XX в., когда ученый-археолог Р.Г.Фахрутдинов в одной из своих статей программного характера заявил о том, что «археология Казанского ханства является одной из слабо изученных во всей средне-волжской историографии», изменилось не существенно (Фахрутдинов, 1973, с.114). Несмотря на то обстоятельство, что в последние несколько десятков лет Закамье было охвачено археологическими исследованиями,

результаты их не следует считать окончательными. Так, из 1262 археологических памятников Западного Закамья только 85 были выявлены в пределах ныне существующих поселений (Фахрутдинов, 1975, с.87-154). Между тем «археологическая карта Казанского ханства в отличие от археологических карт более древних государственных или иных объединений имеет своеобразие. Дело в том, что остатки открытых поселений, деревень, т.е. селища являются нижними слоями тех современных татарских сел, существование которых с периода Казанского ханства известно по писцовым книгам середины XVI – начала XVIII в.» (Фахрутдинов, 1973, с.116). Таким образом, во многих случаях без проведения археологических исследований на заселенных территориях невозможно выявить возраст поселений, так как иные из них могли существовать непрерывно в течение многих веков, не меняя своего месторасположения. Это, прежде всего, касается селений, не датируемых по письменным источникам. К тому же различные районы Закамья исследованы археологами крайне неравномерно. Так, часть Закамья восточнее р. Шешмы (Восточное Закамье) гораздо менее изучено по сравнению с Западным Закамьем. По подсчетам Г.И.Дроздовой, к концу XX в. на территории Республики Татарстан археологами было выявлено и обследовано более 4360 археологических памятников «разной культурной принадлежности и разных периодов, начиная с палеолита и кончая памятниками средневековья» (Дроздова, 1999, с.69-70). Один из основных ее выводов сводится к тому, «что памятникам позднего средневековья отводилось очень незначительное место, хотя в последнее время период XVI-XVIII вв. стал вызывать особый интерес в плане исторических реконструкций и активно изучаться археологами соседних регионов. Территория нашей республики очень слабо исследована в плане позднесредневековых памятников» (Дроздова, 1999, с.69-70).

Таким образом, потенциальные возможности археологии в деле исследования истории, материальной культуры Казанского ханства, выявления сети его поселений остаются пока не до конца востребованными. Формула о том, что «важнейшей задачей исследования Казанского ханства является анализ его социально-экономической структуры на основе углубленного изучения материальной культуры города и деревни» (Фахрутдинов, 1973,

с.117), сформулированная историком-археологом Р.Г.Фахрутдиновым еще в начале 70-х годов XX в., остается и поныне актуальной.

В итоге неполные данные археологии (в т.ч. исторической эпиграфики), сохранившиеся тексты двух ярлыков казанских ханов Сахиб-Гирея и Ибрагима, нескольких тарханных грамот, актов частного характера, отрывочные сведения, содержащиеся в Посольских делах Русского государства XVI в. (прежде всего, в так называемых «Ногайских делах»), редкие сообщения русских летописей и свидетельств современников, небольшое количество историко-картографического материала, а также татарские источники легендарного характера (предания и легенды об образовании населенных пунктов, исторических событиях периода, татарские шеджере, ряд историко-литературных произведений) являются тем базисом, на который исследователи опираются при разработке проблем истории Закамья эпохи Казанского ханства. Как видно, источниковая база темы не отличается богатством и разнообразием. В этой ситуации чрезвычайно важны усилия по расширению круга документальной основы проблематики, оснащению его новыми источниковыми свидетельствами эпохи. Каковы же ближайшие перспективы в этом направлении?

Прежде всего, в условиях острой недостаточности документальных источников оправдано применение такого общепринятого метода исторической науки, как метод исторической ретроспективы (историко-ретроспективный метод). Этим методом в числе первых воспользовался исследователь 60–70-х годов XX века Е.И.Чернышев при установлении перечня селений Казанского ханства по писцовым книгам второй половины XVI – начала XVII веков (Чернышев, 1971, с.272-292). Ныне этот метод достаточно широко применяется современными исследователями при разработке различных проблем истории Казанского ханства и других позднесредневековых татарских государств.

Актовые, делопроизводственные источники более позднего, «русского» периода могут содержать в себе ретроспективную информацию об эпохе Казанского ханства. Например, в числе таковых так называемые «Спорные дела» Генерального межевания конца XVIII – середины XIX веков, сосредоточенные в основном в фондах Российского государственного архива древних актов (г. Москва). В силу своего характера судебных тяжб

по земельным дачам, они могут заключать в себе акты документы по землевладениям более раннего периода (в т.ч. и эпохи ханства). Именно в «Спорных делах» фондов Генерального межевания в свое время был обнаружен текст ярлыка казанского хана Ибрагима.

При квалифицированном применении метода исторической ретроспективы важную информацию по исторической географии Закамья эпохи ханства дают и сведения писцовых, переписных книг XVII – начала XVIII веков. Эти книги составлялись в фискальных целях. Писцы, составлявшие эти книги, начали ездить в Закамье, начиная с середины XVII в. Тогда, в связи с развитием колонизационных процессов, регион стал объектом пристального внимания правительства. К сожалению, большая часть писцовых, переписных книг утрачена. Однако в «Спорных делах» Генерального межевания конца XVIII в. имеются частые ссылки на них. Так, установлено, что в середине XVII в. писец С.Волынский описывал и внутренние районы Закамья. Сохранились лишь книги с описанием селений, прилегающих к р. Каме. Также утеряны тексты разводных и поместных книг Д.Плещеева и Г.Шаховского конца 70-х годов XVII в., а также другие писцовые книги. Тем не менее, имеющийся в наличии писцовый материал служит хорошим подспорьем при изучении проблем исторической географии Закамья эпохи ханства, вопросов расселения в регионе в этот период. Если точкой отсчета массовой колонизации Закамья, на основе метода исторической ретроспективы, считать период возведения Засечной черты середины XVII в., то селения, зафиксированные в источниках до этого времени, могли существовать и ранее (в т.ч. в период ханства). Данной методикой воспользовался Е.И.Чернышев при выявлении большинства селений Казанского ханства.

Недостаточность источниковой базы вынуждает также прибегнуть к материалам исторической лингвистики. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что многие русские селения в регионе имеют татарские названия. Этому явлению обратили внимание многие исследователи истории Среднего Поволжья. Их выводы сводились к тому, что они были образованы на месте прежних татарских поселений (Износков, 1895, с.1 и т.д.).

Таким образом, имеющийся в наличии источниковый и историографический материал позволяет в определенной мере рассмотреть

круг затронутых проблем исторической географии Закамья эпохи Казанского ханства, вопросы расселения в регионе в этот период.

Прежде чем приступить к выявлению населенных мест Закамья, существовавших до середины XVI в., следует определить: какому государству был подвластен регион? Ряд источников XVI в. свидетельствует о вхождении закамских земель в состав Казанского ханства. Так, «Казанский летописец» представляет всю Закамскую сторону – от Волги до устья Белой как часть территории ханства: «То бо бе прежде земля Болгарец малых за Камою промеж великия реки Волги и Белыя Воложки, до Великия орды Нагайския» (Казанская история, 1954, с.48). Одним из косвенных подтверждений этому может послужить и тот факт, что в начале XVII в. за казанским «новокрещеным» князем Яковом Асановым (Асан Мурзиным) «по выписи с Казанские дачи» 1596/1597 г. числились бортные угодья, «что было за отцом его», «да бобровыя гоны и рыбные ловли за рекою за Камою, по реке по Волге, и на Нагайской стороне по Самарской дороге, ниже Тетюж по Мамне (Майне – Р.Г.) реке Алтыбаевский луг, по речке по Уреню по вершине ... и по Волгу реку, а по Волге по реке на низ. От Майнского устья нижняя межа по Краиной (Красной – Р.Г.) Яр, повыше Синбирского городища. А верхняя межа по Мамне (Майне – Р.Г.) реке, по нижнюю сторону» (Писцовая книга, 1978, с.67). Учитывая, неподконтрольность Закамской стороны тогда Русскому государству можно заключить, что эти угодья принадлежали Асан Мурзиным еще со времен Казанского ханства.

Подвластность закамских земель казанским ханам подтверждают и татарские исторические источники. Интересные сведения о даровании в 1526 г. ханом Сафа-Гиреем тарханного ярлыка городу Булгар, содержит родословная, обнаруженная в начале XX в. в дер. Надир Бугульминского уезда (Фәхредин, 2005, б.46)¹. Как известно, тарханное право давало его обладателям особые привилегии: освобождение от уплаты налогов и судебно-административный иммунитет (Фахрутдинов, 1995, с.192). Безусловно, факт жалования Булгару тарханной грамоты является доказательством его заселенности и нахождения под властью казанских царей.

¹ Также следует обратить внимание на то обстоятельство, что хан Гирей является популярным персонажем исторических преданий закамских татар (Татар халык ижаты, 1987, б.28).

В татарском историческом повествовании середины XVI в. «Зафарнамэи вилаяте Казан», описывающем поражение московского войска под Казанью в феврале 1550 г., среди прочих казанских военачальников, упоминается правитель «Булгарской области» Бибарс Растов (Хажитархани, 2005, б.18). Данное сообщение позволяет раскрыть некоторые аспекты состояния Закамского региона на последнем этапе периода ханства. Во-первых, существование отдельной области со своим правителем свидетельствует о проживании на данной территории определенного количества населения. Во-вторых, факт правления в крае представителя высшей феодальной элиты государства, являющегося, к тому же, одним из приближенных хана Сафа-Гирея, доказывает вхождение Булгарской области, т.е. Закамской территории, в состав Казанского ханства. В-третьих, вероятность происхождения Бибарса Растова из ногайского рода Мангыт означает, что Булгарская область контролировалась ногайцами, находящимися в союзнических отношениях с ханством (Хажитархани, 2005, б.18)².

Важным источником, подтверждающим вхождение Закамья в состав Казанского ханства, является карта путешественника А.Дженкинсона, датируемая 1562 г. На ней в качестве южной границы Казанской земли показана р. Самара, за которой начинаются ногайские кочевья, а Закамье отнесено к внутренним территориям (Рыбаков, 1974, с.24, 25, 38).

Между тем, в описании своего путешествия А.Дженкинсон указывает Каму в качестве северного предела «страны Мангат или Ногаев». Кроме того, еще целый ряд источников свидетельствует о вхождении прикамских земель в зону ногайских кочевий (Английские путешественники, 1938, с.169). Исследования Д.М.Исхакова и В.В.Трепавлова позволили раскрыть причину противоречивости источников относительно северной границы Ногайской Орды. По их мнению, право летовать на южных окраинах ханства было даровано мангытским князьям в благодарность за военную поддержку и в знак соблюдения союзнических отношений. Косвенным под-

тверждением тому являются карты XVI–XVII вв., в которых территория к югу от Камы обозначена названием «Булгария» (см.: Материалы, вып.1, № 24, 28, 29; вып.2, №44).

Период двойной казанско-ногайской подчиненности края, по-видимому, начался не позднее 1535 г., когда хан Сафа-Гирей при помощи мангытских мурз возвратил себе казанский трон. В том же году документы впервые упоминают о ногайских кочевьях в предместьях Казани.

Другим важным источником, определяющим статус закамских земель в XVI в., является грамота Ивана IV (1576 г.), посланная одному из ногайских мурз. В документе в числе татарских «юртов», находящихся под владением московского царя, упоминается «Болгарский царев юрт». Очевидно, этим термином обозначена часть территории Казанского ханства, которая идентифицируется с Закамской стороной (Трепавлов, 2002, с.468, 469). Выражение «царев юрт» свидетельствует о высоком статусе Булгарской земли, сопоставимый с другими «царевыми юртами». С другой стороны, отсутствие в формулировке ее привязки к какому-либо одному из правящих родов или кланов указывает на то, что данная территория не была закреплена за какой-либо конкретной династией (Трепавлов, 1998, с.146). В этой связи следует отметить, что «царевы юрты» не могли находиться в составе Ногайской Орды, так как ее правители – князья из рода Идегея – не обладали правом легитимно властвовать в «царевых юртах». Следовательно, «Болгарский царев юрт» по политико-правовым нормам эпохи мог быть подвластен лишь представителям джучидов, царствующим в Казанском ханстве.

Из вышеизложенного следует, что Закамье в период существования Казанского ханства являлось составной частью этого государства. Примерно с 30-х гг. XVI в., вследствие особых договорных отношений между казанскими и ногайскими правителями, Закамские земли стали контролироваться ногайцами мангытского рода. Этому способствовали географическая близость края к степной зоне и его периферийное положение относительно центра государства.

За неимением достоверных источников остается открытым вопрос о месте Закамья в «даружном» политико-административном устройстве Казанского ханства. В свое время Д.М.Исхаковым была выдвинута гипотеза о возможности вхождения региона в этот период

² В источниках Бибарс Растов упоминается как «Тюменской князь». Однако исследователи Д.М.Исхаков и М.И.Ахметзянов приводят доводы в подтверждение гипотезы о происхождении рода Растовых от ногайского племени Мангыт (см.: Кул Шариф и его время. – Казань, 2005. – С.22, 46; Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени. – Казань, 1998. – С.20).

в состав Ногайской даруги государства (Исхаков, 1998, с.140-164). Однако, даружно-административная система управления Казанского уезда второй половины XVI–XVIII веков, учитывающая традиции ханского периода, включает в нее лишь земли края к западу от р. Шешмы. Восточное же Закамье, вплоть до левобережного бассейна р. Ик и низовий р. Белой (Агидель), причисляется к Зюрейской даруге (Галлямов, 2002, с.280-318). С учетом нахождения Закамья в ханскую эпоху в орбите общих интересов Казанского ханства и кочевых ногайских орд, приемлем также к рассмотрению вопрос о некоем особом, «пограничном» статусе региона в этот период.

Что касается пределов юрисдикции Казанского ханства в крае, современные ученые почти единодушны во мнении, что на юге они достигали Самарской Луки, на востоке – бассейнов р. Ик и нижнего течения р. Белой (Агидели), включая и области обитания западно-башкирских кочевых племен. Границы ханства на некоторых участках охранялись пограничной стражей («туткаулами»).

Существует также точка зрения, по которой «Закамье лишь частично принадлежало Казани, так как имевшиеся там степи служили местом кочевий ногайцев» (Бахтин, 2008, с.184). Данный аргумент несколько гипотетичен, поскольку сам по себе факт кочевания ногайцев в крае не является препятствием для включения этих земель в состав ханства, свидетельствуя лишь о неких союзнических, дружественных отношениях между Казанью и Ногайской степью. Исходя из совокупности источниковых сведений и принципа преемственности, можно констатировать, что в целом пределы Казанского ханства в регионе, по-видимому, совпадали с областью расселения здесь волжских булгар в IX–XIII вв.

Историк XIX в. С.Е.Мельников, опираясь на известные ему археографические документы, свидетельствует о том, что в XVI в. территория более позднего Чистопольского уезда «занята была разными народами и ордами, из которых первые, как-то оставшиеся жители Болгарского царства, потом ногаи и чудь по побережью Камы и другим местам вели жизнь оседлую, а другие, как-то каракалпаки, калмыки и башкирцы беспрестанно перекочевывали» (Мельников, 1885, с.1). В этой связи причины перехода кочевых ногайцев на оседлый образ жизни могли быть различными (Насыров, 2007, с.121-123). Так, в самом Биляре (Балымере) в первой половине

XVI в. правил мусульманский святой Маглюм Ходжа (Мәгълүм Хужа) (см.: Насыров, 2003, б.123). Татарское историческое повествование сообщает, что он происходил из города Ургенч (Мөслими, 1999, б.63, 64). Согласно преданию о возникновении относящейся к Билярской округе дер. Кондрата, ее основателем был мурза Туркан, переселившийся из Туркестана, примерно, во второй половине XVI в. (Износков, 1882, с.1). Принадлежность большинства татарских мурз к роду Идегея, а также нахождение Ургенча и Туркестана в зоне влияния и интересов Ногайской Орды говорит о том, что названные личности имели к ногайцам непосредственное отношение.

Особым вопросом выступает заселение закамских земель кочевыми народами. С.Е.Мельников, упоминая в качестве кочевых обитателей края XVI в. каракалпаков, калмыков и башкир, допускает хронологическую неточность. Появление этих народов на территории Закамья относится к более позднему периоду – второй трети XVII – началу XVIII вв.

Из всех кочевых народов только ногайцев можно отнести к постоянным обитателям Закамья, что подтверждается многочисленными источниками. По свидетельству А.Дженкинсона, Закамье в 50-е гг. XVI в. представляло собой северную окраину «страны Мангат или ногаев». И в конце века территория края называлась «Ногайской стороной» (Писцовая книга, 1978, с.67). Материалы топонимии также подтверждают ногайское присутствие. К примеру, напротив Жукотинского городища на Каме находился «Ногайский остров», а на р. Большая Сульча – «Ногайский брод» (Мельников, 1859, с.180).

Одно из преданий гласит о том, что недалеко от соседней с Билярском дер. Арбузов Баран находилось поселение какого-то народа – «нехристья». По другой версии, там жили «башкирцы», которые впоследствии были вытеснены русскими переселенцами (Аристов, 1879, с.100). Вполне возможно, что русские люди, не видя в данном случае различия между «нехристями», спутали башкир с ногайцами.

В целом же Западное Закамье никогда не входило в зону кочевий башкир и калмыков. Случаи их пребывания на территории края были всего лишь эпизодическими и имели исключительно военный характер. Зоной кочевий для башкир являлась лишь юго-восточная окраина Восточного Закамья.

Более запутанной является ситуация с каракалпаками. Согласно их собственным преданиям, первоначальной родиной каракалпаков считается правобережье Волги между Казанским и Астраханским ханствами. В них также сообщается, что происхождение свое они ведут от ногайцев. По одной версии, причиной выселения каракалпаков к Аральскому морю, послужило разорение Тимуром принадлежащего им города Булгар. По другой же версии, переселение произошло после взятия Казани, которая, между прочим, также принадлежала их предкам (Иванов, 1935, с.24). Эти предания свидетельствуют о том, что объединение таких тюркских народов и племен, как булгары, ногайцы и каракалпаки в одно государство – Золотую Орду – способствовало их интеграции не только в политическом, но и в этногенетическом плане. Поэтому выдвижение в 1706 г. башкирами в качестве предводителя повстанцев каракалпакского султана Мурата выглядело вполне закономерным, так как его происхождение могло удовлетворить представителей всех народов, участвовавших в восстании.

Следует отметить, что в XVI–XVII вв. название «ногаи», в первую очередь, имело не этническое, а политическое значение. Ногайские улусы состояли из многочисленных племен, имеющих разное происхождение. Некоторые из них – как мангыты, кипчаки, уйшуны – входили и в родовую структуру каракалпаков (Иванов, 1935, с.26). На этой основе можно допустить, что некоторые представители каракалпаков могли обитать в Закамье, находясь в составе кочевых ногайцев. Набег 1714 г. был первый и последний случай военного вторжения каракалпаков в закамские земли, когда они действовали автономно, без участия представителей других народов.

В целом же татары волжско-булгарского, ногайско-кипчакского происхождения послужили этнической основой расселения в крае. Что касается «чуди», упомянутой С.Е.Мельниковым в числе обитателей региона периода ханства, то под ней, скорее всего, скрываются представители тюркизированных угров, либо предки современной мордвы.

Исходя из принципа преемственности, при выявлении оседло-земледельческих поселений периода Казанского ханства, прежде всего, следует обратить внимание на те зоны Закамья, которые были наиболее заселенными в предыдущие периоды. Это окрестности прежних булгарских городов, а также лево-

бережье Камы, непосредственно прилегающее к основной территории ханства. Общеизвестно, что в процессе распада Золотой Орды булгарские города постепенно утратили былую политическую и экономическую значимость. Несмотря на это обстоятельство, в течение ряда веков они существовали как поселения, поскольку почитались коренным населением края в качестве священных мест. Среди них, в первую очередь, следует выделить главный город Среднего Поволжья золотоордынского периода – Булгар. Принято считать, что город прекратил свое существование в 1431 г. в результате разорения его войском воеводы Федора Пестрого (Руденко, 2003, с.29). Однако целый ряд источников свидетельствует о функционировании населенного пункта под названием Булгар как в период Казанского ханства, так и в последующем столетии.

Существование Булгара в качестве городского поселения подтверждают все картографические материалы, составленные в конце XVI – первой трети XVII вв. Наиболее ранняя из них – «Карта России» – является частью всемирного атласа, изданного в 1591 г. известным немецким картографом Г.Меркатором. На этой карте местонахождение Булгар неверно отнесено к устью р. Иргиз – левого притока Волги. Эту ошибку повторяет и карта С.Негельбауде, составленная в 1612 г. (Материалы, вып.1, №24, 28).

Более точной является карта, составленная при царствовании Б.Годунова в начале XVII в. На ней Булгар отмечен особым условным знаком, как и все существовавшие в тот период города России. Локализация города на местности к юго-востоку от устья р. Белая Волга (Кама), окруженной лесным массивом, более всего соответствует действительности (РГВИА, ф.349, оп.45, д.142, л.1). Копией этой карты является карта Г.Герритца, составленная в 1614 г. и посвященная царю Михаилу Федоровичу. В 1633 г. вышла в свет карта И.Масси, в которой под названием Булгар в виде примечания «*Sepulturaceleberruna*» указано функциональное значение города (у этой карты известны два варианта, см.: Материалы, вып.1, №29, 31). В переводе с латинского означает «погребения, часто посещаемые одновременно огромным количеством народа».

Существование Булгар в качестве религиозно-культурного центра подтверждает и тот факт, что в его окрестности проживал известный татарский поэт XVII в. Мауля Колый. Как

город Булгары упоминаются и в описаниях путешественника А.Олеария (1636 г.) (Олеарий, 1986, с.436). Археологические исследования выявили наличие в Булгарском городище культурного слоя, относящегося к периоду Казанского ханства (Археологическая карта, 1986, с.21; Фахрутдинов, 1975, с.76).

В народных преданиях основание ряда татарских деревень Спасского уезда приписывается выходцам из Булгар. Таковыми являются селения Старый Баран (Иске Рязяб), Тяжбердино (Ташбилге), Нижнее Биктимирово, Старый Баллыкуль, Ямбухтино, Каюки, Старый Салман, Старый Юрткуль, Татарская Тахтала и др. (Хранилище ИЯЛИ, ф.53, оп.1, д.58, лл.6, 50, 100). Однако вышеприведенные данные относительно периода функционирования Булгар как поселения показывают, что диапазон вероятного времени основания этих населенных пунктов довольно широк – от конца XIV до середины XVII вв.

Наиболее вероятно существование в период Казанского ханства поселений Старый Баллыкуль и Тяжбердино (Ташбилге, ныне село Алексеевского р-на РТ). Жители этих деревень, а также Татарской Тахталы свидетельствовали, что их селения основаны выходцами из Булгар, к которым впоследствии переселились татары из Тетюшского уезда. В частности, старожил дер. Старый Баллыкуль, опрошенный источниковедом С.Вахиди, сообщил о двух периодах истории своего селения: до завоевания Казанского ханства, «когда они жили по законам шариата», и «период угнетения», наступивший после взятия Казани. Жители дер. Ташбилге считали, что Казань была завоевана русскими, пришедшими со стороны Вятки (Хранилище ИЯЛИ, ф.53, оп. 1, д.58, лл.6, 27, 50, 100). Видимо, их предки были осведомлены о движении московских войск по Вятке и Каме, и не имели сведений о наступлении основного войска Ивана Грозного по Горной стороне.

Дер. Ташбилге известна тем, что здесь в 1551–1584 гг. было написано популярное среди татар повествование Хисамутдина Муслими «Тэварихе Болгария»³.

³ Мөслими Х. Тэварихе Болгария. – Казан: Иман, 1999. – Б.7, 48. Исследователи относят данное сочинение к концу XVIII – началу XIX вв. С целью выявления личности автора нами были изучены материалы III и VII ревизий 1762 и 1816 годов. Однако среди жителей дер. Тяжбердино людей с именами Хисамутдин, Шарафутдин и Муслим не оказалось. Возможно, писатель конца XVIII в. в

В 20 километрах к востоку от Булгар находится русское селение с татарским названием Шербеть (Ширбэтле, ныне село Спасского р-на РТ). Татарское население считало эту деревню очень старой, «существовавшей еще в ханское время» (Татар халык ижаты, 1987, б.155). Согласно преданию, через нее проходила дорога, соединяющая города Биляр и Булгар (Тарзиманов, 1928, с.177).

Помимо вышеупомянутых поселений к Булгарской округе следует отнести Танкеевское селище II, расположенное в 20 километрах к югу от города. Данный населенный пункт, возникший еще в золотоордынский период, существовал и в эпоху Казанского ханства (Фахрутдинов, 1975, с.123).

Не пустовали в рассматриваемый период и окрестности прежней столицы Булгарского государства – Биляра. Татарская челобитная 1677 г. свидетельствует о существовании в данной местности в первой половине XVI в. города под названием Балымер. В этом городе «царствовал» легендарный мусульманский святой Балым-Гозя (Мәғлүм Хужа), который умер во время правления хана Сафа-Гирея (Мельников, 1859, с.180).

На карте пригорода Билярска 1854 г. на горе Балынгуз указано сооружение, названное «Могила князя Балымери» (НА РТ, ф.324, оп.735, д.58, л.1). На этой местности Билярской археологической экспедицией были обнаружены «комплекс мавзолеев» и обширное мусульманское кладбище (Археологические памятники, 1990, с.78).

На прилегающей к Билярской «Святой горе» территории в ходе археологических исследований выявлены три селища, датируемые XIV–XVI вв. – Арбузов-Баранское III, Балынгузское III и Балынгузское VI (Археологические, 1990, с.79, 81).

В 10 километрах к северо-востоку от Билярска находится дер. Нижняя Татарская Майна (ныне Аксубаевского р-на РТ)⁴. Судя по сказкам местных жителей, разрушенная в 1742 г. мечеть деревни существовала еще «до взятия

целях популяризации своего произведения использовал имя реального Хисамутдина Муслими, являвшегося автором первоначального, утерянного варианта повествования.

⁴ До середины XVIII в. находилась в двух километрах к юго-западу от нынешнего месторасположения. В переписной книге 1716 г. значится под названием «Верх Малого Черемшану, Студеный Ключ тоже».

царства Казанского» (Ислаев, Галлямов, 2005, с.312).

О заселенности Билярской округи свидетельствуют выписки из грамоты 1561 г. о жаловании служилого татарина Сюндюкова (имя неразборчиво) поместьем по р. Мураса. Его владения состояли на землях села Кулбаево Мураса и дер. Старое Альметьево. Тот факт, что Сюндюков получил не «дикие поля», а «пашенные земли и мельничное угодье» доказывает, что и до его водворения местность была освоенной и обитаемой (РГАДА, ф. 1312, оп.2, д.636, лл.17, 18, 22).

Существование оседлых поселений во внутренней части Западного Закамья обусловлено еще и тем, что через территорию края проходили дороги, связывающие Казань со странами Востока. Учитывая тесные связи Казанского ханства с его ближайшим восточным соседом – Ногайской Ордой, можно сделать вывод, что движение по этим дорогам было интенсивным. Эффективное функционирование таких важных путей сообщения невозможно без нахождения вдоль них поселений, специализирующихся на содержании постоянных дворов, ямских станций и т.п.

Одним из важных путей сообщения, соединяющим Предкамье через камский перевоз в окрестностях Жукотинского городища с Ногайской степью, являлась «Старая вотчинная дорога» (Перетяткович, 1882, с.167). Она проходила через старинные селения Биляр, Багана и поселения на месте современной дер. Альметьево. Примечательно упоминание дер. Альметьево в документах XVII в. под названиями Вожи и Табор (РГАДА, ф.1312, оп.2, д.635, л. 341; д.636, л.14). Аналогичное название имеет и другая служилая деревня, расположенная в верховьях р. Актай (РГАДА, ф.1312, оп.2, д.288, л.15 об.; Мельников, 1859, с.97). Это селение находилось на другой большой дороге, идущей из Казани в сторону Самары (Буканова, 1997, с.256). В XVII в. служилые татары из этих деревень выполняли «вожевую службу», т.е. занимались транспортным извозом (РГАДА, ф.1312, оп.2, д.288, л.15 об.; д.636, л.14). Возможно, этим видом деятельности занимались и их предки. Второе название селения – «Табора» – означает стоянку, место загона скота или просто огороженную местность. Известно, что главной статьей экспорта Ногайской Орды были лошади, поставляемые и на рынки Казанского ханства (Худяков, 1990, с.222). Закрепление за деревнями названия «Табора», видимо, произошло

вследствие того, что при них находились специальные загоны для содержания сопровождавшихся по дороге табунов во время ночных стоянок.

Источники сообщают о прохождении по территории Закамья и других важных путей сообщения, в частности «Большой Ногайской дороги», выходившей на камский перевоз «против Кашана» (РГАДА, ф.1312, оп.2, д.1792, л.13; Писцовая книга, 2001, с.159). По свидетельству М.Г.Худякова, Ногайская дорога из Казани в Сарайчик и далее в Туркестан являлась важнейшим сухопутным торговым путем ханства. Параллельно Каме пролегла «Большая Шешминская дорога, что едет из Рыбной Слободы» (РГАДА, ф.1312, оп.2, д.518, л.28). Еще одна «вотчинная дорога», являвшаяся, вероятно, ответвлением «Старой вотчинной дороги», значится в верховьях р. Малый Черемшан (РГАДА, ф.1312, оп.2, д.657, л.109 об.).

Исследователи, изучающие историческую географию Казанского ханства, придерживаются единого мнения о том, что так называемые «пустоши» XVI – начала XVII вв. являются бывшими жилыми поселениями, опустевшими в основном в ходе «Казанской войны» 1552–1557 годов (Перетяткович, 1882, с.245; Галлямов, 2001, с.15; Аминова, 2002, с.123). На территории лишь Западного Закамья нами выявлено 12 таких пустошей. Почти все они в течение XVII в. были заселены заново.

Рядом с дер. Старое Альметьево, на противоположном берегу р.Мураса, значится «пустошь на устье речки Кирея», которая состояла из селища и старого городища (РГАДА, ф.1312, оп.2, д.636, л.14). Другая пустошь находилась недалеко от места слияния рек Салман и Актай (Писцовая книга, 2001, с.181). В начале XVIII в. между урочищем «Три Озера» и владениями Спасо-Преображенского монастыря упоминается пустошь «Бойнишкевская» (Лодыженский, 1900, с.7). До возникновения дер. Азмер (Измери) на ее месте была «пустошь по Ахтаю против Мешского устья» (РГАДА, ф.1312, оп.2, д.288, лл.13, 145). В переписных книгах 1710–1716 годов значится деревня, «что была пустошь Кашаново» (РГАДА, ф.350, оп.1, ч.1, д.157, л.130). Название селения свидетельствует о его связи с болгарским городом Кашан, в предместьях которого оно находилось. Выше дер. Кашаново по р. Курнали, на местности, где впоследствии возникла дер. Курнали, также находилась пустошь (РГАДА, ф.1312, оп.2,

д.1792, л.13). В 4 километрах к западу от нее значится еще одна «пустошь, что слово Городище» (РГАДА, ф.1312, оп.2, д.261, л.20). Две пустоши находились в низовьях рек Шентала и Бахта (РГАДА, д.531, лл.7, 29).

Примечательно, что все упомянутые пустоши, кроме первых трех, находились по окраинам прикамских пойменных лугов, между низовьями рек Актай и Шентала. Заселенность этой зоны в период ханства подтверждают и другие источники. К рассматриваемому периоду относятся выявленные археологами селища Нижнемарьянское II, Березогривское, Алексеевское I, Алексеевское IX и Мокро-Курналинское VI. Два последних существовали длительное время – от периода домонгольской Волжской Булгарии до эпохи Казанского ханства включительно. Также периодами Золотой Орды и Казанского ханства датируется Сахаровское селище I, обнаруженное в низовьях р. Шентала (Фахрутдинов, 1975, с.77, 142). Эти археологические памятники доказывают, что не только города Булгар и Биляр, но и отдельные сельские поселения непрерывно функционировали в течение ряда столетий, сохраняя тем самым историческую преемственность в расселении между эпохами средневековья и нового времени.

Следует отметить, что некоторые из селений XVI в. могли оказаться в зоне затопления Куйбышевского водохранилища. Одним из них является бывшее монастырское село Остолопово. Согласно преданию, «в деревне жил татарский богатырь Осталап, со славою защищавший свою Родину и свободу и убит русскими после взятия Казани» (Мельников, 1850, с.7; Износков, 1895, с.86). Еще в XVII веке в с. Мурзихе неподалеку от Остолопова, как свидетельствует исследователь XIX в. И.Н.Березин, «проживали мурзы, потомки древних казанских татар. Гг. Толстые к пожалованной им в конце того же века, земле купили у мурз все занимаемые ими угодья и заселили крестьянами» (Березин, 1862, с.348).

Видимо, обитаемой территорией в XVI–XVII вв. являлась и округа бывшего булгарского города Джукетау. В середине XVII в. в его предместьях упоминается «Жукотинский острог» (Шпилевский, 1877, с.405). Известно, что первые русские остроги на территории Западного Закамья – Ахтачинский и Шешминский – были построены в 40-е годы XVII в. (Перетякович, 1882, с.127). О «Жукотинском остроге» в источниках ничего не сообщается. Сохранность к тому времени деревянных

фортификационных сооружений булгарского, золотоордынского периодов, оставшихся от прежнего города Джукетау, весьма сомнительна. Можно предположить, что данный острог был одним из прикамских форпостов Казанского ханства, возведенных для охраны перевозов через Каму.

Согласно преданию, на месте Чистополя также ранее существовал татарский город под другим названием. Когда он был захвачен русскими, все население было загнано в ледяную воду, с требованием креститься. Принявшие крещение татары были выпущены, они образовали кряшенские деревни в окрестностях Чистополя. Остальное население погибло, город был разрушен, и местность стала чистой, как поле.

По другому преданию, название «Чистое Поле» объясняется так: поселок на месте города был основан бежавшими от помещиков крестьянами, которых впоследствии разыскивали и выслали. В результате, местность стала «чистым полем». Существует еще версия о том, что селение запустело вследствие разорения его башкирами (Недорезова, 1995, с.105).

Однако документальные источники склоняют нас к первой версии. По переписи 1678 г., в дер. Чистое Поле числились всего 3 двора ясачных «новокрещен» (РГАДА, ф.1312, оп.1, д.1102, л.674). Русские же переселенцы прибыли сюда в 1679 г. (РГАДА, ф.1312, оп.1, д.754, л.91 об.). Примечательно и то, что первые новокрещенские селения Закамья появляются в начале XVII в. в непосредственной близости от Чистополя – на месте выше-названных «пустошей» по Бахте и Шентале (РГАДА, ф.1312, оп.2, д.531, лл.7, 29). По всей видимости, «новокрещены» этих селений и дер. Чистое Поле являлись потомками тех, кто выжил при опустошении города, поменяв свою веру.

В 25 километрах к югу от Чистополя находится дер. Татарская Багана. Татарские исторические повествования сообщают, что один из трех святых, погребенных на Билярской горе, был выходцем из этого аула. Это Шейх-Мухаммад, сын Байтиряка, который «обучившись в Багдаде, вернулся в Биляр и наставлял там людей» (Мөслими, 1999, б.63, 64)⁵. Следовательно, дер. Багана существовала еще в то время, когда Биляр был мусуль-

⁵ Согласно преданию, на Билярской «Святой горе» находилось мусульманское учебное заведение (см.: Троицкий, 1889).

манским поселением. Предания из других источников также подтверждают древность этого поселения (Казаринов, 1885, с.108). Заслуживает внимания и тот факт, что в начале XVIII в. вышеупомянутые селения Чистое Поле, Багана и Майна входили в одну сотню.

Из легендарных личностей, проживавших в Чистопольской округе ориентировочно в XVI – начале XVII вв., следует отметить мусульманского святого Хозыр-Ата. Его могила находится на лесной поляне в верховьях р. Уралки, где, согласно преданиям, располагалось основанное им поселение. По другим сведениям, крупное поселение, носящее название «Хозыр-Ата», существовало в начале XVII в. на месте старокрещенской дер. Бахта (Салимзянов, 2004, с.424).

Вверх по Каме от Чистополя упоминаются еще две пустоши: одна из них, под названием «Кринка», находилась в межах дер. Болдырь, другая называлась «пустошь по речке Четырчи в степи» (РГАДА, ф.1312, оп.2, д.512, лл.14, об.54 об.).

По р. Шешма имеется ряд поселений, которые также могли существовать во времена Казанского ханства. Среди них следует выделить старинный болгарский городок Тубулгатау. Татарское селение «Тубуга Атак» упоминается в переписной книге 1678 г. (РГАДА, ф. 350, оп.1, д.1102, л.670). Нет оснований полагать, что она не существовала и ранее.

По рассказам жителей пригорода Старошешминска, на его месте до прихода туда русских «служивых людей» проживало татарское население (ОРРК НБЛ КГУ, д.2252, л.57). Южнее Старошешминска по переписи 1678 г. находилась русская деревня, «что была пустошь Карамала» (РГАДА, ф. 350, оп.1, ч.1, д.1102, л.674). Судя по названию, а также по свидетельству ее жителей, возле этого селения прежде существовало татарское поселение (Износков, 1879, с.124).

Метод ретроспективы позволяет выявить некоторые селения XVI в. по актовым и другим документам XVII в. Так, по справке из Приказа Казанского дворца и писцовой книге Ивана Болтина 1602–1603 годов известно о жаловании помещьем «служилого из мурз татарина» Аблая Дербышева в дер. Новые Челны (ныне с. Ст. Челны Алькеевского р-на РТ) (РГАДА, ф.1312, оп.2, д.566, л.9). Учитывая время составления писцовой книги, а также тот факт, что служилый татарин Дербышев получил в селении «двор помещиков да пашни добрые», можно сделать

вывод: дер. Новые Челны существовала в конце XVI в. или даже в период ханства. В пользу данной версии свидетельствует и то, что поместные земли, жалованные Дербышеву, «из давних лет состояли в завладении предписанной деревни» (РГАДА, ф.1312, оп.2, д.566, л.14). Другим источником, подтверждающим древность Челнов, является родословная князей Мустафиных, поселившихся в этой деревне еще во второй половине XVI в. (Әхмәтжанов, 1995, б.125)⁶.

Все вышеотмеченные поселения географически располагались в Западном Закамье. Восточное Закамье, как и в эпохи Волжской Булгарии, Золотой Орды, было менее заселено и в период Казанского ханства. Однако, по видимому, определенное количество оседло-земледельческого населения имелось и здесь. В частности, ряд подтверждений тому содержат исследования М.И.Ахметзянова, Д.М.Исхакова и И.Л.Измайлова (Ахметзянов, 1985, с.59-75; Исхаков, 1998, с.140-174, Исхаков, Измайлов, 2005, с.21-26). Здесь, прежде всего, следует обратить внимание на нижние бассейны рек Зай (Степной Зай), Белая (Агидель), побережные районы р. Кама. Так, в 50-60 м. к юго-западу от современной дер. Средние Челны в нижнем левом бассейне р. Зай (Нижекамский р-н РТ) археологами обнаружено селище с фрагментами керамики XVI–XVII веков (Археологические, 1989, с.25). Подъемный материал, состоящий из фрагментов гончарной керамики XVI–XVII веков найден и в 1,5 км. к северо-востоку от с. Верхние Челны (Археологические, 1989, с.26). Следы средневековых селищ XV–XVI веков обнаружены и в других местностях Восточного Закамья (Археологические, 1985, с.37, 46, 48, 60, 73). О наличии земледельческих поселений свидетельствуют и ряд татарских преданий, шеджере. Например, по местному преданию дер. Татарский Шуган основал некий человек по имени Тамей (Тәмәй). У него был единственный сын – Ямей. Население деревни стало увеличиваться лишь через пять поколений поселенцев, когда в середине XVII в. сюда стали прибывать переселенцы из Заказанья и Предволжья (Гарипова, 2003, б.343).

⁶ Закамская дер. Челны знаменита еще тем, что является родиной мусульманского святого Зульмухаммеда (Чүлкә Ата). Его сын – суфийский шейх и святой Идрис хальфа – был известен во второй половине XVII – начале XVIII вв. как крупный религиозный деятель всего средневолжского региона (См.: Гариф, 2003, б.138,139).

Следуя ретроспективному моделированию, с большой осторожностью к периоду Казанского ханства можно отнести и селения, существовавшие в первой половине XVII в., т.е. до начала массовой колонизации Закамья. Однако, учитывая хронологическое несоответствие источников, а также факт заселения края колонистами, начиная уже с конца XVI в., отнести эти поселения к ханскому периоду можно лишь гипотетически.

Подводя итог отметим, что на территории Закамья в период Казанского ханства проживало определенное количество оседло-земледельческого населения. Большинство населенных пунктов находилось на территории, прилегающей к р. Кама и прежним булгарским городам. Подтверждением тому является и карта зарубежного путешественника А.Дженкинсона, где указано, что южная окраина зоны расселения народа «Cazape», т.е. казанских татар, соответствует левобережью Камы (Рыбаков, 1974, с.24, 25, 38). Определяющими факторами расселения в данную эпоху являлись: 1) историко-географический фактор; 2) преемственность в системах расселения между периодами Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства; 3) вхождение региона в состав последнего со всеми вытекающими отсюда последствиями социально-правового характера (наличие сюрдального землевладения и т.д.).

Большинство выявленных нами селений относится к типу пустошей и селищ, что свидетельствует о произошедших в регионе чрезвычайных событиях, в результате которых они были опустошены. Наиболее вероятная причина исчезновения этих поселений – карательные операции московских войск во время «Казанской войны» 1552–1557 гг. (Худяков, 1990, с.162). Нахождение большинства пустошей и селищ на северной окраине Закамья – в непосредственной близости от эпицентра военных действий – косвенно подтверждает данное предположение.

Еще при проведении первого большого похода против Казани в 1469 г. часть русских войск продвигалась северным обходным путем: по рекам Молока, Вятка и Кама с последующим выходом на Волгу (Худяков, 1990, с.162). Этот маршрут повторился и в 1545 г. За год до взятия Казани, в 1551 г., русскими отрядами были заняты все перевозы на крупных реках – Волге, Каме и Вятке, «...чтобы воинские люди из Казани и в Казань не ездили» (Худяков, 1990, с.103, 134).

Видимо, неоднократное присутствие московских войск на этих реках породило у казанских жителей предания о том, что Казань была взята русскими, приходившими со стороны Вятки (Хранилище ИЯЛИ, ф. 53, оп.1, д.58, л.27).

В самый разгар «Казанской войны» – осенью 1553 г. – карательными войсками подверглась беспощадному опустошению вся территория Нижнего Прикамья на протяжении 250 верст (Худяков, 1990, с.158). Источники не сообщают о маршрутах движения русских войск во время кампании 1553–1554 гг. Сопоставление всех факторов позволяет прийти к выводу, что карательные отряды, исходя из ситуации, продвигались по обоим берегам Камы, т.к. если левобережье Камы во время «Казанской войны» оставалось неподконтрольным завоевателям, население Предкамья несомненно нашло бы там укрытие. Однако, сведений о переселении в тот период беженцев из центральной части ханства в Закамскую сторону источники не содержат. Напротив, миграции выжившего от погромов населения шли в основном в северном и восточном направлениях. Исходя из этих соображений, можно допустить и такой вариант развития событий: прикамские селения могли быть разорены еще летом 1551 г., во время блокирования московскими войсками водных путей вокруг Казани (Худяков, 1990, с.134, 162). Помимо того, Кама с ее многочисленными перевозами, особенно в зимний период, не представляла серьезного препятствия для переброски войск с одного берега на другой. Некоторые участки правобережья Камы были покрыты лесами, представляющими естественную преграду для продвижения войск. Самым крупным из них являлся лесной массив, простирающийся от устья р. Сушка до Малого Берсута. Напротив этого участка по левобережью Камы находились селения Жукотинской округи. Опустошение русскими войсками населенных пунктов этой зоны подтверждают предания о дер. Остолопово и поселении на месте нынешнего Чистополя.

Причиной опустошения части селений могли быть не только военные действия, но и их последствия, которые, по сути, являлись не менее катастрофичными и коснулись всех сфер жизни общества. Нарушение экономических связей между Поволжьем и южными степями, странами Востока, безусловно отрицательно сказалось на функционировании основных трактов, придорожных селений, специали-

зирующихся на караванных услугах. Вероятно, по этой причине стала «пустошью» деревня, расположенная по р. Мураса. Вымирание поселения сторожей Билярских святынь является показателем того, что во второй половине XVI в. пришли в упадок и религиозно-культурные центры Закамья (Мельников, 1859, с.181). Сохранившиеся татарские родословные свидетельствуют о миграции прежних жителей Биляра и его округа на Горную сторону и в Заказанье. Расчеты, проведенные нами по родословным Байсара и Мамета подтверждают, что переселение это произошло в 1590–1600 гг. (Әхмәтжанов, 2002, б.141).

Наряду с вышеназванными факторами опустошению края могли способствовать и разного рода стихийные бедствия – голод и эпидемии. Высокую смертность населения в масштабе страны повлек за собой голод 1553, 1557, 1570 гг. (Щепкин, 1886, с.491). В 1558 г. в результате «морового поветрия», голода и междоусобной войны была уничтожена большая часть населения Ногайской Орды (Английские путешественники, 1938, с.169). Вероятно, и Закамье, являющееся подконтрольной ногайцам территорией, пострадало от этих бедствий.

Таким образом, причин для опустошения края во второй половине XVI в. было предостаточно. Судя по масштабам бедствий становится очевидным, что численность населения Закамья в этот период, по сравнению с первой половиной XVI в., заметно уменьшилась. На протяжении последнего тысячелетия вторая половина XVI в., по сути, представляется наименее заселенным периодом. Вместе с тем сохранившиеся населенные пункты периода Казанского ханства послужили основой, на базе которой формировалась поселенческая структура края в XVII–XVIII вв.

Подводя промежуточный итог, следует отметить, что составленная нами общая картина расселения в Закамье периода Казанского ханства не является законченной, так как первичные данные археологии, отрывочные сведения письменных источников и нарративные материалы не позволяют в полной мере найти ответы на поставленные вопросы. К более полным выводам по данной проблематике можно будет прийти лишь после проведения на территории края более широкомасштабных и целенаправленных археологических исследований, тщательного и скорпуплезного анализа, сопоставления всех имеющихся в наличии источников.

Примечания

Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. – М.: «Наука», 1990.

Алишев С.Х. Казан ханлыгы тарихыннан. – Казан: Раннур, 2003.

Аминова Г.И. К методике составления административной карты Казанского ханства // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. – Казань: Изд-во «Фэн», 2002. – С.117-134.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. – Л., 1938.

Аристов М.Н. Возможность существования каменоломен в окрестностях пригорода Билярска // Известия общества археологии, истории и этнографии при КГУ (ИОАИЭ). – 1879. – Т.2. – С.100-108.

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1986.

Археологические памятники бассейна р. Черемшан. – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1990.

Археологические памятники Восточного Закамья. – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1989.

Археологические памятники Центрального Закамья. – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1988.

Ахмеров Г.Н. Экскурсия на место древнего Суvara // Ахмеров Г.Н. Избранные труды. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1998. – С.217-221.

Ахметзянов М.И. К этнолингвистическим процессам в бассейне р. Ик (по материалам шеджере) // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья: – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1985. – С.59-75.

Әхмәтжанов М.И. Нугай Урдасы: Татар халкының тарихи мирасы. – Казан: Мәгариф, 2002.

Әхмәтжанов М. И. Татар шәжәрәләре. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1995. – 125 б.

Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. – Йошкар-Ола, 2008.

Березин И.Н. От Чистополя до Богородского Тетюшского уезда // Казанские губернские вести. – 1862. – №35-36.

Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. – Уфа: Китап, 1997.

Галлямов Р.Ф. Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции //

Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. – Казань: Изд-во «Фэн», 2002. – С. 280-316.

Галлямов Р.Ф. После падения Казани... – Казань: Тат.кн.изд-во, 2002.

Гарипова Ф.Г. Авыллар һәм калалар тарихыннан. – Беренче жилд. – Казан: «Матбугат йорты», 2001.

Гарипова Ф.Г. Авыллар һәм калалар тарихыннан. Икенче жилд. – Казан: «Матбугат йорты», 2003.

Гариф Н.Г. Без кемнәрнең оныклары әле (Яңа Сала авылы мәхәлләсе мисалында борыгы Чаллы төбәгендәге дини эшчәнлек һәм мәчетләр тарихына караган кыскача хәбәрләр). – Казан: ТФА Тарих институты, 2003.

Дроздова Г.И. Итоги и задачи исследования позднесредневековых кладбищ на территории Татарстана // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П.Смирнова. Тезисы научной конференции. – Болгар, 1999. – С.69-71.

Иванов П.П. Очерки истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков: Сборник. Труды Института востоковедения АН СССР. – М., 1935. – С.9-89.

Износков И.А. Два реферата, читанные на IV археологическом съезде в Казани в 1877 г. – Казань, 1882.

Износков И.А. Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках // ИОАИЭ. – 1879. – Т.2. – С.408-412.

Износков И.А. Материалы для историко-археологического обозрения Спасского уезда Казанской губернии. Бассейн реки Ахтая. – Казань, 1895.

Износков И.А. Список населенных мест Казанской губернии с кратким их описанием: Лаишевский уезд. – Вып. 1. – Казань, 1895.

Ислаев Ф.Г., Галлямов Р.Ф. «Экстракт в Правительствующий сенат ис Казанской губернской канцелярии о татарских мечетях» // Эхо веков. – 2005. – № 1. – С. 302-318.

Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. – Казань: Институт истории АН РТ, 2005.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). – Казань: РИЦ «Школа», 2007.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1987.

Казанская история. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

Казаринов В.А. Заметки о селениях Чистопольского уезда: Верхней Никиткиной, Татарской Багане, Кизляу и Биляр-Озере // ИОАИЭ. – Т.2. – Казань, 1879. – С.107-111.

Лодыжинский И.Н. Родословная Молоствовых. – СПб, 1900.

Материалы по истории русской картографии. – Вып.1: Карты всей России и южных ее областей до половины XVII в. – Киев, 1898.

Материалы по истории картографии. – Вып.2: Карты всей России и западных ее областей до конца XVII в. – Киев, 1910.

Мельников С.Е. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний. – Т.1. – Казань, 1859.

Мельников С.Е. Описание некоторых замечательных селений Чистопольского уезда. – Казань, 1885.

Мельников С.Е. От Чистопля до села Богородского Тетюшского уезда. – Казань, 1850.

Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические памятники Казанского ханства, как исторический источник // Из истории Золотой Орды. – Казань. 1993. – С.119-129.

Мөслими Х. Тәварихе Болгария. – Казан: Иман, 1999.

Насыбуллин И.Р. Казан ханлыгының чикләре каян узган? // Казан утлары. – 2001. – №10. – Б.156-160.

Насыров Р.Г. Мәгълүм хужа – тарихи шәхес // Гасырлар авазы. – 2003. – №3/4. – Б.122-125.

Насыров Р.Г. Сельское расселение в Западном Закамье (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). – Казань: Институт истории АН РТ, 2007.

Недорезова И.А. Чистое Поле на Каме // Татарстан. – 1995. – №8-9. – С.105-108.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1986. – С.287-470.

Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). – Одесса, 1882.

Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. – М.: Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 2001.

Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978.

Руденко К.А. Территория Спасского района в древние и средние века // Спасские сказания (из прошлого и настоящего города Болгар и Спасского района Татарстана). – Казань: изд-во «По городам и весям», 2003. – С.7-9.

Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI вв. – М.: Наука, 1974.

Салимзянов Г.А. Все началось с Бахты // Чистополь и Чистопольцы. Из прошлого и настоящего. – Казань: Изд-во «По городам и весям», 2004. – С.424-429.

Тарзиманов Ф.В. Легенда о старом русле Волги // Вестник научного общества татароведения. – 1928. – №8. – С.176-177.

Татар халык ижаты (риваятьләр һәм легендалар). – Казан: Тат. кит. нәшр., 1987.

Татарская энциклопедия. – Т.3: К.-Л. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002.

Трепавлов В.В. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). – М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003.

Троицкий И. Паломничество // Казанские губернские вести. – 1889. – №59-60.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1975.

Фахрутдинов Р.Г. Задачи археологического изучения Казанского ханства // Советская археология. – 1973. – №4. – С.113-122.

Фахрутдинов Р.Г. История Татарстана и татарского народа. – Казань: Магариф, 1995.

Фәхрәддин Р. Сафа Гәрәй хан // Мирас. – 2005. – №7. – Б.42-48.

Халиков А.Х. Монгольское нашествие и судьба Великого города // Археологические памятники Нижнего Прикамья. – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1984. – С.82-97.

Хажитархани Ш. Зафәрнамәи вилаяте Казан // Кул Шариф и его время. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. – С.16-22.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Репринтное воспроизведение издания 1923 г. – Казань, 1990.

Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Вып.1. – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1971. – С.272-292.

Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877.

Щепкин В.И. Города в России // Исторический вестник. – Т.XXIV. – СПб., 1886. – С.489-598.

Юсупов Г.В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Вып.1. – Казань, 1971. – С. 217-231.

Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Н.Г. Нәбиуллин, Н.Ф. Исмәгыйлев, Н.Г. Гариф

Тарихи сәхифәләр ачылганда: Чистай шәһәре тарихына бәйлә ачышлар

2007 елның жәендә Чистай шәһәре хакимияте инициативасы һәм ярдәме белән ТФАның Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты хезмәткәрләре тарафыннан шәһәр һәм район территориясендә археологик һәйкәлләрне барлау эше уздырылды. Яңа тикшеренүләрнең максаты – борынғы Болгар, Алтын Урда чоры һәйкәлләрен өйрәнү, яңаларын барлау һәм ачыклау иде. Эзләнүләр Чистай районы жирлегендә урнашкан Жүкәтау шәһәрлеге һәм аның тирә-ягындагы борынғы торак урыннары – Текәтау, Данауровка, Галактионова, Змиёво, Чистай Выселкасы авыллары тарафына юнәлтелде. Беренче тапкыр Чистай шәһәре биләмәсендә дә археологик күзләү эшләре уздырылды.

Тикшерүчеләр хәзерге Чистай каласының үзәк өлешендә X–XIV гасырларга караган табылдыкларга юлыкты. Чистай шәһәрен икегә бүлеп торучы Кече һәм Олы Бирнә (Берняжка) елгалары буенда Болгар һәм Алтын Урда чоры бистәләре урнашкан булган. Ә Бирнә елгасының тамагында, сул яктагы калкулыкта, болгар чорында (X–XI – XIII гасырлар) ныгытма-кирмән төзелгән (1-нче рәсем). Жирле тарихчылар фикеренчә, бу ныгытма-шәһәрнең урыны, урыс елъязмаларында (ПСРЛ, Т.I, с.25-126; Т.II, с.626) 1183 (1184) елгы вакыйгаларга бәйлә рәвештә искә алынган Тухчин шәһәре белән туры килә (Лыков, 2007, с.9).

Чистай шәһәре жирлегендә X–XIV гасырларда яшәгән халыкның тормышын һәм бу чордагы вакыйгаларны Жүкәтау шәһәре (X–XIV) яшәеше һәм тарихи язмышыннан аерып карау мөмкин түгел. Әлеге тарихи бергәлек Чистай шәһәре жирлегендә һәм Жүкәтау комплексында табылган керамик материалның тәңгәл килүендә дә ачык чагыла. Археологик күзләү вакытында Чистай шәһәре биләмәсендә табылган керамиканың бер өлеше фәндә «Жүкәтау керамикасы» (X–XIV гасырлар белән билгеләнә) исеме белән мәгълүм. Мондый типтагы чүлмәк, савыт-саба һәм башка көнкүреш җиһазлары заманында Жүкәтау шәһәрәндә эшләнгән. Бу факт Жүкәтау һәм хәзерге Чистай территориясендә урнашкан борынғы торак урыннарын бер комплекс буларак өйрәнелергә тиешлелеген искәртә. Элегрәк уздырылган

археологик тикшерү эшләре Чистай шәһәре тирәсендә урнашкан борынғы торак урыннарының бер өлешендә ханлык чорында да тормыш дәвам иткәнлеген раслаган иде. Чистай шәһәре жирлегендә ачылган Болгар һәм Алтын Урда чоры торак урыннары хәзерге татар бистәсе биләмәләре белән тәңгәл килә (1-нче рәсем). Зиратлары да уртак. Чистай һәм Жүкәтау шәһәрлекләре жирлегендәге гидронимик һәм топонимик атамаларның татарча үзгәрмичә саклануы да бу төбәктә тормышның өзлексез дәвам иткәнлегенә турында сөйли. Мәсәлән, Берняжка – Бирнә (бирелгән, бүләк), Жукотью – Жүкәтау, Килевка – Келәү (келәү, теләк белдерү) һ.б. елгаларның атамалары. Безнең фикеребезчә, бу урында тормыш XV–XVI гасырларда да дәвам иткән. Бу турыда хәбәрләр риваятьләрдә сакланган (Насыров, 2007, с.200). Аларда сөйләнгәнчә, «әлекке чорда Чистай шәһәре урынында исеме билгесез татар шәһәре булган». Шәһәрне җимереп, исән калган татарларны чукунырга мәҗбүр иткәч, бу жирдә халыкның бик азы гына яшәп кала. Шул сәбәпле тирә-яктагы басу кырлар, авыл-шәһәр биләмәләре бушап, «чиста кыр»га әйләнә. Чыганаclarда исә Чистай атамасы татар авылы буларак, беренче тапкыр 1678 елгы халык санын алу документларында искә алына. Авылда чукуындырылган ясаклы 3 татар гаиләсе яшәгән (РГАДА, ф. 350, л. 674). 1679 елда бу тирәләргә урыс кешеләре күченеп килә. Шул сәбәпле Чистайның урыс авылыннан башлап шәһәр статусы алганчыга кадәрле тарихын археологик яктан өйрәнү кызыклы булыр иде. Безнең фикеребезчә, биредә киләчәктә дә давамлы һәм киң күләмле археологик өйрәнү эшләре уздыру сорала. Чистай шәһәре тарихын өйрәнгәндә язма, фольклор, этнографик һәм топонимик чыганаclarны комплекслы файдалану мөһим.

Тарихи һәйкәлләрне барлау һәм өйрәнү эше Чистай шәһәрәндәге татар зиратының борынғы өлешендә дә алып барылды. Һәвәскәр тарихчы Чистай шәһәре һәм районына кергән тарихи һәйкәлләрне саклау комиссиясе рәисе Г.И.Лыков татар зиратында борынғы чорга караган, эмма бүгенге көнгәчә тулаем өйрәнелмәгән кабер ташлар булуы ихтималлыгы турында да

хәбәр итте. Тикшерү эшләре вакытында зиратның борынгы чорга караган өлешендә 66 кабер ташы табылып, аларның үлчәмнәре алынды, фото-сүрәткә төшерелеп, урыннары билгеләнде (Ташларның өчесе 1984 елда М.И.Әхмәтжанов, Р.М.Әмирханов һәм Ф.С.Хәкимжанов катнашлыгында узган экспедиция тарафыннан өйрәнелгән).

Безнең тарафтан өйрәнелгән ташларның 90 проценты эшкәртелгән, шомартылган ташлар иде. Аларның 25% – да язу эзләре беленеп тора. Зираттагы 9 ташның сүрәте безнең мәкаләнең азагындагы кушымтада бирелә. Зираттагы ташларның бер өлеше Алтын Урда чорына карый. Ташларның икенче өлешенең XV–XVII гасырларда куелган булуы ихтималлыгы да зур. Татар зиратында XVIII–XIX гасырларда куелган һәм сәнгати яктан бик камил итеп эшлэнгән ташлар һәм төрбэләр дә үз тикшерүчеләрен көтә. Чистай шәһәре жирлегендә (Кызыл Татарстан урамы, 18 нче йорт; Камил Якуб урамы 3-нче йорт, һ.б. йортлар

тирәсе) элекке чорларда тагын бер борынгы зират («изгеләр зираты») булганлыгы ачылды. Бу зират хәзерге зиратның борынгы өлешеннән 500 метр чамасы астарак, «татар чишмәсе» дип аталучы чишмә тирәсеннән аз гына өстәрәк урнашкан булган. Бүгенге көндә бу зират биләмәләре шәһәрнең татар бистәсе йортлары астында калган. Әлеге зиратның болгар чорында барлыкка килгән булуы ихтималлыгы зур (2-нче рәсем).

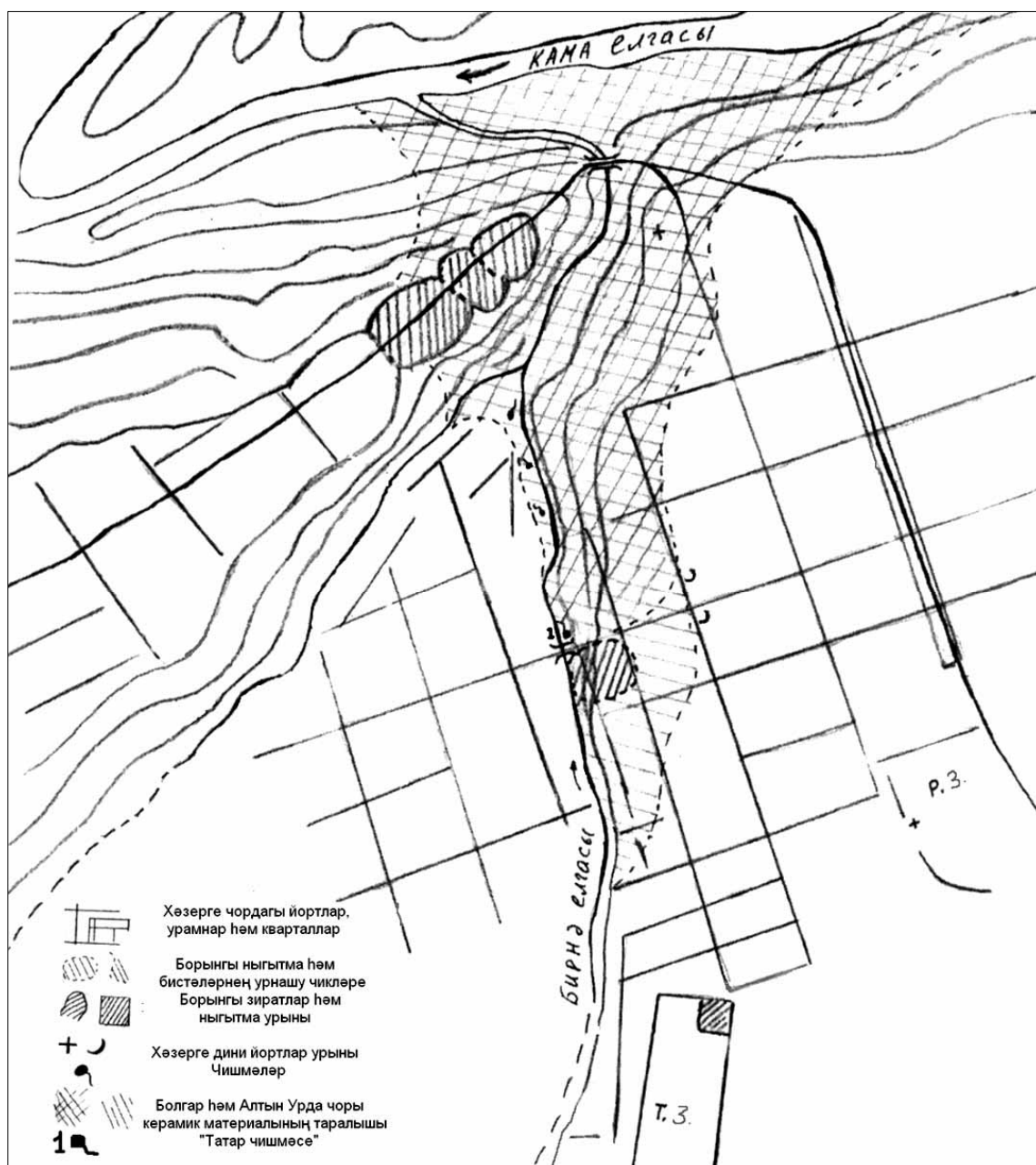
ПСРЛ. – Т.І. Лаврентьевская летопись. 1962.

ПСРЛ. – Т.ІІ. Ипатьевская летопись. 1962.

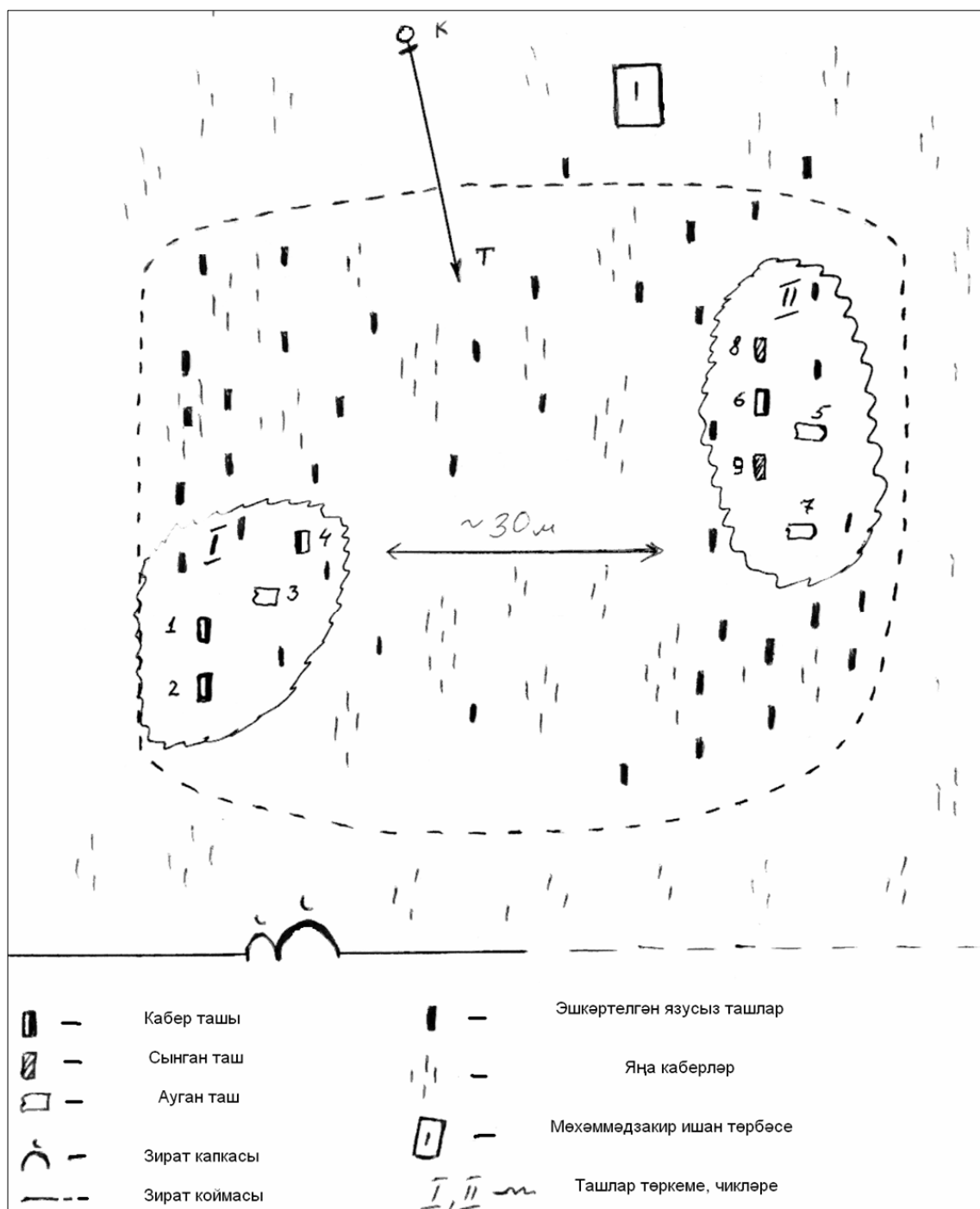
Лыков Г.И. Краткие описания по истории Чистополя. – Чистополь. 2007.

Насыров Р.Г. Сельское расселение в Западном Закамье (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). – Казань: Институт истории АН РТ, 2007.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1102. Л. 674.

1-нче рәсем. Чистай шәһәре жирлегендә урнашкан борыңгы ныгытма, торак һәм зират урыннары билгеләнгән карта

2-нче рәсем. Чистай шәһәре зиратының борынгы өлеше билгеләнгән карта

Чистайның татар зиратында табылган кабер ташлары

Беренче таш*

(Үлчәмнәре: 130 x 60 x 22)

1. هو الحى الذى لا يموت
2. هو زاج هر جبر
3. كوى تاريخ جيا
4. ت جور حرمش
5. جال سببازايح
6. ات رحمة الله
7. عليه رحمة واسعة

Транскрипциясе:

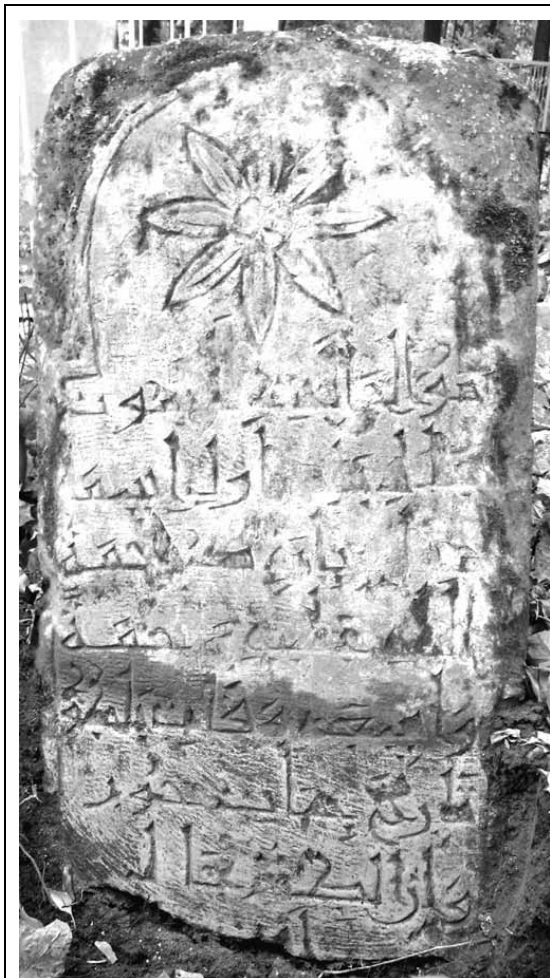
1. һүә-л-хәййү әлләзи лә йәмүтү!
2. һәүзәж һиржәббәр
3. көек. Тарих жиати
4. жүр жирмеш
5. жал әте. Шагбан айхы
6. әте. Рәхмәтуллаһи гәләйһи
7. рәхмәтән вәсигәтән!

Тәрҗемәсе:

1. Ул (Аллаһ) мәңге тере, ничтә үлемсез!
2. һәүжаз Хөржәббәр
3. кызы. Тарих жиде
4. йөз егерме (720 – 1320/1321)
5. ел иде. Шогбан ае
6. иде. Аллаһның рәхмәте аңа
7. киң булса иде!

* 1-4 ташлар 2007 елның 9 октябрендә каллиграф Нәжип Нәккаш (Исмәгыйлев) тарафыннан укылды. Шул ук вакытта әлегә ташларны тикшерүдә М.И.Әхмәтжанов, И.Г.Һадиев һәм Ж.Г.Мөхәммәтшин үз өлешләрен керттеләр.

Икенче таш
(Үлчәмнәре: 105 x 60 x 23, сынган)

1. هو الحى الذى لا يموت
2. بَلِّغِ بِالتَّوَالِدِ إِسْمًا
3. عِلَّ زِيَارَةِ رَحْمَةِ
4. اللَّهِ عَلَيْهِ رَحْمَةٌ
5. وَاسِعَةٌ فَإِنَّ لِلطُّوَرِ
6. تَارِيخَ حَيَاتِ جُورِ
7. وَإِنَّ الطَّتَى جَالِ
8. اللَّهُ

Транскрипциясе:

1. Нүә-л-хәййү әлләзи лә йәмүтү!
2. Бәлуки. Балту улы Исмә-
3. гыйль зийарәте торыр. Рәхмәтү
4. Аллаһу гәләйһи рәхмәтән
5. вәсигәтән! Вафат бултуви.
6. Тарих жийәте жүр
7. он алтты жал.
8. Аллаһ.....

Тәрҗемәсе:

1. Ул (Аллаһ) мәңге тере, ничтә үлемсез!
2. Билге: Балту улы Исмә-
3. гыйль зираты торыр. Рәхмәте
4. Аллаһның аңа киң
5. булсын! Дөньядан үтү билгеседер.
6. Тарих жиде йөз
7. уналты ел (716 – 1316/1317) иде.
8. Аллаһ.....

Өченче таш
(Үлчәмнәре: 110 x 50 x 25, сынган)

Транскрипциясе:

1. Әгузү билләһи минә-ш-шәйтани-р-
2. ражим. Бисмилләһи-р-рахмәни-р-
3. рахим. Лә иләһә Аллаһу, Мөхәммәд
расулүлләһи.
4. Ошбу кабер..... Миңле.....

(Ж.Г.Мөхәммәтшин билгеләве буенча кабер
ташы XVIII гасырның икенче яртысына карый)

Дүртенче таш
(Үлчәмнәре: 130 x 65 x 25)

	الحکم لله العالی الکبیر کل نفس ذائقات الموت ثم الینا ترجعون محتر اولى مرتب ارتب میرحزیر ابرر بلوی ک رحمة الله علیه رحمة واسعة تاریخ جیات جیرح توحوور جال اتی مبارک دو القعه ایح جرشنبه کون وافت بلاطوی 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9.
<i>Транскрипциясе:</i> 1. Әл-хөкмү лилләһи әл-ғалиййү-л-кәбир! 2. Күллү нәфсү заикатү-л-мәүтә сүммә иләйнә 3. төржәгунә! Мөхтәр улы мөрәттибә әртәб 4. Мирхәзәр әбрәр бәлүкә. 5. Рәхмәтуллаһи гәләйһи рәхмәтән вәсигәтән! 6. тарих жиате жирх тухр 7. жал әте, мөбәрәк зөлкагьдә 8. айхы чәршәнбә көн вафат 9. болтарыма.	<i>Тәрҗемәсе:</i> 1. Хөкем – Бөек вә Олуг Аллаһтан! 2. һәрбер жан иясе үлем ачысын татыр, соңыннан Безгә (Аллаһка) 3. әйләнәп кайтыр! Мөхтәр улы югары дәрәҗәле 4. Мирхәзәр намус иясе билгесе. 5. Аңа Аллаһның олы рәхмәте ирешсен! 6. Тарих жиде йөз тугыз (709 – 1309/1310) 7. ел иде, мөбәрәк зөлкагьдә 8. ае, чәршәмбе көн вафат 9. булды.

Ташлардагы язуларга кыскача аңлата-ма. Өч ташта да якынча бер үк язу – геометрик куфи стиле. Шактый гади, ташка чүкү коралы белән язу өчен жайлаштырылган куфи. Шулай ук «нәсх»стиле дә катнашкан. Тимпанда (ташның өске өлешендәге ярым түгәрәктә) «сүлс»стиле дә (сәнгати нәфис стиль) сизелә. Гарәп сүзләре, гыйбәрәләре орфографик яктан дөрөс

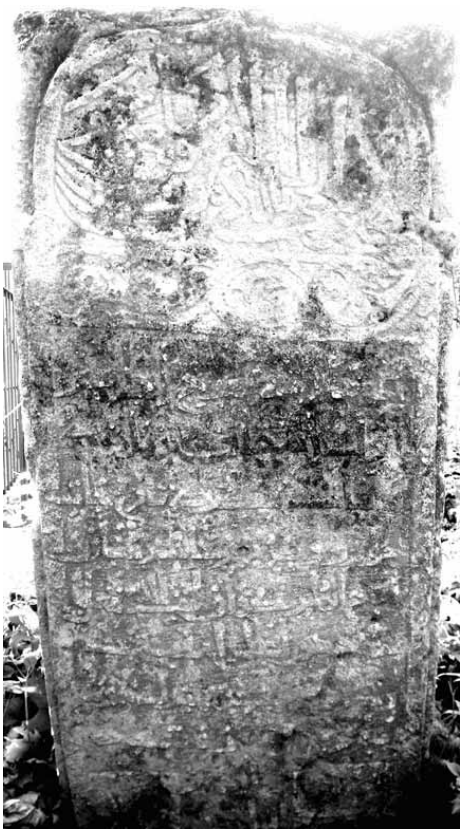
язылган, сузыкларны (а, ә, у, ү, ө, э, и, ый) белдерүче хәрәкәләр («фәтхә», «дәммә», «кәсрә») билгеләре дә кайсыбер ташларда күзәтелә. Үзенчәлек: «с» хәрефенең астында (кайбер ташларда) өч нокта күзәтелә. Төркичә хас авазлар икешәр хәреф (билге) белән белдерелә: (وى) = ү

Бишенче таш*
(Үлчәмнәре: 176 х 65 х 22, сынган)

	(۱) هُوَ الْحَيُّ الَّذِي لَا يَمُوتُ (۲) وَكُلِّ حَيٍّ سِوَاهُ سَيَمُوتُ (۳) جَالِمْلَارْمَا تَرْبِيَّت قَلْقَان (۴) رَهْدَلَارْمَا پِسُوكَان مَسْجِد (۵) لَارْنِي عَمَرْت قَلْقَان كُوكُوش (۶) حَرَاتْلِيْع مَجَر قَصِي (۴) اَوْغَلِي (۷) اِسْمَاعِل زِهَارَه بُو رَحْمَه (۸) اَللّٰهُ عَلَيْهِ رَحْمَه وَاسِعَه (۹) وَفَات بُلْطُوْى تَارِيْح جِيَا (۱۰) ت جَوْر وَان سِر جَال رَجَب (۱۱) اِنَح جِيْرَم اَكْش كَوَان اِت (۱۲) اَلْمَوْت تَاب (۱۳) وَ كَل اِنَا (۱۴) سِي دَاخِلَه
<i>Транскрипциясе:</i> 1. Нүә-л-хәййү әлләзи лә йәмүтү, 2. вә күллү хәййин сәваһү сәйамуту! 3. Галимнәргә тәрбийәт кылган, 4. заһидларга сөүгән, мәсҗед 5. гиймарәт кылган, үкүз 6. һәйратлиг Мажар кади (?) оглы 7. Исмагил зийәрәте бу. Рәхмәту- 8. л-лаһи гәләйһи рәхмәтән 9. васигәтән! 10. Вафат болты: тарих же- 11. ти жүр он бир жал, рәжәб 12. айхы жирме әкези көн әти. 13. Әл-мәүтү бабун, 14. вә күллү-н-на- 15. си даһһилүһү!	<i>Тәрҗемәсе:</i> 1. Ул (Аллаһ) мәңге тере, һич үлемсез, 2. ә барча терекләр үләр! 3. Галимнәргә тәрбия кылган, 4. Аллаһны олулаучыларга сыенган, 5. мәчетләр торгызган, күп иглекләр 6. кылган Мажар-казый (?) улы 7. Исмагыйл зираты булыр. Аңа 8. Аллаһның олы рәхмәте ирешсен! 9. Вафат булу вакыты тарихның жи- 10. де йөз унберенче елы, рәжәб 11. аеның егерме икенче көне иде. 12. Үлем бер ишектер, 13. һәркем 14. аның аша узар.

* 1983 елда Г.Ф.Сөләйманова Чистай зиратында болгар ташларына охшаш ташлар булуы турында М.И.Әхмәтжановка хәбәр итә. Бу ташларны М.И.Әхмәтжанов шул ук елны археологик экспедиция вакытында өйрәнә һәм Алтын Урда дәверендә куелган өч ташны билгеләп (5-7 сандагы ташлар), яна дәвергә караганнарының да эпитафияләреннән күчермәләр ала. 1984 елда М.И.Әхмәтжанов, Р.М.Әмирханов һәм Ф.С.Хәкимжанов катнашлыгында узган экспедиция тарафыннан бу ташларның язмалары ачыклана. Ф.С.Хәкимжанов үзенең фәнни язмасында барлыгы дүрт болгар ташы булуы турында хәбәр итә һәм өч ташның укуылын һәм тәрҗемәсен бастырып чыгара. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык / Э. Р. Тенишев. М.: Наука 1987. – С. 94-95, 156-157, 176-177.

Алтынчы таш
(Үлчәмнәре: 175 x 70 x 20)

	(۱) هُوَ الْحَيُّ الَّذِي لَا يَمُوتُ (۲) وَكُلُّ حَيٍّ سَيَمُوتُ (۳) ... دَارَ ... رَجِ إِبْرَاهِيمَ (۴) أَوَّلِ إِسْحَاقَ زِيَارَتِ كُ (۵) وَفَاتِ بُلْطُوِي تَارِيحِ جِيَا (۶) جُورِ وَ وَطْبَرِ بِ... رِ جَالِ رَمَضَانَ (۷) أَيُّجِ أَوْفَمِ كَوَانِ أَيْ اللّٰه تَعَالَى (۸) ... سِرَ اَغْلَى ... (۹) رَط ... مَخْبِرَةِ بُولْطُوِي (۱۰) (۱۱) رَحْمِ (۱۲) الرَّاحِمِ
<i>Транскрипциясе:</i> 1. Нүә-л-хәййү әлләзи лә йәмүтү, 2. вә күллү хәййин сәваһү сәйамуту! 3. ... уар ... р-жи Ибраһим 4. улы Исхак зийәрәте кү. 5. Вафат болту. Тарих жети 6. жүр вә отур б... ри жал рамазан 7. айхы оним көн әти. Аллаһу Тәгалә 8. ... с-р а-г-л-и а... 9. р-т ... х-х-р-ә болту 10. 11. раһманир-р- 12. раһими.	<i>Тәрҗемәсе:</i> 1. Ул (Аллаһ) мәңге тере, һич үлемсез, 2. ә барча терекләр үләр! 3. Ибраһим, 4. улы Исхакның зирату бу. 5. Вафат булганда тарихның жиде 6. йөз утыз беренче елы, рамазан 7. аеның унынчы көне иде. Аллаһ бөек 8. 9. булды 10. 11. шәфкатле 12. рәхимле.

Жиденче таш*
(Үлчәмнәре: 112 x 60 x 20)

(۱) الحكم الله العلي الكبير
(۲) داد اول حطل نور
(۳) بلوؤك رحمه الله
(۴) عليه رحمه واسعه
وفات ناطورجب ايج
... حياء حور ...

Транскрипциясе:

1. Өл-хөкмү лилләһи әл-галийү-л-кәбир!
2. Дад улы Хатала-йори
3. бәлүкү. Рәхмәту-л-лаһи
4. гәләйһи рәхмәтән васигәтән!
5. вафат булты рәжәп аех
6. . . . жети жүр . . . **

Тәрҗемәсе:

1. Хөкем – Бөек вә Олуг Аллаһтан!
2. Дад улы Хатала-йоринең
3. зираты бу. Аңа Аллаһның
4. олы рәхмәте ирешсен!
5. вафат булды рәжәп аенда
6. . . . жиде йөз . . .

* 1984 елда укылган килеш бирелә (4 юлы күрсәтелә). Таш сынган һәм аның шул өлешендә язулы алты юл булганлыгы күренеп тора.

** Жиденче ташның 5-6 нчы юллары Ж.Г.Мөхәммәтшин тарафыннан укылды.

Сигезенче һәм тугызынчы ташларның аскы өлеше

(өске өлешләрә әлегә табылмады)

(Үлчәмнәре: 40 x 70 x 20; 45 x 60 x 23)

Тугызынчы ташның соңгы юлында: **مان حال ذبل ح الح حيارع**
 (тук)сан жал зульхижә айх жиерме (куан әте) дип язылган. Ташның куелу вакыты милади
 буенча 690 нчы елга туры килә (1290/1291). Ташның язуы тулысынча эшләнеп бетмәгән.
 Соңгы ике юл буш калган*.

* 9 нчы таш 2008 елда Ж.Г.Мөхәммәтшин тарафыннан укылды.

О западных пределах Кумыкского государства XVI–XVII вв. в зеркале фольклора и исторических источников

Можно полагать, что сфера государственных интересов кумыкского (Тарковского) Шамхальства еще со второй половины XVI в. простиралась далеко за пределы тех границ, которые традиционно ограничивают их нынешними границами Дагестана. Так, если иметь в виду западные пределы, то еще в 1566/67 г. в Кабарде гибнет шамхал Будаи I [в надмогильной надписи он – сын «Уммал Мухаммада – пал «мучеником сражении с кафирами» (Шихсаидов, 1985, с.295), а в 1641 г. там же, на берегу р. Малки, пал другой кумыкский шамхал – сын основателя династии засулакских кумыкских князей Султан-Мута – Айдемир (Ист. Сев. Кавк., 1988, с.303). До Будаи I в эпитафии конца 1552 – начале 1553 г другого памятника шамхальского типа из (Казии) Кумуха упоминается «юноша прекрасный, благородный, самый прекрасный, славнейший, прощенный, счастливый, мученик, убитый в сражении с неверными чаркас [Кабарде] Мухаммад сын «Уммал Мухаммада», брат первого (см.: Эпиграф. памят., 1966, с.248, 208, 209; Эпиграф. памят., 1980, с.107, прим. 839; Шихсаидов, 1985, с.294-295), которому и наследовал в этом случае, если иметь в виду удельно-лествичную систему престолонаследия в шамхальстве, Будаи I. Таким образом, уже к середине XVI в. территориальные пределы и государственные интересы (сфера влияния) Кумыкского государства со столицей в (Казии) Кумухе (нынешняя Лакия в центральном горном Дагестане) включали на западе пределы «неверных (кафиров) чаркас».

Все это свидетельствует о том, что, с одной стороны, войны в Кабарде носили со стороны шамхалов и религиозный (джихад с неверными кафирами) оттенок, с другой, хотя и косвенным образом, – об их кумыкской этнической принадлежности. Ср. в последнем отношении турецкую (или кумыкскую) надпись на надгробной плите предшественника шамхала Айдемира – Ильдара (1635–1636 гг.) и кыпчакский характер узора на одном из памятников шамхальского кладбища, относящемся ко второй половине XVI в. (Шихсаидов, 1985, с.305, 307, 302, 303). При этом в кабардинском языке обнаруживаются кумыкские лексичес-

кие элементы (Гусейнов, 1998, с.121), свидетельствующие о достаточно давних взаимосвязях носителей соответствующих языков, каковые предполагают тем самым территориальную близость носителей соответствующих языков.

Гибель в Кабарде на протяжении второй половины XVI – первой половины XVII вв. трех кумыкских верховных правителей-шамхалов отнюдь не случайна. Причем известно, что в своей экспансии на восток группировка кабардинских феодалов во главе со старшим князем Темрюком Идаровым, поддержанная его зятем – русским царем Иваном IV, столкнулась с Тарковским шамхальством, владения которого, как полагают историки, распространялись до Кумы и Пятигорья (см. Аджаматов, 2003, с.190). Однако какие-либо систематические доказательства в пользу последнего положения до сих пор не приводились, и данная публикация представляет собой первую попытку подобного анализа с привлечением не только исторических, но и иных, прежде всего, фольклорных сведений, в том числе в силу известной скудости освоенных исторических источников, главным образом восточных.

Традиционно считается, что массовое продвижение адыгов на восток до р. Сунжи имело место еще в XV в., переселившихся на восток адыгов стали называть кабардинцами, и они к XVI веку занимали равнинные места и предгорья по левым притокам Терека, до входа в горные ущелья, по правому берегу Терека и левому берегу или почти до р. Сунжи. При этом Пятигорье в описываемое время уже не было местом их постоянного жительства. Карачаевцы же, область проживания которых – Къарачай – также упоминается в кумыкских казак-йырах (Оразаев, 1989), к 30–40 гг. XVII в. прочно обосновались в верховьях Баксана и жили по Баксанскому ущелью, в первой половине XVII в. часть их из-за феодальных раздоров выселилась в верховья Кубани. Балкарцы в это время и во второй половине XVII в. были расселены по Балкарскому ущелью и р. Черек. В конце XVI в. Кабарда распадается на Большую (от Малки до Уруха) и Малую (от Уруха до среднего Терека и

по правому берегу Терека) (Ист. нар. Сев. Кавк., 1988, с.237, 277, 303).

В рассматриваемом смысле обращает на себя внимание зачин одного из записанных

сравнительно недавно Г. Оразаевым (1989) в 1988 г. в г. Хасавюрте казак-йыров (героических песен):

Болгърлар ессиз, Болгър тав, Болгър тав.
 Сенден бийик тав болмас.
 ...Хан гюбе, сенден асил зат болмас!
 Болгъртавну бийиклиги не болсун, –
 Сасыкъ гёзел деген эмгексиз
 Топурагъын алып тавгъа – тюзге атгъан сонг?

Болгуров владения без, Болгур-гора, Болгур-гора.
 Тебя выше горы не будет.
 ...Ханская кольчуга, тебя драгоценнее
 (благороднее) вещи не будет.
 Болгур-горе высоте что станет, –
 Хорьком называемая (существо), беззаботно
 Почву ее взяв, но гору-равнину бросило после того как?

При этом, как было установлено нами (Гусейнов, 2006, с.34), данная гора локализуется в Пятигорье, которое, как было отмечено выше, в XVI–XVII вв. уже якобы не было местом постоянного жительства кабардинцев, и знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби в 1666 г. упоминает в данной зоне опустевший Боргустан и его горы (ср. выше: «Болгърлар ессиз, Болгър тав, Болгър тав»). Однако именно сюда совершает свой рейд отец Айдемира Султан-Мута за кумыками-брагунцами и поселяет их в пределах своего княжества в 1619 году. Причем еще в русских источниках 1598 г. были известны владения первостепенного князя («козлара»), а затем и князя («мурзы») Таймаса Барагунского и его детей, расположенные в Кабарде (см.: Виноградов, Магомадова, 2000, с.13).

Поэтому остается мало непонятным, как и откуда появились брагунцы в этой области, якобы покинутой кабардинцами. При этом в одной из кумыкских героических песен (Къум. Йыр, 2002, с.162) об ее герое – выходеце из засулакского кумыкского селения Яхсай (Аксай), который был «(из) есаульских всадников один» («Ясавул атлыланы бириси...», говорится: «...Полностью всей Кабарды половины Ты с Борагъаном называемых областей, Ты, не примериваясь поехав, добычу (трофей)

взял» («...Толу бютюн Къабартгъыны яртысы Сен Борагъан деген буса эллерден Сен, бойламай барып, олжа алдынг»). Действие же песни «Когда пустеет Боргустан» как раз-таки имеет место не ранее XVI–XVII вв., если иметь в виду упоминание в аксаевском йыре «Уподобившейся загону (для скота) Курдюковской станицы», где ее герой «...днем даже тревогу устраивал» («Гюрюнлеген Курдюккъалагъа, Сен гюнде чи гъарай-къувун сала эдинг»), так как данная станица относится к числу первых, основанных гребенскими казаками на Тереке еще в XVI–XVII вв. (см. Ист. нар. Сев. Кав., 1988, с.328-329). Об известной архаичности последней песни свидетельствует то, что впервые опубликовавший ее Г. Оразаев обнаружил ее запись в арабографической форме в г. Хасавюрте (Къум. Йыр, 2002, с.415 комм.).

Тем самым действие рассмотренного йыра оказывается, возможно, связанным с периодом пребывания брагунцев в вышеупомянутой области их первоначального расселения. Данные исторические песни оказываются в кумыкском фольклоре отнюдь не единственными, если иметь в виду отражение в нем реалий, связанных с Кабардой, Карачаем и Балкарией. Их географические ориентиры упоминаются и в другом севернокумыкском (засулакском) казак-йыре:

Таш бурундан сен, къазагъым, мал гъайдап,
 Къызбурундан буса дагъы йылкы гъайдап,
 ...Гезейгенинг Черкес тавну арты эди,
 Къуш чюйгенинг Къабартыны тюзю эди,
 Олжа этгенинг маярланы къызы эди.

... Отбашында сен къазакъны ойнайгъан
Гюржю къыздан тувгъан кюлдей увакъ яш эди
(Къум. Ёыр, 2002, с.160-161, 41).

Из Ташбуруна ты, мой казак, овец погоняя,
Из Кызбуруна тогда, еще табун погоняя,
...Место, где ты странствовал, – черкесской горы позади,
Где птиц подбрасывал, – Кабарды равнина была,
Супругой ставшей бояр дочь была,
...У очага твоего твои, казака, играющие,
От грузинской девушки рожденные,
Пеплу подобные, малолетние дети были.

Вместе с тем в рассматриваемый период по сравнению с ранним средневековьем (см. Гусейнов, Мугумова, с.2005) ойкумена кумыкского фольклора сужается, как и область героических ристалищ, которая занимала в преж-

ние годы несравнимо обширные пространства, для одинокого казака – героя одной из баллад, относимых к эпохе средневековья и зафиксированной в хасавюртовской зоне. Ср.:

Къызбурундан шыраллап акъгъан къара сув –
Эдиллер болмай, сагъа Терк болду ... (Къум. Ёыр, 2002, с.90, 402)
Из Кызбуруна журча вытекавшая черная река (подземная вода) –
Не став Эдиями (Волгой и Камой), тебе Тереком стала...

Он отправляется верхом на равнину Кабарды (Къум. Ёыр, 2002, с.890), чтобы показаться большого (великого) князя Бийарслана на глаза (Оразаев 1990, ср. название г. Беслана в нынешней Северной Осетии, которое, в принципе, может представлять собой стяженную форму кумыкского мужского антропонима Бийарслан «князь-лев» (см.: Гаджихмедов, Гусейнов, 2004, с.80). Этот князь, возвысив казака – героя баллады – и сильно его полюбив, раньше однажды ради него с гяурской страны (ср. вышеупомянутую гибель кумыкских шамхалов в пределах «неверных (кафиров) чаркас») собрал подать (Къум. Ёыр, 2002, с.89). Казаку была дана воля гнать: из Ташбуруна (название местности у одного из рукавов Волги (Къум. Ёыр, 2002, с.90 прим.1), т.е. ее дельты, низовий, куда только, по всей видимости, может достигнуть герой) жеребят (до 2-летнего возраста), из Кызбуруна табуны кабардинских [известных с XVI в. (Больш. сов. энц., с.11; 95)] лошадей (Къум. Ёыр, 2002, с.90), но казак гибнет от рук (холодного оружия, досл. – меди) гяуров (кабардинцев?), как и предупреждала его мать о том, что кабардинцы – плохой народ и на головы продажи будут. Сам герой – мусульманин, ибо его безутешная мать задается вопросом: «Из сосны криво сделанный белый гроб (носилки) Не вонзится ли в белоснежное твое тело?» (Къум. Ёыр, 2002, с.90).

Учитывая, что этноним кабардинцев был впервые упомянут в 1436 г. и стал широко известен в русских документах XVI в. (Волкова, 1973, с.45), а принятие ислама большинства населения Кабарды относится к XVII в. (Ист. нар. Сев. Кавк., 1978, с.495, можно предполагать, что действие данного фольклорного произведения относится к временному промежутку между XV и XVII вв., т.е. к рассматриваемому периоду времени. Об этом свидетельствует упоминание Кызбуруна – названия местности на берегу р. Баксан в современной Кабарде (Къум. Ёыр, 2002, с.90 прим. 2) балкаро-карачаевского происхождения (Ист. нар. Сев. Кавк., 1988, с.237), о чем свидетельствуют современные наименования поселков Кызбурун Первый, Второй и Третий по течению р. Баксан западнее и южнее г. Баксан КБР, расположенного на границе Кабардинской равнины гор, населенных в настоящее время балкарцами.

В связи с вышеизложенным можно считать закономерным упоминание Кабарда и Чегема (и соответственно Балкарии) в знаменитом кумыкском йыре (героической песне) «Об Ибаке и Зоруше», в котором (Къум. Ёыр, 2002, с.114-117; Хрестоматия, 2002, с.71-73) говорится о необходимости:

1) навести мост к чегемцам («Чегемлеге энни кёпюр ким салар?»), т.е. балкарцам – жителям Чегемского ущелья, каковые (чегем-

цы) становятся известными в русских источниках лишь в XVIII в. (Волкова, 1973, с.90);

2) установить «кто будет в Кабарде кабак-узденем» («Къабартыда къбакъ оьзден ким болур?») и возьмет с ее жителей по счету дань-ясак («Олардан санап ясакъ ким алар?»).

Надо полагать, что речь в данном случае идет об охране западной кумыкской границы, о которой было сказано в предшествующем изложении, если иметь в виду, что один из героев йыра – Ибак, возвращаясь с сорока нукерами и добычей из Кабарды, гибнет в сражении *от стрелы* (Къум. Йыр, 2002, с.115), т.е. в эпоху до распространения на Северном Кавказе огнестрельного оружия, имевшего место здесь в XVI–XVIII вв. (Ист. нар. Сев. Кав., 1988, с.471). При этом, как причитает его мать, на пограничной дороге («Дазув йолдан...неге (нетме) геле эдинг?!») на пути к народам, странам (к.-балк. – «селениям») Гельбаха («...Гелбакъ деген элlege...»). Под последним следует, видимо, понимать соответствующую историческую область из «Дербент-наме», отождествляемую обычно с исторически кумыкским селением Верхний Чирюрт (см. Шихсаидов, Айтберов, Оразаев, 1993, с.20, 46 прим. 3) у выхода р. Сулак на равнину. Возможно о том, что война в Кабарде шла не только в чистом поле, свидетельствуют ответ на упреки матери Зорушу его жены (*ай гелини* «луноподобной невестки»): «Къабартыда, мени абайым, къала бар, Бу Зорушну яврунунда нече тюрлю яра бар» (Къум. Йыр, 2002, с.117) «В Кабарде, моя бабушка, крепость есть, У (этого) Зоруша на верхней части спины столько различных ран есть».

Именно в Кабарде, где был главой пограничной стражи и сборщиком дани Ибак и где много разбоя [«Къабартыда къбакъ оьзден, кѣп тонав – Мени бир Ибакъ балам оьллен сонг, Олардан санап ясакъ ким олар?» (Къум. Йыр, 2002, с.117)], он и гибнет, о чем свидетельствует ответ матери брата Ибака – Зоруша, готового к мести: «Моря берег-песок-пыль, не поехав, жеребенка копыто разве завязнет? Зорушем именуемый один твой сын цел пока, Ибака кровь на земле разве будет?» (Къум. Йыр, 2002, с.117; Хрестоматия, 2002, с.72-73). Видимо, для героев йыра не все потеряно, если иметь в виду другую часть ответа Зоруша своей матери, в которой он берет на себя обязательство проложить мост к чегемцам, стать в Кабарде пограничным узденем и взять с нее по счету ясак (Къум. Йыр, 2002, с.117).

Как отмечает в своем комментарии к данному йыру А.М. Аджиев (Къум. Йыр, 2002, с.405), можно предполагать, что мать Ибака и Зоруша была гельбахской княгиней, ибо, как сказано в тексте ее права собственности достигали Кабарды. Возможно, по его мнению героями этого произведения являются кумыки-брагунгцы, если иметь в виду непосредственное их упоминание в некоторых его вариантах, в частности, в одном из них, записанном в селении Буглен, и само оно отражает кумыкско-кабардинские взаимоотношения XVI–XVII вв.

Обращает на себя внимание и то, что вышеупомянутая гибель «в сражении с неверными чаркас Мухаммад сын, Уммал Мухаммада» в конце 1552- начале 1553 г. практически совпадает по времени с прибытием в Москву в ноябре 1552 г. первого посольства адыгов с просьбой о принятии в русское подданство, в 1566/67г. – шамхала Будая, поддержавшего группировку кабардинских князей во главе с Пшеапшокой Кайтукиным в сражении с войсками Темрюка Идарова (Идрисов, 2005, № 44) – с походом в Кабарду русских войск во главе с воеводами Дашковым и Ржевским (см. Ист. Сев. Кавк., 1988, с.332, 334). Хотя после 1589 г. в Кабарде побеждает прокумыкская группировка и влияние шамхала после неудачного похода А. Хворостинина в 1595 г. на Тарки в бассейне Терека значительно возросло, поражение Айдемира, принявшего совместный с русскими поход в «в горы, в Балкары», в 1641 году в столкновении между вышеупомянутыми группировками на р. Малка, в котором приняли участие и некоторые владельцы Малого Ногая, имело как негативные, так и позитивные последствия. Речь идет о том, что после этого сражения князья Малой Кабарды, ослабленные поражением, оказались в подчинение у брата Айдемира – Казаналпа (см. Ист. нар. Сев. Кавк., 1988, с.303; Аджаматов, 2003, с.76; Алиев, 2006, с.69).

Об исторических западных пределах Кумыкского государства рассматриваемой эпохи свидетельствует и то, что Казаналп и шамхал Сурхай III в своем письме русскому правительству от 1652 г. (архивные материалы) указывали, что «все Черкасы исстари дагестанские и шевкаловы» (см. Алиев, 2006, с.72). Вполне закономерным в указанной связи следует считать упоминание «множества хранителей-тюрбедавов, которые происходят из кумыков», еще в 1666 г. у Татартупа в районе

известных Эльхотовских ворот в Малой Кабарде у Э. Челеби (1979, с.101-102). Вместе с тем, по всей видимости, пределы Кумыкского государства и его интересы простирались в это время еще далее на запад, ибо не случайно, надо полагать, что Э. Челеби (Челеби, 1979, с.840) писал и о том, что в Кабарде, в крепости Шад-Кермен, на берегу р.Джэнджек, впадающей в Кубань, крымский хан назначил кадием Тухтар Хаджи-Али из кумыков, вместе с которым «в крепости прочно обосновались сто кумыкских молодцев-джигитов. Все они – мусульмане-единоверцы толка Шафи». Таким образом, можно предполагать, что в именно в этой области в рассматриваемое время могли соприкасаться границы Крымского ханства и Кумыкистана.

В более позднее время об этом говорит и содержание исторических песен-йыров о Казанбие (см. Къум. Йыр, 2002, с.164-166), в первом из которых он именуется «Кабарды суровым всадником...» («Къабартыны къатты атлысы...»), втором – «полководцем, военачальником» («Черивлер башы...»). Он с товарищами, разгоняя выстрелами из ружей (т.е. примерно в XVII-XVIII вв. – см. выше) табуны по Астраханью, пригоняет лучшие из них в Кулдавузские лощины («Гелип тышдюк Къулдавузлу къоллагъа»), откуда его друзья уходят по Капайской дороге («Ёлдашлар гетти Къапай ёллагъа»), но при этом они предварительно все вместе побывали у кубанских князей («Гюн ашайыкъ Къобан бийлер къолунда...»), что еще раз указывает на западные ареальные пределы Кумыкского государства.

В свою очередь, Кулдавузские лощины оказываются известными под тем же названием Гүлүзан боъра (ущелье р. Калаус в Малой Кабарде) чеченскому «Илли о Чеге Бесстрашное Сердце и Бибулате, сыне Таймы», в котором говорится о набеге в ногайские степи во владения князя (кабардинского) Тепсарки (Илли, 1979, с.31-39, 235; Нохч. фольк., 1990, с.339-346). Последний мог иметь место, если иметь в виду упоминание в нем чеченского

наездника Бибулата Таймиева, в первой четверти XIX в., а «Къапай ёллар» представляется возможным соотнести с кум.кизляр. Каьпкей – названием основанного в 1784 г. (Больш. сов. энц., с.18, 495) нынешнего г. Владикавказа (см. Хангишиев, 1989, с.79), который именуется в кумыкских частушках Буравлу Къала (Къум. Йыр, 1991, с.395), как и чеч. уст. Буре-тле и инг. уст. Буру Глала, каковые отражают, по всей видимости, кум. бару «ограда, стена, забор» иранского происхождения.

Не исключено, что (с учетом вышеупомянутых сведений Э. Челеби) столь ошутимое внимание, каковое уделяется йырам о Казанбие в кумыкском фольклоре [наряду с плачем о Казанбие известен и плач о Зоруше (ср. выше), который, «странствуя по пространству Аракътау (хребет Аракмеэр во внутригорном, или среднегорном, Дагестане между нынешними аварскими сс. Гимры и Хунзах), встречных как лисицу обдирает» (Къум. Йыр, 2002, с.117) свидетельствует о кумыкском происхождении этого героя из Малой Кабарды, чье имя носит (Казанбий) аналогичный характер (Гаджихмедов, Гусейнов, 2004, с.97). Оно не отмечено в доступных антропонимических словарях адыгейского и кабардино-черкесского языков, в условиях когда известен, например, кабардинский феодальный род Казанищевых дагестанского, точнее, кумыкского происхождения (см. Ист. нар. Сев. Кавк., 1988, с.301, 518). Следует обратить внимание и на то, что йыр о Казанбие был впервые зафиксирован еще в конце XIX в. все в той же хасавюртовской зоне, ближайшей к Малой Кабарде.

Со временем положение в Кабарде для кумыкских удалцов-казаков становится еще более затруднительным, если иметь в виду содержание йыра, записанного на аджама в г. Хасавюрте и обнародованного Г.Оразаевым (1989), а затем А.Аджиевым (Къум. Йыр, 2002, с.118-119):

Къабарты булан чергес жыйылап,
Чегемлеге темир къыршав ким салсын?!
Болжасыз боз топуракъ ябулуп,
Къабартыдан къагып йылкы ким алсын?!
С кабардинцами черкесы собрались,
Чегемцам (балкарцам) железный обруч кто поставит?! (защитит)
Без срока бурая земля (почва) закрылась,
Из Кабарды внезапно табун(ы) кто возьмет?!

Следует, видимо, полагать, что ко времени, когда разворачиваются (см. ниже) события, описываемые в этом йыре, вышеприведенный отрывок уже приобрел свойства общего места,

в какой-то мере рефрена, ибо его лирический герой, обращаясь к кабардинскому казаку говорит о другой угрозе (Къум. Йыр, 2002, с.119):

Къабарт къазагъым, сенден сонг
Къалалар [Къабартгъылар (Оразаев, 1989)] тогъасларын къакъмасын,
Тенг къазакълар къаравулун бакъмасын,
Орусда маярлары сююнсюн,
Апсерлери эркин юрюсюн...,
Сен къазакъларны сюймегенлер кѣп эди,
Къазакълар, сени шю гюнюнге сююнсюн.
Кабардинский казак мой, после тебя
Крепости (кабардинцы) засовы пусть не ставят (не вколачивают),
Донские казаки свой караул пусть не направляют (в твою сторону),
У русских бояре пусть радуются,
Офицеры свободно (вольно) пусть ходят...
Тебя, казака, не любивших много было,
Казак, твоему этому дню пусть радуются.

Появление этого йыра (где слово Тенг представляет собой кумыкское и ногайское название р. Дон (Оразаев, 1989), знаменующего эпоху прекращения походов на Кабарду, в том числе, видимо, в защиту балкарцев, следует, по всей видимости, ко времени не позднее последней четверти XVIII в., когда на Северо-Восточном Кавказе стали расселяться донские казаки, затем была построена крепость Моздок и на пространстве между Азовом и Моздоком с 1777 г. на возводившейся линии военных укреплений были поселены казаки с Волги и Хопра (см. Ист. нар. Сев. Кавк., 1988, с.373, 450) – притока Дона.

Что касается промежуточной в настоящее время между Кабардой и Кумыкистаном области нынешней Чечни (и Ингушетии), то в ходе начавшегося дробления шамхальства после гибели шамхала Будая известный родоначальник засулакских кумыкских князей Султан-Мут, согласно известными сведениями А.-К.Бакиханова (1926, с.88, 90), «принудил своих братьев отдать ему в удел все земли, лежащие между реками Сулаком и Тереком с нижней частью Мичикича [нынешней Чечни] и Салатавского округа до горы Керхи [чамалинское Кенхи на границе Шароя и Чеберлора], что на границе Гумбета [северо-западный Дагестан]». Причем под нижней частью Мичикича, уступленной [до 1659 г., в первой половине XVII в. (Ист. Сев. Кавк., 1988, с.295)] впоследствии «эмирами Андреевой» Турловым (Терлав), которые «населили эти места жителями Нашшага (верхняя часть Чечни)» [первыми чеченцами в нынешнем значении

этого этнонима], понимаются «Чечен-Тала, Герменчук-Шали, Атака и проч.» в нижнем течении р. Аргун в вышеупомянутой нижней равнинной Чечне. Причем династия Турловых являлась тюркской (булгарской) по происхождению, а тюркско (кумыкско) язычное население было представлено в рассматриваемое время и в нынешних горных частях Чечни и Ингушетии (см.: Гусейнов, 2006, с.12-15; Гусейнов, 2007, с.29-38).

Именно Султан-Муту, как сообщается в чеченских преданиях, живший в западном нагорном чеченском обществе Нашхой (Нашха) легендарный предок чеченцев Тинавин-Вис, сын Молкха, при котором произошло расселение чеченцев в предгорьях, платил дань (Очерки, 1967, с.58; Берже, 1991, с.86; Чеч. фольклор, 1998, с.35). Начало же массового переселения вайнахов – будущих чеченцев и ингушей, окончательное оформление общностей которых относится к середине XVIII в. (Ахмадов, Хожаев, 1992) – на плоскость, прежде всего предгорную зону, из обществ Нашха на восток (чеченцы) и Галай на запад (ингуши) относится учеными к XVI–XVII вв. (Кобычев, 1997, с.183-184).

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что Султан-Мут был известен в Чечне и как шейх Мут, ср.: «Так, в 10-20-х гг. XVII в. в Ичкерии поселился шайх Мут (конец XVI – 40-е гг. XVII в.) – внебрачный сын Тарковского шамхала Солтан-Мут. Пещера, в которой он уединялся, стала «святым» местом – Ших-Мут Хъех. Сохранились предания о таких наставниках, как

шайх Мурат, Бата, Термаол, Берсан-шайх» (Месхидзе, 1998, с.107).

В свою очередь, чеченских илли – героико-эпических песнях, датировку наиболее старых из которых можно отнести, как уже отмечалось, ко второй половине XVII или к началу XVIII века (Мальсагов, Ошаев, 1963, с.26) и чье обозначение восходит к араб. иль Алла в известной исламской формуле единобожия (Гусейнов, 2001, с.25) (последняя могла распространиться здесь не ранее принятия ислама, имевшего место на территории Восточной Чечни и предгорных Чечни и Ингушетии в XVI в., горной Чечено-Ингушетии – в XVII–XVIII вв. (Ист. Сев. Кав., 1988, с.495), когда и началось переселение на плоскость) представителей соседних народов – называются не просто кумыки, а «тарковские юные молодцы» (таркхой жима клант). Это отразилось в их названиях: «Илли о тарковском молодце казаке, сыне вдовы, Актоле, сыне Джумы», «Илли о тарковском молодце и сыне вдовы» и «Илли о кабардинце Солсе, вдовьем сыне и тарковском молодце», а также чеченском названии Каспийского моря – Таркхойн хIорд. Этноним Гумкхи(и) «кумык, кумычка» используется лишь во второй из упомянутых песен в связи с кумыкскими женщинами, которыми сшита одежда героев (Илли, 1979, с.331-332).

Именно к нему – сыну вдовы – в западно-чеченское с. Гехи, впервые упоминаемое в 1745 году как находящееся под управлением кумыкских аксаевских князей (Волкова, 1974, с.16), приезжает «тарковский добрый молодец». Возникновение этих песен, действительно, могло иметь место не ранее времени, когда в первой половине XVII в. оформляется конфедерация кумыкских княжеств под сюзеренитетом шамхалов Тарковских, подданные которых и именовались, по всей видимости, еще в это время тарковцами в Чечне. При этом представители отождествляемого с ними тайпа Таркхой, а также отчасти Гумкхий оказываются известными практически во всей нынешней равнинной и предгорной Чечне, преимущественно в восточной ее части (см. Гусейнов, 2001, с.21-24) и являются, если иметь в виду вышеизложенное, потомками прежнего тюрко (кумыкско) язычного населения указанных областей, известного в русских документах XVI–XVIII вв. под названием Мичкиз (Минкиз) (см. Гусейнов, 2001, с.21-24, 20).

Не случайно, что среди чеченцев и ингушей широко бытуют этногенетические легенды о

приходе их предков на Кавказ из Аравии, каковые являются наиболее распространенными из всех версий о предках-пришельцах. Причем ведущее место среди них занимают те из них, которые восходят к преданиям о происхождении кумыкских (Тарковских) шамхалов из Шама (Сирии) (Дахкильгов, 1978, с.33, 35).

Видимо, поэтому еще первый чеченский этнограф У.Лаудаев (1990, с.79) писал в 1872 г. об одной из этих легенд, согласно которой «...какой-то шамский князь (Шам – Сирия), заслужив гнев своего повелителя, бежал и поселился на Кавказе». Младший из его сыновей, называвшийся Нахчой, «взял себе уделом землю в горах и сделался родоначальником чеченцев». Этот же исследователь отмечал, что «предание это ничем не подтверждается и есть скорее всего выражение тщеславия молодого народа, желавшего иметь своим родоначальником княжеского сына; или же, не есть ли оно переиначенная генеалогия фамилии Шамхалов...».

Литература

- Аджаматов Б.А. История первой Кавказской войны. – Махачкала, 2003.
- Алиев К.М. Шамхалы Тарковские. – Махачкала, 2006.
- Ахмадов Я., Хожаев Д. Территория и расселение вайнахов с XVI века и до наших дней // Голос Чечено-Ингушетии, 1992, 14 января.
- Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. – Баку, 1926.
- Берже А.П. Чечня и чеченцы. – Грозный, 1991.
- Большая советская энциклопедия, 3 издание.
- Виноградов В., Магомадова Т. Брагунцы. Кто они и откуда // Вести КНКО. – Вып.1. – 2000.
- Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия народов Северного Кавказа. – М., 1973.
- Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. – М., 1974.
- Гаджихамедов Н.Э., Гусейнов Г.-Р.А.-К. Кумыкские личные имена. – Махачкала, 2004.
- Гусейнов Г.-Р.А.-К. Адыгские языки в дооктябрьской истории ареального взаимодействия языков народов Северо-Восточного Кавказа (Вопросы этимологии и семантики) // Семантика языковых единиц разных уровней. – Вып. 3. – Махачкала, 1998.
- Гусейнов Г.-Р.А.-К. «Тарковские юные молодцы» чеченских героических сказаний и

проблемы этнической географии Северо-Восточного Кавказа XVI–XIX вв. // Вести КНКО. – Вып.2-3. – 2001.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Болгъур-тав кумыкских героических песен // Вопросы тюркологии. – Махачкала, 2006.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Отражение исторических и этнических связей чеченцев с кумыками в чеченском фольклоре // Тезисы докладов научно-практической конференции «Исторические связи народов Дагестана и Чечни». – Махачкала, 2006.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Шубут // Вопросы тюркологии. – Махачкала, 2007.

Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л. Ойкумена кумыкского фольклора периода хазарской и кыпчакской общности как одно из свидетельств крайних ареальных пределов кумыкского этноса эпохи раннего средневековья // Вестник кафедры литератур народов Дагестана и Востока. – Вып.5. – Махачкала, 2005.

Дахгильгов И.А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. – Грозный, 1978.

Идрисов Ю. Борьба Тарковского государства за свою независимость // Ёлдаш. – 2005. – 28 октября.

Илли: Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. – Грозный, 1979.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988.

Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. – М., 1997.

Къумукъланы йырлары. – Магъачкъала, 1991, 2002.

Къумукъ халкъ авуз яратывчулугъу. Хрестоматия. – Магъачкъала, 2002.

Лаудаев У. Чеченское племя // Чечня и чеченцы. – Элиста, 1990.

Месхидзе Дж.И. Чечено-Ингушетия // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. – Вып.1. – М., 1998.

Мальсагов Д.Д., Ошаев Х.Д. Устное поэтическое творчество чечено-ингушского народа // Очерк истории чечено-ингушской литературы. – Грозный, 1963.

Нохчийн фольклор. – Грозный, 1998.

Оразаев Г.М.-Р. Бырынгы йырлардан бешиси // Ленин йолу. – 1989. – 31 октября.

Оразаев Г.М.-Р. Бырынгы йырлардан алтысы // Ленин йолу. – 1990. – 9 октября.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен по март 1917 года. – Т.1. – Грозный, 1967.

Хангишиев Д.М. Къумукъ диалектологиясы. – Магъачкъала, 1989.

Чеченский фольклор. – Махачкала, 1998.

Челеби Эвлия. Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). – Вып.2. – М., 1979.

Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. – М., 1985.

Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. – М., 1993.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа. – Ч.1. – М., 1966.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа. – Ч.3. – М., 1980.

О богословии и науке в Казанском ханстве

Среднее Поволжье и во времена Казанского ханства остается «самым северным форпостом мусульманского мира» (В.В.Бартольд). Наличие на далеком севере сильного центра ислама, удаленного от других центров мусульманского мира продолжало удивлять ревнителей ислама. Поехать из центров мусульманского мира туда, помочь единоверцам в делах религии, просвещения считалось святым долгом, определенным подвигом. Об этом говорится в татарском баите «Шәһри Болгар әүлияләре» («Святые города Булгара»):

Шәһри Болгар межәвирләре
каршы чыгып алалар,
Ихлас берлән барганнар
хаж савабын алалар.

(Дервиши – хранители склепов города Булгара встречают у ворот. Кто приходит сюда от души, чистосердечно, получит вознаграждение такое, какое бы они получили за совершение хаджа). Или:

Әчтерханнан, Омнан,
Томнан килә хажилар тупланып,
Хажилар тәмам жыелгач,
бар да китә хушланып.

(Из Астрахани, Омска, Томска идут группами хаджи. Когда соберутся все, всем становится радостно).

Роль и место ислама в Казанском ханстве специально не изучено. Но появились отдельные статьи новыми подходами к этому вопросу (Исхаков, Измайлов, 2005, с.80-86; Измайлов, Усманов, 2004, с.130-135.). Очевидно, что ислам в Казани еще более крепнет, развивается. В отличие от булгарского и золотоордынского обществ, в Казанском ханстве проблема принятия и распространения ислама уже не присутствует. Ислам в Казанском ханстве уже стал многовековой традицией. Население в основном жило по канонам шариата. Ислам был действительно государственной религией.

Традиция мусульманского 'илм продолжается и в Казанском ханстве. Коран и в этот период для мусульман остается великой книгой мусульманского просвещения и педагогики. Казанские просвещенные люди писали комментарий к этой священной книге. Из них «Тафсир Корана», написанный в 1508 году

дошел до наших дней. А «Сборников хадисов», т.е. деяния, изречения пророка Мухаммада была составлена 1552 году. Как и прежние времена, ученые, поэты и вообще просвещенные люди свои мысли закрепили аятами из Корана, хадисами. Религиозные деятели учили правильному чтению Корана. Тех, кто знал Коран называли хафизами. Однако XV–XVI вв. его значение расширяется. Хафизами называли в это время и ведущих письменные работы, и, вообще, образованного человека (Усманов, 1979, с.128). Этот термин встречается и эпитафиях Казанского ханства. Например, на кладбище д. Нижней Метески есть надгробный памятник 1541/79 года Аман ходжа хафиза сына Кунак Ходжабая (Юсупов, 1960, 8 текст).

В Казанском ханстве определенное развитие получило и мусульманское богословие. Ташахуд «нет божества кроме Аллаха и Мухаммед его пророк» – специальная формула суннизма, часто встречается в ярлыках. По исследованиям М.А.Усманова, они содержались почти в каждой квадратной тамге. Иногда она повторяется дважды, трижды. Известный многим в ярлыке хана Сахиб-Гирея 1523 г. эта формула повторяется трижды. Если обязательное присутствие ташахуда в джучидских знаках свидетельствовало об остроте религиозно-идеологической борьбы (Усманов, 1979, с.155), то в Казанском ханстве оно скорее было проявлением традиции.

Кадии составляли фатва («Казыйдан шах алды фәтва һәм мәгәр...») («Шах получил фатва от кадия...») (Мөхәммәт Әмин, 2004, с.269). «Фатва» – термин религиозного учения. Оно часто встречается в религиозной литературе в качестве заголовка той или иной книги. Этим словом обозначали разъяснения, толкования и положения религиозного учения для практического применения. Кроме того, это слово применялось как правовой (юридический) термин, обозначающий итог к одному из показаний шариата или комментариев к какому-либо путанному, непонятному случаю в шариатском суде. А во времена Джучиева Улуса и в позднезолотоордынских государствах этим словом в первую очередь обозначалось мнение авторитетного специалиста-правоведа по вопросу, который он

рассматривал сам лично или по очевидным общепринципиальным вопросам. Это было и чем-то вроде письменного ответа на запрос-казак правителя, должностного лица высокого ранга (Ислам, 1991, с.252-253). Именно так воспринимается вышеприведенная строка из «Книги чудес» («Могжизнамэ») казанского поэта и хана Мухаммат Амина. На основе фатвы также принимались важные решения общегосударственного, общерелигиозного масштаба. Еще в золотоордынское время в мусульманском мире и в самом Улусе Джучи существовали специальные дома, где занимались исключительно фатвой. По золотоордынским источникам, люди занимавшиеся выработкой фатвы, были почитаемые в обществе высокообразованные ученые (Давлетшин, 2004, с.211).

И в этот период художественная литература остается самым результативным средством популяризации религиозной и, вообще, любой науки. Ярким подтверждением этого являются поэмы Мухаммадьяра, поэмы которого посвящены прославлению Аллаха, пророков и описанию самых поучительных историй из жизни первых халифов. Вступительную часть каждой из этих поэм можно назвать краткой историей ислама, мини энциклопедией по исламу. В поэмах приведены также небольшие рассказы, новеллы о популярных людях исламского мира. Произведения Мухаммедьяра и, в особенности Кул Шарифа, насыщены суфийскими идеями. Например, герои произведения «Кыссаи Хобби Ходжа» – исторические личности: Ахмед Ясави, Хаким ата Сулейман и их близкие, описаны различные необычные случаи из их жизни (Кол Шәриф, 1997, с.43-65).

В то же время произведения художественной литературы оставались действенными средствами распространения религиозных и светских, научных знаний. Вводные части его поэм являются своего рода краткой историей ислама. В поэмах приводятся краткие рассказы о пророках, первых праведных халифах и популярных личностях в исламском мире, сведения об астрономии, географии, медицине.

Математика. Как и в других странах мусульманского Востока, в Казанском ханстве развивалась вычислительная математика, необходимая в торговле, строительстве, ремесленном производстве, канцелярском деле. Слабое изучение археологии Казанского ханства, ничтожно малое количество письменных источников не позволяет более

точно определить состояние в этом государстве научных знаний. Однако до наших дней дошел большой (243 листов) рукописный «Сборник правил науки арифметики» («Мәжмәгыл қавағыйд ғыйльме хисаб») Мухийтдина Мухаммада ибн ал-Хаджи Атмаджи, составленный, по мнению ученого-математика В.М.Беркутова, в 1542 году (Беркутов, 1968), а Г. П. Матвиевской, Б.А.Розенфельда в 1493 году (Матвиевская, Розенфельд, 1983, с.535). Впервые основательно исследовал данное руководство по арифметике ученый-математик В.М. Беркутов (Беркутов, 1968) В сборнике, состоящем из трех частей, дается объяснение целым, дробным числам, практическим примерам. Он состоит из трех разделов.

Во введении учебника дается краткие объяснения содержанию разделам (фасылам).

Первый раздел о целых числах. Он состоит из 16-ти глав: 1) арабское написание чисел, 2) индийские цифры, 3) собирание, т.е. сложение чисел, 4) повторение в пределах одной десятки, т.е. умножение числовых звеньев, 5) умножение чисел вне пределах звеньев, 6) умножение, 7) деление чисел на два («нахождение половинного значения»), 8) вычитание, 9) деление, 10) проверка арифметических решений, 11) раздел имущества, 12) нахождение от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{10}$ части чисел, 13) нахождение общего знаменателя чисел, 14) раздел наследства, 15) правило четвертого пропорционального числа, 16) правило «двух ошибок».

Вторая часть – о дробях, также как и первая, состоит из 16 глав (фасл): 1) дроби (доли) мискаля; 2) умножение целого мискаля на его дроби, 3) дроби дирхема, 4) умножение дробей дирхема, 5) умножение целого на дробь, 6) деление целого на дробь, 7) дроби локтя (зирага), 8) умножение целого зирага на дробь, 9) дроби мудда (мера сыпучих тел), 10) умножение дробей мудда, 11) дроби кантара (мера веса), 12) умножение дробей кантара, 13) дроби лодра (мера шелка), 14) умножение дробей лодра, 15) налоги, получаемые от указанных весов, тяжестей с целыми и дробными числами, 16) сложение дробей (Матвиевская, Розенфельд, 1983; Беркутов, 1968).

Третья часть книги представляет способы решений сорока различных задач, среди которых: «Сбор таможенных пошлин», «На бассейн», «На движение», «Смешение», «Подсчет яиц в корзине», «О найме», «Дележ оставленной в наследство собственности, или

доход с нее», «Способ нахождения суммы первых десяти натуральных чисел» и т. д.

Рукопись заканчивается небольшой «второй дополнительной книгой».

В «Дополнении» даны способы решения двадцати арифметических задач-загадок, «большинство из которых редко встречаются в древних книгах». Среди таких задач: «Определение возраста», «Угадывание задуманного числа или суммы денег в кошельке», «Быстрый подсчет шахматных клеток», «Угадывание перстня» и т. д. (Беркутов, 1968). Таким образом, это сочинение является практическим руководством по арифметике, на все возможные подсчеты в жизни. Здесь упоминается и о шахмате.

Надо сказать, судя по имени (Атмаджа-Атмаса и сейчас часто встречаемое мужское имя у турков), автор данного математического пособия был турком. Однако в мусульманском мире научные трактаты не имели этнических, государственных границ. Этому способствовала так же близость тюркских, в том числе турецкого и татарского языка того времени. Поэтому данное арифметическое пособие получило довольно широкое распространение и в Поволжье был известен как среди «начинающих грамотеев» (по «Сборнику правил» преподавали в медресе), так и среди ученых. Он использовался как учебник в казанских медресе того времени и свидетельствовал о высоком развитии математического образования в ханстве. Принципиальным изменениям не подверглись даже более поздние математические произведения, распространенные среди татар.

Например, по сведениям В.М.Беркутова, в Петербургском филиале Института Востоковедения РАН (Санкт-Петербург) хранится выполненная в Поволжье в I половине XIX века рукописная копия «Дополнения к «Сборнику правил»». Имя переписчика не сохранилось, но сохранилось имя владельца рукописи – им был некто Эльберезави, живший в Поволжье (Беркутов, 1968).

В произведениях художественной литературы Казанского ханства есть термины метрологии, используемые в то время. «Йирдэн кабе кавэсэйн гэзэр», т.е. на расстоянии «два полета стрелы» (Мөхəммəт Əмин, 2004, с.146). Подобная единица измерения практиковалась у многих тюрко-монгольских народов. Кроме этого в книге речь идет и о редко встречаемой у тюрко-татар единице измерения расстояния как «дерево» («агач»): «Утыз өч агач юлы

китəр иде» («Тридцать три дерево прошел путь») (Мөхəммəт Əмин, 2004, с.157).

Изучение надгробных памятников этого времени может привести некоторым выводам по метрологии и математическим знаниям того времени.

Надгробные плиты длиной (высотой) в 107-110 см среди памятников Казанского ханства это – четыре локтя по 27 см ($27 \times 4 = 108$). Кроме них, величины в 120 см повторяются 9 раз, в 130 см – 7, в 140 см – 8 раз. Эти цифры, похоже, получены исследователями с помощью округления результатов измерений. Можно сделать вывод, что такие надгробные памятники при изготовлении измерялись и локтями и пядями.

Есть основания считать, что одной из мер длины в постзолотоордынский период был аршин, широко распространенный в прошлом у всех тюркоязычных народов и проникший к ним из Ирана («араш» по-персидски – «локоть») (Севортян, 1974, с. 183-184). В русскую метрическую систему аршин проник от поволжских татар в XV-XVI вв. (Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 29). В словаре А.З.Будагова в «казанско-татарском» языке вместо «локтя» значится «аршин» (Будагов, 1869, т. 1, с. 350).

Любопытно, что в современном татарском языке уважаемый человек величается словом «санлы» (букв.: «имеющий число»), а недостойный человек – словом «сансыз» (букв.: «не имеющий числа»). Выражения «санлау» («санламау»), «санга санау» («санамау»), «санга алу» («санга алмау»), «санга сугу» («санга сукмау») и т.д., обозначающие «считаться, принимать во внимание» («не считаться, не принимать во внимание») (Исəнбəт, 1990, т. 2, с. 66), имеют, как видим, тот же смысловой оттенок. Такие выражения были в ходу и в Казанском ханстве. В поэме Мухаммедьяра «Тухфаи мар-дан» есть строка «Аны хуш сəуде, безгə булмады сан» («Его любил, нас не принял в счет») (Мөхəммəдьяр, 1997, с. 43). Слово «сан» проникло из древнетюркского языка в старославянский язык. Образованное от него слово «сановный» в русском языке имеет значения: обладающий высоким саном, занимающий высокое положение в государстве; величественный, важный; от «сан» произошло и слово «сановник» – занимающий высокое положение чиновник.

География. В период Казанского ханства интерес к мусульманским историко-геогра-

фическим трактатам не угасает. В тот период в казанских библиотеках читалась книга арабско-персидского ученого Закарии Казвини «Гаџѣибел мѣхлукат вѣ гараибел мѣџудаг» («Необычные существа и обычные чудеса»). В этой книге собраны интересные сведения о природе и мироздании. Академик И.Ю.Крачковский на основании статьи А.Д.Седельникова под названием «Арабские книги в царской казне» сообщает о том, что эта книга была отнята у казанского посольства русскими солдатами, когда оно в 1549 году направлялось в Крым (Крачковский, 1957, с.362).

Географические взгляды отражены и в поэмах Мухаммадьяра, в которых синонимами Вселенной традиционно являются понятия «Машрик–магриб» (Мөхәммәдьяр, 1997, с.126). Мусульманские географические взгляды болгарского времени сохраняются и в период Казанского ханства: «џиде икълим» («семь икълимов» или «семь областей света») (Мөхәммәдьяр, 1997, с.79, 172). Считалось, что территория Казанского ханства («Болгарский вилайет») находится «на седьмом икълиме из имеющих семи, относится к Луне, то есть под покровительством Луны» (Шерифи, 1995, с.87).

Из-за того, что покровительницей Казани считалась Луна, являющаяся символом ислама, в исламском мире Казань воспринималась почти как священный город. Как и в период Волжской Болгарии, к казанским мусульманам в исламском мире относились с особым почтением из-за того, что «Казань..., находясь вдалеке от исламских вилайетов, границами соприкасается с государствами неверных». «Ей неоткуда ждать помощи и поддержки, кроме Господа миров и помощи ангелов» (Шерифи, 1995, с.87).

Астрономия. Традиционные космогонические воззрения того времени сами по себе были чрезвычайно далеки от действительности, но в то же время в них вкраплено немало элементов подлинного знания. Традиционные космогонические представления показывают, что тюрко-татары хорошо знали небесный свод, расположенные на нем светила и их местонахождение. С.Герберштейн особо отмечает хорошую ориентировку татар по звездам (Герберштейн, 1988). Правда, эти знания основывались как правило, лишь на простом наблюдении. Небосвод осваивался, в первую очередь, путем зрительного восприятия. Недостаток в реальном знании восполнялся фантазией, мифами. Тюрко-татары имели с древних времен хорошо разработ-

анную терминологию звезд и созвездий, во многом одинаковую во всех тюркских языках. Их корни уходят в древнетюркскую общность (Татары, 1967, с.315; Севортян, 1974, с.631).

Названия небесных светил, их символы воспринимались как силы магического воздействия, они присутствовали в обрядах гадания, нашли отражение также в народных приметах, гаданиях, которые включали и знания, полученные с помощью астрономических приборов.

Астрономические сюжеты нашли место в произведениях художественной литературы. Знания о небе были не только уделом специалистов, но имели широкое распространение среди простого населения.

Традиционная астрология, т.е. вера в наличие своей звезды, «звезду судьбы», «звезду счастья», гадание по расположению звезд, судя по поэмам Мухаммедьяра (1997, с.132, 133), продолжается и в Казанском ханстве.

В развитии астрономических знаний была заинтересована и мусульманская религия, многие обряды которой требовали точного соблюдения сторон света и времени года, определения конкретных дат. Намазы совершались в точно определенном астрономическом времени. Мечети построены с соблюдением «кыблы»: в Среднем Поволжье михраб находился в юго-западной части.

Один из нерешенных вопросов, идущий со времен Ибн Фадлана, был связан с краткостью ночи летом и дневного света зимой и, вследствие этого, затруднительностью совершения положенных шариатом пяти намазов. Речь шла, в частности, о чтении пятого намаза – ясту, который совершался после заката солнца. По этому поводу в богословской литературе, религиозных кругах шли довольно бурные споры. Несмотря на то, что он был во многом надуманным, спор не стихает спустя века и в Улусе Джучи, и в Казанском ханстве. Они уже решают эти вопросы на основе авторитетных мусульманских изданий. О давних спорах знал в XIX в. и Ш.Марджани.

Сюда же включена проблема о том, что Булгарский вилайет «из-за чересчур близости к Северному полюсу, в конце мая и в начале апреля не имеет времени одного намаза из пяти, т.е. намаза ясту» (Шерифи, 1995, с.87). Правда, здесь явно искажаются времена года, когда наступают самые короткие ночи и самые длинные дни года. В данном сообщении интересно другое: это явление еще более

обоснуется авторитетными, специально посвященными на это явление, трудами мусульманского мира того времени. Говорится о математических расчетах. Интересно, что вопросы об определении географических областей (климатов), относились в это время к математике (риазиат) (Шерифи, 1995, с.87).

Средневековые астрономические знания, не подвергаясь значительным изменениям, продолжали бытовать и в XX в. Звездочеты более позднего времени использовали в принципе те же приборы – квадрант, секстант, астролбия.

Медицина. Слово, образованное от корня «ут», «от» употреблялось для обозначения лекаря в Казанском ханстве. В этом значении использовано слово «отачи» в поэме поэта периода Казанского ханства Мухаммадьяра «Төхфәи мәрдән» («Дар рыцарям»): «Аның имин һич утачы белмәгәй» («ни один лекарь не мог найти средство исцеления от этой болезни») (Мөхәммәдьяр, 1997, с.71). Таким образом, как и в Болгаре и Улусе Джучи, так и в Казанском ханстве, лекарственные растения были самыми важными средствами лечения.

Исцеление царской семьи от тяжелой болезни, потом женитьба лекаря на дочери царя, принятие ислама являются древними тюрко-татарскими сюжетами. Подобный сюжет имеется и в поэме Мухаммадьяра. В ней говорится о том, что один человек по имени Загид сидит в тюрьме ждет смертной казни. Но он исцеляет лекарством, полученным из травы, преподнесенной змеей, сына бека, которого до этого ни один лекарь не мог вылечить, и тем самым спасается от казни. Кроме того, в этом рассказе змея предстает как знаток лекарств, символ врачевания. Это татарский вариант змеевидного Асклепия – персонажа древнегреческой мифологии.

В Казанском ханстве были популярны книги под названием «Шифа» («Исцеление»). Комментарий к одному из них написал Мухаммад Амин ал-Болгари. Древнюю книгу «Шифа», написанную в 1146 г. он сначала переписывает в 1468 г. в Болгаре, а потом в 1473 г. в Ираке.

Среди населения были распространены легенды и предания о великом медике мусульманского Востока об Ибн Сине. Они подтверждают большую популярность Ибн Сины у болгар и казанских татар. Недаром произведение Ибн Сины «Ал-канун-фи-т-тыйб» («Каноны врачебной науки») переписывалось и издавалось многократно. Для татар

эта книга стала энциклопедией подлинно народной медицины. Она известна еще и под названием «Сборник народной медицины» (Хайруллин, 1980, с.77).

История. Генеалогические и этнологические легенды продолжают бытовать и в последующие времена. В условиях принятия монотеистических религий они претерпели определенные изменения. Постепенно исчезли тотемистические оттенки. На первый план выходит талмудические, библейские, коранические, персонажи. Позже предание о сыновьях Яфета (сына Ноя) обновляется новыми звеньями – Алпом и его сыновьями Болгаром и Буртасом, которые якобы являются родоначальниками болгар и буртас, строят одноименные города. Различные варианты этой легенды известны в источниках XII и XV вв. Некоторые из них через Улус Джучи и Казанское ханство дошли до наших дней. В преданиях довольно правдиво отражена этническая близость болгар, буртас, угор-мадьяров (Давлетшин, 2004, с.339-341).

Восточная, в том числе художественная литература Казанского ханства, была выигранным средством распространения исторических знаний. В литературных произведениях часто обращаются к античности, Востоку, особенно к историческим личностям. Эти сведения, переходя из одного произведения в другое, освещали деятельность одних и тех же исторических личностей и связанные с ними исторические события. Типичные персонажи этих рассказов – Искандер (Александр Македонский – 356–323 гг. до н.э.); Афлетун (Платон) – древнегреческий философ-идеалист, 428-348 гг. до н.э., символ мудрости в золотоордынской литературе; Дионисий I Старший, тиран Сиракузы, 432–367 гг. до н.э. – символ зла, жестокости в исторических повествованиях, литературных произведениях; Ануширван – символ справедливого правления; Харун ар-Рашида – халиф происхождением из династии аббасидов (766–809 г.г.), в литературе, в фольклоре отношение к нему противоречиво: в некоторых рассказах он представлен как живущий за чужой счет тиран. Однако в «Тысяча и одной ночи» его образ идеализирован.

Мухаммедьяр часто обращается идеализированным в Восточной литературе таким образом, как Искандер, Ануширван, Хатеме Тай, Харун ар-Рашид. Главная черта в них для Мухаммедьяра – справедливое правление.

Файда китер һәркемгә син яңгыр күк,
Йә дингезнең төбөндәге жәүһәр күк.
Бу олуска патша иде Искәндәр,
Олус калды, сора: Кайда Искәндәр?

Принеси пользу всем как дождь,

Или как жемчуг на дне моря.

Царем этого государства был Искендер,

Царство от него осталось, спрашивай: Где сам Искендер? (Мөхәммәдьяр, 1997)

По историческим книгам, распространенным в мусульманском мире, тюрко-татары были знакомы и с историей других народов и стран. Так же, как на мусульманском Востоке, основание и строительство крупных городов, сооружений, отдельные события связывались с именем Александра Македонского Строителя или Искандера – Зу-л-Карнайна. Этим подчеркивалась их древность. Дело в том, что история Греции началась, по мнению восточных народов, от отца Александра Македонского Филиппа (Бартольд, 1966, с.165). Это, возможно, и древнетюркская традиция. В некоторых древнетюркских источниках события датируются календарем «Сына Филиппа Македонского Александром ханом» (Малов, 1959, с.78). Бытовали легенды об основании Александром Македонским (Искандером) города Болгара, о победе его над северными народами и возведении им непреодолимых стен (Ал-Гарнати, 1971, с.59). Даже генеалогия болгарских царей связывалась с именем Искандера. Наджип ал-Хамадани сообщает, что в Болгаре падишах является одним из потомков Зу-л-Карнайна (Ибн Фадлан, 1956, с.61). Таким образом,

болгарские цари пытались подчеркнуть престижность, древность своих родов. Понятно, все эти знания распространялось через мусульманскую историческую литературу. Эта традиция продолжалась и в Улусе Джучи. М.И.Ахметзянов пишет, что у правителей Улуса была заметна тенденция связывать свое государство с античной цивилизацией. В татарских родословных (шеджере) встречаются имена мудрецов (хакимов) Сократа, Искандера – Зу-л-Карнайна (Әхмәтҗанов, 1995, с.15, 24). Сюжеты об Зу-л-Карнайне продолжают бытовать в художественной литературе Казанского ханства. Сюжеты, связанные с этим образом, известны в фольклоре поволжских татар.

До наших дней дошло поэтическое произведение Мухаммад-Амина, осуждающее самаркандского правителя, завоевателя золотоордынских городов Тимура «Гыйкаб» («Наказание»). Следующие строки из этого сочинения приводятся в книге Хусаина Амирханова «Таварихи Булгария» (Казань, 1883, с.60), которая была издана его сыном Мухаммадзарифом:

Явился (Тимур) в семьсот пятидесятом году
(И) мир исполнился гибельных землетрясений:

Сам он будучи хром. А умом глуп,
распространил всюду мрак смятений.

Много ученых и старцев мучениками
стали. Освященные верою ислама;
страна ислама от смятений, знай верно.

Опустела, и полились от страха слезы.

Что же ответит он перед Богом,

Если господь допрашивать строго?

О боже мой, сего раба своего ты

На том свете суди как жестокого язычника (Катанов, 1899, с.304–305).

Эти строки по своему духу, резко отрицательному отношению к самаркандскому правителю Тимуру, созвучны другим произведениям татарского фольклора, основанным на этом сюжете (Дәүләтшин, 1999, с.146). Не зря фольклористы включили это стихотворение в

том баитов под названием «Баит о Хромом Тимуре». Однако в этих поэтических строках немало отличного от фольклорного произведения. Это – высокий профессионализм, большое количество арабских и персидских слов, насыщенность мусульманской идеологией,

близость к исторической действительности. Здесь, как в фольклорных произведениях, уже не приписываются Тимуру бедствия, происшедшие за сто лет до его рождения. Как понятно из этих поэтических строк, разрушительные походы Тимура начинаются с 1349/50 годов, когда ему было всего 14 лет. Однако самые разрушительные его походы в Улус Джучи относятся к 80-90 годам XIV в. Самое важное то, что отрицательное отношение к Тимуру, проявленное среди ученых людей Золотой Орды (ал-Маргилани и др.), продолжается и в Казанском ханстве. Такое отношение к завоевателю имеет место и в более поздних письменных источниках и фольклорных произведениях (Давлетшин, 2004, с.111).

Среди населения Казанского ханства продолжается традиция, идущая от древнетюркского, болгарского, золотоордынского периодов почтительного отношения к своим предкам, родной истории, историческим памятникам.

Как отмечают археологи-булгароведы, «около мусульманских святынь (г.Булгара. – Г.Д.) оставались верующие, бережно охранявшие развалины» (Акчурина, Воскресенская, Смирнов, 1970, с.6). Такую почетную службу

нес и Мухаммадьяр, великий поэт Казанского ханства, в мавзолее Мухаммад-Амин хана. Традиция почтительного отношения к истории продолжалась и позже. Татарский поэт XVII в. Мавля Колый на развалинах Булгара построил ханака для дервишей (Татар әдәбияты тарихы, 1984, с.359). О такой службе у развалин древних мечетей, надгробных камней, склепов на горе Балынгуз около Биляра пишет путешественник XVIII в. Н.П.Рычков (Рычков, 1770, с.20). Об этом говорится и в татарском байте «Шәһри Болгар әулияләре» («Святые г.Булгара»). Таким образом, погибшие болгарские, татарские города, погребения «святых» были в большом почете у татарского населения. Они стали местами паломничества. Функционировала и служба охраны руин, склепов в этих городах и служба приема паломников. Особенно важную роль играли они в духовной жизни татарского населения в XVII–XVIII вв.

В произведениях Мухаммедьяра дается высокая оценка ученым. Отмечается присущие им скромность, красноречие и высокие нравственные качества.

И галим, Син серләре белүче зат,
Галимлек ул Синең мәңгелек сыйфат
О, ученый, Ты знающий тайны,
Ученость Твое вечное качество (Мөхәммәдьяр, 1997, с.142).
Ученые должны уметь увидеть суть явления, предмета:
Тыш сурәтен галимнәр кабык диләр, –
Күңел халәтенә акыл төбиләр.
Ученые утверждают, что внешность лишь скорлупа, –
Познание направляют в состояние души. (Мөхәммәдьяр, 1997, с.114).

И в Казанском ханстве ученые, поэты, писатели, певцы, музыканты искусные умельцы и т.д. могли жить и творить только под покровительством хана или другого представителя высшего слоя общества. В истории Казанского государства одним из ханов, покровительствующих наукам и искусствам был Мухаммад-Амин. Он сам был поэтом. В свой дворец приглашал лучших деятелей науки и искусства, науки. Хан самаркандских, бухарских земель Мухаммад Шейбани (1451–1510) подарил ему музыкантов, певцов, поэтов, художников, среди которых был и известный певец Гулям Шади Гуди.

В «Книге чудес» Мухаммет Амина немало и философских мыслей, идущих с античных времен. Например, в «Стихотворении почитания Аллаха» есть такая строка: «Чар гонсыр жәмгын

– адәм итә – Ул». («Создал все четыре элемента – Он»). Во многих древних космогонических системах в основе существования мира, как всего сущего лежит одна или несколько стихий. Чаще всего их четыре (арабский – «чар гонсыр»): огонь, воздух, вода, земля. Подобное представление самостоятельно возникло и бывало и у древних тюрков (например, у уйгуров) (Евсюков, 1988, с.72). Так надо понять и слова византийского историка Феофилакта Симокатта: «Тюрки превыше всего чтут огонь. Почитают воздух и воду, поют гимны земле...» (Симокатта Феофилакт, 1957, с.161).

Таким образом, в Казанском ханстве, не было противопоставления науки и знания, с одной стороны, и религии с другой стороны. Богословие и наука составили единое целое. В мусульманской доктрине знанию, науке (’илм)

отводится чрезвычайно важное место. И пророк Мухаммад часто говорил о значении знания человеческом. Стремление к знанию провозглашалось обязанностью и долгом каждого мусульманина. Всеобъемлющее божественное знание считалось вечным. Ученость, всезнание считались одной из могущественных качеств Аллаха. Человеческое знание могло быть светским и религиозным. Ученость, в первую очередь, сводилась к усвоению исламских традиций, мистическому озарению, пониманию логического рассуждения и энциклопедической образованности (Ислам, 1991, с.95.). Последняя характерна средневековым мусульманским, в том числе образованным людям Казанского ханства.

Примечания

Акчурина З.А., Воскресенская Л.П., Смирнов А.П. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. // Поволжье в средние века. – М.: Наука, 1970.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). Публикация Большакова О.Г., Монгайта А.Л. – М., 1971.

Бартольд В.В. Культура мусульманства // Бартольд В.В. – Соч. – Т.6. – М.: Наука, – 1966.

Беркутов В. Борынгы кулъязма // Совет мәктәбе. – 1968. – № 9.

Будагов А.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. – Т.1. – СПб., 1869.

Герберштейн С. Записки о Московии. Перевод с нем. А.И.Мамина и А.В.Назаренко. – М.: Изд-во МГУ, 1988.

Дәүләтшин Г.М. Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1999.

Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004.

Евсюков В.В. Мифы о вселенной. – Новосибирск, 1988.

Әхмәтҗанов М. Татар шәҗәрәләре (Беренче китап). – Казан: Таткитнәшр., 1995.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Исследование по Мешхедской рукописи. – Харьков, 1956.

Измайлов И., Усманов М. Ислам в Улусе Джучи // Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. – Казань: Магариф, 2004.

Исәнбәт Н. Татар теленә фразеологик сүзлеге. 1-2 т. – Т. 2. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1990.

Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991.

Исхаков Д., Измайлов И. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. – Казань: институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2005.

Катанов Н.Ф. Исторические песни казанских татар // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ИОАИЭ). – Т. 15. – Вып.3. – Казаков, 1899.

Кол Шәриф. И күнел бу дөньядыр...: Газәлләр, кыйсса. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1997.

Крачковский И.Ю. Избр. соч. – Т. 4. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

Матвиевская Г.П., Розенфельд Б.А. Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды (VIII–XVII вв. Книга 1-3. Книга 2. Математики и астрономы, время жизни которых известно. – Москва: Наука, 1983.

Мөхәммәдьяр. Нуры содур. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1997.

Мөхәммәт Әмин. Мөгҗизнамә. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004.

Рычков И. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. – СПб., 1770.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974

Симокатта Феофилакт. История. Перевод С.П. Кондратьева. – М., 1957.

Татар әдәбияты тарихы: 6 томда. – I т.: Урта гасырлар дәвере. – Казан: Таткитнәшр., 1984.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967.

Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань, 1979.

Хайруллин А.Н. Влияние трудов Ибн Сина на развитие медицинских знаний в Татарстане. – Ташкент, 1980, с.77

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971.

Шерифи Х. Зафер наме-и вилайет-и Казан / Публикация А.Мелек Узйетгин. Предисловие и перевод с турецкого на рус. язык Ф.С.Хакимзянова // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1995. – №1.

Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Мусульманское духовенство в Крымском ханстве

Особенности существования исламских институтов в Крыму были обусловлены уровнем социально-экономического и культурного развития местного населения в период распространения ислама, самобытными культурными традициями крымских татар и ногайцев, влиянием Османской империи в рамках протектората, тесной взаимосвязанностью сословности с родословным происхождением в средневековом Крымском ханстве.

Активизация ислама ханафитского толка в Крымском полуострове приходится на период Золотой Орды. Одной из первых архитектурных культовых памятников этого времени являлась мечеть, построенная ханом Берке при субсидии мамалюкского султана Бейбарса в 1248 г. в Солхате (Иске Крым) (Маркевич, 1892, с.125). К возведенному здесь же ханом Узбеком мечети (1314 г.) примыкала медресе, которое во второй половине XIX в. именовали текие (Маркевич, 1892, с.129). В распространении ислама в полуострове принимали активное участие и суфии. Ибн-Батутта (середина 30-х гг. XIV в.) застал в Крыму шейхов, имамов, кадиев и хатибов (Смирнов, 1887, т.1, с.83).

С установлением протектората Оттоманской порты над Крымским ханством, усилилось влияние турецкого варианта ислама на культуру крымских татар и ногайцев. В частности, наблюдалось доминирование в Крыму тех суфийских направлений, которые играли первостепенную роль в жизни Османской империи. Например, Ясевия и Мевлевия имевшие распространения Османском дворе, обрели значение и при дворе Крымского хана.

В Крыму существовали самые разные суфийские школы. Среди них, и проникшие из многих других регионов исламского мира – Ясевия, Накшбандийа, Мевлевия, Халватийа, Гульшанийа, Джалватийа, Кадирийа, а также местные – Дерванийа, Колечли (Туймова, 2007, с. 228-236).

Ханы в знак уважения к суфиям удовлетворяли просьбы шейхов и дервишей, искренне выступали с инициативами материального содействия. Известно, что Менгле-Гирей, Арслан-Гирей и Девлет-Гирей возводили в

Эски-Юрте, Салачике, Карасубазаре и других местах гробницы мусульманских святых (азиз) и устраивали при них помещения для богомольцев, дервишей и др. (Смирнов, 1887, т.1, с.83,155; Смирнов, 1887, т.2, с.248, 278).

За получаемую сумму или освобождение от повинностей постоя, предоставления подвод, или от пошлыны продажи товаров, или налогов и др., шейхи обязывались прилежно заниматься молитвами о продлении царствования хана и приумножении его величия (Смирнов, 1915, с.28-39).

Из получаемого жалованья хан, калгесултан, нур-эд-дин султан часть средств выделяли своим приближенным и некоторую часть – существующим в Кафе, Бакче, Ак Мечети и Сарае под именем богомольцев беднякам и святошам (Смирнов, 1887, т.2, с.661). Согласно сведениям за 1783 г., накануне аннексии Крымского государства Россией, из ханской казны небольшое жалованье получали лишь два шейха: шейх Муртаза (25 турецких левов) и шейх Акмулла (20 турецких левов) (Лашков, 1889, с.22).

Наследование шейхского звания была обычным явлением в мусульманском мире. Эта традиция наблюдалась как в Османском государстве, так и в Крымском ханстве (Лашков, 1889, с.14). В Крыму имелись целые династии шейхов.

Дервишских пристанищ разных тарикатов было много в Крыму. Из них наибольшей известностью пользовались несколько ханака: Кемаль-ата и Чобан-ата в древнем Солхате, а также в д.Куледж близ Кафы и д.Качи. По преданию, здесь расположились первые группы переселенцев-мусульман. Согласно В.Д.Смирнову, известность они получили потому, что беи, руководители этих племен, одновременно являлись шейхами. В народе эти танака именовались «четыре очага». Помимо них известностью пользовалась танака в д.Сейид-Или близ Кафы (Смирнов, 1887, т.2, с.322).

Нередко крымские ханы сами являлись членами тарикатов (Смирнов, 1915, с.18; Фаизов, 2007, с. 33-39). Очевидно, что суфии состояли на государственно-административной службе.

«В истории Крымского ханства... – писал известный специалист по истории Крымского государства В.Д.Смирнов, – настоятели дервишских обителей играли видную роль в Крыму, но только не в качестве подпор ханского престола, а иногда и как участники политических интриг и смятений или даже как коноводы мятежников, намеривавших опрокинуть этот трон, чтобы стряхнуть с него того и другого пришедшего им не по вкусу хана. И ханы, без сомнения, побаивались этих влиятельных святош и старались, как могли, задаривать их, чтобы иметь их на своей стороне на случай каких-либо опасных для своего положения осложнений, постоянно повторяющихся в Крымском ханстве» (Смирнов, 1915, с.13).

Переименование главы мусульманского духовенства муфтием (ранее сеит) произошло во второй половины XVI – в начале XVII вв. При хане Ислам Гирей II (1584–1588) имя турецкого султана стало произноситься в хутбе во время пятничной полуденной молитвы раньше крымского хана.

Муфтий проживал в г.Кафе, который был занят османцами. Он занимал после хана вторую ступеньку в иерархии Крымского государства. Ему подчинялись мударрис – наставник народа, заведовавший школами, шейхи – настоятели текий, при которых находились дервиши, и духовно-гражданские судьи – кадии – имевшие также право замещения второстепенных духовных должностей.

Среди судей духовных и гражданских дел выделялся своим льготным положением группа казыев, которые не были духовными лицами, но исполняли ряд аналогичных функций, – это крымско-татарские феодалы, присвоившие себе право судебных разбирательств на подчиненных им территориях, в своих бейлыках, отчего бейлык именовался иногда кадылыком.

В середине XVIII в. в ханстве за счет казны содержались только первые духовные чины: муфтий и кадий-эскер, а также духовные лица, служащие при пяти мечетях: при двух ханских в Бахчисарае, двух муфтиевых в Кафе и одной в Судак. Остальное духовенство при мечетях, школах, теких содержалось за счет вакуфных имуществ, подаяний прихожан и десятины со всего урожая в приходе. Помимо этого с наследственных имений взыскивалась сороковина (ресим) при их разделе и исковые суммы по судебным делам и плата за разбор споров.

В 1784 г. было проведено камеральное описание Крыма, зафиксировано 1474 татарских поселков, 1518 мечетей, 21 текие, 25 медресе и 26 мектебе, служащего духовенства разных званий до 2 тыс. человек (РГИА, ф.821, оп.150, д.408, л. 13 об.-14).

Следует отметить, что в стране, где ислам являлся государственной религией, мусульманские духовные лица составляли привилегированную группу населения. В момент аннексии Россией Крымского государства примерно ¼ часть земельных угодий составляли вакфы (Мадариага, 2002, с.812). Поэтому неудивительно, что правопреемственность среди членов данной привилегированной корпорации основывалось, главным образом, на династическом принципе.

В Крыму мулла не являлся духовной должностью. Муллой обычно назвались лишь те духовные лица, которые были довольно сведущие в исламских науках, знатоки мусульманского вероучения.

В ханстве, где ислам признавался государственной религией, одним из главных критериев иерархии являлись ученость духовенства и его общественная роль в социокультурной жизни крымско-татарского сообщества. Судьи в своих религиозных познаниях, как правило, стояли выше мечетских духовных лиц. Иерархическая структура была также в определенной мере связана с суммой или размером натуральных доходов, получаемых с вакфных имуществ.

В политико-правовое пространство Российской империи исламские институты бывшего Крымского ханства были интегрированы царским Манифестом от 8 апреля 1783 г. Российской властью мусульманам Тавриды было обещано «содержать их наравне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно» (Арапов, 2003, с. 91).

В силу ряда причин в первое полстолетие после присоединения территории бывшего Крымского ханства к России исламские религиозные институты в этом регионе продолжали функционировать по сложившейся традиции, без каких-либо трансформаций. Поэтому в выявлении сложной структуры крымско-татарского духовенства важное значение имеют источники, относящиеся к концу XVIII – первой трети XIX вв.

В связи с запланированной выработкой начал управления духовными делами мусульман Таврической губернии, Главное управление духовных дел запросило 25 ноября 1830 г. у таврического муфтия сведения о крымско-татарском духовенстве. Запрос потребовал от муфтия Сеит Джемиль Челеби определенной исследовательской работы, что позволило ему системно изложить иерархическую структуру крымско-татарского духовенства. В его депеше от 28 января 1831 г. сообщалось о разделении мусульманского духовенства по должностям и происхождению на несколько «степеней».

К первой степени «Мевали» относился муфтий, глава мусульманского духовенства. Ко второй степени «Кузат» принадлежали лица, совершающие правосудие: «кадий-эскер; кадий ниваги, окружной кади; наип бельде, городской кадий и наип ниваги, сельский кадий».

К третьей степени «Мешаих» были приписаны начальники и служители текие: «шейх-меджаз филь-бедае – глава шейхов, шейх-меджаз-финнигае – второстепенный шейх, беш-кадем – служитель текие, возводимый по достоинству в шейхи, и ферраш – сторож в текие». Как видно, в суфийском братстве существовала своя иерархическая структура. В татарский период шейхи – настоятели текие – утверждались грамотами крымских ханов.

Четвертую степень «Куддам» представляли лица, служащие в училищах и при мечетях: мударрис, наставник законов в медресе; хатиб, служащий в соборной мечети (джами) по пятницам; имам, отправляющий ежедневные пятикратные молитвы; муэдзин, призывающий с минарета прихожан к молитве; оджа – учитель детей в мектебе; каим – сторож при мечети (Загидуллин, 2007, с.197-198). Отмечалось также, что сверх этих степеней есть еще накип, заведующий в городах ремесленниками. В ханский период такая должность судьи имела в каждом из городов государства (РГИА, ф.821, оп.150, д.408, л.146-146 об.).

В каждую из «степеней» крымско-татарского духовенства назначались лица из конкретных родов.

По происхождению первую степень занимал род сеитов. Считалось, что он берет начало от первого после пророка Мухаммеда халифа Абу Бекра. Вторую степень представляли четыре рода. Род «Оджаг» происходил из первых шейхов в крымских текие, основанных еще на начальном этапе заселения крымского

полуострова татарами. Они по имени своих родов назывались «Кулеч», «Качи», «Ташлы» и «Чуюнчи».

Третью степень «Мешаих» представлял род Текиедар, происходящий от первых шейхов в текие, основанных после заселения татарами Крыма.

К четвертой степени причислялись «Бабазаде», предки которых по своим достоинствам занимали должности муфтия и кадий-эскера, в случае недостатка способных из числа лиц, принадлежащим первым трем степеням. Как видно, при дефиците на ученых религиозных кадров, вплоть до должности муфтия, назначались лица, исходя из их религиозных познаний, и при этом родовая корпорация не соблюдалась.

Пятую, последнюю степень «Магди» составляли остальные духовные лица (РГИА, ф.821, оп.150, д.408, лл.146 об-147).

Руководство Департамента духовных дел иностранных исповеданий при Министерстве внутренних дел в 1834 г. потребовало «полный список» находящихся в ведомстве таврического муфтия духовных должностей, четко прописав права и обязанности духовных лиц, их подчиненность между собой, порядок назначения и увольнения. В качестве ответа на запрос из столицы Таврическое магометанское духовное правление в своем заседании от 20 декабря 1834 г. утвердило записку, составленную кадий-эскером.

В данной записке крымско-татарское мусульманское духовенство характеризовалось по обязанностям и по «степеням».

По обязанностям крымско-татарское духовенство было подразделено на следующие четырнадцать групп.

1) Муфтий, который заведует всеми делами мусульман, решает и разбирает дела по шариату.

2) Кадий-эскер – помощник муфтия, который по его распоряжению рассматривает дела, во время болезни или отлучек заменяет муфтия.

3) Пять уездных кадиев (или окружные кадии), которые в своих округах рассматривают дела, в случае возникновения недоразумений обращаются за советом и фетвами к муфтию.

4) Волостные кадии, которые занимаются в волостях делами, связанными с шариатским судом, производят следствия и представляют материалы на решение муфтия.

5) Хатибы – духовные лица в джамеях, которые по пятницам и годовым исламским праздникам совершают богослужение, читают проповеди, но не вмешиваются в судебные дела. Только при наличии грамоты (бераат) муфтия и после его личного дозволения хатибы имеют право исполнять эти обязанности, при этом решение местной общины не имеет значения.

6) Имамы – духовные лица, совершающие пятикратные молитвы в мечетях и побуждающие к совершению молитв прихожан. Они определяются к должностям на основании приговора общества и распоряжения муфтия, возникающие между ними споры, а также вопрос увольнения их от должности в случае правонарушений рассматривает муфтий.

7) Муэдзины – духовные лица, созывающие пять раз в сутки прихожан на намаз, оглашая молитвы. Их назначение целиком находится на компетенции местного общества и грамоты от муфтия не требуется. В случае не исполнения ими своих обязанностей, муфтий отстраняет муэззинов от занимаемой должности.

8) Мударрисы – духовные лица, которые заведуют («распоряжаются») медресе и занимаются преподавательской деятельностью. Они не принимают участия в религиозных делах вне медресе. Их обязанности заключаются в обучении сахтов (учащихся) грамоте, письму, мусульманским наукам, контролю за внутренним распорядком в учебном заведении, за соблюдением сохтами установленных правил. В случае нарушения учащимися правил, они склоняют их к повиновению. Назначение и освобождение мударриса от должности находится в ведении муфтия. Некоторые из них назначаются на должность пожизненно и, в случае наличия достойного преемника, эта должность передается сыну и в такие медресе мударрисы со стороны не определяются.

9) Ферраши – лица, которые прислуживают старшим шейхам и отвечают за чистоту в помещении текие.

10) Дервиши – помощники шейхов в текие. Их деятельность ограничивалась совершением молитв и ритуалов в текие. Определение или их устранение, в случае неповиновения или не исполнения требований шейха, являлось прерогативой заведующего текие.

11) Шейхи. Они были представлены несколькими родами. Первый из них состоял из представителей Качинского, Чаючинского, Ташлынского и Кулечинского родов. Второй

был представлен родом Текедар – служившими в построенных крымскими ханами текие и назначенными ими и определенные потомственными шейхами. Если же из их потомков выходили способные к занятию должности шейха, то никого из посторонних в эти текие не назначали. Третий род объединял лиц, назначенных в шейхи с разрешения текедаров. В случае, если в вышеназванных родах имелись лица, достойные для определения шейхом, то никого со стороны на эту должность не назначали. Обязанности шейхов заключались исключительно в совершении в текие религиозного богослужения. Их «обязанности суть, чтобы находиться в теких день и ночь отправлять с благоговением и набожностью в оных обряды богослужения». (По другому источнику: таврический муфтий утверждал, что шейхи «принадлежат к высшему духовенству, ведут свой род от первых основателей текий, по достоинству сравниваются с первостатейным дворянством и звание их в большинстве случаев наследственное. Во время ханства шейхи назначались их старейшинами» (РГИА, ф.821, оп.150, д.408, л.77 об.).

12) Годжи – учителя, обучающие 5-, 12-, 15-летних детей грамоте, молитвам, Автияку и чтению Корана. Их назначение и освобождение зависит от муфтия.

13) Каюмы – хозяйственные работники в мечети, отвечающие за содержание помещений и территории культового здания в чистоте и освещении (зажигают светильники) молитвенного помещения.

14) Сохты – учащиеся медресе (РГИА, ф.821, оп.150, д.408, лл.148-151).

Согласно записке 1834 г., крымско-татарское духовенство также подразделялось на восемь «степеней». Муфтий являлся духовной главой мусульман, заведовал их духовными делами по шариату. Вторую степень занимал кадий-эскер, третью – уездные кадии и «оджакские шейхи», четвертую – волостные кадии и «текедарские шейхи», т.е. шейхи из рода Текедар. Пятая «степень» принадлежала хатибам, мударрисам и шейхам из разных родов, шестая – имамам, седьмая – муэдзинам, годжи и сохтам. Восьмая «степень» отводилась феррашам и каюмам.

Вследствие русской колонизации и массовых переселений татар происходила трансформация демографической ситуации в крымско-татарских городах, в которых численность мусульман (кроме Бахчисарая)

резко сократилась, что привело к потере высокого статуса городских мусульманских судей, занимавших высокой социальное и общественное положение в ханское время. При Гиреях же в города назначались муфтием специальные кадий – наибы и накибы. Они состояли с оджакскими шейхами уездными кадиями в равной степени. При разбирательстве дел ремесленников они выступали как представители муфтия. В 1830-е гг. общества ремесленников г.Бахчисарая, г.Карасубазара и г.Евпатории по сложившейся традиции имели больше прав, чем жители других городских поселений – муфтий имел право лишь утверждать выдвинутого ими кандидата в накибы, который был из потомков Шерафи (эмиров). В других городах судебные дела вели наибы. Их назначение осуществлялось муфтием на основе общественного приговора мастеровых. А удаление их от должности находилось в исключительной компетенции духовной главы мусульман.

Кроме вышеназванных лиц, по традиции ханского времени при джами (соборных) мечетях и текиях имелись мутвеллии – надзиратели за вакфным имуществом. В текиях имелись также служители – «бешь-кадемии» и «закиры», которых назначали шейхи, и они не считались духовными лицами (РГИА, ф.821, оп.150, д.408, лл.151 об.-152 об.).

Таким образом, в Крымском государстве существовали разветвленные группы мусульманских духовных лиц, представляющих привилегированное сословие средневекового крымско-татарского сообщества.

Иерархическая структура крымско-татарского духовенства середины XVIII в. была основана на синтезе наследия исламских институтов Золотой Орды и религиозных традиций Османского государства. Среди крымских татар отсутствовали такие духовные звания как муллы, мухтасибы и ахуны.

Принадлежность к каждой определенной группе определялась целым рядом факторов, среди которых ключевое значение имели: сложившиеся традиции, передача духовных должностей по наследству, религиозная ученость и личное покровительство муфтия.

Примечания

Арапов Д.Ю. Документы об управлении мусульман Тавриды в конце XVIII – начале XIX вв. // Сборник русского исторического общества. – № 7 (155). – М., 2003. – С.91-93.

Загидуллин И.К. Суфийские институты в Крыму // Суфизм как социокультурное явление в российской умме. – Н.Новгород, 2007. – С.195-205.

Лашков Ф. Камеральное описание Крыма 1784 года // ИТУАК. – Симферополь, 1889. – №8.

Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. – М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Маркевич А. Старо-крымские древности // ИТУАК. – 1892. – №17.

РГИА, ф.821, оп.150, д.408.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII века. В 2 т. – СПб., 1887.

Смирнов В.Д. Крымско-татарские грамоты. – Симферополь: Типогр. губерн. земства, 1915. – С.28-39.

Туймова Г.Р. Суфизм и культовая практика казанских и крымских татар // Суфизм как социокультурное явление в российской умме. – Н.Новгород, 2007. – С. 228-236.

Фаизов С. Суфийское мироощущение в дипломатии и поэзии крымских ханов XVII в. // Суфизм как социокультурное явление в российской умме. – Н.Новгород, 2007. – С.33-39.

Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябинина

Рестаурация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI века

Рестаурация Шибанидов в Сибири и связанные с этим переговоры Тайбугидов с Москвой давно привлекают внимание историков, однако до сих пор остаются открытой темой для исследования, что во многом связано с идеологическими вопросами восприятия самого Кучума, либо как узурпатора на сибирском престоле, либо, наоборот, как героя антирусского сопротивления. Авторам данной статьи хотелось бы уточнить некоторые аспекты этой темы, во многом связанной не только с историей сибирской татарской государственности, но и с событиями в этот период в Ногайской Орде и, особенно, со специфическим положением клана Шихмамаевичей.

В январе 1555 года от лидера сибирского Тайбугидского княжества Едигера прибыло посольство в Москву к Ивану IV с поздравлениями в связи с покорением Казанского и Астраханского царств. Летопись рассказывает об этом событии следующим образом: «послы... от Сибирского князя Едигера и от всей земли Сибирской Тягриул да Пантьяда; и здоровали государю царю и великому князю на царствах на Казанском и на Астраханском да били челом государю... чтобы... взял за себя по свое имя, и от сторон от всех заступил, и дань на них свою положил, и дорогу своего прислал, кому дань собирать... со всякого черного человека по соболю да дороге государеву... по белке с человека по сибирской (всего идет речь о 30700 черных людях – автор)... И царь... послал... посла своего и дорогою им своим жалованным ярлыком Дмитрия Курова сына Шепейцына и велел Дмитрию князя Едигера и всю землю Сибирскую к правде привести и, черных людей переписав, дань свою сполна взять и з дорожною пошлиною» (Летописец, 1895, с.27-28). Посольство по восточному обычаю в виде подарка привезло белок и соболей (ПСРЛ, 1965, с.285). Однако этот подарок в Москве был воспринят как дань (Небольсин, 1849, с.33). Традиционно считается, что поводом для этих переговоров послужило начало похода Шибанидов с целью рестаурации своей власти над Сибирью. Хотя, на наш взгляд, приве-

денная здесь часть письма говорит скорее не о реальной опасности, а о ритуальности фраз, схожих с западноевропейскими церемониями передачи какого-либо лица под сюзеренитет сеньора, что сопровождалось просьбой защиты от всех противников и ограничением этого лица в правах. К тому же Едигер целенаправленно завышал число своих подданных, желая представить себя в более выгодном свете. В ином случае не ясно основание этой цифры, ведь число всех ясачных вогулов и остяков по обеим сторонам Урала в начале XVII века составляло не более 2700 человек (Бахрушин, 1935, с.8).

Обращает на себя внимание, что посольство приходит в Москву практически в то же время, когда у ногаев бием становится Исмаил, и при этом с некоторым запозданием по отношению к реальному факту покорения (например, в отношении Казани на три года). По предположению В.В.Вельяминова-Зернова, на самом деле помощь в организации переговоров Тайбугидам мог оказать ногайский бий Исмаил, который считался одним из степных сторонников Москвы. Связано это было с тем, что Едигер был женат на его дочери (Вельяминов-Зернов, 1864, с.396-397) или, по мнению В.В.Трепавлова, дочь Едигера была племянницей Исмаила (Трепавлов, 2002, с.310).

Таким образом, данное посольство следует рассматривать как своеобразную инерцию вслед ногайской дипломатии. Одновременно с этим существует точка зрения, которая трактует данное посольство в рамках золотоордынских традиций, как необходимость обновления ярлыка на правления в связи со сменой сюзерена, а в данном случае в связи с переходом властных полномочий от Казани к Москве (Трепавлов, 2007, с.101). Такая точка зрения, например, подтверждается текстом проекта ответа посла в Литву С.Турпеева. В нем говорится, что «Сибирская земля по ряду с Казанскою землею; и как государь наш... взял Казань, и Сибирской князь Едигер бил челом государю нашему со всеми сибирскими людьми, чтобы царь... пожаловал, Сибирские земли держал за собою, и дань бы с них имал,

а их бы с Сибирские земли не сводил» (Преображенский, 1964, с.384). В этом проекте напрямую увязывается Сибирь и Казань, однако остается неясным, почему же Тайбугиды ожидали более двух лет, не отправляя посольства. К тому же в подобных документах высказывалась, прежде всего, та интерпретация информации, которая была выгодна для официальной государственной идеологии. Авторы XIX столетия трактовали этот вопрос следующим образом: «Последняя (т.е. Сибирское княжество – авт.), по прежним отношениям своим к казанским ханам, которым они были долго подчинены при хане Упаке (тюменский хан Ибак – авт.), уже должны были считать себя в некоторой зависимости от нового повелителя Казани» (Юшков, 1861, с.277). Несомненно, что сам захват Казани был важен для русской идеологии. В частности, в массовом сознании царское достоинство Ивана Грозного связывалось именно с покорением этого ханства, а в средневековой литературе было распространено представление о том, что можно стать царем только в результате завоевания царства (Горский, 2001, с.147).

Однако у нас нет данных о действительной связи и тем более подданстве Сибири правителям Казани. Еще раз укажем, что, на наш взгляд, гораздо уместнее говорить именно о ногайском влиянии на формирование первого посольства, ведь послы от нового бия Исмаила также прибыли в Москву в январе 1555 года. Обращает на себя внимание то, что, как мы ранее указывали, добавление «сибирский» появляется в официальном титуле русского царя за год до этого, в 1554 года. С большой долей вероятности можно допустить, что уже в это время Исмаил обращался в Москву с целью организации посольства от сибирского князя, как это позднее он делал для хана Кучума (ПДРВ, 1801, с.22). В целом увязка Казанского и Сибирского престолов, а также перечисление побед над крымским ханом, объективно были выгоднее именно русским дипломатам и идеологам (Хорошкевич, 2003, с.165), но никак не затрагивали интересы собственно сибиряков. К тому же саму традицию выдачи ярлыков Москва использовала именно в отношениях с кочевыми объединениями постзолотоордынского мира, тем самым опираясь на привычную им идеологию и практику (Gammer, 2005, p.492).

В ноябре 1557 (7065) г. из Сибири прибыл Дмитрий Куров «и с ним пришел от Едигера,

князя Сибирского, посол Боянда, а привез царю великому князю дань семьсот соболей. В оправдание этому Едигер писал, «что их воевал Шибанский царевич и людей поимал многих» (ПСРЛ, 1965, с.276). Таким образом, первая информация о нападении на Сибирь некоего царевича поступает в Москву только спустя два года после начала дипломатических отношений. Скорее всего, речь идет о нападении, которое состоялось весной-летом 1556 году. В это время Исмаил пошел на открытый разрыв с ранее активно поддерживавшими его Шихмамаевичами, потомками бия Шейх-Мамая, чьи кочевья располагались на восточной окраине Орды. В результате состоявшегося столкновения они перешли к казахскому хану Хакк-Назару (Трепавлов, 2002, с.281-282). Можно предположить, что находившиеся в той же среде сибирские султаны, воспитывавшиеся у Шейх-Мамая, могли одновременно ударить по союзнику Исмаила Едигеру, чтобы, воспользовавшись неразберихой, вернуть свой юрт. Однако нам неизвестно, о ком именно из царевичей идет речь в письме.

В то же время «Митька Куров сказывал, что им было возможно сполна дань прислати, да не похотели» (ПСРЛ, 1965, с.276). По всей видимости, русский посол весьма скептически отнесся к реальным последствиям нападения Шибанского царевича. Нельзя в этом отношении не привести одну мысль из работы В.И.Огородникова, в которой может содержаться рациональное зерно, отражающее некие тенденции сибирской политики. Исследователь пишет о том, что решительные действия царя Ивана IV по приведению в подданство сибирских татар сильно не понравились Едигеру, который, обманувшись в своих ожиданиях, решил постепенно освободиться от уплаты дани (Огородников, 1920, с.230-231). В ответ на это сибирский посол был посажен в тюрьму, а к Едигеру отправили служилого татарина с грамотой, «чтобы ся в всем перед ним, государем, исправили» (ПСРЛ, 1965, с.276).

Уже в сентябре 1558 (7066) года «прибыли из Сибири царя и великого князя служивые татаровы... С ними Едигера, князя Сибирского, посланники Ивтемир с товарищами, а привезли дань...сполна» (ПСРЛ, 1965, с.285). Помимо дани, послы привезли «грамоту шертную» об учинении князя в холопстве. В летописи обращает на себя внимание, что под «дань сполна» понимается 1000 соболей, дорожная пошлина 100 белок и 60 соболей.

Как видно, это число гораздо меньше тех договоренностей, которые существовали между Москвой и Сибирью. По всей видимости, для последней изменение условий не было неожиданностью, поскольку посла Боянду сразу же отпустили, а с ним отправили татар за следующей данью (Летописец, 1895, с.77). В ноябре следующего 1559 года служилый татарин Собаня Резанов и сибирский посол вновь привезли дань и обещали «з давнюю данью на зиме будут» (ПСРЛ, 1965, с.313). Затем по непонятной причине отношения были прерваны. Исследователи предполагают, что разрыв отношений был связан с разочарованием сибирских князей в возможности получения московской помощи, которую они просили против Шибанидов (Нестеров, 2002, с.22). Следует отметить, что в целом в этот период соседям явно было не до Сибири. В 1558 году Россия вступила в затяжную Ливонскую войну, и на некоторое время ее основные внешнеполитические интересы оказались сконцентрированы на западе. На это же время в степях, особенно в Ногайской орде, приходится пик голода и засухи, предвестники которой были видны еще в 1555 году. Энтони Дженкинсон сообщает, что голод у ногаев в 1558 году, совпав с усобицами и мором, достиг такого размаха, что «померло до 100 тысяч человек... Ногайская земля... остается теперь не населенной» (Дженкинсон, электронный вариант). Судя по посольским документам, в 1559 году продолжалось противостояние между бием Исмаилом и Шихмамаевичами, причем последние ушли на восток ногайских владений, за Яик (Посольские, 2006, с.294). Таким образом, Сибирское княжество оказалось отрезано от своего покровителя Исмаила. В результате причиной разрыва отношений могла стать не только специфика отношений Москвы к своему вассалу, но и реальный отрыв от прорусской партии в Ногайской Орде.

По всей видимости, следующее посольство в Москву прибывает только в 1563 году, его возглавлял Чигибень (в иных документах Чибичень князь), который привез дань и челобитную (ПСРЛ, 1965, с.370). П.Небольсин приводит данные о том, что вместе с князьими прибыли послы от сибирских царевичей Шибанидов Муртазы и Ахмед-Гирея (Небольсин, 1849, с.34). Данные о последнем посольстве могут быть косвенно подтверждены следующей записью: «Столпик Сибирской 7072 году (1563-64 гг.), привозу к Москве

сибирсково Муртазы царя татарина Ташкина» (Исхаков, 2007, с.47). Одновременно с этим в письме Ивана Васильевича к князю Исмаилу от 22 сентября 1563 года сообщается, что Ташкин «...пришел к нам из Сибири в посольстве от Ахмет Кирея царевича» (ПДРВ, 1795, с.323).

Тем самым обращает на себя внимание тот факт, что одновременно с Тайбугидами, переговоры вели представители сибирских Шибанидов в лице Муртазы и его старшего сына Ахмед-Гирея. При этом складывается впечатление, что Москва не видела особой разницы между княжескими и ханскими посланниками. По крайней мере, в 1563 г. в московской тюрьме сидели одновременно послы Муртазы, Ахмед-Гирея и Едигера (Небольсин, 1849, с.35). Всем им в вину ставилась неуплата дани, что может косвенно свидетельствовать о признании Москвой прав Шибанидов на сибирские земли, в частности, и на управление территорией Тайбугина юрта. Однако при этом русские дипломаты настаивали на необходимости получения разрешения на это от царя, то есть получении ярлыка на правление. Можно предположить, что в период 1559–1563 гг. Тайбугиды пытались найти новых покровителей, но активизация политики сибирских царевичей привела к возврату промосковской ориентации. Недаром на момент сентября 1563 года русский царь именно Исмаилу выговаривал: «...зять твой был на Сибири на нашем юрте, и дань нам с того юрта не дает. И мы впредь хотим того юрта достигати, и за то ему мстити» (ПДРВ, 1795, с.323). Кстати, любопытно, что Исмаил в равной степени заступает и просит отпустить обоих сибирских послов Чибиченя и Ташкина (ПДРВ, 1795, с.303; ПДРВ, 1801, с.22). Правда, Муртазе ставилось в вину и нанесение большого вреда русским данникам в Сибири (Небольсин, 1849, с.35), что подчеркивает его главенствующее положение в политике Шибанидов.

Первый из послов уже осенью 1563 года был отпущен в связи со смертью сибирского бека (Небольсин, 1849, с.35). Остальных же послов не отпустили, несмотря на длительное заступничество ногайского преемника Исмаила Дин-Ахмеда за Мамин-шаха и Ташкын-баатыра (ПДРВ, 1801, с.103), и вскоре последовали намеки на возможность заключения договора с сибирским царем (Словцов, 1886, с.XVIII). Грамоты с просьбой об отпуске сибирского посла Ташкина-батыра продол-

жали поступать и в 1564 году от мирзы Уруса (ПДРВ, 1801, с.123).

Судя по всему, возвращение Шибанидов к власти произошло в период конца лета – начала осени 1563 года, поскольку Исмаил, умерший в конце сентября того же года, еще успел написать грамоту в Москву с просьбой организовать переговоры между сибирским и русским («белым») царем (ПДРВ, 1801, с.22). Об этом свидетельствует как текст ответа царя Исмаилу от 22 сентября 1563 года, так и отпуск посла Чигибеня. Таким образом, возвращение престола относится еще ко времени жизни покровителя Тайбугидов Исмаила, и теоретически может быть истолковано как попытка наладить отношения с воинственными наследниками Шейх-Мама, которые были покровителями сибирских Шибанидов. Шихмамаевичи в этот период продолжали находиться частью на территории северо-западных кочевий казахов, а частью видимо – в Бухаре (Исин, 2002, с.87-88).

Можно предположить, что, уже зная о свершившейся реставрации, русское правительство хотело оставить за собой «последнее слово» на этом этапе сибирской политики. С этим можно связать следующую информацию из письма Исмаилу: «А дочери твоей, которая была за Сибирским князем, и сына ее а твоего внука к тебе не отпустили... и внуком твоим промыслити, чтоб он вперед на том юрте был» (ПДРВ, 1795, с.323). Кстати, данный факт вполне укладывается в политику Москвы по установлению марионеточных правителей на территории соседних ханств, что наиболее хорошо было отработано в Казани.

При этом «сибирские летописи» практически дословно трактуют поход Кучума как военный конфликт: «...прииде степью ис Казачьи Орды царь Кучюм Муртазеев со многими воинскими людьми, и град Сибирь взят, и князей поби» (ПСРЛ, 1987, с.32, 48, 81). Однако следует учитывать, что в основе ряда сообщений этих летописей лежат источники татарского происхождения (Исхаков, 2006, с.123-124). Судя по характеру подобных сообщений, их авторами были люди именно из окружения Тайбугидов. В то же время в Патриаршей летописи содержатся иная информация, которая не позволяет свержение сибирских князей однозначно трактовать как военный конфликт. Так, в упомянутой летописи указывается, что «сибирские люди... дани государевым данщиком давати не учали, и взяли к себе на Сибирь царевича» (ПСРЛ,

1965, с.370). В данном случае говорится о факте приглашения царевича из династии Шибанидов на сибирский престол, причем это событие увязывается с нежеланием платить русскую дань.

Обращают на себя внимание еще ряд фраз из сообщений «сибирских летописей» о приходе Кучума. Прежде всего, следует отметить, что до этого этот хан не упоминается в контексте сибирской политики Шибанидов, напротив, активную роль играют его отец Муртаза и старший брат Ахмед-Гирей. Скорее всего, Кучум здесь был лишь своеобразным исполнителем идей своих родственников. Во-вторых, в большинстве редакций говорится о том, что он пришел из «Казачьей орды», что в данном случае можно рассматривать как Казахское ханство. Резонно предположить связь между этим названием и тем, что т.н. «Алтыулы» (ранее известные как Шихмамаевичи) до начала правления Дин-Ахмета кочевали вместе с казахами Хакк-Назара (Трепавлов, 2001, с.35-37). Влияние же Бухарского ханства в этот момент на сибирские вопросы было, скорее всего, опосредованным, через ногаев. Косвенно пользу этого может свидетельствовать факт проживания части потомков Шейх-Мама в Средней Азии, где они породнились с бухарским ханом (Трепавлов, 2002, с.269, 309).

Преобладание ногаев на раннем этапе подчеркивается и характерной фразой из устной легенды о Кучуме, записанной Н.Ф.Катановым: «Пока он (Кучум – авт.) рос, народом его управляя султан Ногай» (Катанов, 2004, с.148). О пребывании ногаев непосредственно на Иртыше в предшествующее время говорится в другой легенде (Катанов, 1904, с.19). Недаром и главный полководец Кучума в ходе войны с Ермаком Маметкул, которого летописи называют то сыном, то братом хана, попавший в плен, в русских разрядных книгах писался как Маметкул Алтыулович (Миллер, 2005, с.249). В данном случае под «Алтыулом» следует понимать не имя отца, а наименование юрта Шихмамаевичей, который располагался в непосредственной близости от Бухары на территории Приаралья (Небольсин, 1849, с.37).

В-третьих, в Лихачевской редакции «Сибирских летописей» факт убийства князей описан отлично от иных редакций: «Прииде же в то время степью из Казачьей орды царь Кучюм Муртазеев сын со многими воинскими людьми и доиде до града Сибири, и град Сибирь взял, а князя Етигера жива взял, а

брата Бекбулата убил» (ПСРЛ, 1987, с.119). При этом сын Бекбулата Сейдяк был спасен от убийства и доставлен в Бухару (Миллер, 2005, с.192). Возникает резонный вопрос: почему Шибаниды отпустили своего прямого конкурента? Ответа здесь может быть два: либо они чувствовали себя стабильно на сибирском престоле и соответственно не видели в Сейдяке конкурента, либо это было связано с ногайско-бухарской политикой, схожей с описанным выше случаем пребывания наследника Едигера в Москве. Очевидно, что судьба Сибирского княжества была предрешена всем комплексом существовавших в это время в степях международных отношений, на фоне которых в 1564 году бухарский хан Абдулла обращается в Москву с просьбой о свободном проезде по территории Российского государства его торговым людям (Хорошкевич, 2003, с.403). Княжество Тайбугидов оказалось той разменной монетой, которая на момент событий первой половины 1560-х гг. оказалась без серьезных союзников, способных поддержать ее жизнеспособность.

Активная внешняя политика Шибанидов в период 1555–1563 гг. и их дальнейшее внезапное исчезновение с международной арены вплоть до 1569 года весьма своеобразно истолковывается исследователями. При этом сложность подчинения Сибири и восприятие сибирскими татарами Кучума в качестве завоевателя подчеркивается достаточно часто (Бояршинова, Степанов, 1968, с.366; Абдиров, 1996, с.42). Хотя это противоречит как упомянутому выше приглашению Кучума самими сибиряками, так и фразой, которая неоднократно повторяется авторами летописей: «Царь же Кучум царствова в Сибири лета довольна во изобилии, радости и веселии, дани и оброки со многих язык имаше» (ПСРЛ, 1987, с.48). Скорее, это удобная позиция для того, чтобы не признавать сложность реальной ситуации в первые годы существования Сибирского ханства, а также для объяснения логичных причин поражения Кучума от русских войск. Обращает на себя внимание и тот факт, что после убийства Едигера и Бекбулата «Тайбугин юрт» оставался основой ханских владений (Трепавлов, 2002, 324-325). В более поздней грамоте царя Федора Ивановича к сибирскому хану, написанной в обстановке разгрома сибирских войск казаками, указывается: «Тайбугин юрт, которые кочевали вместе с тобою, от тебя отстали – на

которых людей тебе была большая надежда» (Собрание, 1819, с. 134).

На наш взгляд, в известных нам источниках невозможно найти следы некоего длительного и кровопролитного процесса перехода власти в Сибири к Шибанидам, за исключением описанного у П.А.Словцова притеснения русских данников Муртазой в 1565 году, а также смутного упоминания о неких волнениях в грамоте от Кучума к Ивану IV 1570 г.: «...и ныне при нашем и при твоём времени люди черные не в упокое...» (Собрание, 1819, с.64). Слабые связи хана с местным населением и его уход от искерского владетеля после русского нападения свидетельствует, по нашему мнению, не о непопулярности или незаконности Кучума, а о специфике внутреннего устройства Сибирского ханства как позднесредневекового кочевого государства. Так, Г.Ф.Миллер, анализируя отношения различных групп местного населения к Кучуму, пришел к выводу, что большинство татарских князей, чьи улусы были расположены на юге Западной Сибири, признавали власть сибирского хана. В то же время к северу от Тобола его владения вряд ли распространялись далее Туры, тоже касается северных групп угорского населения, которые только подвергались периодическому грабежу татарскими военными отрядами (Миллер, 2005, с.193-194). Этот грабеж, а точнее административный аппарат для извлечения стабильной прибыли от внешних походов, являлись одними из немногих реальных инструментов сплочения сибирского кочевого и полукочевого социума вокруг фигуры искерского хана. Провал в этом направлении, проявившийся в невозможности остановить Ермака, и привел к отходу от Кучума значительных групп населения. Впрочем, видимо грабеж в ходе походов угорского населения как массовое явление характеризует либо ранний этап функционирования Сибирского ханства, либо отношения с наиболее удаленными группами, в иных случаях Искер предпочитал устанавливать более стабильные отношения «дани и службы» (Мартынова, 2002, с.294-295).

Причем даже на территории ханского юрта владетели отдельных улусов оставались в значительной степени независимыми во внутренних делах, их связи с ханским двором в Искере выражались в выплате ясака, размер которого неизвестен, и отправке военных отрядов. Более территориально удаленные князья вообще могли рассматриваться не в

качестве подданных, а как союзники, заключившие шерть (Бахрушин, 1955, с.156-158). В прямой зависимости от хана находились только те люди, которые пришли с ним в Сибирь из Бухары или ногаев. В этом отношении вполне понятно желание хана увеличить численность своего юрта, что и могло позднее отразиться в известии «Ремезовской летописи» о некоей легендарной поездке хана в Казань в 1565 году и привозе оттуда «многих чюваш и абыз, и рускаго полона людей» (Ремезов, 1989, с.552). С другой стороны, с целью освобождения центральных земель юрта для пришедших с ним людей Кучум изгнал некоторые группы автохтонного населения на окраины ханства (Томилов, 1980, с.75).

Однако прежде чем разбираться в особенностях внешнеполитической политики Сибирского ханства, необходимо рассмотреть последовательность правления Шибанидов – Муртазы, Ахмед-Гирея и Кучума – в Сибири. Еще в конце 1550-х гг. исходя из приведенных выше известий о русско-сибирской переписке, можно предположить, что на протяжении длительного периода в качестве равноправных соправителей могли рассматриваться в начале Муртаза и его старший сын Ахмед-Гирей, а позднее и средний сын Кучум. Причем последний впервые упоминается только в контексте военного похода и свержения Тайбугидов в 1563 году (Маслюженко, 2007, с.56-57). Скорее всего, такая ситуация сохранялась и после захвата Искера, поскольку еще в 1565 году сибирский царевич Муртаза наделал много обид русским данщикам в Сибири (Словцов, 1886, с.XIX). Видимо, только после этого Муртаза и Ахмед-Гирей уходят в Бухару, а Кучум становится самостоятельным сибирским правителем, хотя позднее ситуация соправления двух ханов в Сибири еще раз повторится. По мнению Т.И.Султанова, такое положение двух или нескольких султанов, носивших титул хана одновременно, достаточно часто складывалась в Средней Азии, например, таковыми были основатели Казахского ханства Керей и Джанибек (Султанов, 2001, с.148).

Во второй половине 1560-х гг. Сибирское ханство стало активной стороной внешнеполитических отношений в восточных степях. Так, резко ухудшились отношения между сибирскими правителями и казахским ханом Хакк-Назаром, а также его союзником Шигай-султаном (Султанов, 2001, с.190-191). Несмот-

ря на то, что ранее первый из них воспитывался у Ших-Мамае, в этот период казахи под его руководством начинают активную борьбу за башкирские улусы, ранее находившиеся под управлением ногаев и Кучума. В частности, в 1569 г. Хакк-Назар и Шигай совершили крупный поход на Ногайскую Орду (Исин, 2002, с.88). Следует отметить, что среди ногаев значительные потери от их активизации понесли именно Шихмамаевичи, которые до того рассматривались в качестве союзников (Трепавлов, 2001, с.34-35).

Причем М.Х.Абусеитова считает, что казахи изнуряли башкир поборами и грабежом (Абусеитова, 1985, с.52), а, по мнению П.И.Рычкова, на протяжении 1570-х гг. собирали дань с сибирских ногайцев и татар (Исин, 2002, с.100). Учитывая, что до того башкирские улусы во главе с будущими сибирскими ханами были частью Ногайской Орды, вопрос о них был принципиален для Кучума. Впрочем, это столкновение было связано не только с борьбой за башкирские улусы, но и с более широким конфликтом между Ногайской Ордой, в частности ее восточным крылом во главе с Шихмамаевичами, и Казахским ханством на фоне растущего кризиса в отношениях Османской Порты и России (Исин, 2002, с.95-96).

Появление первых дипломатических документов переписки между Кучумом и Иваном IV также связано с этими событиями. Хотя до того, как следует из жалованной грамоты Строгановым 1564 года, в Москве ждали сибирских послов, возможно как раз тех, о которых перед смертью договаривался Исмаил. Вместо этого в грамоте указывается, что «хвалитца деи сибирской салтан Ишибаны ити в Пермь войною, а преж деи сего он Камские Соли город дважды имывали...» (Дополнения, 1846, с.170), возможно в последнем случае речь идет именно об активности Муртазы, которая приходится на 1563 год. Впрочем ни послов, ни нападения на Пермь Москва так и не дождалась.

Однако основная переписка с Москвой началась, видимо, в 1569 году. В письме говорилось: «Кучуму царю Сибирскому слово наше то: преж сего Сибирской Едигер Князь на нас смотрел, и с Сибирские земли со всей, на всяк год, дань к нам присылал» (Собрание, 1819, с. 63). Тем самым Москва первой решила напомнить о бывших обязательствах Сибири перед Российским государством. С

этим письмом в Сибирь был отправлен выпущенный из тюрьмы татарин Аиса, который ехал в Сибирь через Пермь.

Уже весной 1570 (7078) г. в Москву через Пермь была доставлена грамота от сибирского царя Кучума, а также сообщения от управлявшего пермскими землями князя Ромодановского. Указывается, что в это время никакого разору от сибирских людей Перми не было. В Пермь было передано письмо из Сибири, сообщавшее о ситуации 1569 г.: «ныне де дань собираю, господарю Вашему царю и Великому князю послов пошлю; а нынче деи мне война с Казацким царем и одолее меня царь казацкой и сидеть на Сибири, ино и тот господарю дань учнет не давати». Очевидно, что инициатива отправки посольства принадлежала Боярской думе, в связи с этим царь испрашивал у бояр совета в том, что стоит ли с сибирским царем вести об этом разговоры, то есть выражались сомнения в правильности сбора дани с независимого государства (Акты, 1841-а, с.541).

В 1570 г. в Москву пришло письмо от Кучума с предложением прекратить взаимную неприязнь и быть в дружбе, а также отпустить кого-нибудь из пленников. В письме говорится, что сибирский хан не присылал грамоты, поскольку был связан войной, теперь же «...мы того недруга своего взяли», что, скорее всего, указывает на одержанную, в том числе с помощи русских, победу над казахами. Однако хан оговаривается «...ныне похошь миру, и мы помиримся, а похошь воеватися, и мы воюемся» (Собрание, 1819, с.52). В целом, за исключением указанной фразы, схожей по настроению на грамоты деда Кучума тюменского хана Ибрахима к Ивану III, письмо имеет подчеркнуто миролюбивый характер и затрагивает вопрос дальнейшего продолжения обмена посольствами, одновременно с этим указывая на равноправный статус Сибирского и Русского государств. Резонно предположить, что переписка была не столько личным деянием Кучума, сколько продолжением ногайско-русских отношений, направленных с одной стороны на предотвращение союза ногаев с Крымом и их включение в османский союз. С другой стороны оно может рассматриваться как благодарность за помощь Москвы против Казахского ханства и попытка воспрепятствовать усилению русской дипломатии в среде казахов. Однако ответ Москвы на это письмо нам неизвестен (Небольсин, 1849, с.39).

В результате была продолжена переписка в стиле письма 1569 года о восстановлении дани. Кучум отправил посольство с Томасом и Аисой с грамотой: «Кучум богатырь Царь, слов наше, да послал в том, чтобы его Царь и великий Князь взял в свои руки, а дань со всея Сибирские земли имал по прежнему обычаю» (Собрание, 1819, с.63). Дань была определена в тысячу соболей и сборщику дани тысячу белок. В Сибирь с этими грамотами в 1571 г. был отправлен Третьяк Чубуков для приведения Кучума к «шерти». Вскоре в Москву была доставлена первая дань, и Кучум подтвердил «шерть» (Собрание, 1819, с.64).

Однако ситуация в степи менялась гораздо быстрее, чем ее могли предсказать русские дипломаты в условиях последних лет опричнины и разгрома московских войск крымским ханом в 1571–1572 гг., в составе отрядов которого были и ногаи. Уже в 1572 году ситуация была абсолютно иной, причем первоначально это изменение прослеживается лишь по некоторым оговоркам. Так, Генрих Штаден пишет о том, что в это время «некоторые торговые люди из Сибири были убиты, а их соболи удержаны в казне великого князя» (Штаден, электронный вариант). Можно было бы списать это на случайность в связи с внутренней неразберихой в Москве, поскольку тогда же были ограблены английские купцы. Но ведь в том же году была отправлена грамота Строгановым о посылке ратных людей для приведения в покорность черемисов, башкир, остяков, вогулич и ногаев, грабивших торговцев по Каме (Дополнения, 1846, с.175). В целом складывается впечатление, что на тот момент у русских дипломатов отсутствовала единая концепция сибирской и ногайской политики, несмотря на то, что намечалось охлаждение крымско-ногайских отношений (Исин, 2002, с.102), связанная с недовольством ногаев реальными результатами московских походов.

Возможно, в качестве отголосков ухудшающихся отношений можно рассматривать участие сибирских татар в восстании черемисов в Приуралье в 1572 году. Как сообщалось в царской грамоте к Строгановым: «...а к нашим де изменником к черемисе, как нам была черемиса изменила, посылал Сибирской через Тахчеи...» (Миллер, 2005, с. 333). Хотя нужно отметить, что данное сообщение об участии в восстании сибиряков и Кучум-хана относится только к грамоте 1574 году, тогда как в грамоте от 1572 года, непосредственно после

похода в составе восставших упомянуты только «черемиса... да с ними де остяки и башкирцы и буинцы» (Миллер, 2005, с. 331). Впрочем, у Москвы были претензии к Кучум-хану и помимо этого: «да и преж де того Сибирской же салтан ратью наших данных остяков Чагиря с товарищи побил в тех же местах, где их Яковлев да Григорьев промысл. А иных данщиков наших Сибирской имае, а иных и убивает, а не велит... наши дани в нашу казну давати» (Миллер, 2005, с. 333).

Кроме того, возможно, как ответная мера со стороны России на участие сибирских людей в восстании черемисов, был предпринят поход 1572 года воеводы князя Афанасия Лыченицына. Он был прислан в Сибирь с войсками «проведасть царство Сибирское и воевать царя Кучума», и который мог послужить причиной открытого конфликта между Российским государством и Сибирским ханством, несмотря на плачевный результат похода: «...те ратные люди побиты от Кучума-царя в Сибири, а иные в полон взяты». Исследователями уже давно высказывались сомнения в подлинности этого сообщения по различным причинам (Преображенский, 1972, с.23). Не вдаваясь в подробности данного спора, тем не менее, хотелось бы отметить, что этот поход вполне вписывается в ситуацию рассматриваемого времени, если конечно, исследователь не ставит своей целью показать лишь необоснованную агрессивность Сибирского ханства против Российского государства.

С этой точки зрения поход 1573 года Маметкула – родственника и военачальника Кучум-хана на Пермь, который привел к длительному разрыву отношений России с Сибирским ханством, выглядит вполне закономерно: «пришедшу ратью на Пермь Великую, Маметкул ...города и повости пограбил и пожег» (Вычегодско-Вымская летопись, 1958, с. 266). По другой версии Маметкул не дошел до Перми, а пограбил окрестности: «с Тобола де приходил... Маметкул, собрався с ратью, дорог проведывати, куда идти ратью в Пермь, да многих де наших данных остяков побили, а жены их и дети в поло повели» (Миллер, 2005, с. 332).

В 1573 году Кучум отказывается от ранее выплачиваемой дани (Щеглов, 1993, с.29), что связано с последствиями крымского похода на Москву и приводит к охлаждению отношений между Сибирским ханством и Россией. Одновременно с этим Москва, заключая ряд договоров с Хакк-Назаром, искала не только

улучшения торговли, но и союзников против Кучума (Абусейтова, 1985, с.54-55). В частности, Иван IV отправил к казахам по просьбе Строгановых уже знакомого нам Третьяка Чубукова, который был схвачен племянником Кучума Маметкулом в июле 1573 г. на реке Чусовой (Строгановская, 1996, с.58). Причем, по мнению Г.Файзрахманова, Чубуков также вез грамоту с признанием Кучумом своей зависимости от России (Файзрахманов, 2002, с.145), хотя нам и не удалось найти этому подтверждения в источниках. Поход Маметкула в данном случае хорошо вписывается в обострение сибирско-русских отношений. Ведь недаром в жалованной грамоте Строгановым от 1574 года указывалось, что Маметкул пограбил многих остяков, как до того собирал дань с остяков, вогуличей и югры, ранее плативших ясак в Москву, увел черемис, а на Пермь лишь дорогу спрашивал (Миллер, 2005, с.332-333). Впрочем, ожидаемого похода на Пермь со стороны сибиряков так и не состоялось. На наш взгляд, в данном случае действия Маметкула следует рассматривать не как стремление к прямому столкновению с Москвой, а как продолжение политики по обложению данью сибирского населения, которая, как уже об этом говорилось ранее, являлась неотъемлемой частью государственной идеологии Сибирского ханства. Вопрос о том, чьи данщики жили в Зауралье, решенный Москвой в свою пользу, не был столь очевиден для Искера.

В ответ на эту политику Иван IV выдал в мае 1574 года грамоту Строгановым, которая расширяла данные им два года назад полномочия на набор военных людей. Текст документа говорил о том, что земли на Тахчее и Тоболе передаются под их управление, им разрешалось там строить крепости для защиты русских данщиков от ногаев и сибиряков, а также насильно приводить последних к дани русскому царю. Грамота подчеркивала: «в нашей отчине за Югорским камнем, в Сибирской Украине, меж Сибири и Нагаи, Тахчеи и Тобол река с реками и озерами, и до вершин, где збираютца ратные люди Сибирского салтана да ходят ратью». Предлагалось также освободить всех насельников этих земель на 20 лет от податей, а также разрешить бухарцам и казахам торговать беспоплино (Миллер, 2005, с.332-334).

По сути, передавая эти земли царь юридически подчеркивал то, что ими от его руки владели сибирские князья Тайбугиды, а

Кучум рассматривался как незаконный с точки зрения русских правитель. К тому же в русском понимании эти земли вполне подходили под понятие пустых: «на том месте пашни не пахиваны и дворы деи не ставили, и в мою деи цареву и великого князя казну с того места пошлина никакая не бывала, и ныне не отданы никому...» (Дополнения, 1846, с.168). Таким образом, обострение отношений на этом этапе привел только к тому, что часть бывших русских данщиков, в частности, черемисов, стали платить дань в Искер, а в ответ царь ограничился лишь расширением полномочий Строгановых, которые не имели к этому никаких возможностей.

Активизация внешней политики Сибирского ханства сопровождалась и некоторыми изменениями внутри данного объединения, в частности, связанная с политикой исламизации. Как было показано выше, отдельные попытки по приведению сибирского населения в ислам проводились ранее. По предположению М.А.Усманова, в ситуации обострения отношений с христианскими государствами укрепление внутренних позиций ислама является логичным продолжением ханской политики (Усманов, 1985, с.179-182). Возникает резонный вопрос: мог ли ислам в таком случае быть одним из подходов в политике по объединению улуса или, по крайней мере, воспринимался ли таковым самим ханом? Ведь по некоторым данным, даже в результате реформ Узбека ислам приняла лишь политическая элита, причем, скорее всего, только ее отдельные группы, непосредственно связанные с азиатской торговлей (Кульпин, 2006, с.41-42).

По мнению Г.Ф.Миллера, при Кучуме в Сибири впервые была введена магометанская вера, хотя с позиций современных исследований сибирской истории очевидно, что подобные попытки проводились Чингизидами на этой территории и в предыдущее время. При этом подчеркивается, что проповедники ислама приходили и до этого, но «многие из них кончили за то свою жизнь мученической смертью». Кучум также при проведении исламизации столкнулся с большими трудностями, поскольку подданные готовы были платить дань, но не достаточно было отдать приказ о смене веры. По этой причине Муртаза, отец Кучума, отправил ему в помощь старшего брата Ахмед-Гирея с войском и мусульманскими священниками различного уровня. Исламизация проводилась

насильственно, «а некоторые упорно сопротивлявшиеся заплатили даже за это своею жизнью» (Миллер, 1937, с.198-199). Предполагается, что исламизация была необходима для усиления контроля за территорией Сибирского ханства (Нестеров, 1988, с.17). Хотя, как уже было отмечено выше, в высшей степени сомнительно, чтобы этот способ срабатывал в кочевой среде.

В результате в более поздних источниках встречается информация о том, что некоторые татарские роды, а также остяки, жившие далеко от столицы, так и остались идолопоклонниками. Такие сообщения, в частности, предшествуют летописному рассказу о начале похода Ермака в Сибирь, то есть относятся концу правления Кучума в Искере, хотя возможно отражают ситуацию и более позднего времени. Указывается, что «то-тар(ов)я закон Моаметов держат», однако в отношении других групп населения говорится о том, что их религия не ясна, или, как в отношении остяков и самоедов: «...идолом поклоняются и жертвы приносят...» (ПСРЛ, 1987, с.45). Так и Г.Ф.Миллер сообщает, что даже в его время «многие...были язычниками...» (Миллер, 1937, с.199).

Источники не содержат однозначных данных о результатах работы мусульманских миссий в этот период, однако для нас особенно интересен вопрос о намеченных в источниках закономерностях взаимоотношений между Кучумом и Ахмед-Гиреем. У Н.Ф.Катанова идет речь о том, что в Искер были подготовлены две мусульманские миссии в 1572 и 1574 годах. Причина первой скрывалась как в желании Кучума получить для наставления в вере потомков сеида и шейха, так и в смерти предыдущего главы мусульман в Сибири. При этом, хотя послы Кучума обратились непосредственно в Бухару, но миссия собиралась в Ургенче, входившему в состав Хивинского ханства, что само по себе весьма странно, учитывая сложные отношения между лидерами этих объединений (Бартольд, 1968, с.555). Возможно, что уже первую миссию сопровождал (или, по крайней мере, участвовал в подготовке) старший брат хана Ахмед-Гирей-султан, который здесь пробыл не более года, возможно, по причине необходимости принять юрт после умершего отца (Миллер, 2005, с.195). Судя по всему, основное место деятельности миссии располагалось не на Тоболе, а гораздо южнее, в Саргатской волости, на Ишиме. Спустя два

года Ярым-сеид, назначенный также хакимом, умер, а Шербати-шейх вернулся в Ургенч. В рассматриваемом нами источнике не идет речи о массовом сопротивлении татар исламизации, а, следовательно, о насильственной смерти кого-либо из миссионеров. Однако факт возврата Шербати-шейха наводит на мысль о том, что первые результаты были отнюдь не удовлетворительными.

В результате этого Кучум обратился в 1574 году в Бухару с новым письмом с аналогичной просьбой. В Ургенче вновь собрали миссию во главе с тем же Шербати-шейхом и Дин-Али-ходжой, родственником умершего чрым-сеида. В Бухаре они для защиты в связи с опасной дорогой получили в помощь 100 человек во главе с Ахмед-Гиреем. Кстати, он все еще оставался султаном, хотя его средний брат был уже ханом. Очевидно, что к этому времени Ахмед-Гирей, который, видимо, был связан со среднеазиатскими ногаями, испытывал определенные притеснения от казахов и не надеялся получить юрт. По приходу в Сибирь Кучум уступил своему брату престол, на котором последний находился вплоть до своей смерти спустя четыре года, в 1578 г., когда престол вновь занял Кучум (Катанов, 1897, с.51-60). По предположению М.Абдирова, Дин-Али-ходжа был постоянным послом бухарского хана Абдуллы в Сибири, в результате одна из дочерей Кучума была выдана замуж за ходжу (Абдиров, 1996, с.51, 57).

Хотя в родословной Дин-Али-ходжи в смерти Ахмед-Гирея нет ничего странного, иные легенды сибирских татар позволяют взглянуть на это событие по-другому, в частности увязывая ее с той внешне-политической ситуацией, которая возникла в степях в правление казахского хана Хакк-Назара. Ведь недаром вину за смерть хана возлагают как на бухарцев, так и на ногайского бека Ших-Мамая, активно вмешивавшегося в сибирские дела (Трепалов, 2002, с.209-210). В этих источниках говорится, что Ахмед-Гирей-хан был предположительно убит своим тестем Ших-Мамаем, и его место занял Кучум, который и перевел свой юрт на Тобол (Катанов, 2004, с.148). Однако в казахских источниках убийство Ахмед-Гирея связывают не с Ших-Мамаем, к тому времени уже давно умершим, а с Шигай-ханом, союзником и будущим наследником Хакк-Назара (Кляшторный, Султанов, 1992, с.292-293). Значительные интересы этого хана в Сибири подчеркиваются Кадыр-Али-беком, который

сообщает о том, что жена Шигай-хана также была из Сибири и, видимо, происходила из чатских татар, которые в начале 1550-х гг. уничтожили другого казахского хана Тугума (Атыгаев, 2007, с.58-59).

Конкретные причины убийства Шигаем Ахмед-Гирея были, скорее всего, связаны с противостоянием именно в эти годы Сибирского ханства казахам, хотя легенды говорят о более «романтической» версии, связанной с мстостью за дочь (Абдиров, 1996, с.58). «Керей соединил свою собственную жену с одним купленным рабом. Услышавши об этом, тесть Керей-хана рассердился на него, напоил допьяна и привязал к его к хвосту лошади», но при этом на убийство подбивал не сам тесть, а его сын, говоривший «...не отпускай его, — он сделался большим богатырем; если освободишь его, то он уничтожит твой собственный народ» (Катанов, 2004, с.148). Кстати, Кучум также был женат на дочери Шигай-хана (Катанов, 1897, с.60).

Таким образом, есть резон говорить о том, что в период с 1572 по 1578 гг. Кучум и Ахмед-Гирей правили либо совместно, либо поочередно. Исходя из контекста дальнейших событий, можно предположить, что Ахмед-Гирей отвечал за азиатское направление внешней политики, а Кучум — за российское, что потенциально приводило к неизвестности ханов за пределами их деятельности. Только после убийства старшего брата Кучум-хан стал править единолично.

В 1577 году в документах вновь отмечается активизация деятельности Кучум-хана, в частности, на ногайском направлении. В.В.Трепалов пишет, что еще за год до этого к нему на службу пришел мирза Каракул, сын покойного бия начала XVI века Агиша (Трепалов, 1997, с.182). В июле 1577 года в Москву приходит отчет от детей боярских о поездке к ногаям, который, видимо, отражает ситуацию весны этого года. В отчете Тимофея Лачинова говорится, что к Ак-мирзе, который являлся лидером Шихмаевичей и играл значительную роль в ногайской политике, приезжал посол Таилак за лошадьми и овцами, которые по договору Кучум должен был получить за свою дочь, выданную замуж за Ак-мирзу. При этом Таилак встречался с Лачиновым и говорил, что «государь его Кучум хочет вперёд государю Царю и Великому Князю в дружбе бытии, и вперёд от Государя не отстаточну быть, и хочет... в том и правду дати по своей вере» (ПДРВ, 1801,

с.189). Другим послом Семеном Мальцовым было сообщено, что тогда же старший сын Кучума Алей женился на дочери ногайского бия Дин-Ахмата (ПДРВ, 1801, с.193). Недаром летом того же года сам ногайский бий в письме в Москву также пишет о «сватовстве с сибирским царем Кучумом» и далее просит «и кто его будет посол, и тыбе его пожаловал почтил...» (ПДРВ, 1801, с.222).

В марте 1578 г. ногайскому бию Дин-Ахмату из Москвы сообщали: «И у нас летом посол Кучюма царя сибирского был. А присылал Кучюм царь к нам бити челом о том, которая наша дань была на сибирской земле издавна от наших прародителей, и он давать хочет, а нам бы гнев свой отложить и держать к нему свое жалованье». Было принято решение отправить в Сибирь с жалованной грамотой дорогу Добычу Лачинова «и дань свою имать постарине» (ПДРВ, 1801, с.281). Видимо, этот даруга и в реальности собрал дань (Исин, 2002, с.105).

В тоже время не все в отношениях с ногаями было так хорошо. Незадолго до упомянутого выше ответа Дин-Ахмеду, в Москву приходит письмо от Хан-мирзы, сына Уруса, занимавшего в Ногайской Орде на тот момент второй по значимости после бия пост нурадина. В нем с намеком на верность России против Крыма мирза пишет: «Да бью челом, с Тюменским и с Сибирским ратным учинился есмя, чтоб еси рати пожаловал. А болши Сибирского недруга у нас нет. А у меня своих воинских людей двадцать тысяч, чтоб еси пожаловал десять тысяч людей рати дал, Сибирь воевати. А мне до отца своего до Уруса дела нет, и до дяди своего до князя дел нет же» (ПДРВ, 1801, с.268-269). Иван IV ответил не напрямую Хан-Мирзе, статус которого во внешней политике был не высок, а самому Дин-Ахмеду. Причем ответ был достаточно жесткий, намекающий на того, что бию необходимо самому разбираться в своих делах: «И мы рати ему не дали и ему отказали, чтоб он вперед так с молодости без Урусова ведома не писал к нам в своих грамотах» (ПДРВ, 1801, с.281). В тоже время, хотя в грамотах везде и указывается непричастности Уруса, следует учитывать, что сами бий Дин-Ахмед и нурадин Урус в это время находились в конфликте, который разрешился только в связи со смертью первого в мае 1578 года (Трепавлов, 2002, с.318-319). Однако сам тон ответа и отказ в поддержке военного вмешательства в сибирские дела однозначно

может свидетельствовать о нежелании русского правительства начинать в конце 1570х гг. конфликт с Кучумом.

В 1579 году бухарский хан Абдулла II, будучи лидером антиказахского союза, идет на сближение с Хакк-Назаром, и в результате уже следующий хан этого объединения знакомый нами Шигай был ставленником Бухары (Абусеитова, 1985, с.55). Данное событие привело к окончательному превращению степного мира в единое пространство, где наибольшим лидером выступал бухарский хан, а военную силу контролировали ногаи. На этот момент основным объектом грабежа выступали казахи, но никто не желал обострения отношений с могущественным русским царем, несмотря на попытки ногаев несколько ужесточить русскую политику. В этом отношении Кучум как еще одна сторона степной политики выступал сторонником подобных действий, что, в частности, подтверждается расширением его связей с сыном Дин-Ахмада Ураз-Мухаммедом, который вскоре становится его зятем. В ногайской среде именно этот представитель правящей династии был наиболее промосковски настроен (Трепавлов, 2002, с.322-323, 372-373). Тем самым замирение на южных границах не привело к открытому столкновению с Москвой, поскольку в этот период в нем не был заинтересован никто из союзников Кучума.

В этой связи возникает вопрос о характере русской политики Сибирского ханства и ее связи с походом Ермака, приведшим к падению этого объединения. Летом 1581 года пелымский князь совершил нападение на строгановские владения: «приходил Деи войною Пелымской князь с вогуличи на их слободы, и деревни многие выжгли, и крестьян в полон емлют; и ныне ... стоит около Чюсовского острогу» (Миллер, 2005, с. 335). Данная информация подтверждается Строгановской летописью, где уточняется, что походом руководил вогульский мирза Бегбелия Агтаков, причем подчеркивается, что это был уже второй приход вогулов на Пермь (Строгановская, 1907, с.9).

Осенью 1582 года, уже после ухода Ермака в сибирский поход, был совершен набег на пермские городки и Чердынь: «Пелымской князь с сибирскими людьми и с вогуличи, приходил войною на наши Пермские места, и к городу к Чердыни к острогу приступал, и наших людей поболи, и многие убытки нашим людям починили» (Миллер, 2005, с. 335).

Следует учитывать, что авторы Строгановской летописи, в отличие от иных источников, уже строительство крепостей в 1558 году, как и в более позднее время, мотивировали постоянной агрессией ногаев и сибиряков (Строгановская, 1907, с.2 и далее). Тем самым подводилось идеологическое обоснование под возможную войну с ханством.

В Строгановской летописи говорится о том, что пелымский князь напал вместе с отрядом из татар, остяков, вогулов, вотяков и башкир. В то же время в отношении рассматриваемого события впервые уточняется, что в походе участвовали «мурзы и уланы Сибирской земли» (Строгановская, 1996, с.62; Усманов, 1982, с.163). Однако сама фраза о том, что поход возглавлял пелымский князь, отрицает возможность подчинения ему более значимых по своему статусу огланов, то есть царевичей, из рода Кучума. К тому же Пелымское княжество в это время было независимым от ханства Кучума и проводило самостоятельную политику. Р.Г.Скрынников вообще пишет о том, что в ходе этого похода «лучших сибирских людей» возглавлял старший сын Кучума Алей (Скрынников, 1986, с.216-218). Однако, на наш взгляд, эта, казалось бы логичная версия, не находит подтверждения в источниках.

Таким образом, имеющиеся источники не подтверждают предполагаемого роста агрессивности сибирского хана в начале 1580-х гг. как возможной причины для нападения отряда Ермака. Напротив, подчеркивается, что нападения остяков и вогулов были связаны с деятельностью промышленников Строгановых, занимавшихся откровенным грабежом местного населения (Скрынников, 1986, с. 126). В наиболее явной форме это фиксируется в «опальной» грамоте Ивана IV к Строгановым в 1582 году: «и то зделалось вашею изменою: вы вогуличи и вотяков и пелынцов от нашего жалования отвели, и их задирали и войною на них приходили, да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас» (Миллер, 2005, с. 335).

Поход Ермака в 1582 году мог рассматриваться как необоснованная агрессия против независимого ханства и не укладывался в общую концепцию геополитических устремлений России, в частности, в восточное направление политики, в рамках которого с татарскими объединениями пытались искать мира и дружбы. К этому времени Москва уже достигла потенциально необходимых для целостности государства границ по Уралу и

Сибири и, как складывается впечатление, не была готова к выходу на обширные сибирские земли. В данном случае поход был инициативой конкретных людей, которые обладали значительным иммунитетом от государственной политики. Не вдаваясь в подробности самого похода и его конкретные результаты, отметим, что, на наш взгляд, именно это событие стало той гранью, которая отделила Сибирь средневековую от Сибири нового времени. Конечно, борьба Кучума и его потомков за реставрацию Сибирского ханства, а в конечном итоге за собственное выживание, продолжалась еще на протяжении столетия. Если взглянуть на эти события с их точки зрения, то Кучумовичи продолжали себя считать независимыми правителями, что подчеркивалось и в титулатуре, и в самой церемонии въезда пленных представителей этой династии в Москву, которая чрезвычайно напоминала по своей форме «имперский триумф» (Акты исторические, 1841-б, с.8 и далее). Однако обозначившийся русская доминанта и постепенный переход сибирского вопроса из сферы внешней политики во внутреннюю, говорит в пользу того, что дальнейшие события должны уже рассматриваться с иной точки зрения и в другом историческом контексте.

Само же поражение Кучума было предрешиено эволюционными особенностями Сибирского ханства, несоответствием между его внутренними возможностями и внешними запросами. Кризис ханства стал одним из звеньев постепенного расширения власти Москвы в лесостепной и степной зоне Западной Сибири. Причины поражения следует искать не в слабости сибирского войска и тем более не в нежелании оборонять якобы незаконного хана, а в том, что татары, вооруженные в контексте степных достижений, привыкли к традиционным войнам и были не готовы к иной тактике (Худяков, 2000, с.268-271; Герасимов, Шлюшинский, 2006, с.138). Не менее важным было то, что сибирские лидеры не смогли предложить единой идеологии, которая смогла бы всех сплотить, а само ханство представляло разншерстный по своим характеристикам и статусу набор улусов. Хан Кучум и его потомки были обречены в контексте начавшегося общего кризиса степной государственности под давлением расширяющихся оседлых государств. Этот процесс был закономерен для исследуемого периода, и гибель Сибирского ханства

стало одним из компонентов постепенного исчезновения феномена кочевого могущества в Евразии.

В тоже время, если говорить о значении завоевания Ермаком Сибири в целом для Российского государства, то нужно отметить, что данное событие позволило значительно повысить России свой статус на международной арене. По крайней мере, в дипломатических документах со стороны Российского государства к этому прослеживается постоянное стремление. Это проявляется, в частности, в подчеркивании факта завоевания Сибири в наказах русским дипломатам, отправляющимся за границу, причем упоминать об этом следовало настойчиво, даже если никто и не спрашивал. В наказе послу Ф.Д.Шестунову в Швецию указывалось: «А нешто спросят про Сибирь, а хотя и не спросят, а им в разговорах про Сибирь говорити...» (История, 2005, с. 182). Для посольских документов России в иностранные государства характерно изображение ситуации в Сибири, которое было очень далеко от действительности, причем практически по всем параметрам. Так в наказах послам 1585 года ситуация в Сибири описывалась следующим образом: «...преж сего на Сибирском царстве цари бывали из рук Государей наших и дань давали...» (Памятники, 1851, с. 922). Это было явным преувеличением, так как за всю вековую историю относилось фактически только к двум правителям Сибирского княжества и ханства князю Едигеру и Кучум-хану. Несоответствия имеются и по поводу покорности местного населения: «и Сибирская земля вся, и Югра, и Кондинской князь, и Пелынский князь, вогуличи и Остяки, и по всей Оби по великой реке все люди Государю добили челом и дань давать почали...» (Памятники, 1851, с. 922). Здесь налицо намеренное искажение действительности, так как при Иване III Сибирь не являлась подчиненной России.

Однако реальность середины 80-х годов XVI века состояла в том, что Сибирь не только не была покорена, но на момент обращения документов в 1584-85 годах даже русских войск в ней не было. Это, несмотря на заявление грамот о том, что в погоню за бежавшим ханом Кучумом: «ныне государь на него послал рать свою» (История, 2005, с. 182). На наш взгляд, также нет оснований говорить о мирном характере присоединения и массовых явлениях сотрудничества с рус-

скими, как это хотят показать некоторые исследователи. В сибирских летописях и в работах Г.Ф. Миллера приводятся многочисленные данные того, что отряды казаков встречали на своем пути как в Искер, так и позднее, упорное сопротивление местных жителей, правда, безрезультатное ввиду разрозненности их действий (Миллер, 2005, с. 215 и далее). В пользу этого свидетельствует и то, что после убийства Ермака и большей части его отряда русские войска вынуждены были поспешно покинуть уже «покоренную» страну. Тем самым, ситуацию в Сибири после этого можно охарактеризовать как очередной этап династийной борьбы между Тайбугидами в лице Сейдяка и Шибанидами в лице хана Кучума. Следовательно, для автохтонного населения эти события еще увязывались с предыдущими периодами развития местной государственности, то есть собственно со средневековой историей, пусть и с новым русским фактором влияния.

Примечания

Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. – Алматы, 1996.

Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. – Алма-Ата, 1985.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. 1334–1598 гг. – Т.1. – СПб., 1841-а.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т.2. – СПб., 1841-б.

Атыгаев Н.А. Хронология правления казахских ханов (XV – середина XVI в.) // Тюркологический сборник. – 2006. – М., 2007.

Бартольд В.В. 12 лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Сочинения. – Т.5. – М., 1968.

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. – Л., 1935.

Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. – Т.3. – Ч.2. – М., 1955.

Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. Западная Сибирь в XIII–XVI вв. // История Сибири. – Т.1. – Л., 1968.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – Ч.2. – СПб., 1864.

Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник. – Вып.4. – Сыктывкар, 1958.

Гваньини А. Описание Московии // <http://www.vostlit.info>.

Герасимов Ю.В., Шлюшинский А.В. Комплекс защитного вооружения татар XV–XVII веков (по материалам этнографо-археологических комплексов Прииртышья) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск–Омск, 2006.

Горский А.А. «Все еси исполнена земля русская...». Личность и ментальность русского средневековья. Очерки. – М., 2001.

Дженкинсон Э. Путешествие в Среднюю Азию // <http://www.vostlit.info>

Дополнения к актам историческим. – Т.1. – СПб., 1846.

Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV–XVI вв. Семипалатинск, 2002.

История Казахстана в русских источниках. XVI–XX вв. – Т.1. – Алматы, 2005.

Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. – Казань, 2006.

Исхаков Д.М. О титуле «сибирский князь» // X Сулеймановские чтения. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2007.

Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 году мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып.8. – Тобольск, 1897.

Катанов Н. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея). – Казань, 1904.

Катанов Н.Ф. Предание тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Тобольский хронограф. – Вып. IV. – Екатеринбург, 2004.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата, 1992.

Кульпин Э. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. – М., 2006.

Летописец русский (Московская летопись 1552–1562 гг. по рукописи, принадлежащей А.Н.Лебедеву) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. – Кн.3. – М., 1895.

Мартынова Е.П. Татарско-угорские политические связи в XIV–XVII вв. // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск–Омск, 2002.

Маслюженко Д.Н. Сибирские Шибаниды в середине XVI в.: проблемы сопоставления на раннем этапе функционирования Сибирского ханства // Сулеймановские чтения. Материалы

X Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2007.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т.1. – М.-Л., 1937.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т.1. – М., 2005.

Небольсин П. Покорение Сибири. – СПб., 1849.

Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв.: археология и история. Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1988.

Нестеров А.Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары. – Казань, 2002.

Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. – Ч.1. Введение. История дорусской Сибири. – Иркутск, 1920.

Памятники дипломатических сношений с Римской империей. – Т.1. – Ч.1. 1488–1594 гг. – СПб., 1851.

Продолжение древней российской вивлиофики. – Ч.Х. – СПб., 1795.

Продолжение древней российской вивлиофики. – Ч.XI. – СПб., 1801.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А.Мустафина, В.В.Трепавлов. – Казань, 2006.

Преображенский А.А. Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири // Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию С.Н.Валка. – М.-Л., 1964.

Преображенский А.А. Урал и западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. М., 1972.

Полное собрание русских летописей. – Т.13. Патриаршая, или Никоновская, летопись. – М., 1965.

Полное собрание русских летописей. – Т.36. Сибирские летописи. – Ч.1. Группа есиповской летописи. – М., 1987.

Ремезов С.У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. – Кн.2. – М., 1989.

Собрание государственных грамот и договоров. – Ч.2. – М., 1819.

Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск, 1986.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – СПб., 1886.

Строгановская летопись (по списку Спаского) // Сибирские летописи. – СПб., 1907.

Строгановская летопись // На стыке континентов и судеб. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. – Ч.1. – Екатеринбург, 1996.

Султанов Т.И. Поднятые на белой кошке. Потомки Чингиз-хана. – Алматы, 2001.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI-первой четверти XIX в. – Томск, 1980.

Трепавлов В.В. Сибирско-ногайские отношения в XV–XVIII вв. (основные этапы и закономерности) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Доклады II международной конференции. – Кн.2. – М.-Иркутск-Тэгу, 1997.

Трепавлов В.В. Алтыулы: остатки Ногайской Орды в казахских степях // Вестник Евразии. – 2001. – № 2.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2002.

Трепавлов В.В. Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта // X Сулеймановские чтения. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2007.

Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1982.

Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в

татарских ханствах XIII–XVI вв. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. – М., 1985.

Файзрахманов Г. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань, 2002.

Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. – М., 2003.

Худяков Ю.С. Комплекс вооружения воинов Сибирского татарского ханства // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы конференции. – Казань, 2000.

Штаден Г. Записки о Московии // <http://www.vostlit.info>

Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 г.г. – Сургут, 1993.

Юшков И.Н. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. – 1861. – № 35. – Часть неофициальная.

Gammer M. Russia and the Eurasian Steppe Nomads: an overview // Mongols, Turks and Others Eurasian Nomads and the Sedentary World / Ed. by Reuren Amitai and Michal Biran. Brill, Lteden, Boston, 2005.

Сибирское ханство Кучума царя. Некоторые вопросы государственного устройства

В 1563 г. престол Сибирского ханства занял хан Кучум, который, используя военную, политическую и экономическую поддержку Бухары, восстановил в Сибири власть шейбанидов. С этого момента и до похода Ермака (1581 г.) Кучум провел в своем государстве ряд реформ, в результате которых Сибирское ханство стало достаточно сильным государственным образованием. В данном сообщении мы коснемся некоторых вопросов его устройства.

Миграционная политика. Став ханом, Кучум вынужден был решать проблему оппозиции, и решать ее быстро. Тайбугины, несмотря на военный разгром, продолжали владеть всеми местными ресурсами, главными из которых были... люди. Для борьбы с внешними и внутренними врагами Кучуму требовались верные воины. По этой причине он был вынужден приглашать переселяться в свое государство вождей родовых подразделений Ногайской, Казахской орд. Источник этот был тем более естественным, что Кучум, если верить Ремизовской и Есиповской летописям, сам пришел «из Казахьи Орды». Казахский историк М. Абдиров пишет, что основу ханства составили казахские племена аргын, жалаир, керей, кыпшак, найман, табын, часть башкир, ханты и манси. Правда, исследователь при этом забыл собственно татар (Абдиров, 1993, с.207).

Приглашенных кочевников Кучум поселил на южных окраинах своего государства, в Ишимской и Барабинской степях, по долине р. Иртыш выше устья р. Ишим. В Среднем Прииртышье поселились аялынды, корни которых этнографы обнаружили в Башкирии (Кузеев, 1974, с.297, 379). Источники говорят о том, что численность прибывших на берега Иртыша людей была довольно значительной. По крайней мере, аялынды в несколько раз превосходили все другие группы населения Среднего Прииртышья (Буцинский, 1999, с.14-15). Для подтверждения этого исторического и этнографического факта было бы интересным сравнить известные археологические комплексы позднесредневекового населения Среднего Прииртышья, Башкирии и Южного Урала.

Вероятно, часть тайбугинской знати была «завоевана» Кучумом экономическими методами. Он обеспечил регулярное движение торговых караванов между своими землями и городами Средней Азии, позволив тайбугинам реализовывать свой торгово-экономический потенциал. Одним из следствий азиатской торговли стало расселение на территории ханства бухарцев, которые свою деятельность также ставили в зависимость от Кучума. Впоследствии в XVII в. на основе бухарских поселений были сформированы особые инородческие волости. Археологические коллекции, полученные в ходе раскопок археологических памятников XVII–XVIII вв. на р. Таре, дают нам представительный среднеазиатский комплекс – украшения, оружие, одежда. Это свидетельствует о достаточно тесных торговых связях местного населения со среднеазиатским рынком (Богомолов, 1996; Матющенко, 2003; Татауров, Тихонов, 1996).

Таким образом, в результате масштабной переселенческой политики в Сибирское ханство пришло новое население, которое быстро «растворило» непримиримую тайбугинскую оппозицию и было готово осуществлять нужную хану внешнюю и внутреннюю политику. Однако и этого показалось Кучуму мало, и он в целях укрепления своей власти начал проводить в государстве религиозную реформу. Новая религия должна была идеологически сплотить все народности и стать основой системы судебной власти в ханстве.

Организация охраны границ государства. М. Абдиров пишет: «Территория Сибирского ханства в это время напоминала огромный треугольник, один конец которого находился на Тоболе, другой – на Иртыше, а вершина упиралась в низовья Оби. Уральские горы служили естественной границей между Сибирским ханством и Московской Русью. На юге, в верховьях рек Орь, Тобол, Есиль (Ишим) оно граничило с Ногайской Ордой и Казахским ханством, а в верховьях Иртыша – с калмыками (хотя границы эти между кочевыми народами были весьма условны)» (Абдиров, 1993, с.207). Нам же известно, что

Кучум взял под свой контроль и таежное правобережье р. Иртыш вплоть до Васюганских болот.

Наиболее опасными для ханства были западная (с Российским государством) и юго-восточная (с калмыками) границы. Вероятно, для обороны последней Кучум осуществил строительство ряда городищ в ключевых местах у оз. Чаны (городища Чиняиха, Тюменка), на р. Омь (городище Большой Чуланкуль I). Еще В.И. Соболев предполагал, что в Прииртышье кочевые племена не решались проникать из-за того, что на «порубежных землях могли существовать пограничные городки, которые «прикрывали» границы ханства» (Соболев, 1994). Фортификация и планиграфия означенных городищ наводит на мысль, что они представляли небольшие укрепленные пункты (форпосты), ничем не отличавшиеся от первых русских острогов в Сибири.

На северо-восточной границе Сибирского ханства, в среднем течении правых притоков р. Иртыш, на землях остяков (ханты), также функционировали пограничные форпосты. Так, на р. Тара в Омской области нами исследовано городище Надеждинка VII (Татауров, 2005, с.210-212.), на р. Уй в той же области частично изучено городище Кошкуль IV (Матвеев, Трофимов, 2006, с.69-86). Здесь в условиях тайги оптимальным продолжал оставаться мысовой тип городищ.

Южную и юго-западную границы государства охраняли вновь пришедшие сюда кочевники Ногайской и Казачьей орд. Не совсем ясным остается вопрос укрепления Кучумом западной границы. Может быть так, что новых городков здесь построено не было, поскольку еще в Тюменском княжестве тайбугидов здесь существовала разветвленная сеть укрепленных населенных пунктов. Однако Ремезовская летопись утверждает, что Кучум «подати с разных народов низовских народов взял, и города свои понастроил в различных местах, владея родственными ему племенами». Многие городки и города Сибирского ханства упоминаются в сибирских летописях, но до настоящего времени не обнаружены.

Административно-территориальное устройство государства. Нам неизвестно, осуществлял ли Кучум на территории государства административную реформу, или только воспользовался оставшейся от тайбугинов административной структурой, придав ей

новое содержание. На основании анализа письменных и археологических источников нам представляется следующее административное устройство Сибирского ханства. Вся территория государства была разбита на крупные административно-территориальные единицы – улусы. Они делились на более мелкие административные образования – юрты. Применительно к Среднему Прииртышью внутренняя структура улусов была схожей. Каждый улус объединял население, проживавшее в населенных пунктах – юртах, на одном из крупных притоков р. Иртыш (например, на р. Шиш, Уй, Тара, Омь). Административный центр каждого из этих улусов, в котором жил есаул, располагался на Иртыше, недалеко от устья одного из вышеобозначенных притоков. Такое расположение было удобно тем, что все административные центры оказались связанными между собой, проходившими по Иртышу, путями сообщения. Эта ситуация позволяла хану оперативно реагировать на события в регионе: контролировать передвижение торговых караванов, перебрасывать военные отряды, передавать сообщения и т.д. О том, что между административными центрами было налажено сообщение для передачи новостей рассказывает тот факт, что при движении Ермака от Ташеткан (устье р. Уй) к Шиш-тамаку (устье р. Шиш) казаки не встретили ни одного татарского поселения, но, тем не менее, татары знали о подходе атамана и встретили его подарками (Миллер, 1999, с.256).

Исследования авторов на рр. Тара и Уй позволили понять принцип пространственной организации улусов. Так, в улусе, объединившем все юрты, расположенные вдоль р. Тара, административным центром были юрты Тар-Тамак, расположенные на р. Иртыш, недалеко от устья р. Тара. В среднем течении р. Тара и на ее на крупных притоках располагались поселения, а на границе улуса вверх по р. Тара стоял Тунуский городок. Точно такая же ситуация повторяется на р. Уй. Административный центр – на Иртыше – юрты Алметевы, несколько поселений вверх по реке и городок (городище Кошкуль IV) на восточной границе.

Важной особенностью административных центров некоторых улусов было отсутствие у них фортификационных сооружений. Такими, например, были юрты Шиш-тамакские, расположенные на берегу р. Иртыш у впадения в него справа р. Шиш, которые в 1584 г. посетили Ермак (Миллер, 1999, с.256). В

результате проведенного археологического обследования выяснилось, что юрты занимали территорию площадью несколько квадратных километров. Правда следует оговориться, что это поселение представляло собой несколько обособленных комплексов, расположенных довольно далеко (100-150 м) друг от друга. Сейчас они фиксируются в виде небольших возвышений, на которых мощность культурного слоя составляет 1-1,5 м. На расстоянии в 2-3 км от поселения вниз по Иртышу находятся два кладбища (мазарата), еще один – в урочище Могильное (в 1,5 км к северо-западу от поселения). А на другом берегу Иртыша, по сведениям местного населения, находилось место для почетных захоронений вождей и военных людей. Во время обработки земли жители современной деревни постоянно находят фрагменты керамики, изделия из кости и металла. Никаких укреплений, вокруг этого большого по площади поселения не зафиксировано (Татауров, Татауров, 2006, с. 136).

Другим примером незащищенного в военном смысле административного центра является, располагавшийся недалеко от устья р. Туй, городок Ташаткан. Его Г.Ф. Миллер связывал с находящимися на оз. Кулачок зимними юртами Ташаткан-аула. Здесь также нами не были обнаружены остатки каких-либо укреплений.

Таким образом, часто упоминаемый в русских летописях термин «городок» на наш взгляд подчеркивает не столько военную составляющую этого комплекса, сколько его административную значимость, как место проживания главы улуса.

Военная реформа. Борьбу с оппозицией Кучум мог вести только с опорой на мощные военные силы. Первоначально их основу составили «многие воинские люди»* с которыми он пришел «из Казачьи орды». Они стали наиболее организованной боевой единицей военных сил государства, которая подчинялась лично Кучуму, а затем Маметкулу и Алею. Это были регулярные конные боевые соединения. Впоследствии в эти части органично влились военные отряды казахов, ногаев, башкир-аялынцева, пришедших на южные окраины Сибирского ханства.

По мере упрочения власти, прихода кочевников и присоединения новых территорий в

Барабе и на Нижней Оби Кучум увеличивал численность своих военных сил. Население государства было обложено воинской повинностью, согласно которой каждая административная единица – татарская, хантыйская, мансийская – обязана была выделять некоторое количество вооруженных воинов. Таким образом, в Сибирском ханстве была создана иррегулярная армия. Система ее мобилизации была достаточно эффективной. Есиповская летопись сообщает, что когда Кучум узнал о продвижении по его территории отряда Ермака, то быстро послал вестников «во всю свою державу, дабы ехали к нему воинстии люди во град Сибирь и против русских воин ополчились. В мале же времени собрашася к нему множество тотар, и остяков, и вогулич, и прочая языцы, иже под его властью».

Кучум постоянно держал свою армию в боевом режиме. Регулярные военные соединения Кучума присоединили к государству земли барабинских татар, хантов, манси, а затем совершили несколько походов на Урал и в пермские земли. Так в 1573 г. под руководством Маметкула был совершен набег на пермские земли, разграблены чувовские волости и перебито посольство Третьяка Чубукова к казахскому Хакк-Назар хану. В конце 1570-х – начале 1580-х гг. Маметкулом и сыном Кучума Али было совершено несколько походов на пермские земли. По некоторым данным, численность участвовавших в походе воинов составляла около 700 человек (Похлебкин, 2000).

Возможно, в мирное время регулярные части войск Сибирского ханства были расквартированы по городам, военно-административным центрам. Здесь они могли выполнять военно-полицейские функции, осуществлять обучение местных иррегулярных отрядов. В пограничных городках они являлись основой гарнизонов.

Суммируя все вышеперечисленные факты можно предполагать, что Кучум к началу 1580-х гг. обладал достаточно большой для данного региона профессиональной армией. Поставку лошадей для нее, вероятно, осуществляли кочевые роды на южных границах Сибирского ханства. Иррегулярные части снабжались за счет улусного населения. Так, например, на юртах Шиш-тамакских фиксируются значительные напластования культурного слоя, значительную часть мощности которого составляет конский навоз. Лошадь играла важную роль и в рационе питания во время

* Здесь и далее в кавычках выдержки из Ремезовской летописи по открытому Интернет источнику <http://www.mmedia.nsu.ru/remezov/vbook/obj8/title.htm>.

военных походов и при службе на удаленных от поселений форпостах. В пользу последнего утверждения говорят данные остеологических исследований, проведенных П.А. Косинцевым с коллекциями городищ Кошкуль IV, Надеждинка VII.

Вооружение военных соединений Сибирского ханства осуществлялось из трех источников. Раскопки археологических памятников XV–XVII вв. на территории Западной Сибири дали весьма представительные коллекции оружия среднеазиатского, русского и местного происхождения.

Наиболее высокий статус имело среднеазиатское оружие, которое поступало от торговых бухарцев. По количеству находок этот комплекс вооружения не так велик. Однако именно эти предметы занимали особое место в погребальном обряде сибирских татар XV–XVII вв. В Тарском Прииртышье достаточно хорошо исследовано два могильника интересующего нас времени Окунево VII (раскопки В.И. Матющенко) и Бергамак II (раскопки С.С. Тихонова). На обоих памятниках выделяются захоронения с полным набором вооружения. Например, в могиле № 267 на могильнике Окунево VII, погребальный инвентарь был представлен колчанным набором, деталями конской упряжи, кинжалом и панцирем, уложенным на дно могилы в развернутом состоянии (Матющенко, 2003). Особый интерес в этом комплексе представляет панцирь, который Ю.С. Худяков и Л.А. Бобров отнесли к среднеазиатским куякам (Бобров, Худяков, 2002, с.106-168; 1998, с.99-102). Среди другого оружия следует отметить ножи и кинжалы, орнамент на бронзовых обоямах которых свидетельствует об их среднеазиатском происхождении, например нож из могилы 13 могильника Бергамак II (Татауров, Тихонов, 1996, с.58-83).

Другим источником поступления оружия сибирским татарам была Восточная Европа. Русское оружие появилось в Западной Сибири еще до похода Ермака. Оно поступало в результате политических и торговых отношений с Казанским ханством, походов татар на Урал и в Предуралье. По количеству находок среди русского оружия на первом месте стоят ножи, которые можно разделить на два типа. Первый – большие тесаки с полулунным лезвием (самые распространенные на русских поселениях). Второй – длинные узкие ножи с коленом на спинке и небольшим искривлением вниз. На следующем месте по количеству

находок стоят топоры. Так, на могильнике сибирских татар XVI–XVIII вв. Бергамак II были найдены проушные, плоскообушные топоры, которые по мнению Н.М. Зинякова имеют русское происхождение (Зиняков, 2002).

Определенный комплекс вооружения жители Сибирского ханства изготавливали сами. К нему следует отнести ножи самых различных форм и наконечники стрел (особенно костяные). Следует оговориться, что эти предметы, как правило, использовались в повседневной жизни и только в случае военных действий применялись в качестве оружия. Но наличие их в захоронениях вместе с другим оружием позволяет нам относить их к вооружению.

Создание государственной сети путей сообщения. Обязательным условием существования любого государственного образования является наличие системы дорог и государственного дорожного строительства. Кучум не стал менять место расположение столицы и использовал имеющуюся сеть дорог. Однако вместе с расширением территории государства расширилась и сеть государственных дорог. Они появились на севере в таежном Прииртышье и Нижнем Приобье, на юго-востоке в Барабинской степи, на юго-западе – в Южноуральских степях.

Дороги должны были соединять периферийные области с центром ханства независимо от удаленности и неблагоприятного расположения естественных преград. Передвижение по дорогам должно было осуществляться на протяжении большей части года. Дороги должны были быть выделены на местности, иметь путевые указатели на пересечениях; средства для переправ через крупные реки, государственные постоялые дворы в городах Чимги-Тура, Явлу-Тура, Искер, Кызыл-Тура, Тон-Тура, Бацик-тура, Чувашский град, Абалак град и др. Все стратегические транспортные узлы должны были обладать военно-охранными сооружениями. Сеть дорог должна была обеспечить быструю переброску войск на любую границу государства, провоз ясака, движение торговых караванов. Все это неизбежно должно было существовать в Сибирском ханстве.

Внимательное прочтение русских летописей и других документов XVI–XVII вв. позволяет нам определенно говорить о наличии на территории Сибирского ханства

устойчивых сухопутных путей, которые функционировали и летом, и зимой.

В 1569 г. «Сибирские люди взяли трёх Пермяков, Ивашка Поздеева с товарищи, и был Ивашко у царя в Сибири дён с десять, и отпустил его на подводах до Перми... (Красинский, 1943, с.91).

Ремезовская летопись сообщает, что «Кутугай, ехавший санным путем, по дороге сообщал во всех кучумовых городах, что гость знаменитый и доблестный прибыл...». Та же Ремезовская летопись содержит сведения о том, что в августе 1581 г., после захвата отрядом Ермака города Карачина, «Кучум же и басурманы от великого ужаса по всем дорогам расставили неисчетные караулы, чтобы никто из казаков даже птицей мимо не пролетел... Но увидев на дороге передовую казачью заставу, крылатых воинов, испугались их...».

Казаки Ермака пользовались для передвижения не только водными путями. Так, все в той же Ремезовской летописи написано, что «Казаки же, смело ездившие по татарским поселениям и по промыслам, ничего не боялись. Как-то двадцать казаков, ехавших на Абалацкое озеро для ловли рыбы в 5 день ноября и заснувшие без стражи, были убиты ночью царевичем Маметкулом. Но один прибежал, сообщил Ермаку, как те перебиты. Ермак же с дружиною погнался немедленно по следам Маметкула и настиг его в урочище Шаншинском».

В.С. Синяев в своей известной публикации «Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году» писал: «Идя по следам Кучума, Воейков мог, в основном, быстро двигаться по сравнительно прямым, уже наезженным дорогам» (Синяев, 1951, с.150).

Таким образом, источники говорят о наличии такого элемента путей сообщения, как проезжая часть. 13 августа 1959 г. на территории Усть-Ишимского района омские историки и краеведы А.Ф. Палашенков и С.Р.Лаптев на основании этнографических данных обнаружили «Кучумову тропу», расположенную между выселком Курья Усть-Ишимского района Омской области и юртами Абаульскими Дубровного района Тюменской области. Тропа шириной до 2 м проходит по Уватскому болоту (Палашенков, 1980, с.100).

Другим элементом дорог были дорожные искусственные сооружения (мосты, гати, перевозки, указатели). Пока у нас есть лишь сведения о системе организованных через р. Иртыш переправ. В 1596 г. с Тары был послан Илья Беклимешев с отрядом служилых людей «вверх Иртыша по перевозы в судех» для наблюдения за движением Кучумовичей. «А от нового города от Тары до Отчаира перевозу ходу в судех 16 ден, – говорится в воеводской отписке по этому поводу, а от Чаиры перевозу велели посылати по перевозам вверх по Иртышу до Окмаса перевозу а на низ по Иртышу до Оми и Каратура перевозу, а до Откмаса перевозу от нового города от Тары ходу в судех 20 ден» (Материалы, 1933, с.297).

Главным же доказательством существования сети дорог на территории Сибирского ханства являются картографические источники С.У. Ремезова конца XVII – начала XVIII в.: «Хорографическая чертежная книга Сибири», «Чертежная книга Сибири», чертеж «Степь, оттуду приход бывает под слободы воинских людей на три дороги», «Чертеж всех с камней потоки рек имени наличия, снискательно бывалцы и уроженцы» из «Служебной чертежной книги» и др. Именно эти чертежи, показывая систему дорог Русского государства в Западной Сибири, на самом деле отражают пути сообщения Сибирского ханства (Матвеев, 2003). Поскольку известно, что Россия смогла заняться постройкой новых дорог в Тоболо-Иртышском междуречье и Барабе лишь в 1730–1750-е гг. (Матвеев, 2005).

Таким образом, на основании археологических раскопок, анализа письменных источников, литературы можно утверждать, что Кучум хан в 1563 – 1581 г. создал на территории Западной Сибири стройное и управляемое государственное образование. Археологические исследования, проведенные в конце XX – начале XXI в. позволяют достаточно точно определить границы Сибирского ханства, проследить его внутреннее административное деление, воссоздать судьбу первых городов Сибири. Вместе с тем до настоящего времени археологические материалы не позволяют выявить государственную символику Сибирского ханства. Нам пока неизвестны атрибуты власти служилой знати, социопоказательные признаки военных, денежная система и т.д.

Примечания

Абдиров М. Хан Кучум // Простор. – 1993. – №9. – С.207-223.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего средневековья // Военное дело nomadов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. – С.106-168.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Реконструкция комплекса вооружения позднесредневекового сибирского татарского воина // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1998. – С.99-102.

Богомолов В.Б. Ткани XVII в. тюркского населения бассейна р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т.1: Культура Тарских татар. – Новосибирск, 1996. – С.112-117.

Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах: Т. 1. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Тюмень, 1999.

Зиняков Н.М. Технологические традиции древнерусских кузнецов в свете металлографических исследований археологических материалов Сибири XVI–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2002. С.275-289.

Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный // Вопросы истории. – 1947. – № 3. – С.80-99.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – М., 1974.

Матвеев А.В. Изменение сети сухопутных коммуникаций Омского Прииртышья во второй трети XVIII – начале XIX в. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск: ОГИК музей, 2005. – Т. 11. – С.179-190.

Матвеев А.В. Яворская Л.Я. Территория современной Омской области на листах «Хорографической чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова 1697–1711 гг. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск: ОГИК музей, 2003. – Т.10. – С.147-162.

Матвеев А.В., Трофимов Ю.В. Исследования городища позднего средневековья Кошкуль IV в Тарском Прииртышье в 2003 – 2004 гг. // Труды по археологии и этнографии ОГИК музея. – Омск: ОГИК-музей, 2006. – С.69 – 86.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. – Ч. 1. – М., 1933.

Матющенко В.И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево [ОМ VII] // Новое в археологии Прииртышья. – Вып. 3. – Омск, 2003.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т.1. – М., 1999.

Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Археология Прииртышья. – Томск, 1980. – С.100-147.

Синяев В.С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году // Вопросы географии Сибири. – 1951. – №2. – С.141-156.

Соболев В.И. История Сибирских ханств: Дисс. ... д.и.н. – Новосибирск, 1994.

Татауров С.Ф. Тунус – последний городок Сибирского ханства // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 2005. – С.210 – 212.

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Из истории поселка Усть-Шиш // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VI Междунар. Науч.-практ.конф. 30-31 марта 2006 г. В 3 ч. – Ч.1. – Омск, 2006. – С.135-139.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Могильник Бергамак II // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т.1: Культура Тарских татар. – Новосибирск, 1996. – С.58-84.

<http://www.spsl.nsc.ru/history/descr/sibir.htm>. по В.В. Похлебкин. Татары и Русь. 360 лет отношений в 1238–1598 гг. – М., 2000.

Поздnezолотоордынские ханства: к определению верхней даты существования золотордынского государства

Политическая история средневековых тюрко-татарских государств еще ждет новых исследований, также и новых концептуальных подходов, переосмысления оценок предыдущих ученых, преодоления идеологических штампов.

Распад Золотой Орды¹ и образование новых государств происходили больше века. Наследие Улуса Джучи было общим для всех татарских ханств, отчасти казахских жузов и шейбанидов Средней Азии и в некоторой степени для русских княжеств.

Необратимый распад начался после разгрома и систематического разрушения Аксак Тимуrom экономических центров Золотой Орды в 1395–1396 годах. А дальнейший упадок городов, торговли и в целом культурной и экономической жизни был связан с тем, что основные трассы торговых путей переместились на юг – в Среднюю Азию и Иран – на территорию империи Тимуридов. Во второй половине XV века Османская империя расширила свои владения на Балканах и блокировала венецианцам и генуэзцам торговлю в Черном море, ограничив тем самым, основных участников черноморской торговли.

Золотая Орда напрягла все свои возможности и пыталась вернуть былую мощь. Во времена Шадибек-хана татары смогли восстановить территориальную целостность своего государства. Многие города частично были восстановлены, но людские потери после нашествия Тимура и страшного голода 1395–1398 годов, который был вызван грабежом и тотальным уничтожением населения армией Тимура и страшной чумой, пик которого приходится на 1405 год, а также переселения в другие страны большого количества татар, не позволили относительно быстро стабилизировать ситуацию.

После ухода Аксак Тимура, на территории Золотой Орды образовались две основные

политические группы, между которыми началась жестокая борьба за власть. Пока еще не одна из сторон не пыталась образовать отдельное государство. Наоборот, каждая партия татарских феодалов делала все для того, чтобы сохранить целостность страны. Первую партию возглавил Идегей с представителями ордуидов, а во второй находились сторонники Токтамыша во главе с тукаимуридами, которые придерживались идеологию возрождения мощного централизованного государства с сильной властью хана.

Борьба татарских феодалов в начале XV века затянулась. Если бы одна из сторон смогла утвердиться на всей территории Золотой Орды, то последующего распада основной территории возможно и не было бы. Именно борьба непримиримых группировок способствовала созданию независимых государственных объединений на территории Улуса Джучи. Государство начало распадаться на отдельные части со своими местными центрами.

Уже к середине XV века в нескольких больших улусах утвердились свои правители. В 30–60-х гг. XV века на восточных территориях Улуса Джучи – Кок Орды и части бывшего Улуса Чагатай – начали формироваться Узбекское и Казахское ханства. В центральных территориях также утвердились политические центры: это – Казань, Крым, Западная Сибирь и Астрахань.

Из всех татарских ханств того периода Большая Орда² до конца своего существования

¹ В данный период для определения политической ситуации больше подходит термин «раздробленность».

² Большая Орда – Улуг Урда, Улуг Улус, Урдаи Муаззам, все эти названия золотоордынского государства. Термин Большая Орда взят из русских летописей и является калькой с татарского названия Улуг Урда. Государство, его столица и центр продолжали существовать и в XV веке. В отличие от других татарских ханств Большая Орда не была вновь созданным государством, она существовала как продолжение Золотой Орды. Улуг Урда – это название Улуса Джучи в целом, а центр государства – Золотая Орда, самими татарами именовалось «Тахт Эли» – т.е. Тронное или Престольное владычество.

хранила традиции еще недавно могущественной Золотой Орды. По сути, Большая Орда – Улуг Улус и являлась золотоордынским государством, а другие ханства отделялись от нее. К 40-м годам XV века за Большой Ордой остались только земли между Волгой и Днепром. Причина, по которой в Золотой Орде процесс распада стал необратим, лежит и в династических вопросах. Тукатимуриды, контролировавшие западные и центральные районы страны, укрепились на окраинах, а именно – в Крыму и в Среднем Поволжье, ордуиды – в центральных районах (в Большой Орде), потомки Идегея – в Мангытском юрте³.

После прекращения смуты 60-70-х гг. XIV века тукатимуриды смогли добиться для себя главной роли среди правящей династии джучидов. Однако ордуиды тоже предъявляли свои права на престол. Кичи-Мухаммед был потомком Тимур-Кутлука, человека непопулярного из-за того, что именно он вместе с Идегеем привел в страну Аксак Тимура. Поэтому тукатимуриды не признавая его власть, постепенно создавали государственные образования в Крыму и в Среднем Поволжье. Можно утверждать, что приход Кичи-Мухаммеда к власти обострил династийные противоречия среди джучидов и привел к образованию татарских ханств. Этот процесс разворачивался постепенно в начале никто не помышлял о создании новых государств.

Захватившие власть ордуиды во главе с Кичи-Мухаммедом продолжили политику тукатимуридов и пытались также восстановить территориальную целостность Золотой Орды. Самым активным правителем был Ахмат, ставший ханом в 1460 году. Он начал свое царствование, отправив посольства к другим татарским ханам и князю московскому с требованием покорности. Ахмат считал себя правителем всех татар (Сафаргалиев, 1996,

с.516-517). Программа Ахмат-хана состояла из двух главных пунктов: восстановление золотоордынского государства в прежних ее границах и возвращение в активную международную жизнь. Для достижения этих целей он предпринял активные военно-политические действия против формирующихся татарских ханств и русского улуса. Но против него создаются Крымско-Московская и Ногайско-Сибирская коалиции.

После событий 1480–1481 годов, которые известны как «стояние на реке Угре», считается, что Москве удалось получить независимость от татарской власти. Но критерии этой независимости нужно пересмотреть, так как Крым, Казань и Астрахань, как наследники Золотой Орды, еще продолжали получать выход и в XVI веке (Духовных и договорных грамоты, 1950, с.362). Примечательно, что Крымское ханство до конца XVIII века считало «русские» территории Московии и Великого княжества Литовского своей вотчиной. После 1480 года татарская власть над Москвой не закончилась, просто Москва вместо Большой Орды продолжала платить дань нескольким татарским ханствам. О полной независимости можно говорить только с середины XVI века. Крымскому же ханству Москва платила дань до 1700 года (Хорошкевич, 2001, с. 183).

После «стояния на реке Угре» Ахмат отступил и вернулся в Сарай, но ему уже не суждено было продолжить борьбу. Согласно русским летописям, вскоре на него напали ногайцы (ПСРЛ, т.XII, с.202; т.XX, с.346) в союзе с тюменским ханом Саид-Ибрагимом (ПСРЛ, т.XXXVII, с.95). Поскольку люди Ахмата не ожидали нападения, у них не осталось времени для организации сопротивления.

После гибели Ахмата его сыновья и племянники начали борьбу за власть, что еще больше усилило разобщенность в Большой Орде и заметно ее ослабило. После окончательного разрушения Сарая столицей Большой Орды с 1481 года становится Хаджи-Тархан⁴. Борьба между потомками Махмуда⁵ и Ахмата

ние. Так как тут после Улуг Мухаммеда власть захватил представитель другой ветви династии джучидов – ордуид Кичи-Мухаммед, а тукатимуриды, не признавая эту власть, начали укрепляться в Крыму и в Казани, с этого времени историю Золотой Орды заканчивают и начинают рассматривать историю Большой Орды. Но на самом деле государство еще продолжает существовать.

³ Окончательно Мангытский юрт (Ногайская Орда) обособилась в самостоятельное государственное объединение к середине XV в., усилившись при сыне Идегея Нураддине (1426–1440). Столица Мангытского юрта Сарайчик находилась в низовьях Яика.

⁴ Хаджи Тархан был одним из старинных золотоордынских городов.

⁵ В 1465 году на Дону Хаджи Гирей разгромил войска Махмуда. После этого Махмуд уступил трон брату своему Ахмату, а сам начал жить в Хаджи-Тархане, но не в качестве хана. Вопрос о его дальнейшей должности в историографии не решен, получается, что он был как улусбек, но, так как он был джучидом и, кроме того, бывшим ханом,

за верховную власть, конечно же, не способствовала продолжению осуществления программы хана Ахмата. Тем не менее, независимая Большая Орда просуществовала до завоевания основной части ее территории крымским ханом Менгли-Гиреем и войсками Ногайской Орды в мае 1502 года. После этого события она потеряла свои земли на западе и контролировало только Нижнее Поволжье, трансформировавшись в так называемое Астраханское ханство (Зайцев, 2002, с.57)⁶. Здесь название «Астраханское ханство» не должно нас дезориентировать, если бы в 1480 году город Сарай окончательно не был бы разрушен, то это ханство, называлось бы Сарайским ханством или же Улуг Улусом.

Датой прекращения существования Большой Орды можно принять 1502 год. Но вопрос этим не закрывается, так как, по крайней мере, два момента позволяют говорить о продолжении существования «Тахт эли» и в XVI веке. Во-первых, большеордынская династия ордуидов продолжает править в Астрахани. Во-вторых, после 1502 года Крымское ханство стала себя именовать Большой Ордой, тем самым, заявляя, что среди татарских ханств именно оно является продолжением Золотой Орды⁷.

Но вместе с тем, как бы Гирей не старались возвеличить себя, они правили ханством, которое отделилось от Улуса Джучи. Хотя после 1502 года Астрахань и находилась в зависимости от Крымского ханства, в последующем при активном вмешательстве ногайцев, все же вернее будет считать именно Астраханское государство продолжением Большой и Золотой Орды, тем более, что в будущем Крымское ханство продолжила свою

политику в фарватере Османского государства⁸.

Вопрос здесь усложняется еще и тем, что нам не известно, претендовало ли Астраханское ханство на статус «Тахт эли» — главного государства среди других татарских ханств. Но нужно учесть, что, во-первых, остальные татарские ханства уже окончательно оформились в независимые государства, во-вторых, они были намного сильнее его. В-третьих, само Астраханское ханство до конца своего существования находилось в зависимости от Крымского ханства и Ногайской Орды.

Казанское ханство было создано последним ханом Золотой Орды из династии тука-тимуридов. Поэтому оно также должно рассматриваться на одном уровне с Астраханским и Крымским ханствами как прямой наследник Золотой Орды. Но все же, если джучидскую династию рассматривать как единую, то вернее будет полагать, что прямым продолжением золотоордынского государства все-таки было именно Астраханское ханство.

А вот Ногайскую Орду можно рассматривать как что-то среднее между татарскими ханствами и Узбекским и Казахским ханствами. В Ногайской Орде правили потомки Идегея, которые не имели отношения к джучидам. После того, как Казахское ханство захватило основную ее территорию, она, конечно же, стала ближе к татарским ханствам. Ногайцы приняли непосредственное участие в этногенезе всех групп татар. Также и Сибирское ханство имело больше связей со Средней Азией, где правили их родственники — шейбаниды.

Итак, прямым продолжением золотоордынского государства была Большая Орда и ее историю нужно рассматривать как часть собственно золотоордынской истории, определяя верхнюю дату его существования 1502 годом. Прямым продолжением Золотой Орды был и Улуг Улус со столицей в Хаджи-Тархане, т.е. Астраханское ханство. Прямыми продолжателями золотоордынского государства, но уже с другой династией были Казанское и Крымское ханства. Особняком стояли, но вместе с тем являлись наследниками Золотой Орды Сибирское ханство и Ногайская

уместно, наверное, здесь применить к нему термин калга (соправитель?). Обсуждая этот вопрос с Д.М. Исхаковым, мы пришли именно к такому выводу.

⁶ Историографию образования Астраханского ханства см. в книге: Зайцев И.В. Астраханское ханство. 2-е изд., испр. — М.: Вост. лит., 2006. — С.31-35.

⁷ Присуждение короны других государств было своеобразным предъявлением права на наследие завоеванного государства. В данном случае для Крыма было важно показать свое прямое продолжение от золотоордынского государства. Например, Московское государство после захвата татарских государств, включала в официальное название своего государства названия завоеванных татарских ханств следуя именно такой логике.

⁸ В конце XV века Менгли Гирей окончательно покончил с зависимостью Крыма от Золотой Орды (Большой Орды). С 1478 года Крымское ханство официально стало вассалом Османской империи и сохранилось в этом качестве до 1774 года.

Орда. В Средней Азии с участием золотоордынцев, но с основным населением Чагатайского улуса были образованы Узбекское и Казахское ханства. Историю этих последних двух государственных образований нужно начинать именно с XV в. и принимать их как вновь образованные ханства. Во-первых, в их образовании участвовало население бывшего Чагатайского Улуса, во-вторых, они были образованы на территории Кок Орды, некоего самостоятельного государственного образования в составе Улуса Джучи. А расширение Казахского ханства в западном направлении на земли Ногайской Орды произошло уже после его образования.

Примечания

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Зайцев И.В. Образование Астраханского ханства // Тюркологический сборник. – М. 2002. С.32-62.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. 2-е изд., испр. – М.: Вост. лит., 2006.

ПСРЛ. – Т.XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – М.: Языки славянских культур, 2000.

ПСРЛ. – Т.XX. Львовская летопись. – М.: Языки славянских культур, 2005.

ПСРЛ. – Т.XXXVII. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. – Л.: Наука, 1982.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). – М.: Инсан, 1996. – С. 277-526.

Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Об одном списке «Дафтар-и Чингиз-наме»

В Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета хранится рукопись, содержащая списки двух ценных источников по истории Улуса Джучи и Волго-Уральского региона. Речь идет о манускрипте под шифром 40т. Большую часть рукописи (лл. 1а–69а) занимает список сочинения касимовского автора Кадыр-Али-бека, условно именуемый в литературе «Сборником летописей» (сост. в 1602 г.). На лл. 70а–79б рукописи находится список татарской хроники конца XVII в. «Дафтар-и Чингиз-наме»¹. Составление манускрипта закончено в 1732 г. Учитывая, что «Дафтар» был составлен не ранее последней четверти XVII в., перед нами один из старейших известных на сегодня списков этого историко-литературного памятника.

Впервые в историографии об этом списке «Дафтар» написал Али Рахим, давший подробное описание рукописи, в составе которой находится названный источник (Рахим, 1927, с.144–146). Этот же список привлекали в своих исследованиях М.Г.Сафаргалиев, М.А.Усманов, И.Г.Галаяутдинов (Сафаргалиев, 1996, с.392; Усманов, 1972, с.102 и сл.; Галаяутдинов, 1981, с.27–28.). Однако самостоятельного значения данному варианту «Дафтар» в науке пока не придавалось. По-видимому, его значимость заслонялась, с одной стороны, находящимся в той же рукописи списком не менее ценного источника – «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека, с другой – наличием более полных списков «Дафтар-и Чингиз-наме». Между тем, несмотря на свою неполноту, а местами и путаность, этот список «Дафтар-и Чингиз-наме» заслуживает самого пристального внимания исследователей, поскольку содержит отрывки ряда малоизвестных и неизвестных сказаний, относящихся к истории Улуса Джучи. По содержанию и композиции данный список довольно существенно отлича-

ется от других списков «Дафтар-и Чингиз-наме».

Исследуемый нами список разделен на две неравные части.

1. Рассказ о Чингиз-хане;
2. Рассказ о роде Аксак Тимура.

Рассказ о Чингиз-хане, в свою очередь, содержит в себе неполные тексты, отрывки или фрагменты около десятка повестей-дастанов. С большей или меньшей уверенностью в первой части мы выделили 8 дастанов. Лишь три из них имеют заголовки, два заголовков не имеют, фрагменты еще трех в тексте можно выделить лишь по содержанию.

В начале списка (л. 70а) стоит заголовок: «Дафтар-и² Чингиз-наме». Возможно, он является как названием сочинения в целом, так и заголовком первой части и первого дастана. После этого заголовка следует история о происхождении Чингиз-хана (лл. 70а–77б), в других списках «Дафтар» именуемая «Главой повести о роде Чингиза» (Фасл-и дастан-и насл-и Чингиз) (Усманов, 1972, с.106–109; Ivanics M., Usmanov M.A., 2002, с.31–62). Текст начинается с рассказа о происхождении мифической прабабушки Чингиз-хана Гулямалык-Куркли и обрывается на сюжете о том, как уйшин Майкы-бий испросил у Чингиза позволения сесть рядом с ним в телегу, чтобы подгонять впрягшихся в нее других биев. Помимо этого, следует отметить, что в настоящем тексте имеются некоторые не лишённые интереса отличия от более распространенного варианта «Дафтар». Среди них:

– Вместо этнопонима «Калмак» (Ivanics, Usmanov, 2002, с.37–39) использован этнопоним «Монгол» (ОРРК, ед. хр. 40т, л.72а).

– Один из братьев Чингиз-хана Кагынджар назван родоначальником рода-племени (*уруг* или *халк*) Катаган (ОРРК, ед. хр. 40т, л. 72б), а не Хатай-Хытай, как в других списках «Дафтар» (Ivanics, Usmanov, 2002, с.38).

– Упомянут «золотой трон» (*алтын тәхет*), установленный на телеге, куда был усажен Чингиз-хан, призванный на ханство биями (ОРРК, ед. хр. 40т, л. 77б).

¹ М.А.Усманов в своем исследовании, посвященном татарским историческим источникам XVII–XVIII вв., к собственно «Дафтар» относит лл. 70–77 этой рукописи (Усманов, 1972, с.102).

² Слово «дафтар» написано дважды.

Что касается второй части списка – рассказа о роде Аксак Тимура, озаглавленного как «*Мир Тимур населлэре болардыр*», то он состоит всего из 3-4 коротких предложений и обрывается.

Сюжеты ряда дастанов, входящих в этот список «Дафтар», тесно перекликаются с некоторыми эпизодами таких источников «шибанидского круга», как «Тарих-и Дост-султан» Утемиш-хаджи (1550)³, «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази (закончено в 1665 г.) и, отчасти, сведениями анонимной хроники «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (1502–1504).

Приведем несколько примеров. В опубликованном ташкентском списке «Тарих-и Дост-султан» Утемиш-хаджи про Бердибека б. Джанибека сказано следующее: *Аңа «Күкин кутән хан» тирләр* 'Его (т.е. Бердибека) называют «Кукин кутән хан»' (Утемиш-хаджи, 1992, табл. XXX, предпосл. строка). Публикатор и переводчик этого списка В.П.Юдин слово *кукин* (کوکین) читал как *кәркин* (کرکین) и указанное словосочетание-прозвище Бердибека оставил без перевода (Утемиш-хаджи, 1992, с.108, 135). В разбираемом же списке «Дафтар» содержится похожая фраза: *Бирде хан «Күкин йуй-ган кутән хан» диделәр* (ОРПК, ед. хр. 40т, л.77б). В ней, как нам кажется, отражено действительное прозвище хана, а именно: «Изведший свой корень последний хан». Наше чтение подтверждается свидетельством Абд ал-Гаффара Кырыми, пользовавшегося более полным списком «Тарих-и Дост-султан» и некоторыми другими источниками. По словам Кырыми, Бердибека прозвали «*Күкин кырган кутән хан*» (Kırımı, 1343/1924-25, с.41).

Буквально через предложение в этом же списке «Дафтар» содержится следующая фраза: *Жани(бәк) углы Бирдебәк солтан. Хан соңы нар буйлы Бирдебәктән киселде, нар муйны ак жандан киселде* (предположительный перевод: 'Сын Джани(бека) Бердибек-султан. Конец ханов настал после стройного как гранатовое дерево Бердибека, шея верблюда была отсечена от светлой души') (ОРПК, ед. хр. 40т, л.77б-78а). В этой фразе (очевидно, являющейся фрагментом какого-то дастана) без

труда угадывается сходство с поговоркой, приводимой в «Родословном древе тюрков» Абу-л-Гази: *Нар буйны Бирдебиктә киселде* (Aboul-Ghazi, 1871, с.177) 'В Бердибеке ссечена шея верблюда' или, в переводе Г.С.Саблукова, 'В Бердибеке ссечен ствол гранатового дерева' (Абул-Гази, 1906, с.156).

Несомненный интерес представляет фрагмент, перечисляющий «беков, бывших в эпоху хана Джанибека (ОРПК, ед. хр. 40т, л.78а):

خان جانی بک نینگ زمانداغی بک لارنینک اتلری
بولاردور منکتای برالدای اوشین⁴ عیسی اوغلی امت آلجن
آلاو⁵ آق منکعت تمر بی انجلی قوتلی بوغه سجوت علی بی
قیات استای اوغلی جر قوتلی آلاجه اوغلی بی ممای
قبجاق شرین اورکتмур ارغن قرا خواجه⁶ بارین سرای بی
بورقیات الاتای بی ممان⁸ ازما⁷ بی تاما اوزک چو جلایر
بتر⁹ بی قبجاق منکال اوغلی تمر بی قونکرات قرق
سونکلی قرز¹⁰ بولات بهادر نیک اوغلی بک بی

«Имена беков, бывших в эпоху хана Джанибека, таковы: Мангытай, Буралдай (Бурулдай?), сын уйшина Исы Амет, алчин Алав, ак мангыт Т(и)м(у)р бий, э.н.дж.ли Кутлы-Буга, сиджут Али бий, сын кията Астая Джир-Кутлы, сын Алачи бий Мамай кипчак (Алача углы би Мамай кыпчак), ширин Урук-Тимур, аргын Кара-Ходжа, барын Сарай бий, буркут Алатай бий, м(а)ман (найман?) Аз.мат (Р.з.мат?) бий, тама Уз.к-Чу, джалаир Б.т.р бий, сын кипчака М(и)нгала Т(и)м(у)р бий, сын кунграта – обладателя сорока копий (*кырык сөңгеле*) К.р.з Булат бахадура Бек бий».

Как видно, некоторые из упомянутых здесь персонажей жили и действовали не только при Джанибеке, имена же некоторых не удастся идентифицировать с известными по более достоверным источникам лицами¹¹. Остановимся на некоторых фигурах.

Слово **Манг(ы)тай** перед именем Буралдай~Бурулдай может быть понято и как антропоним, и как этноним. Мы склоняемся к прочтению его как личного имени. Возможно,

⁴ В ориг. اوشین. На л.79а: اویسین.

⁵ Над буквой و стоит троеточие, как в букве ژ.

⁶ В ориг. قرا خواجه.

⁷ رزما⁷ ?

⁸ Искраженное نیمان ?

⁹ تیر ?

¹⁰ قزر ?

¹¹ Отчасти это может быть объяснено неверным прочтением нами родо-племенных названий и имен, что, в свою очередь, связано с неясным почерком и описками в самой рукописи.

³ Этот источник, подготовленный к изданию В.П.Юдиным по неполному ташкентскому списку, был издан в 1992 г. в Алма-Ате под названием «Чингиз-наме» (Утемиш-хаджи, 1992).

здесь имеется в виду отец хана-шибанида Хызра (Утемиш-хаджи, 1992, табл. XXXVI, строка 646), либо хорезмский наместник сарайских ханов Нангудай~Нагадай (вар.: Кангудай, Мангудай и др.) (Тизенгаузен, 1941, с. 129; Утемиш-хаджи, 1992, табл. XXXVII, строка 668).

Буралдай~Бурулдай. Родо-племенная принадлежность этого персонажа в разбираемом нами источнике не указана, однако ее можно установить по другим источникам.

Так, в «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» сказано следующее: «...Он (Бату. – И.М.) дал под его (Шибана. – И.М.) начало сорок тысяч человек¹² и отправил [в поход] на Крым и Кафу. [...] За достойные дела, совершенные во имя державы, эти сорок тысяч человек были переданы ему в награду. [...] Имена предводителей этих сорока тысяч [таковы]: кият Бурулдай-бик, затем предок Али-бика из кунгратов, Тайбуга из буркутов, Тукбуга из тюменей» (Таварих, 1967, с.115 факсимиле, строка 1623).

В хронике Утемиш-хаджи «Тарих-и Дост-султан» приводится информация о выделении Батием Шибану, при направлении его на завоевание «вилаята Крым-Кафа», в дополнение к ранее выделенным ему 30000 человек, еще 10000 «кыйатов [и] йуралдаев» (транскрипция и перевод В.П.Юдина; см. (Трепавлов, 2006, с.325)). В оригинале же читается: *ун мең кыйат йуралдай-ны кушып...* (Утемиш-хаджи, 1992, табл. X, строка 156–157). Полагаем, что здесь подразумевается выделение Шибану десяти тысяч (тумена) киятов под предводительством Йуралдая. Учитывая схожесть написания арабских букв *ي* и *ب* в начальной позиции, имя этого темника можно прочесть и как «Буралдай». М. Кафалы, использовавший другой список «Тарих-и Дост-султан», также пишет о находившемся при Шибане со своим войском нойоне Буралдае из племени кият (Kafalı, 1976, с.39). Эти же сведения почти дословно повторяются Абд ал-Гаффаром Кырыми, пользовавшимся хроникой Утемиш-хаджи: Саин-хан, посоветовавшись с приближенными, сделал Шибан-хану следующее пожалование: *Тараклы кыйат кабиләсенең нуйан бәкләрәндән йәғъни нәсле Йәсукайдән* (в тексте *بەلسیوکایدن*, чит. *ياسوکایدن*) *улан Буралтай бәги мәғыйәтенә аталык идеп салган* Кырым

вилайәтенә күндерде (Кырыми, 1343/1924-25, с.19).

В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина в качестве близкого соратника Бату и Шибана, но без указания племенной принадлежности, упомянут эмир Буралдай~Бурулдай (Тизенгаузен, 1941, с.34, 35). По русским летописям известен Бурундай (Бурандай, Бурондай, Буранда, Брандай) – участник походов Бату в 1236–1241 гг., затем – представитель ханской власти в Юго-Западной Руси (Татарский, 1999, с.98; Русский).

Очевидное сходство имен, большой политической роли и места действия (правое крыло Улуса Джучи) Буралдая~Бурулдая персидских и тюркских источников с Бурундаем русских летописей, на наш взгляд, позволяет предположить, что речь идет об одном и том же лице.

Сын уйшина Исы Амет. Наличие в разбираемой рукописи отдельного упоминания кията Астая¹³ и уйшина Иса углы Амета, на наш взгляд, ставит под определенное сомнение довольно распространенное в историографии воззрение на тождество Иса-бека~Иса-гургана арабских и персидских хроник и кията Астая тюркских источников¹⁴. Уйшином Иса назван и в другом месте разбираемой рукописи, что исключает вероятность описки: *Жанибәк ханның кызын алып качка(н) уйшын 'Иса углы Амәт ирде* 'Дочь Джанибек-хана похитил сын уйшина Исы Амет' (ОРРК, ед. хр. 40т, л.79а). Намек на принадлежность отца Амета к племени уйшин, кажется, содержится еще в одной рукописи «Дафтар». «Дастан о сыне Исы Амете» в неполном списке этого сочинения, хранящемся в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, заканчивается словами: *«Имди Салчы Жәнибәк ханның кызындын туган угыл, ханларга жыйан торыр. 'Иса углы Амәт Казый торыр, Сафи углы Кинжә торыр, тақы*

¹³ Согласно принятому частью исследователей чтению этого имени – Исатай (см. ниже).

¹⁴ Об этом см. (Трепавлов, 2006, с. 339). Необходимо отметить, что М.А.Усманов, отнесенный В.В.Трепавловым к лагерю сторонников отождествления кията Астая~Исатая и Исы, воздержался от именования родо-племенной принадлежности Исы, отметив лишь идентичность Иса-бека~Иса-гургана и Исы – отца персонажа «Дафтар-и Чингиз-наме» Амета (Усманов, 1972, с. 115). Одним из первых в отечественной науке Иса-бека~Иса-гургана с киятом Астаем~Исатаем отождествил В.П.Юдин (Юдин 1992а, с. 49; Юдин, 1992б, с. 61, 67).

¹² Т.е. воинов.

ушын торыр...» («Итак, Салчи был рожден дочерью хана Джанибека, (он) является племянником ханов. Сыном Исы является Амет-Казый, сыном Сафи является Кинзя, (они) также являются у(й)шинами...»)¹⁵.

Родо-племенная принадлежность «Иса углы Амета» уже становилась объектом исследования ученых. Д.М.Исхаков высказал предположение о принадлежности этого персонажа к кунгратам и отождествил его с «ханом Амет-Саметом» (Исхаков, 2002, с.355–356). По мнению М.И.Ахметзянова, Амет являлся сыном старшего брата Идегея Исы-бека, принадлежал к племени кият, но опирался на племя кунграт (Әхмәтжанов, 2002, 101-102, 113¹⁶). Здесь же этот исследователь поддерживает предположение Д.М.Исхакова об идентичности Амета и «хана Амет-Самета». Против отождествления Иса углы Амета и хана Амет-Самета выступил В.В.Трепавлов, считающий, что между этими персонажами «не заметно никакой связи, за исключением сходства имен» (Трепавлов, 2006, с.339, примеч. 31).

Сын кията Астая Джир-Кутлы. Астай и Джир-Кутлы упоминаются в «Тарих-и Дост-султан» Утемиш-хаджи и «Сборнике летописей» Кадыр-Али-бека. Несомненно, это исторические личности, однако их образы, как и образы большинства упоминаемых здесь беков, подверглись эпизации.

Считаем необходимым обосновать свое чтение *Астай*. Дело в том, что с легкой руки первого публикатора «Тарих-и Дост-султан» В.П.Юдина в отечественной историографии получило распространение написание имени отца кията Джир-Кутлу «Исатай» (в транскрипции, предложенной В.П. Юдиным – *Isatay*) (Утемиш-хаджи, 1992, с.130 и сл.). М.А.Усманов, пользовавшийся списком сочинения Кадыр-Али-бека Научной библиотеки КГУ, читал это имя «Истай» (Усманов, 1972, с.74, 75). Оба эти чтения представляются нам небесспорными.

В трех упоминающих это имя источниках оно написано как استای, при этом не огласовано (Таварих, 1967, с.266 факсимиле,

строка 4178; Утемиш-хаджи, 1992, табл. XXII, строка 373; табл. XXIII, строка 387; XXIV, строка 412, 413; XXV, строка 424, 437; XXVI, строка 440; XXXI, строка 554, 555; ОРРК, ед. хр. 40т, л.78а). В ташкентском списке «Тарих», опубликованном В.П.Юдиным, в ряде случаев под буквой *син* стоит троеточие. Троеточие стоит и под *син* в списке «Дафтар-и Чингизнаме» (см. выше). В ранних арабографических текстах три точки под *сином* выполняли функцию дополнительных указателей на чтение этой буквы именно как «с» (*син*), а не «ш» (*шин*). Таким образом, в случае с вышеуказанным именем они не указывают на произношение и характер предыдущей и наличие и произношение последующей гласной (хотя в ташкентском списке «Тарих-и Дост-султан» три точки под *сином* в слове استای написаны таким образом, что их можно принять за сочетание *йа* и *син* и транслитерировать слово как ایستای, т.е., с определенным допущением, читать как *Isatay*). В списке «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека это имя написано как اصتای (ОРРК, ед. хр. 40т, л. 60аб). Оба вышеуказанных буквосочетания, учитывая неарабское происхождение этого имени, более всего склоняют к чтению *Астай*. Именно так читал это имя М. Кафалы (имевший возможность пользоваться «тогановским» списком хроники Утемиш-хаджи) (Kafalı, 1976, с. 24, 28, 37 и сл.).

Наконец, в сочинении «Умдет ал-ахбар» крымского историка XVIII в. Абд ал-Гаффара Кырыми, использовавшего хронику Утемиш-хаджи и некоторые другие источники, опирающиеся на золотоордынскую историографическую традицию, написание имени Астая~Исатай чередуется: ستای ض استای. В одном из списков сокращенной редакции «Таварих-и гузида», в историографии известной как «Шейбани-наме», опубликованном в 1849 г. И.Н.Березиным, имя отца Джир-Кутлу также дано как اصتای *Астай* (Шейбаниада, 1849, с.59 араб. паг.).

В.П.Юдин обосновывает свое чтение «устной историографией», не приводя ссылок на какие-либо источники, кроме использованных им «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека и «Тарих-и Дост-султан» Утемиш-хаджи. Однако, как мы указали выше, написание имени искомого персонажа в этих источниках не дает оснований для однозначного чтения «Исатай» или «Истай». Возможно, В.П.Юдин ориентировался на казахское имя

¹⁵ Цит. по: (Әхмәтжанов, 2006, с. 21). Пунктуация и перевод наши. – И.М.

¹⁶ На странице 113 Иса-бек аттестуется М.И.Ахметзяновым то «старшим братом Идегея», то «старшим братом отца Идегея» (Әхмәтжанов, 2002, с. 113).

«Исета́й» (один из известных персонажей казахской истории XIX в. – Исета́й Тайманов) (Togan, 1981, с.246, 312-312, 325 и др.). На В.П.Юдина могло повлиять чтение М.А.Усманова. Наконец, подтолкнуть исследователя к чтению «Исата́й» могло стремление согласовать разночтения источников, связанное с выдвинутым им предположением о тождестве Иса Коркуза и Иса-гургана арабских и персидских и «кия́та Аста́я» тюркоязычных источников.

Еще одним аргументом в пользу чтения «Аста́й» является этимология этого имени. На наш взгляд, оно относится к группе тюрко-монгольских антропонимов, образованных путем сложения этнонима (названия рода~племени) и форманта *-тай*. В Монгольской империи, в том числе в Улусе Джучи, такие имена и прозвища были весьма распространены. По словам Рашид ад-Дина, у татарских племен Центральной Азии «есть такой обычай, что всякий человек, который происходит из этого племени (татар-тутукулйут. – И.М.), если он будет мужчина, его называют – тутукули́тай, если же он будет женского пола, то называется – тутукули́чин. (Происходящие) из (племени) алчи-татар (называются) алчи́тай и алчи́н; из племени куин-татар – куи́тай и куи́чин...» (Рашид ад-Дин, 1952, с.103). Это же явление было распространено и среди собственно монгольских племен. Так, согласно тому же автору, во главе выделенной Джучи во владение тысячи из племени хушин стоял эмир по имени Хушида́й-Байку (в другом месте – Хуши́тай), во главе тысячи из племени кингит – Кингита́й-Кутан-нойон (Рашид ад-Дин, 1952, с.172, 274). Таким образом, приведенные примеры дают основание считать *-тай* аффиксом образования относительного прилагательного мужского рода наподобие арабо-персидского *йа-йи нисбат* или русского окончания *-ский*. Итак, имя «Аста́й» можно толковать как «асский, происходящий из эля ас, связанный с элем ас».

Косвенным подтверждением данной этимологии может служить один сюжет из «Тарих-и Дост-султан». Согласно Утемиш-хаджи, находящийся на смертном одре хан Токтага (Токта), узнав от своей жены Келин-Баялын о том, что она укрывала от Токты в «Черкесских горах» своего сына от первого мужа Тогрула (брата Токты) – принца Узбека, послал за ним в Черкесский вилайет «кия́та Аста́я и сиджута

Алата́я» с сорокатысячным войском¹⁷ (Утемиш-хаджи, 1992, табл. XXI-XXII). Имя «Алата́й» (الطای~الأتای) представляется нам образованным из компонентов *Ала* и *-тай*. Учитывая выпадение конечного *н* в этнонимах *хушин*, *куин* и др. при присоединении к ним форманта *-тай* (*хушитай*, *куитай*), компонент *Ала*, скорее всего, является сокращением этнонима *Алан*. Таким образом, по аналогии с вышеприведенными именами~прозвищами, буквальным значением имени «Алата́й» является «аланский, связанный с элем алан».

Как известно, многими исследователями упоминаемые в средневековых источниках этнонимы *алан* и *ас* считаются синонимами. В этом контексте упоминание рядом Аста́я и Алата́я в «Тарих-и Дост-султан» представляется не случайным. Очевидно, «юрты» этих беков находились на Северном Кавказе¹⁸.

Что касается вопроса о возможности отождествления Иса Коркуза и Иса-гургана арабских и персидских источников с кем-либо из упомянутых в данной статье персонажей, пока он должен остаться открытым. На наш взгляд, Иса-гурган – это либо «уйшин Иса», либо, как предполагают В.П.Юдин и Д.Девиз, действительно «кия́т Исата́й~Аста́й». Оба племени в XIII – начале XIV в. были весьма могущественными. В последнем случае имя «Иса» может быть либо мусульманизован-

¹⁷ Абд ал-Гаффар Кырыми пишет, что Келин-Баялын, именуемая им между прочим «дочерью [одного из] чагатайских султанов», втайне от Токты отправила Узбека к некоему Инал-беку, обитавшему в местности Кабартай (قبارطی) в Черкесском вилайете (Kırımtı, 1343/1924-25, с. 32). Несколько иной вариант этой истории излагается в сочинении Кадыр-Али-бека. Согласно ему, Токта отправил за принцем Узбеком «кия́та Аста́я и чичута (т.е. сиджута) Алата́я» в «Иран» (*Иран заминга*) (ОРРК, ед. хр. 40т, л. 60а). Если упоминание здесь Ирана не является ошибкой, возможно, его следует увязывать с самоназванием осетин «ирон». Тогда фразу «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека о нахождении Узбека «в Иране» нужно понимать так, что Узбек укрывался в области обитания предков осетин (аланов~асов?), составлявшей или входившей в «Черкесский вилайет».

¹⁸ Другим подтверждением связи эля сиджут с Северным Кавказом, возможно, является имя одного из эмиров Токты времени написания «Сборника летописей» (начало XIV в.), происходившего из сиджутов – Черкес (если оно не было собственным именем или прозвищем того же Алата́я) (Рашид ад-Дин, 1952, с. 274).

ной формой имени Астай (что маловероятно), либо мусульманским именем Астая.

Сын Алачи бий Мамай кипчак. Имеется в виду небезызвестный временщик кият Мамай (? – 1380). Согласно Абд ал-Гаффару Кырыми, Мамай (Мамай-бек) приходился племянником кияту Астай-беку (Kırımı, 1343/1924-25, с. 40), а отца Мамаю звали Алач-бек (Kırımı, 1343/1924-25, с.45). Таким образом, последний приходился родным братом Астаю. Так же именуется и аттестуется отец Мамаю и в исследовании М.Кафалы, пользовавшемся, как уже отмечалось выше, «тогановским» списком хроники Утемиш-хаджи (Kafalı, 1976, с.86).

В разбираемой нами рукописи обращает на себя внимание то, что в отличие от обычной комбинации при обозначении племенных беков/биев в тюркских источниках «название племени – имя (– титул)» или «название племени – имя отца – имя сына (– титул)», здесь титул (*би*) стоит впереди имени сына (Мамай), а после его имени стоит явно не относящийся к последующему словосочетанию этноним *кыбжак* (кыпчак). Если это не ошибка переписчика (что, с учетом довольно небрежного составления рукописи, более чем вероятно), может быть, это прозвище Мамаю или намек на его связь в том числе и с племенем кыпчак? К слову, в этой же рукописи к кыпчакам причислена и ханша Тайдула: *ас кызы Карасач, кыбчак кызы Тайдулы ханым* ‘дочь (племени) ас Карасач, дочь (племени) кыпчак Тайдулы ханым’.

Барын Сарай бий. Известный по ряду источников золотоордынский князь, один из приближенных хана Токтамыша. Согласно Кадыр-Али-беку (Усманов, 1972, с.85) и Абд ал-Гаффару Кырыми (Kırımı, 1343/1924-25, с.76-79), именно он убил князя Идегея. В одной из своих работ М.А.Усманов высказал мнение, что слово «Сарай» является искажением названия родоплеменного объединения «ширин», к которому, согласно крымскотатарскому варианту дастана «Идегей», принадлежал один из двух убийц Идегея (Усманов, 1972, с.85), однако данные разбираемого списка «Дафтар» и двух вышеназванных источников не подтверждают это его предположение.

Буркут Алатай бий. Очевидно, это тот Алатай, которого, согласно ряду источников, хан Тохта вместе с киятом Астаем отправил за принцем Узбеком на Кавказ. По другим источникам он известен как представитель

племени сиджук. Так следует из хроник Утемиш-хаджи (Утемиш-хаджи, 1992, табл. XXI-XXII)¹⁹ и Кадыр-Али-бека (ОРРК, ед. хр. 40т, л.60а).

В этом же списке «Дафтар» приводится перечень названий ханских и султанских доспехов (*көбә*) (доспех каждого хана имел свое название). В других списках «Дафтар» эти названия даны доспехам беков, а в значении «доспех» использован термин *савыт*. В тексте описываются доспехи следующих персонажей (ОРРК, ед. хр. 40т, л. 78аб):

- всемонгольского хана – Чингиз-хана;
- золотоордынских правителей – Йучи (Джучи), Саина (Бату), Сартака, Туктагы (Токты), Эчена (Орда-Ичена);
- казанских ханов – Ибрагима, Сафа-Гирея, Шах-‘Али;
- астраханских ханов – Ак-Кубека и Ямгурчи;
- сибирских ханов и правителей – Кучума, ‘Али, Ахмед-Гирея;
- казахских (?) правителей – Касим-хана, Эркельди-султана, Аваз-хана;
- легендарных и полуполулегендарных ханов – Бартака, Тугалы, Буляра, Самета.

В конце «Рассказа о Чингиз-хане» приводится перечень сыновей Токтамыша, сыновей Джучи и сыновей Чингиз-хана (ОРРК, ед. хр. 40т, л.79а).

Что касается перечня имен Токтамышевых сыновей в рассматриваемом списке «Дафтар», то сам по себе он не дает никакой новой информации. В рукописи перечислены шесть сыновей Токтамыша (о двоих из них – упоминаемых в других источниках Карим-Берди и Кебеке – сказано, что их имена неизвестны). Обращает на себя внимание лишь порядок перечисления их имен, не совпадающий с порядком ни в одном другом перечне (см. табл. 1). Большой интерес представляет дальнейшая фраза источника: *Туктамыш бөлгән вакытында ике углын алып асрады Гәрәй бай (کرای بای) дигән. Туктамышның ул ике угланы(н) алып Кырымга хан күтәрделәр. (Ул ике) уғылның ат(лар)ы будыр – Искәндәр, Әбү Сәгыйдъ* ‘Когда Токтамыш попал в трудное положение (букв.: разорился) двух его сыновей воспитывал (некто) по имени Гирей-бай. Взяв этих двух его сыновей, возвели на

¹⁹ Сведения «Тарих-и Дост-султан» об этом практически дословно повторяет Абд ал-Гаффар Кырыми (Kırımı, 1343/1924-25, с.33).

ханство в Крыму. Имена этих двух сыновей – Искандер и Абу Са'ид'.

Перечень сыновей Джучи является еще одним элементом, сближающим данный список «Дафтар-и Чингиз-наме» с «Тарих-и Дост-султан» и «Таварих-и гузида – Нусрат-наме». В первых двух источниках указано одинаковое количество сыновей Джучи – семнадцать, причем в нашем списке «Дафтар» приводятся их имена (см. табл. 2). Рашид ад-Дин говорит о 14 «известных и ведомых» сыновьях Джучи (всего же, как говорит персидский историк, ссылаясь на «людей, слова которых заслуживают доверия», их было сорок²⁰) (Тизенгаузен, 1941, с.40-41). О 14 «известных и ведомых» (*мэгъруф ва мәшһур*) сыновьях Джучи говорится и в таком значимом для изучения золотоордынской истории источнике, как «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (Таварих, 1967, с.153-154). Однако фактически в «Таварих-и гузида» называются имена 16 сыновей Джучи (см. табл. 2). Причем имена троих из них у Рашид ад-Дина не упоминаются, а их написание в «Таварих-и гузида» и нашем списке «Дафтар-и Чингиз-наме» обнаруживает довольно близкое сходство (*Дукаджи~Тукаджи, Исан~Ибан, Буру~Бугра*) (см. табл. 3).

В последнем предложении «Рассказа о Чингиз-хане» коротко говорится, что у Чингиз-хана было четыре сына и приводятся их имена: *يۇچى* *Йучи* (Джучи), *چداى* *Чадай* (Чагатай), *كوكداى* *Кукдай* (Угедей), *تولى* *Тули* (Тулуй). Написание их имен практически идентично с их написанием в других списках «Дафтар-и Чингиз-наме» (Усманов, 1972, с.110; Ivanics, Usmanov, 2002, с.228, 233, 267, 270, 304, 308).

В заключение считаем необходимым отметить следующее.

Настоящий список «Дафтар-и Чингиз-наме» содержит безусловно интересные и важные

сведения, которые отсутствуют в других известных нам списках этого источника. Особенности рассмотренного нами списка «Дафтар» позволяют высказать предположение, что мы имеем дело с другой, возможно, более ранней редакцией данного памятника.

Ряд дастанов исследованного списка обнаруживает несомненное сходство с важными эпизодами хроник XVI – XVII вв. («Таварих-и гузида – Нусрат-наме», «Тарих-и Дост-султан» Утемиш-хаджи, «Шаджара-и тюрки» Абу-л-Гази), относящихся к шибанидскому циклу источников. Известно, что по крайней мере с XV в. существовали тесные связи между Булгарским вилайетом и владениями Шибанидов. В некоторых источниках даже говорится о правлении Шибанидов на территории Среднего Поволжья до утверждения здесь Улуг-Мухаммеда и его потомков (Туган, 1994, с.24; Kırımı, 1343/1924-25, с.94). Однако на основании этих фактов и свидетельств делать однозначный вывод о зависимости данной редакции «Дафтар-и Чингиз-наме» от шибанидской историографии считаем преждевременным. Приблизить нас к ответу на этот вопрос могло бы более подробное исследование всех письменных источников, содержащих элементы золотоордынской историографической традиции (в том числе названного списка «Дафтар»), а также памятников фольклора.

Пока же рискнем высказать предположение, что источником и для составителей вышеперечисленных шибанидских хроник, и для автора исследуемой редакции «Дафтар» послужили устные предания и недошедшие до нас письменные источники, относящиеся к общезолотоордынской эпической и историографической традиции.

²⁰ Очевидно, числительное «сорок» было использовано информаторами Рашид ад-Дина в значении «очень много». Мнение о таком значении этого слова в тюркских языках см.: (Гордлевский, 1945, с.144-145).

Таблица 1

Перечень сыновей Токтамыша в разных источниках

№ п/п	Муизз ал-ансаб ^a	Таварих-и гузида ^b	Кадыр-Али-бек ^c	Абд ал-Гаффар Кырыми ^d	Дафтар-и Чингиз-наме ^e
1.	Кадир-Берди	Джалал ад-Дин	Джалал ад-Дин	Джалал ад-Дин	Искандар
2.	Искандар	Джаббар-Берди	Кучук	Джаббар-Берди	Абу-Са'(и)д
3.	Кучик	Кепек	Джаффар-Берди	Кебек	Джала(л) ад-Дин
4.	Абу-Са'ид	Карим-Берди	Калим-Берди	Карим-Берди	Джаббар-Берди
5.	Джаббар-Берди	Искандар	Кадир-Берди	Кадир-Берди	Кучук
6.	Кепек-хан	Бу-Са'ид	---	Гийас ад-Дин	Кадир-Берди
7.	Карим-Берди	Кучик	---	---	«Имена двоих неизвестны»
8.	Джалал ад-Дин	Кадир-Берди	---	---	

Таблица 2

Перечень сыновей Джучи в разных источниках

№ п/п	Рашид ад-Дин ^f	Таварих-и гузида ^g	Дафтар-и Чингиз-наме ^h	
			Написание в источнике	Чтение
1.	Орда	Орду	ساین دزدی	Саин-Дизди
2.	Бату	Бату	(اور دو باتو) وردی بافو (чит.: Урду-Бату)	Вурды-Баку (чит.: Урду-Бату)
3.	Берке	Берке	(برکاجر) برکاجر (чит.: Беркачар)	Беркечу (чит.: Беркечар)
4.	Беркечар	Беркеджар	بردی کا	Бердике
5.	Шибан	Шибан	شبان	Шибан
6.	Тангкут	Тангкут	(توکاجی) یوکاجی (чит.: Тукаджи)	Йукаджи (чит.: Тукаджи)
7.	Бувал	Дукаджи	(تانکغوت) مانکغوت (чит.: Танггут)	Манггут (чит.: Танггут)
8.	Джилаукун	Исан	ایبان	Ибан
9.	Шингкур	Буру	بو غره	Бугра
10.	Чимпай	Буал	(جلال الدین) جالال الدین (чит.: Джала(л) ад-Дин)	Джала(л) ад-Дин
11.	Мухаммед	Сунгкур	(سونکغور) سونکغوی (чит.: Сунггур)	Сунггуй (чит.: Сунггур)
12.	Удур	Джимпай	(جمبای) جبای (чит.: Дж(им)бай)	Дж.бай (чит.: Дж(им)бай)
13.	Тука-Тимур	Мухаммед	(بوال) نوال (чит.: Нуал)	Нуал (чит.: Буал)
14.	Сингкум	Удур	محمد	Мухаммед
15.	---	Тука-Тимур	اودر	Удур
16.	---	Сангум	توغای تمر	Тугай-Тимур
17.	---	---	(سنکوم) مسکوم (чит.: Маскум)	Маскум (чит.: Сангум)

^a Тизенгаузен, 1941, с.62.^b Таварих, 1967, с. 168; Материалы, 1969, с.39.^c Кадыр-Али-бек, 1854, с.158.^d Kırımı, 1343/1924-25, с.57.^e ОРРК, ед. хр. 40т, л.79а.^f Тизенгаузен, 1941, с.41.^g Таварих, 1967, с.154, 162–174; Материалы, 1969, с.33-39.^h ОРРК, ед. хр. 40т, л.79а.

Таблица соответствий имен сыновей Джучи в разных источниках

Рашид ад-Дин	Таварих-и гузида	Дафтар-и Чингиз-наме
Орда	Орду	Вурды-Баку (чит.: Урду-Бату) (?)
Бату	Бату	Саин-Дизди (?)
Берке	Берке	Бердике (?)
Беркечар	Беркеджар	Беркечу (чит.: Беркечар)
Шибан	Шибан	Шибан
Тангкут	Тангкут	Манггут (чит.: Танггут)
---	Дукаджи	Йукаджи (чит.: Тукаджи)
---	Исан	Ибан
---	Буру	Бугра
Бувал	Буал	Нуал (чит.: Буал)
Джилаукун	---	Джала(л) ад-Дин
Шингкур	Сунгкур	Сунггуй (чит.: Сунггур)
Чимпай	Джимпай	Дж.бай (чит.: Дж(им)бай)
Мухаммед	Мухаммед	Мухаммед
Удур	Удур	Удур
Тука-Тимур	Тука-Тимур	Тугай-Тимур
Сингкум	Сангум	Маскум (чит.: Сангум)

Примечания

Абул-Гази. Родословное древо тюрков / Пер. Г.С.Саблукова. – Казань, 1906.

Әхмәтжанов М.И. Нугай урдасы: татар халкының тарихи мирасы. – Казан, 2002.

Әхмәтжанов М.И. «Дәфтәре Чыңгызнамә» китабы кулъязмаларын өйрәнү юлында бер тәҗрибә // Татар әдәбияты текстологиясе мәсьәләләре (Урта гасырлар – XX йөз башы). – Казан, 2006.

Галяутдинов И.Г. Палеографические особенности списков памятника «Дафтар-и Чингиз-наме» // Бартольдские чтения. 1981: Тезисы докладов и сообщений. – М., 1981.

Гордлевский В.А. Числительное 50 в турецком языке // Известия АН СССР. 1945. – Т. IV. – Вып. 3-4.

Исхаков Д.М. Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи и татарских ханств // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2002.

Библиотека восточных историков, издаваемая И.Березиным. – Т. II. – Ч. 1: (Кадыр-Али-бек.) Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием. – Казань, 1854.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. – Алма-Ата, 1969.

Рахим А. О новом списке татарского исторического сочинения XVII века // Вестник научного общества татароведения. – Казань. – 1927. – № 7.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Кн. 1. – Т. I, – М.; Л., 1952.

Русский биографический словарь. <http://www.rulex.ru/01021164.htm>

Сафаргалиев. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. – М., 1996.

Таварих-и гузида – Нусрат-наме. Иссл., крит. текст, аннот., огл. А.М.Икрамова. – Ташкент, 1967.

Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. II. – М.; Л., 1941.

Трепавлов В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. – 2006. – М., 2007.

Туган З.В. Башкорттардың тарихы. – Офе, 1994.

Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань, 1972.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, примеч., иссл. В.П.Юдина; подгот. к изд. Ю.Г.Баранова; коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. – Алма-Ата, 1992.

Шейбаниада, 1849 – Библиотека восточных историков, издаваемая И.Березиным. – Т. I: Шейбаниада. История монголо-тюрков. – Казань, 1849.

Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер, транскрипция, примеч., иссл. В.П.Юдина; подгот. к изд. Ю.Г.Баранова; коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. – Алма-Ата, 1992.

Юдин В.П. Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукатимуридов в казахских степях в XIV в. // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер, транскрипция,

примеч., иссл. В.П.Юдина; подгот. к изд. Ю.Г.Баранова; коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. – Алма-Ата, 1992.

Aboul-Ghazi Behadour Khan. Histoire des mogols et des tatars. Publ. par P.Desmaisons. – T. I. – St.-Petersbourg, 1871.

Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiz-nāmā). – (B.) I. – Szeged, 2002.

Kafalı M. Altın Orda Hanlığının Kuruluş ve Yükseliş Devirleri. İstanbul, 1976.

Kırîmî, 1343/1924-25 – *Kırîmî, el-Hacc 'Abdu'l-Gaffar*. 'Umdetü't-tevarih. – İstanbul, 1343/1924-25.

Togan A.Z.V. Bugünkü Türkili (Türkistan) ve Yakın Tarihi. – C. I: Batı ve Kuzey Türkistan. – İstanbul, 1981.

Касимовское ханство в советской историографии

Великая Октябрьская социалистическая революция не зря вошла в историю и историографию именно под таким названием. По воздействию на судьбы как XX, так и XXI вв. ей нет равных в мире. Не избежала своей доли воздействия и историческая наука на территории бывшей Российской империи, позднее известной как СССР.

В 20–30-х гг. XX века (да и позже, если не считать некоторых послаблений) историкам не разрешали свободно выезжать за границу для встреч с коллегами из «буржуазных» стран, а также иметь свободный доступ к трудам зарубежных, прежде всего западных, историков. Власти находили свободный обмен мнениями, пусть даже между учеными, весьма опасным¹. Действительно, здравый смысл здесь имеется, как в известной поговорке «сегодня слушаешь ты джаз, а завтра Родину продашь».

Как же повлияла эта изоляция от мирового историографического сообщества на советских специалистов по истории России? Советские историки упустили буквально все новые тенденции западной историографии с 30-х по 90-е гг. XX века. В советской историографии можно найти лишь слабые отзвуки школы «Анналов» (Фернан Бродель), социальной истории (Э.П. Томпсон), компьютеризированного количественного исторического анализа (Computer-Aided Quantitative History, Роберт Фогель), антропологической истории (Натали Земон Дэвис), истории мировых систем (Иммануэль Валлерштайн) и т.п. и т.д. Столь же редко встречаются и отголоски социологических теорий, породивших такое множество новых школ в западной историографии. В советском периоде историографии России, если не считать некоторых показательных исключений, мы не находим ровно ничего ни от Макса Вебера, ни от Зигмунда Фрейда, ни от Клода Леви-Стросса, ни от Виктора Тернера, ни от Мишеля Фуко или Юргена Хабермаса. Отрезанная от опыта западных коллег, скованная жесткой пара-

дигмой марксизма-ленинизма, советская историография России оказалась заперта в тематически-концептуальном тупике². В плане методологии здесь, как и в XIX в., господствовал позитивизм, причем в самых своих суровых, замшелых формах.

Интересующая меня проблематика не избежала данных тенденций. Даже такая относительно узкая тема, как история Касимовского ханства³, существовавшего на территории Руси-России в XV–XVII вв. (и менее политизированная хотя бы потому, что это всего лишь Средние века, а не история сталинских репрессий), также испытала на себе все прелести советского режима. Проследим, как это было. Под «советской историографией» я понимаю тексты, вышедшие на территории бывшей Российской империи в 1917–1991 гг. (от социалистической революции до распада СССР).

По сравнению с националистической русской исторической мыслью XIX в., пролетарская революция в октябре 1917 года не могла не открыть какие-либо новые горизонты в исторической науке, поэтому работа Г.Газиза (Газиза Салиховича Губайдуллина) «История татар», вышедшая в свет в Казани впервые в 1919 г.⁴, открывает новую страницу в историографии Касимовского ханства. Время выхода этой книги было временем всплеска интереса к национальной истории, истории отдельных народов, недостаточно разрабатывавшейся в дореволюционное время. Люди искренне старались отмежеваться от имперских замашек в истории, попытаться объективно описать жизнь своего народа. Несомненно, все эти явления совпали с новыми взглядами, веяниями в исторической науке, связанными с марксистским подходом к толкованию исторических событий.

Все это хорошо заметно при рассмотрении книги Губайдуллина. В главе «Период фео-

¹ См.: Дэвид-Фокс М., Холквист П., По М. Журнал «Критика» и новая, наднациональная историография России // НЛО. – 2001. – № 50.

² Там же.

³ Кому угодно – «царства».

⁴ В дальнейшем были осуществлены переиздания книги, самое последнее и полное из которых вышло в 1925 г. (оно, в свою очередь, было переиздано на русском языке в 1994 г.).

дализма у татар» есть параграф «Борьба московского торгового капитала и татарского феодализма», в нем уделено место и Касимовскому ханству. Как видно, самый примитивный, гипертрофированный формационный подход сказывается уже в названиях. В отношении возникновения Касимовского ханства автор высказывает новую точку зрения, состоящую в том, что оно было образовано в соответствии с договором после победы Улуг-Мухаммада над Василием II. Однако до конца разобраться в этом вопросе ему не удалось, присутствует путаница в фактах и цифрах. Само ханство автор рассматривает как марионеточное государство, которое по первому требованию московского правительства предоставляло свои военные силы в интересах россиян. По мнению автора, Касимовское ханство представляло из себя «питомник ханов, использовавшийся и для отвода глаз Турции» (Газиз, 1994, с.101). Интересно, что существование Касимовского ханства автор связывает не столько с Казанью, сколько с Турцией. Автор считает, что по мере того, как Казань и Астрахань были покорены Россией, Москва по мере собственного усиления «перестала бояться Турции», и необходимости в существовании Касимовского ханства не стало.

М.Г.Худяков, автор «Очерков по истории Казанского ханства» (впервые вышли в Казани в 1923 году), развил концепцию Касимовского ханства. Слова об исторической обстановке в стране, сказанные применительно к Губайдуллину, в полной мере применимы и к Худякову⁵. Исследование выделяется ярко выраженной личной позицией автора. Фактический материал его работы не может не заслуживать уважения. Худяковым были привлечены многие источники – русские летописи, разрядные книги, свидетельства иностранцев, дипломатическая переписка московского правительства с ногайским, крымским и турецким дворами и некоторые другие. Работа с ними была проведена тщательно. Относительно истории возникновения Касимовского ханства автор придерживается версии, выдвинутой Губайдуллиным, однако не

останавливается на ней, развивая и дополняя ее. Путаницы в исторических фактах у Худякова значительно меньше. При изучении вопроса возникновения Касимовского ханства особый акцент Худяков делает на том, что ханство было образовано отнюдь не добровольно со стороны России (Худяков, 1991, с.28). В пользу этой точки зрения автор приводит убедительные доводы. Подробно описывается историческая обстановка, возникающая по мере утверждения касимовских владельцев на казанском престоле. Автор подробно анализирует участие Шах-Али в многочисленных походах московских войск против Казани.

Работы Губайдуллина и Худякова представляются мне этапными в историографии Касимова, хронологически этот этап составляет 20-е годы XX века. Они полностью порывают с предшествующей историографической традицией и выдвигают свои смелые гипотезы относительно истории ханства. Примечательно, что появившиеся новые точки зрения по проблеме не являлись результатом публикации источниковых комплексов и привлечения новых видов исторических источников. Выводы зачастую делались либо умозрительно, либо на основе пересмотра уже введенных в оборот текстов. Как бы то ни было, данный этап является важной вехой изучения Касимовского ханства.

В книге М.К.Любавского «Образование основной государственной территории Великорусской народности: Заселение и объединение центра» Касимовскому ханству посвящен отдельный параграф «Возникновение Касимовского царства» (Любавский, 1929, с.110-111). Можно признать, что фактически это был шаг назад в освещении возникновения Касимовского ханства. Автор вновь воскрешает мнение русского востоковеда XIX века Вельяминова-Зернова⁶, автора фундаментальной 4-х томной работы «Исследование о касимовских царях и царевичах» (1863–1887). Положительным моментом является упоминание о «своего рода выходе» (или дани), платившемся Касиму и его преемникам как московским великим князем, так и рязанским (Любавский, 1929,

⁵ Об истории создания работы Худякова см.: Рахимзянов Б.Р. Концептуальные воззрения М.Г.Худякова в 1930-е гг. // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г.Худякова (Казань, 22-25 марта 2004 г.). – Казань, 2004. – С.62-70.

⁶ Подробнее см.: Рахимзянов Б.Р. К вопросу об образовании Касимовского ханства // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г.Худякова (Казань, 22-25 марта 2004 г.). – Казань, 2004. – С.348-359.

с.110). Автор считает, что царевич Касим и пришедшие с ним татары «нашли более выгодным для себя кормиться на счет Руси не случайною добычею, а регулярно получкою дани и ясака с инородцев, отданных им во владение» (Любавский, 1929, с.111). Несомненно, эта точка зрения весьма оригинальна, однако далеко не бесспорна.

В «Материалах к теме "Создание русского национального государства"», вышедших под редакцией А.В.Шестакова, Касимовское ханство рассматривается как один из осколков Золотой Орды, в совокупности с Крымским и Казанским ханствами и Ногайской Ордой (Материалы, 1938, с.10). Интересно, что ни слова не говорится о его вассальной зависимости от Москвы; авторами оно понимается как вполне самостоятельное образование. Это первое в историографии упоминание о Касимовском ханстве как об одном из наследников Золотой Орды. В последнее время это направление стало приоритетным среди татарстанских историков.

В работе В.В.Мавродина «Образование Русского национального государства» Касимовское ханство рассматривается как одна из составляющих многонациональности Московского государства; отмечается, что многие татарские феодалы в дальнейшем приняли православие, обрусели и вошли в состав русской феодальной знати (Мавродин, 1941, с.168).

К.В.Базилевич, рассматривая содержание ярлыка хана Ахмада Ивану III, отмечает, что задачей касимовских татар была охрана подступов к нижнему течению Оки, чему в сильной степени помогало выгодное положение Касимова (Базилевич, 1948, с.29-46). В дальнейшем Базилевич продолжил разработку интересующей нас проблематики в работе «Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века» (Базилевич, 1952). Автором был привлечен широкий круг источников, в числе которых были и ранее не вводившиеся в научный оборот материалы. Это летописи, договорные грамоты, дипломатическая переписка, послания одних лиц к другим, родословные записи. Каковы же основные вопросы, касающиеся нашей проблематики? Во-первых, автор анализирует ситуацию в Русском государстве после Суздальского поражения 1445 года и выдвигает свои гипотезы относительно условий освобождения Василия II Улуг-Мухаммадом (Базилевич,

1952, с.55). Во-вторых, затрагивается вопрос платежа «выхода» после событий того же 1445 года (Базилевич, 1952, с.56-57). Существует гипотеза, что «выход» платился и в Касимов в указанный период (1445 – 1462 гг.). Интересны рассуждения автора относительно различий «выхода» и «проторов» (Базилевич, 1952, с.57). Это тоже очень важно для раскрытия проблемы возникновения Касимовского ханства. В-третьих, автор отмечает, что новым в правлении Василия II являлось широкое использование татарских царевичей с людьми в войсках великого князя и несение ими пограничной службы (Базилевич, 1952, с.58). В-четвертых, автором выдвинуты новые гипотезы фактографического характера (относительно предоставления Касиму и Якубу городов в «удел», годов жизни Нур-Даулета и сроков пребывания на касимовском престоле Сатылгана) (Базилевич, 1952, с. 58, 186, 190 и др.). В-пятых, автор рассматривает Касимовское ханство как средство предъявления династических претензий не только на казанский престол, но и на крымский тоже (Базилевич, 1952, с. 185-190). Несмотря на некоторые новые подходы, работу Базилевича все же нельзя считать этапной, так как в концептуальном плане она не является новаторской.

50-60-е гг. XX в. характеризуются тем, что в это время к изучению проблем феодализма обратилась группа советских исследователей: М.Н.Тихомиров, И.Б.Греков, А.А.Зимин, В.И.Буганов, А.А.Преображенский, Ю.А.Тихонов, Я.Е.Водарский и другие. В ходе разработки целостной концепции развития феодализма в России была затронута и история Касимовского ханства.

М.Г.Сафаргалиев в вышедшей в 1960 году в Саранске работе «Распад Золотой Орды» (Сафаргалиев, 1960) в основном уделил внимание вопросам образования Касимовского ханства. Отмечу, что автор характеризуется упорным (несмотря на данные источников) нежеланием признать вассальный характер этого государственного образования.

В монографии М.Н.Тихомирова «Россия в XVI столетии» Касимовское ханство рассмотрено вместе с уделами других татарских царевичей; уделено внимание природе их владельческих прав (Тихомиров, 1962, с.42 – 46).

И.Б.Греков в работе «Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв.» представляет Касимовское государство как «специальный центр

для содержания татарских царевичей – эмигрантов» (Греков, 1963, с.121). Автор отмечает, что организации подобного центра должна была предшествовать длительная практика укрытия в пределах Московского государства «политических эмигрантов» из «татарского» мира.

Р.Н.Степанов в статье «К вопросу о служилых и ясачных татарах» (Степанов, 1964, с.52–70) выдвигает версию политического долголетия Касимовского ханства (Степанов, 1964, с.57). Во-вторых, Степанов касается круга обязанностей служилых татар, коими являлись и касимовские татары (Степанов, 1964, с.62 – 63). В-третьих, автор делает попытку объяснить причины существования прослойки служилых татар в социально-военной иерархии Московского государства (Степанов, 1964, с.63 – 64).

Автором большинства статей, посвященных Касимовскому ханству в различных энциклопедиях, является Ш.Ф.Мухамедьяров (Советская, 1965, т. 7, стб. 85; Большая, 1973, т. 11, с.496; Отечественная, 1996, т. 2, с.517–518). Касимовское ханство трактуется ими как «удельное княжество, созданное московскими князьями для татарских ханов, перешедших к ним на службу». Автор отмечает, что «цари» и «царевичи» Касимовского ханства назначались по усмотрению московского правительства из числа татарской знати, принявшей русское подданство. Отмечается особое значение Касимовского ханства в период борьбы с Казанским ханством. Важным является тезис о том, что с присоединением Казани стратегическое значение Касимовского ханства падает. Это положение отчетливо осознано впервые именно Ш.Ф.Мухамедьяровым.

История Касимовского ханства была затронута в связи с историей Казанского ханства в различных изданиях «Истории Татарской АССР». Н.Ф.Калинин являлся автором строк, посвященных Касимовскому ханству в изданиях 1951 г. и 1955 г. (История, 1951, т.1, с.160, 161; История, 1955, т.1, с.126,127). Ханство оценивается им как «серьезное препятствие для агрессивной политики Махмута», вассальное Русскому государству. По его мнению, «Касимовское царство стало буфером против Казанского ханства». «История Татарской АССР», вышедшая в Казани в 1968 году, специально не останавливается на проблеме Касимовского ханства. Упоминается лишь о передаче Касиму около 1452 года Мещерского городка, а также

о статусе Касима – «служилый царевич» (История, 1968, с.85). Главу написал Ш.Ф.Мухамедьяров. Издания 1973 г. и 1980 г. (они идентичны), где автором являлся А.Х.Халиков, практически дублируют издание 1968 года, лишь сократив его (История, 1973, с.33; История, 1980, с.33 и др.). Как видим, никакой эволюции изучения Касимовского ханства на основе этих обзорных трудов проследить невозможно; они полностью базируются на исследовании Вельяминова-Зернова. По всей видимости, невнимание к Касимовскому ханству объясняется тем, что географически территория, на которой оно находилось, не составляет на данный момент часть Татарстана.

Книга А.Х.Халикова «Происхождение татар Поволжья и Приуралья», вышедшая в 1978 году, содержит некоторый материал по исследуемой проблематике. Касимовское ханство рассматривается автором как один из центров формирования татаро-мишарской народности (Халиков, 1978, с.133 – 135). Исторический очерк о ханстве у автора практически полностью составлен на основе монографии Вельяминова-Зернова. Ценность работы Халикова для раскрытия темы нашего исследования в том, что автором на основе многих данных, в том числе и археологических, сделана попытка показать внутреннюю жизнь Касимовского ханства, промыслы, занятия, ремесла, элементы культуры (архитектура) (Халиков, 1978, с. 146).

Исследование А.А.Зиминой «Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории» (Зимин, 1982, 333 с.) важно для нас тем, что, во-первых, упоминается о финансовой поддержке («ясак») татарских царевичей со стороны московского правительства (Зимин, 1982, с.234). Этот вопрос вызывает много споров в современной исторической науке и голоса «за» или «против» очень важны как для историографии, так и для истории как таковой. Данная проблема важна для анализа причин возникновения Касимовского ханства. Во-вторых, автор отмечает чрезвычайно высокое положение татарских царевичей на сословно-иерархической лестнице феодальной знати Российского государства (Зимин, 1982, с.234–235). В-третьих, основной исторической миссией Касимовского ханства Зимин считает его роль в подготовке присоединения Казани (Зимин, 1982, с.235).

Ю.А.Кизилев в учебном пособии «Земли и народы России в XIII – XV вв.» (Кизилев, 1984, 160 с.) затрагивает и проблему Касимовского ханства. Ханство, как считает автор, служило примером строительства устойчивых взаимоотношений «великорусского центра с разноразличными народами окраин» (Кизилев, 1984, с. 132). Отметим, что этот очень интересный тезис у Кизилева ничем не подкреплён и не развит. Однако я полагаю, что такой подход к проблеме является вполне обоснованным и нуждается в дальнейшей разработке. Особенно это касается второго этапа развития ханства (1552–1681 гг.).

В 1991 году в Москве вышла монография А.А.Зиминой «Витязь на распутье», написанная ещё в 70-е годы. В ней затронута и ранняя история Касимовского ханства, причём в связи с событиями феодальной войны в России во второй четверти XV века. Заострение внимания на связи возникновения Касимовского ханства и политической борьбы на Руси в указанный период является несомненным плюсом и новаторством работы, так как фактически это первая попытка обстоятельно разобраться в клубке политических противоречий второй половины XV века во всей их полноте. Особое внимание уделено вопросу образования Касимовского ханства. Концептуально Касимовское ханство для Зиминой представляется как «щит» «в обороне Руси как от Казани, так и от Орды Кучук-Мухаммада» (Зимин, 1991, с.172), а по статусу – как «вассальное» образование (Зимин, 1991, с.196).

В 1991 году в Казани выходит книга этнографа Ф.Л.Шарифулловой «Касимовские татары» (Шарифуллова, 1991, 127 с.). Работа представляет собой историко-этнографическое исследование материальной культуры касимовских татар. В вопросе истории Касимовского ханства автор сделала компиляцию трудов своих предшественников. Это нормально, так как работа этнографического характера. Большое внимание уделено этногенезу касимовских татар. Источники, привлекавшиеся автором для работы, носят, в основном этнографический характер (отдельно выделены вещественные материалы), что связано со спецификой исследования. Из архивных материалов были использованы как документы, хранящиеся в центральных архивах (РГАДА, РГИА), так и в местных музеях – Касимовском краеведческом, Рязанском областном краеведческом. Работа Шарифулловой носит этнографический характер;

она содержит материал по внутренней жизни и хозяйственной деятельности касимовских татар, что на данном этапе развития науки, когда нередко важнейшие открытия делаются на пересечении разных дисциплин, является для темы исследования большим подспорьем.

1991 год стал поворотным моментом не только для сегодняшнего дня России, но и для её прошлого. С концом коммунистического режима радикально изменились основополагающие принципы, которыми руководствовались исследователи российской истории внутри самой России и за её пределами⁷.

Последний этап изучения истории Касимовского ханства охватывает период с начала 20-х гг. XX в. до 1991 года. На мой взгляд, он характеризуется практически полным отсутствием эволюции изучения Касимовского ханства советскими историками. Несмотря на некоторые попытки новых подходов, в целом большинство советских авторов, прочитав исследование Вельяминова-Зернова, кратко излагало его мысли в своих собственных работах, касаясь истории ханства. Даже вышедшие в 20-х гг. работы Худякова и Губайдуллина не оказали, по сути, никакого влияния на советскую историческую науку в отношении освещения истории Касимовского ханства. Не повлияли на ход исторической науки в этом контексте и неоднократно предпринимавшиеся в течение советского периода публикации исторических источников.

Примечания

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. – М., 1952.

Базилевич К.В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III // Вестник МГУ. – 1948. – № 1. – С. 29 – 46.

Большая советская энциклопедия. – Т. 11. – М., 1973. – С. 496

Газиз Г. История татар. – М., 1994.

Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV – XVI вв. – М., 1963.

Дэвид-Фокс М., Холквист П., По М. Журнал «Критика» и новая, наднациональная историография России // НЛО. – 2001. – № 50.

Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. – М., 1991.

⁷ См.: Дэвид-Фокс М., Холквист П., По М. Журнал «Критика» и новая, наднациональная историография России // НЛО. – 2001. – № 50.

Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. – М., 1982.

История Татарской АССР. – Казань, 1968.

История Татарской АССР. – Казань, 1973.

История Татарской АССР. – Казань, 1980.

История Татарской АССР. – Т.1. – Казань, 1951.

История Татарской АССР. – Т.1. – Казань, 1955.

Кизиллов Ю.А. Земли и народы России в XIII – XV вв. – М., 1984.

Любавский М.К. Образование основной государственной территории Великорусской народности: Заселение и объединение центра. – Л., 1929.

Мавродин В.В. Образование Русского национального государства. – Л., 1941.

Материалы к теме «Создание русского национального государства» / Под ред. А.В. Шестакова. – Смоленск, 1938.

Отечественная история: Энциклопедия: В 5 т. – Т.2. – М., 1996. – С.517-518.

Рахимзянов Б.Р. К вопросу об образовании Касимовского ханства // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию общества естествоиспытателей при КГУ, 110-

летию со дня рождения М.Г.Худякова (Казань, 22-25 марта 2004 г.). – Казань, 2004. – С.348-359.

Рахимзянов Б.Р. Концептуальные воззрения М.Г.Худякова в 1930-е гг. // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г.Худякова (Казань, 22-25 марта 2004 г.). – Казань, 2004. – С.62-70.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960.

Советская историческая энциклопедия. – Т. 7. – М., 1965. – Стб. 85

Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ КГУ. Право. История. Филология. – Казань, 1964. С. 52 – 70.

Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. – М., 1962.

Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань, 1978.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М., 1991.

Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. – Казань, 1991.

Ханы Ногайской Орды

В исторической литературе тема ногайских ханов освещена слабо. Причиной этому является, с одной стороны, обрывочность сведений о ногайских ханах. Как известно, ханы Ногайской Орды не представляли сильного института власти и были полностью зависимы от реальных обладателей власти – ногайских правителей (потомков Идегея). Поэтому их жизнедеятельность освещена недостаточно. В.В.Трепавлов пишет: «Юсуф (правитель Ногайской Орды) занимал номинальный княжеский пост верховного военачальника-беклербека при безвластном хане. Коронация марионеточных монархов, которые своей персоной освящали гегемонию ногаев в степях, практиковалась во второй половине 15 века, во время формирования Ногайской Орды, а также в середине 16 века» (Посольские, 2006, с.223).

В этой статье мы постараемся показать свое видение проблемы и выдвинуть свою гипотезу о генеалогии ногайских ханов.

Сохранилось много обрывочных сведений о ханах Ногайской Орды.

1. Янай (Джанай) известен как марионеточный хан при Юсуфе. В.В.Трепавлов предположил, что данный хан был потомком Большеордынского хана Ахмеда (Посольские, 2006, с.223).

2. Ибишей известен как марионеточный хан при Исмаиле (Посольские, 2006, с.162). Генеалогия не известна.

3. Послание Мусы, Ямгурчи и хана-чингизида в Москву: имя хана звучит как Абелек Еменек Абдельфатта. Сообщение датировано 1490 годом (История, 2005, с.37).

4. Среди ханов, управляющих ногайцами, кроме вышеперечисленных, известен Аbugай-хан, выдавший свою дочь за Саадат-Гирей, согласно сообщению султана Сулеймана (Трепавлов, 2002, с.178).

Нам точно не известны годы жизни Аbugая, но можно предположить, что замуж его дочь была отдана в 1523 году, когда Саадат-Гирей, вместо того, чтобы мстить убийцам брата (Мухаммед-Гирей), выслал к ним посольство с мирными предложениями (Гайворонский, 2007, с.160). Надо думать, этот брак был заключен именно в то время. Хотя он мог быть заключен и позже, до 1532 года, когда Саадат-

Гирей отрекся от престола и навсегда покинул Крым, уехав в Стамбул. Скорее всего, он уехал в Стамбул с женой, дочерью Аbugай-хана, отсюда султан Сулейман и смог узнать об этом факте.

5. В 1535 году в сообщении Сеид-Ахмед-бия, правителя Ногайской Орды, о проживавших у него чингизидах указаны: потомки Тимур-Кутлуева дома, сын Ибака и казахский хан Ходжа-Мухаммед (История, 2005, с.69).

Возможно, Ходжа-Мухаммед также являлся ханом при ногайских мурзах, пришедшим из Казахского ханства, где в это время царила анархия (Генеалогия Ходжа-Мухаммеда имеет две версии) (Сабитов, 2008, с.34).

Ни по одному из вышеперечисленных ханов нет указаний об их генеалогической принадлежности.

6. Сообщение Муллакаева о правивших в Башкирии чингизидах, с указанием целого ряда ханов, правивших до ногаев и во время существования Ногайской Орды (Рычков, 2001, с.181-182, 278).

Мы затрудняемся отождествлять Ибишея и Яная с кем-либо из известных чингизидов. Относительно Абогая и Абелек Еменек Абдельфатта же у нас есть свои версии: М.И.Ахметзянов в одном из шежере упоминает Абужай-хана.

Родоначальником рода был потомок шибанидов Аеры Калбак. Его сын Абужай-хан, его сын Исмаил-хан, его сын Алмалы, его сын Юрматы-би, его сын Юрми-би, его сын Галиби, его сын Алеем Аккучкар и т.д. (Әхмәтжанов, 1995, б.36) Далее М.И.Ахметзянов отмечает: «Аеры Калбак (отец Абужая) – 1420 еллар чамасында Тубән Иделдән Хорезм якларына күчеп киткән татар кабиләләреннән берсе булса кирәк» (Әхмәтжанов, 1995, б.38). Со времени основателя рода прошло 21 колена, так что логично предположить, что этот Абужай жил около 500 лет назад, как и было написано в примечаниях к главе у М.И.Ахметзянова.

Мы вполне можем предположить, что Абужай из шежере Юрматы-бия тождественен ногайскому хану Абогаю.

Насчет Абелек Еменек Абдельфатта. Его имя выглядит немного громоздким. В исто-

рической литературе встречается такой персонаж, точнее их было два: Имя Абелек мы можем отождествить с Абулеком, сыном Ядигера (потомок Арабшаха), а имя Еменек – с Аминек, другим сыном Ядигера. Скорее всего, тут просто произошла ошибка и двух братьев записали как одного человека.

Как нам известно, Ядигер сын Тимур-шейха, сына Туглу-хаджи, сына Арабшаха. «Йадгар-хан в году восемьсот шестьдесят втором (19.XI 1457–10.X 1458 г. н. э.) стараниями Буреке-султана и Муса-бия стал падишахом над большей частью узбеков и долгое время счастливо правил, [а затем] ушел из мира [тленного]» (Материалы, 1969, с.435).

Если Фирдаус ал-Икбал датирует правление Ядигера с 1457–1458 годов, то автор Фатх-наме (опираясь на нусрат-наме) говорит о том, что Ядигер стал ханом после смерти Абулхаира (правил в 1428–1468) (Абусейтова, Баранова, 2001, с.46), т.е. в 1469–1470 годах.

О трех сыновьях Ядигера было написано следующее: «Буреке-султана вскоре после этого события убил Шайбани-хан, внук Абу-л-Хайр-хана. От него осталось два сына по имени Ильбарс и Бильбарс. Если будет угодно Аллаху, о них будет сказано в своем месте. Абулек-хан, [сын Йадгар-хана], после своего отца и старшего брата был падишахом в течение шестнадцати лет. Он был очень мягким и безобидным человеком. Поэтому [при нем] среди узбеков возникли вольности и проявилась анархия. У него был сын по имени Хасанкули. Когда наступил смертный час, он назначил своего младшего брата престолонаследником, [а сам] исполнил волю всевышнего ... Аминек-хан, сын Йадгар-хана, после [смерти] брата открыл дорогу справедливости и правосудию.

Эли Мухаммад Шайбани-хана, который овладел Мавераннахром, в период [правления] Аминек-хана перекочевали в Мавераннахр и около него не осталась какого-либо эля, кроме людей, [непосредственно] принадлежавших [ранее] Йадгар-хану» (Материалы, 1969, с.436-437).

Из этого сообщения из Фирдаус ал-Икбал становится ясным, что Ядигер и два его сына Абулек и Аминек были ханами в восточном Дешти-Кипчаке. Обычно это известие либо игнорировалось, либо не освещалось, так как оно не вписывалось в понимание того, что случилось после распада ханства Абулхаира. Считалось, что территория ханства Абулхаира была поделена между Сибирским и Казахским ханствами и Ногайской Ордой.

Автор Фатх-наме, в списке врагов Шах-Хайдар-хана (сын Абулхаира, правил в 1469–1470 гг.) называет Сибирского хана Ибака, Казахского хана Джанибека (в иерархии казахских ханов он был младшим ханом по отношению к Керею) и Буреке-султана вместе с Мусой и Ямгурчи (Абусейтова, Баранова, 2001, с.45-46).

Проследив связи ногайских мурз с династией Арабшахидов, мы считаем, что именно представители клана Арабшахидов (Ядигер и два его сына Абулек и Аминек) были первыми марионеточными ханами Ногайской Орды.

Почему же в хорезмских источниках (Абулгази, Фирдаус ал-Икбал) не упомянут факт о том, что данные ханы были всего лишь марионетками в руках ногайских мурз. Видимо, к моменту написания этих источников память о марионеточном царствовании данных ханов уже выветрилась из памяти потомков, или же авторы специально не указывали их имен, чтобы в памяти подданных не сохранились нежелательные с их точки зрения факты.

В пользу версии о правлении Арабшахидов в Ногайской Орде свидетельствуют, на наш взгляд, следующие факты:

1. Помощь Мусы в возведении Ядигера на ханский престол («стараниями Буреке-султана и Муса-бия стал падишахом над большей частью узбеков») и последующая совместная борьба Буреке, Мусы и Ямгурчи против потомков Абулхаира.

2. Совместное письмо Мусы, Ямгурчи и кого-то из сыновей Ядигера под именем Абелек Еменек Абдельфатта (Абулек или Аминек, возможно оба) к русскому царю 1490 г.

3. Согласно хорезмским источникам, Ядигер, Абулек, Аминек были ханами в Дешти-Кипчаке. Название государства, где они правили с момента смерти Абулхаира (1468), ухода Мухаммеда Шейбани в Среднюю Азию (1500) и завоевания Хорезма сыновьями Буреке (1515), нам неизвестно. О царствовании этих ханов сообщают три источника: Абулгази, Фирдаус ал-Икбал, Фатх-наме.

Если первые относятся к группе хорезмских источников, где правили потомки этих ханов, то третий источник не зависел от них и писался при личном участии Мухаммеда Шейбани, который в пору своей молодости служил у Йадгар-хана и Буреке-султан (Абусейтова, Баранова, 2001, с.46).

Если принять во внимание, что улус Абулхаира фактически был поделен между Сибирским, Казахским ханствами и Ногайской Ордой, то территории для правления Ядигера и его детей не было. Единственным ответом на это, является гипотеза о том, что на самом деле Ядигер и его дети правили в Ногайской Орде.

Переселение Арабшахидов в Хорезм совершилось примерно после смерти Мухаммеда Шейбани. Фирдаус ал-Икбал пишет, что «Ильбарс-хан, сын Буреке-султана, был истинно верующим и глубоко набожным падишахом. После Аминек-хана ханский престол украсился его персоной. В году девятьсот одиннадцатом (4.VI 1505–23.V 1506 г. н. э.) он овладел Хорезмом и возложил себе на голову корону хорезмшахов. Подробное изложение этого сообщения таково: после Султан Хусейн-мирзы Ургенч стал достоянием Шайбани-хана. Правитель кызылбашей Шах Исмаил сразился в Мерве с Шайбани-ханом и убил [его]» (Материалы, 1969, с.438).

Известно, что Мухаммед Шейбани умер не 1505 году, а гораздо позже, в 1510 году. Надо думать, ошибки в Фирдаус ал-Икбал вызваны тем, что устное летоисчисление по животному циклу переводилось в мусульманские годы по хиджре и получалось так, что при ошибке сдвиг приходился на 12 лет.

Например, в Фирдаус ал-Икбал сказано, что Ядигер стал ханом в 1457–1458 гг., а согласно Фатх-наме он стал ханом после смерти Абулхаира. Видимо, тут произошла ошибка на один цикл, Ядигер стал ханом не 1457–1458, а в 1469–1470 гг. Аналогичная ситуация с датой завоевания Хорезма. Надо думать, что Ильбарс с братом завоевали Хорезм не в 1505–1506, а в 1517–1518 гг. Тогда уже можно понять мотивы переселения улуса Ильбарса в Хорезм.

Возможно, это связано с нашествием казахов на ногайцев и их бегством: «Несколько лет шли упорные бои, связанные с притязаниями Касым-хана на земли Ногайской Орды. Летом 1519 года ногайский правитель Шигим прислал в Крым послов, прося убежище от казахов, которые напали на ногаев» (Гайворонский, 2007, с.130).

Мы думаем, что во время казахско-ногайских войн и после смерти Аминек два брата Ильбарс и Бильбарс сумели захватить Хорезм. Несомненно, они были более деятельными, чем их дяди Абулек и Аминек. Несмотря на то, что Бильбарс был парализован, он участвовал в боях. «Он садился на телегу, запрягал в нее трех-четыре буйных

коней, ходил в передовых отрядах и совершал набеги» (Материалы, 1969, с.439). Также известно, что дети Абулека и Аминек не участвовали в захвате Хорезма, а были приглашены Ильбарсом в захваченный Хорезм (Материалы, 1969, с.438-439).

Согласно родословным у Ядигера было 4 сына: Буреке, Аминек, Абулек, Абак (Материалы, 1969, с.437). Если с тремя первыми детьми и их потомками мы знакомы (их потомки жили и царствовали в Хорезме), то личность Абака и его потомство нам не известны.

Мы отождествляем Ногайского хана Абогая и Абака, сына Ядигера. В пользу этой версии свидетельствуют следующие факты.

1. Ядигер, а потом его сыновья Абулек и Аминек также были марионеточными ханами у ногайцев (Муса и Ямгурчи). Можно предположить, что после смерти всех трех братьев Абак был возведен ханом как старший в правящем роду.

2. Совпадение имен (Абак и Абугай).

3. Совпадение времени жизни. Дочь Абугая была замужем за Саадат-Гиреем (могла выйти замуж в 1523–1532 гг.), что свидетельствует о том, что ее отец жил в то же время, что и Аминек (жил во время исхода Мухаммеда Шейбани в Среднюю Азию).

3. Потомки Абака не значатся среди хорезмских Шибанидов, в то время как потомки остальных трех братьев там были, что косвенным образом свидетельствует о том, что Абак и его потомки остались в Ногайской орде.

4. На этом фоне представляют интерес сведения шеджере Юрматы-бия: После шеджере Абужай-хана М.И.Ахметзянов пишет: «Аеры Калбак (отец Абужая) 1420 еллар чамасында Тубэн Иделдэн Хорезм якларына күчеп киткэн татар кибелэлэрэннэн берсе булса кирэк» (Әхмәтжанов, 1995, б.38). Переселение отца Абужая в Хорезм, скорее всего – это отголосок переселения большинства родни Абака в Хорезм.

Хотелось бы разобрать вопрос о сообщении Муллакаева. Согласно его мнению, Башкирией сначала правил Хак-Назар (до 1538 г.), после него семь лет правил Исмаил-хан, после него правил Ахмед Гирей (во времена правления Шах-Али), который назван сыном Хак-Назара.

Наша точка зрения на генеалогию Исмаил-хана следующая. Мы считаем его сыном вышеупомянутого Абугай-хана, согласно шеджере Юрматы-бия, у Абужай-хана был сын

Исмаил-хан. Хотя большинство историков склоняются к тому, что Исмаил – это будущий правитель Ногайской Орды Исмаил (Трепавлов, 1997).

Наш тезис основан на следующих фактах.

1. Исмаил-хан известен по шежире как сын Абужай-хана.

2. Исмаил, потомок Идегея, никогда не носил титул хана, тогда как Исмаил, правитель Башкирии, назван ханом, титул хана мог носить только чингизид. Недаром башкиры во времена своих восстаний призывали Кучумовичей (Кучук, его сын Султан-Мурат, хан каракалпаков) для легитимизации восстания, или же выпрашивали казахских чингизидов к себе в правители (Шигай, сын Барака в 1735–1738 гг., приглашения Аблая (1735–1738) и Абулхаира (1709–1710), сына Абулхаира Кожаметта в 1737 году).

Тот же Муллакаев делает различие между понятиями хан и мирза. Мирзами он называет Алтакара (Алчагира) и Битюрка, а ханами Хак-Назара, Ахмед-Гирея, Исмаила, Басмана и Тюра-хана (Рычков, 2001, с.181-182).

3. Согласно сообщению Муллакаева, Исмаил-хан умер еще до взятия Казани русскими (а именно – до воцарения Шах-Али в Казани), а известный нам правитель Ногайской Орды был жив после взятия Казани русскими (Рычков, 2001, с.181-182, 272).

Таким образом, резюмируя, можно сказать о том, что первой ханской династией Ногайской Орды были Арабшахиды (Ядигер, Абулек, Аминек, Абак (Абугай, Абужай), Исмаил, сын Абугая, наместник ногаев в Башкирии).

После завоевания Ильбарсом и Бильбарсом Хорезма, смерти Абугая, а также отъезда

потомков Аминек и Абулека в Хорезм, ногайские правители начали приглашать на трон представителей династии Кичи Мухаммеда (к ним гипотетически относились Янай и Ибишей), а также представителей казахских ханов (Ходжа-Мухаммед, Хак-Назар и его сын Ахмед-Гирей). Мы не склонны принимать версию В.В.Трепавлова и отождествлять Ахмед-Гирея сына Хак-Назара с Ахмед-Гиреем братом Кучума (Сабитов, 2008).

Примечания

Абусейтова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные источники по истории культуры Казахстана и Центральной Азии в 13–18 веках. – Алматы, 2001.

Әхмәтжанов М. Татар шәжәрәләре. – Казан, 1995.

Гайворонский О. Повелители двух материков. – Т. 1. – Киев, 2007.

История Казахстана в русских источниках. – Т. 1. – Алматы, 2005.

Материалы по истории Казахского ханства. – Алма-ата, 1969.

Посольские книги по связи России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006.

Рычков П.И. История Оренбургская. – Уфа, 2001.

Сабитов Ж.М. Генеалогии Джучидов в 13–18 веках. – Алматы, 2008.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2002.

Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии 15–17 век. – Уфа, 1997.

Особенности восприятия в русской письменной традиции русско-ордынских отношений в 1420–1460-е гг.

Время 1420–1460-х гг. характеризуется окончательной утратой золотоордынским государством единства. На карте Восточной Европы одно за другим возникают независимые джучидские государства, которые начинают выстраивать свои отношения с соседними странами.

Необходимо отметить, что в 20-е годы XV столетия от Орды отпадают восточные владения: образуются Сибирское, Казахское, Узбекское ханства и Ногайская орда. На протяжении 1438–1445 гг. свергнутый хан Улуг-Мухаммед ведет самостоятельную политику, которая завершается появлением на карте Восточной Европы самостоятельного Казанского ханства (Худяков, 1991, с.32-33). В 1460-е гг. начинается активная борьба за самостоятельность Крымского и Астраханского улусов, продолжающаяся с разной интенсивностью и переменным успехом вплоть до 1502 г. (Зайцев, 2004, с.62). Самым крупным осколком Джучиева Улуса оказывается Большая (или Великая) Орда, занимавшая кочевья от Днестра до левобережья Волги. Однако с 1456 г., с потерей Ак-Кермана, который захватили турки, татары Большой Орды не рискуют кочевать даже в правобережье Днепра. Не часто они появляются и в левобережье Волги.

Процесс распада Золотой Орды активно влияет на взаимоотношения Руси со Степью. Отныне русским княжествам приходится иметь дело не с одним государством, а сразу с несколькими, нередко враждебными друг другу ханствами.

При этом различные аспекты отношений находят отражение на страницах письменных памятников, которые фиксировались в категориях мировоззрения того времени.

Смерть Василия I и передача власти его малолетнему сыну вызвала претензии на великокняжескую власть его дяди Юрия Дмитриевича. Обладавший полководческим талантом и авторитетом в войсках, Галицкий князь мог рассчитывать на успех.

Однако ни московское боярство, ни удельные князья (братья Дмитриевичи – Андрей, Петр и Константин) не поддержали Юрия. Кроме того, за спиной десятилетнего

Василия II, как гарант завещания его отца, стоял великий князь Литовский Витовт. Галицкий князь оказался в политической изоляции и был вынужден вступить в переговоры.

Дипломатическую миссию возглавил митрополит Фотий. В результате длительных переговоров было заключено перемирие на условиях: «не искать княжения собою, но царем, которого царь пожалует, тот будет князь великий Владимирский» (Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XII, с.3; ПСРЛ. Т. XXVI, с.188). То есть договаривающиеся стороны, без вмешательства татар, признали, что власть ордынского хана имеет право на суд русских князей и права на распоряжение княжескими владениями.

В то же время, стабильности в степи не было. Выражением этого явился тот факт, что осенью 1425 г. ордынцы разграбили окраину Рязанского княжества, после чего «возвратишася с полоном в поле». Однако рязанские войска «идоша в погоню за ними и постигоша их, биша и полон отьяша» (ПСРЛ. Т. XII, с.6-7).

Зимой 1428–1429 гг. ордынцы совершили набег на Галич. По данным Московского летописного свода конца XV в. татары «приходиша ... к Галичу, града не взяли, а волости повоеваша» (ПСРЛ. Т. XXV, с.248). Софийская первая летопись уточняет, что ордынцы «стояли в Галиче месяц» (ПСРЛ. Т. V, с.263). В январе (на Крещение – 6 января) 1429 г. ордынцы «приидоша изгоном на Кострому и попленишв отьидоша на низ Волгою» (ПСРЛ. Т. XXV. – С.248). Софийская первая летопись добавляет к числу разоренных городов Плесо и Лух (ПСРЛ. Т. V, с.263). Великий князь Василий II послал в погоню за ордынцами «дядей своих Андрея и Константина Дмитриевичев, а с ними Ивана Дмитриевича с своими полки» (ПСРЛ. Т. VIII, с.94-95; Т. XII, с.8; Т. XXV, с.248). Русские войска преследовали противника до Нижнего Новгорода. Однако догнать татар не удалось, и командующие войсками приняли решение о возвращении. В то же время, князь Фёдор Пёстрый и князь Фёдор Константинович Добрынский «утаився от князей и воевод ...погониша за татары и угониша зад их, побиша татар и Бесермен и

полон весь отняша, царевича и князя Али-бабы не догониша» (ПСРЛ. Т. XXV, с. 248). В договорной грамоте князя Юрия Дмитриевича с великим князем Рязанским Иваном Фёдоровичем от 31 марта – 5 июня 1434 г. сохранилось упоминание об ордынских пленниках, которые были захвачены когда «царевич Махмуд-Хозя был ... в Галиче ратью» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. (далее – ДДГ). № 33. – С. 86). Поскольку источники зафиксировали лишь один набег ордынцев во главе с царевичем (не названного по имени), то указание грамоты необходимо отнести именно к событиям 1428–1429 гг.

Вероятно царевич Махмуд-Хозя (Мухаммед-ходжа) на момент нападения на русские княжества являлся владельцем Булгарского улуса. На такой вывод нас наталкивает тот факт, что весной 1431 г. «князь великий Василий Васильевич посылал ратью на Болгары Воложские и Камские князя Фёдора Давидовича Пёстрога; он же, шед, воева их и всю землю их плени» (ПСРЛ. Т. XII, с. 9).

К лету 1431 г. политическая ситуация в Московском княжестве изменилась. Осенью 1430 г. умер великий князь Литовский Витовт. В Литве к власти пришёл свояк князя Юрия Свидригайло. Спустя год скончался митрополит Фотий.

После смерти Витовта князь Юрий Дмитриевич «разверже» мир с Василием II. В Москву была отослана договорная грамота 1428 г. В московской канцелярии на ней поместили: «А сию грамоту князю великому прислал (со) складною вместе князь Юрьи, к Орде ида» (ДДГ. № 24, с. 67).

Таким образом, Галицкий князь решил воспользоваться благоприятной для него политической обстановкой и заручится ярлыком великого хана.

Однако первым в степь выехал Василий II. На Успение Пресвятой Богородицы (15 августа) 1431 г., отстояв литургию и молебен «великому чудотворцу Петру», князь поехал в ставку хана (ПСРЛ. Т. XII, с. 15; Т. XXV, с. 249).

Юрий Дмитриевич выехал в Орду лишь на праздник Рождества Богородицы (8 сентября 1431 г.) (ПСРЛ. Т. XII, с. 15; Т. XXV, с. 249).

Русские князья были помещены в ставке московского даруги Минь Булата. Московский летописный свод конца XV в. отмечает, что «князь великий честь бе велика от него (от Минь Булата – Ю.С.), а князю Юрию бесчестье, истома велика». Однако темник Ширин Тегиня «пришед... и взят силою ... и великое

княжение обеща ему дати» (ПСРЛ. Т. XXV, с. 249).

Ширин Тегиня и Юрий откочевали зимовать в Крым. Ситуацией воспользовался московский боярин Иван Дмитриевич Всевожский. Он «начат бити челом великим князем ординским, Аидару и Минь Булат, и прочим князем татарским за государя своего великого князя Василия». Всевожский объявил эмирам, что Ширин Тегиня имеет неограниченное влияние на великого хана («во царе волен»). Великий хан Улуг-Мухаммед, следовательно, может в обход их мнения поставить во главе Владимирского княжества Юрия. И тогда во главе Литвы будет свояк Юрия Свидригайло, сам Юрий станет главой сильнейшего русского княжества, а Ширин Тегиня фактическим главою Орды. И «тем словом яко же стрелою уязви сердца их» (ПСРЛ. Т. XII, с. 15-16; Т. XXV, с. 249). Эмиры единым фронтом выступили за Василия II. Улуг-Мухаммед принял решение в случае выступления Ширин Тегини в пользу князя Юрия казнить эмира. Однако Ширин Тегиня узнал о планах великого хана и не посмел поднимать вопрос о великом княжестве.

Улуг-Мухаммед приказал судить князей и «много пря бысть межи их». По словам Московского летописного слова «князь великий (Василий II – Ю.С.) по отчеству и по дедству искаше стола своего, князь же Юрьи летописцы и старыми списки и духовную отца своего великого князя Дмитрея». Всевожский заявил великому хану: «великий князь Василий ищет стола своего великого княжения, а твоего улусу, по твоему цареву жалованию и по твоим девтерем и ярлыком... А господин наш князь Юрьи Дмитриевич хочет взяти великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованию волного царя, а ты волен во своем улусе кого всхощешь жаловати на твоеи воли» (ПСРЛ. Т. XII, с. 16; Т. XXV, с. 249).

По версии московских летописцев именно после этой речи боярина «даст великое княжение князю Василию Васильевичу и повеле князю Юрию и конь повести под ним. Князь же великий не восхоте того, дядю своего обесчестити» (ПСРЛ. Т. XII, с. 15; Т. XXV, с. 249). В компенсацию Юрий Галицкий получил ярлык на Дмитров.

Однако по данным Новгородской летописи, «выидоша князи русти из Орды без великаго княжения». Псковский летописец отметил, что князья и их свиты выехали из ставки хана «добры и здравы, а княжения великого не взят

не един» (Новгородская первая летопись, с.416; Псковские летописи. Вып.1, с.39).

Лишь осенью 1432 г. в Москву прибыл ханский посол Мансыр-Улан и возвёл на Владимирский престол Василия II.

Юрий Галицкий, опасаясь своего племянника, покинул Дмитров и укрылся в Галиче. Василий II занял Дмитров. Наместники Юрия были изгнаны или взяты под стражу.

8 февраля 1433 г. на свадьбе Василия II вспыхнул семейный скандал. Василий Косой (сын Юрия Галицкого) явился на пир в золотом поясе, украденном (или якобы украденном) из великокняжеской казны. Мать великого князя Софья Витовтовна объявила об этом во всеуслышание и сорвала пояс. Братья Юрьевичи «раззлбившись» покинули Москву.

Вскоре Москву покинул Всеволожский. Он прибыл в Галич. Получив свежайшую информацию из столицы, Юрий принял решение о захвате власти. Стремительным броском Галицкий князь вышел к Москве. 5 апреля войска Василия II в «двадцати верстах» от Москвы потерпели поражение. Великий князь бежал в Тверь, а затем в Кострому. Юрий занял Москву и великокняжеский престол. После переговоров он передал в удел Василию II Коломну.

Однако московское боярство, выразив неудовольствие претензиями галицкого боярина Семёна Морозова на должность правителя, стало выезжать в Коломну, ко двору Василия II. В конце концов, Юрия покинули даже его сыновья.

Галицкий князь выехал из Москвы и вернул престол племяннику. По договору с Василием II Юрий обязался не помогать своим детям. Просьбу своих детей о помощи он действительно отверг. Однако московские войска несколько раз разоряли Галицкий удел и весной 1434 г. войска Юрия соединились с войсками его сыновей.

20 марта Василий II потерпел поражение в битве под Ростовом. Он попытался укрыться в Великом Новгороде, но его там не приняли. Москва неделю держала оборону, но 30 марта крепостные ворота были открыты. Юрий во второй раз занял великокняжеский престол.

Василий II через Мологу и Кострому прибыл в Нижний Новгород. Юрий направил к городу войска во главе со своими детьми Дмитриями. У Василия II не было армии противостоять своим противникам и он «восхотел в орду» (ПСРЛ. Т.ХII, с.20). Однако во время данного похода 5 июня 1434 г. умер Юрий Дмитриевич Галицкий. Престол занял его сын Василий Косой. Но его не поддержали

братья, на стороне которых была военная сила. Престол был передан Василию II. Василий Косой бежал из Москвы.

Таким образом, династический кризис ослабил великокняжескую власть. Невозможность разрешить данный кризис своими силами вызвала необходимость поиска авторитетного арбитра. Таковым была признана власть ордынского хана. То есть ослабление власти реанимировало зависимость Московского княжества от Золотой Орды. Русские князья вновь отправились ко двору ордынского правителя. Вновь судьба великого княжества оказалась в его руках.

Однако власть великого хана возродилась не в полной мере. Василий II, не посчитавшись с волей Улуг-Мухаммеда, занял Дмитров, на который хан выдал свой ярлык. Причем никаких карательных мероприятий со стороны Орды не последовало, что говорит о ее слабости.

Не посчитался с волей Золотой Орды и Юрий Галицкий, дважды отстранив от власти своего племянника, имевшего на великокняжеский титул ханский ярлык.

В то же время, оказавшись в роли изгнанника, Василий II намеривался искать поддержки именно в Орде. Смерть Юрия сделала его племянника вновь великим князем. И никакой санкции либо военной поддержки хана Василий II испрашивать у великого хана не посчитал нужным. Хотя данный факт может объясняться тем, что у Василия уже был ярлык, выданный в 1432 г. Улуг-Мухаммедом и подтверждать его не было необходимости.

Таким образом, можно констатировать, что с 1430-х гг. (точнее с 1434 г.) Золотая Орда перестала рассматриваться на Руси как сила, которая безоговорочно распоряжается властью в княжествах. Если официально в 1432 г. княжение признавалось «своим», но при этом «царевым улусом», то фактически русские князья распоряжались своими уделами и великим княжеством по своему усмотрению. Именно с этого времени, на наш взгляд, необходимо рассматривать Русь и Орду как фактически независимые (по крайней мере, в юридическом плане) государства. Символом подконтрольности русских князей великому хану оставалась, как и в последние годы правления Василия I, лишь выплата дани.

Военный конфликт русских княжеств с Золотой Ордой фиксируется источниками весной 1437 г. Тогда ордынцы разорили окраину Рязанского княжества (ПСРЛ. Т.ХII, с.8-9).

1437 г. ознаменовался очередной усобицей в Орде. Молодой царевич Кичи-Мухаммед начал активную борьбу за ханский престол с Улуг-Мухаммедом. По свидетельству Иосафата Барбаро, войска Кичи-Мухаммеда, пройдя мимо Астрахани, через Северный Кавказ, мимо Азака (Азова) в ноябре указанного года вышли к кочевьям Улуг-Мухаммеда. Последний, «видя, что не сможет ему сопротивляться, покинул орду и бежал вместе со своими сыновьями и другими своими людьми» (Барбаро и Контарини о России, с.150). Тогда же, в ноябре 1437 г. Улуг-Мухаммед появился у границ русских княжеств и занял город Белёв. По свидетельству поздней Казанской истории (XVI в.), беглый хан занял места у Белёва по договорённости с великим князем московским Василием II (Казанская история, с.49-50). Здесь Улуг-Мухаммед построил ледяной город (единственное защитное фортификационное сооружение, которое обычно позволяли себе татары) и начал собирать сторонников (Казанская история, с.50). Сбор войск вызвал настороженность у князя Василия и он направил на хана свои войска.

Третьего декабря 1437 года сильное московское войско подошло к Белёву, к нему присоединилась и мценская рать во главе со своим воеводой. Утром четвертого декабря Улуг-Мухаммед попытался вступить в переговоры, предлагая довольно сносные условия мира («начать даватися во всю волю князем русским») (ПСРЛ Т.VIII, с.107; Т.XII, с.24; Т.XXV, с.260). Однако русские военачальники Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный отказались от продолжения переговоров.

Ордынцы оказались вынуждены выйти из-за стен ледяного города и вступить в бой. Однако русские войска имели большой численный перевес, и татары отступили за ледяные стены. На их «плечах» в город ворвался отряд во главе с князем Петром Кузьминским и Семеном Волынцем. Но действия отважных военачальников не были поддержаны другими войсками. Отряд русских ратников был полностью уничтожен.

После битвы Мценский воевода Григорий Протасьев инициирует переговоры с Улуг-Мухаммедом. В то же время, он организует тайную переписку с татарским ханом. Ее результатом явилась договоренность о совместных действиях ордынских войск и мценской рати. Здесь необходимо напомнить, что Мценский воевода Григорий Протасьев побывал в плену у данного хана и был милостиво отпущен. Видимо, с этого момента

мценский воевода стал верным союзником Улуг-Мухаммеда.

Утром пятого декабря переговоры между ханом и русскими военачальниками возобновились. Улуг-Мухаммед отдавал в заложники своего сына и сыновей своих князей. Также хан обещал не совершать набегов на Русь и не требовать с Москвы даней. Однако Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный остались непреклонны и на сей раз. В то же время, татары, не дожидаясь окончания переговоров совершили неожиданную вылазку и ударили на русские рати. Одновременно мценские войска ударили в тыл московских войск. Устюжская летопись начала XVI в. добавляет, что мценцы еще и кричали «побежи, побежи» (Устюжский летописный свод (Архангело-городский летописец), с.78). Измена вызвала панику и бегство русских ратников. В ходе битвы погибли князья Федор Торусский, Андрей Стародубский, бояре Андрей Шакуров, Никита Туриков, Семен Горсткин и «иных многое множество». «А князи (Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный – Ю.С.) отбегоша в мале дружине» (ПСРЛ. Т.XXV, с.248).

Русско-ордынский конфликт 1437 года положил начало длительному периоду войн Московского княжества с Улуг-Мухаммедом. В первую очередь необходимо отметить, что свою ставку беглый хан перенес под Нижний Новгород, заняв часть крепости. Во-вторых, под 1438 г. в летописях встречается упоминание о разорении татарами Рязанского княжества (ПСРЛ. Т.XII, с.25). Не исключено, что именно отряды Улуг-Мухаммеда грабили окраины рязанщины, перекочевывая из-под Белёва к Нижнему Новгороду.

Кроме того, летом (3 июля) 1439 года Улуг-Мухаммед «приходил к Москве ... со многими силами безвестно» и «зла много учини земле Руськой» (ПСРЛ. Т.XII, с.30). Великий князь Василий не успел собрать войска и вынужден был отойти за Волгу. В городе остался воевода Юрий Патрикеевич. Однако хан на штурм не решился и после десятидневной осады «поиде проч, граду не доспеве ничтоже; а зла много учини земли Руськой». Отступая к Нижнему Новгороду Улуг-Мухаммед «достал» Коломну: сжег город и собрал пленных (ПСРЛ. Т.XXV, с.260).

Зимой 1444–1445 гг. войска Улуг-Мухаммеда совершили набег на Муром. Великий князь Василий II собрал войска и выдвинулся к Мурому навстречу татарам. Однако в походе «много христиан от мраза изомре, а иных татарове убиша» (ПСРЛ. Т.XII, с.63). Но несмотря на непростое положение русских

войск, татары отступили к Нижнему Новгороду. На обратном марше ордынцы разграбили Гороховец. Одновременно с походом основных сил Улуг-Мухаммеда к Мурому другой отряд татар разграбил Поволжье, в частности, были разорен Лух и земли вокруг него (ПСРЛ. Т. XII, с.63).

А весной 1445 г. Улуг-Мухаммед к Москве направил отряд (3500 сабель) во главе со своими сыновьями: Махмутеком и Ягубом. Первого июля великий князь Василий II выдвинул свои войска из Москвы. 5 июля войска прибыли в Юрьев. Сюда же подтянулись дружины князя Ивана Андреевича Верейского и князя Василия Ярославича Серпуховского «и иные многиа воеводы и люди приидоша к нему» (ПСРЛ. Т. XII, с.63-66). 6 июля русская рать подошла к Суздалью. Великий князь сделал смотр, после чего войска расположились лагерем на р. Каменке. В распоряжении великого князя имелось 1500 человек. Ожидался подход служилых татар во главе с Бердедатом, которые уже подошли к Юрьеву. Кроме того, должны были подойти войска князя Дмитрия Шемяки, но последний рать так и не прислал.

Утром 7 июля Василий II получил известие о том, что татары переправились через Нерль. Великий князь начал спешно выдвигать свои войска навстречу противнику. Русские и татары сошлись на поле севернее Спасо-Евфимьева монастыря. Под натиском русских войск ордынцы побежали. Часть начавших преследование русских увлеклись грабежом убитых татар. В это время ордынцы вернулись (по всей видимости, бегство было притворным) и, после упорной схватки (было убито до 500 татар, ранен сам великий князь) рассеяли русские войска. В плен попали великий князь Василий и князь Михаил Верейский. Развивая успех «татары ходив в погоню и многих избиша и изграбиша, а села пожгоша, люди изсекоша. А иных в плен поведоша». Москвичи начали готовиться к активной обороне города. Однако 10 июля татары покинули Суздаль и, пройдя мимо Владимира и Муром, ушли к Нижнему Новгороду (ПСРЛ. Т. XII, с.63-66).

Улуг-Мухаммед попытался продиктовать условия плененному великому князю. Однако Василий II, вероятно, не шел ни на какие уступки. Тогда хан направил посла к Дмитрию Шемяке. Однако 10 октября 1445 г. князь Василий был отпущен с Курмыша на «великое княжение». Великий князь обязался «дать ему (хану – Ю.С.) за себя окуп, сколько может» (ПСРЛ. Т. XII, с.66). По мнению. М.Г.Сафарга-

лиева, именно в связи с этим договором было организовано Касимовское ханство на «Мещерских местах» (Сафаргалиев, 1960, с. 255).

В том же 1445 г. Улуг-Мухаммед был убит собственным сыном Мамутеком, который организовал ханство с центром в Казани. Именно эти события принято считать началом самостоятельного существования Казанского ханства (см. обзор мнений: Худяков, 1991, с. 32-34). Его братья, Касым и Ягуб, перешли на службу к великому князю Московскому.

Конфронтация же с Мамутеком, доставшаяся в наследство от отношений с Улуг-Мухаммедом, продолжалась. Зимой 1447 г. казанский хан «посла всех князей своих со мною силою воевати отчину великого князя Владимир и Муром и прочая грады» (ПСРЛ. Т. XII, с.72). Великий князь направил навстречу татарам войска. Однако о дальнейшем развитии событий известий в источниках не сохранилось.

В то время, как развивались события конфронтации Василия II с Улуг-Мухаммедом, был совершен набег на Рязанское княжество. Царевич Мустафа в 1443 г. «повоева власти и села Рязанския, и много зла Рязани учинил, и отъиде с полоном многим, и ста на Поле». Ордынский царевич завязал переговоры, результатом которых стало договоренность о возвращении пленных рязанцев за выкуп. Заключив перемирие, Мустафа решил зимовать в Переяславле-Рязанском, поскольку «Поле все в осень пожаром погоре, а зима люта и велми зла». Рязанцы же отправили гонцов к великому князю Василию Васильевичу Московскому, который прислал войска во главе с Василием Оболенским и Андреем Голтыевым. Одновременно подошли союзные москвичам мордовские войска. На речке Листани, вне города Переяславля-Рязанского, татарские войска были окружены войсками московского и рязанского княжеств, мордовским отрядом и рязанским ополчением («пешая рать с ослопы, топоры и с рогати-нами»). Основное оружие татар – луки – они не смогли применить из-за сильного ветра. После упорного боя ордынский отряд был уничтожен. Погиб и сам Мустафа.

В условиях постоянных междоусобиц в степи не удивительно нападение на Рязанское княжество царевича-чингизида. Но насколько опасным для Рязани являлся этот набег? На это может указать лишь статус главнокомандующего. Статус Мустафы определяется его местом в генеалогической иерархии. Прежде всего, на высокий статус командующего втор-

жением в княжество в 1443 г. указывают летописи. Там он назван царевичем. То есть, он, несомненно, Чингизид.

Для середины XV в. соответствуют лишь два потомка старшего сына Чингиз-хана Джучи. Это: Мустафа – седьмой сын Гияс-ад-Дина седьмого сына Шадибека, сына Кутлубека, старшего сына Кутлук-Тимура, сына Нумкана (Томгана), второго сына Абая, второго сына Кин-Тимура (Уз-Тимура), четвертого сына Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана («Книга избранных дат побед», 1969, с. 40; «Море тайн относительно доблестей благородных», 1969, с. 320-368; Тизенгаузен В.Г., 1941, с. 63). И – Мустафа – седьмой сын Мухаммед-хана, второго сына Хасана, второго сына Джанса (Джине), сына Дервиш-хана, сына Тулек-Тимура, второго сына Куичека (Кунчека), сына Сарича, четвертого сына Урунка, третьего сына Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана («Книга избранных дат побед», 1969, с. 40).

Они принадлежат соответственно к восьмому и девятому поколению потомков Джучи-хана. Именно на время середины XV в. приходится период активной политической деятельности указанных поколений. Причем наиболее часто встречаются представители девятого-десятого поколения. Таким образом, статус Мустафы был достаточно высок.

Это тем более вероятно, что летом 1444 г. татары разорили Рязанское княжество, а осенью – Мордву. Возможно, эти набеги были связаны с событиями 1443 г. и носили карательный характер за убийство Мустафы.

С 1449 г. источники фиксируют нарастание конфронтации с Большой Ордой, где в это время ханом был Сейид-Ахмед. Его войска летом указанного года «догоняли до Похры». Однако отряд служилого царевича Касыма, находившийся в момент нападения в Звенигороде, выступили против ордынцев и «с коими встретились тех били и полон отымали; они же видев то, бежаша назад» (ПСРЛ. Т. XII, с. 72-73).

Следующим летом великий князь Василий II, находившийся тогда в Коломне, получил известие о наступлении на княжество татарского отряда во главе с Мальбердеем. Навстречу ордынцам были выдвинуты войска царевича Касыма и отряд коломничей во главе с Константином Беззубцевым. Русские войска встретились с противником «на Битюце-реке в Поле и побиша татар много, а инии убежаша» (ПСРЛ. Т. XII, с. 73).

Летом 1451 г. царевич Мозовша подошел к границам Московского княжества. Князь Василий II выдвинул войска к Окскому рубежу, к Коломне. Однако собрать все войска не удалось, и князь из Брашева вернулся в Москву. Для прикрытия дороги и защиты окского рубежа было оставлено войско во главе с Иваном Звенигородским. Поскольку численность войск была достаточно мала, основной задачей поставленной князем Василием вперед воеводой была по возможности дольше задержать переправу татар через Оку. Однако Иван Звенигородский «убоявся, вернулся назад иным путем» (ПСРЛ. Т. XII, с. 76).

Татары же, подходя к Оке «чаючи протива себе рати» не стали форсировать реку с марша. В это время великий князь Василий подготовил к осаде Москву, а сам с княжичем Иваном отъехал за Волгу. 2 июня отряд татар подошел к столице княжества. Ордынцы зажгли посад, своевременно не сожженный обороняющимися. Защитникам от дыма «не бе лзе и прозрети». Под прикрытием огня и дыма татары начали штурм. Однако он был успешно отбит москвичами. Вечером горожане начали готовить «противу безбожных пушки и пищали, самострелы и оружия, и щиты, и луки и стрелы». Однако ночью татары неожиданно покинули свой лагерь и сняли осаду (ПСРЛ. Т. XII, с. 77).

Татары Сейид-Ахмедовой Орды повторили набег в 1455 г. Они подошли к Оке и «перевозошася Оку ниже Коломны». Однако великий князь выдвинул им навстречу войска во главе с князе Иваном Юрьевичем, и «бысть им бой и одолеша христиане» (ПСРЛ. Т. XII, с. 111).

Спустя четыре года, в 1459 г., отряд татар Сейид-Ахмедовой Орды снова появились у границ Московского княжества. Вновь к Оке были направлены войска, на этот раз их возглавлял княжич Иван. Попытка татар переправиться через Оку была успешно отбита, ордынцы отступили (ПСРЛ. Т. XII, с. 111).

Как видно из обзора набегов татар Сейид-Ахмедовой Орды, основным направлением ударов были Коломна-Москва. По справедливому мнению К.В. Базилевича, «устойчивость этого направления позволяет думать, что целью нападения был не простой захват добычи и пленных, а более серьезные политические стремления» (Базилевич, 1952, с. 51-53).

Со сменой хана в Большой Орде несколько изменилось направление набегов. К примеру, летом 1460 г., в Успенский пост (с 1 по 15

августа) хан Махмуд осадил Переяславль-Рязанский. Однако «много же язву прияша вои его от гражане, избиении быша мнози и уязвлени». Махмуд «ничтоже успев граду тому, с срамом отступил» (ПСРЛ. Т.ХІІ, с.114).

А в 1461 г. источники фиксируют выступление войск великого князя Василия II во Владимир с последующей целью похода на Казань. Однако туда (во Владимир) к Василию прибываю послы из Казани, которые «взяша мир» (ПСРЛ. Т.ХІІ, с.116).

В представленной работе предлагается рассмотреть особенности описания русско-ордынских отношений в русской письменной традиции, выявить различные оценочные характеристики в период становления независимости ханств-осколков Орды вообще и Казанского ханства в частности.

В первую очередь различные события отношений русских княжеств и татар в данный период нашли отражение в московском летописании. Оно представлено, прежде всего, великокняжескими летописными сводами 1472 (Лурье Я.С. Летопись Вологодско-Пермская, 1989, с.47-49), 1479 (Лурье Я.С. Летописный свод Московский великокняжеский 1479 г., 1989, с.32-34), и так называемым летописным сводом конца XV в. (Лурье Я.С. Летописный свод Московский великокняжеский 1479 г., 1989, с.34), а также Симеоновской летописью (Лурье Я.С. Летопись Симеоновская, 1989, с.56-57) и Софийской II (Лурье Я.С. Летопись Софийская II, 1989, с.60-61). Причем, если первые из перечисленных произведений представляют собой официальное великокняжеское или митрополичье летописание, то в Софийской II летописи, по всей видимости, нашла отражение неофициальная (монастырская) фиксация событий. Данные памятники стали источниками более поздних летописных сводов – Никоновского (Клосс Б.М. Летопись Никоновская, 1989, с.49-50) и Воскресенского (Левина С.А. Летопись Воскресенская, 1989, с.39-42).

Отраженная в перечисленных памятниках московская летописная традиция сохраняет характерную для предыдущего времени немногословную оценочную характеристику ордынцев. Однако и здесь мы встречаем ряд показательных рассуждений.

В частности, при описании начала династического кризиса в 1425 г. (после смерти Василия I), ряд летописей отмечает, что глава московской дипломатической миссии к князю Юрию Галицкому митрополит Фотий заключил перемирие на условиях: «не искати княжения великого собою, но царем, которого

царь пожалует, то будет великий князь Владимирский» (ПСРЛ. Т.ХІІ, с.3; ПСРЛ. Т.ХХV, с.247; ПСРЛ. Т.ХХVI, с.188).

Кроме того, описывая события спора и суда при дворе хана Улуг-Мухаммеда Василия II с его дядей князем галицким Юрием в 1431–1432 гг., от имени боярина Всевожского автор пишет: «...князь же Юрьи летописци и старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитрия...великий князь Василей ищетъ стола своего великого княжения, а твоего улусу, по твоему цареву жалованию и по твоим девтерем и ярлыком, а се твое жалование перед тобою. А господинъ наш князь Юрьи Дмитриевич хочет взятии великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованию волного царя, а ты воленъ во своемъ улусе, кого въсхощешъ жаловати на твоеи воле» (ПСРЛ. Т.ХVІІІ, с.172; ПСРЛ. Т.ХХV, с.249).

Таким образом, московское правительство и юный князь Василий, а также их противник князь Юрий, признают власть ордынского хана и отдают ему право суда над владельцами и распоряжения княжествами.

Однако уже применительно к событиям осени-зимы 1437 г. летописцы меняют оценочные характеристики. Тогда хан Улуг-Мухаммед был смещен с престола и откочевал к Белёву, где стал лагерем. По данным источников, первоначально князь Василий II позволил бывшему хану кочевать у границ Руси. Однако затем он меняет свою позицию и отправляет против него войска во главе со своими двоюродными братьями, сыновьями Юрия Галицкого. Несмотря на значительное численное превосходство, русские полки терпят сокрушительное поражение. Московская письменная традиция описывает данный факт следующими словами: «...Они (князья-Юрьевичи – Ю.С.) же посматрившее за себя видеша своих бежащих, гонимых никям же. И превозношения ради нашего и за множество согрешении наших попусти господь неверным одолети многому воинству православным христианом, яко неправедне бо ходящим нашим и свое христьянство преже губящим. И худое оно малое безбожных воинство бесчисленное христьянъ воинство съдоле и изби, яко единому Агарянину десяти нашим и выше того одолети, князи же болшие убегоша сдрави» (ПСРЛ. Т.ХVІІІ, с.189; ПСРЛ. Т.ХХV, с.260).

Более резок в оценках рассказ «О Белевском бою», помещенный в Софийскую II летопись: «...и разгордешася, поидоша на них... князи превозношение во сердци ихъ

имущее ...и гордости ради и множество грех опусти Богъ на нас, худое оное малое безбожных воинствъ одолеша тмочитленным полком нашим, яко неправедне хотящим и прежде губящим...И многое множество избиено бысть русских воинъ, яко единому агарянину десятим или выше того одолети, по реченному, яко язык погубль советъ есть, и не есть в них мудрости, не смыслиша разумети сиа вся, да примут грядуща тако поженет тысящу, а два двигнет тму, аще не бы Бог отдалъ и господь предасть, и сице над семи сотворися. Сии бо смиряся, мира прося, а си превознесошася и погибоша» (ПСРЛ. Т.VI. Вып. 2, с.69-70).

С одной стороны, авторы и того и другого рассказа отмечают, что беда случилась «попущением Господним». С другой стороны, основным прегрешением называется гордыня в противовес отклоненному князьями смирению.

Выдвинутый на первый план морально-нравственный аспект событий тесно связан с Библейскими установками. В частности, в Первом послании Петра указывается: Также и младшие, повинуйтесь пастырям; все же подчиняясь друг другу, облекитесь смиренномудрием, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (1 Пет. 5: 5).

Кроме того, особо подчеркивается, что русские князья «Идущим же им к Белеве, все пограбиша у своего же православного христианства и мучаху люди из добытка и животину бьющее назад себе отсылаху, а и ни с чимъ же не разоидохуся, все грабиша и неподобнаа и скверна деяху» (ПСРЛ. Т.XXV, с.260). Результатом такого несправедного поведения и стало поражение русских войск. Недаром автор рассказа подчеркивает, что русские полки бегут с поля боя «гонимых никям же». Такое положение дел связано именно с отступлением от Божественной воли. К примеру, в Книге Левит отмечается: «Если же не послушаете Меня и не будете исполнять всех заповедей сих ... Обращу лицо Мое на вас, и падете пред врагами вашими, и будут господствовать над вами неприятели ваши, и побежите, когда никто не гонится за вами». (Левит. 26. 14, 17). Во Второзаконии также можно найти сходные идеи: «Предаст тебя Господь на поражение врагам твоим; одним путем выступишь против них, а семью путями побежишь от них; и будешь рассеян по всем царствам земли. И будут трупы твои пищею всем птицам небесным и зверям, и не будет отгоняющих их» (Втор. 28. 25-26).

Однако в Книге Ливит содержится и еще одна установка. Праведники, получающие Божественное покровительство, всегда будут

иметь превосходство над противником: «Пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонят тьму, и падут враги ваши пред вами от меча» (Левит. 26: 8).

Но, по всей видимости, автор рассказа «О Белевском бою» в Софийской II летописи использовал для своих оценок слова Второзакония, которые в словесных выражениях и смысловых нагрузках совпадают с его характеристикой событий:

«Яко языкъ (яко язык), погубивъ советъ есть, и несть въ нихъ хъдбѣства, не смыслиша разумети сиа вся (и не есть в них мудрости, не смыслиша разумети сиа вся), да примутъ во грядущее лѣто (да примут грядуща)! Какъ поженетъ единъ тысящу, и два двигнетъ тмъ, аще не бѣтъ ѿдаде ихъ, и гдъ предаде ихъ (един тако поженет тысящу, а два двигнет тму, аще не бы Бог отдал и господ предаст)!» (Вт. 32: 28-30).

Эта сентенция также должна была подчеркнуть, что русские войска действуют несправедно.

Таким образом, ордынское войско во главе с Улуг-Мухаммедом выступает в рассказах как орудие Божиего наказания отступников от веры.

Причем в обоих рассказах, татары упоминаются с минимальным количеством оценочных эпитетов: неверными они названы в Московском летописном своде; безбожными и агарянами – в Софийской II летописи.

Однако автор, с одной стороны, осуждает действия «возгордившихся» князей-Юрьевичей. С другой же стороны, он сожалеет о тяжелейшем поражении, нанесенном «безбожными агарянами» русскому православному воинству.

Показательно, что за рассказом «О Белевском бою» с Софийской II летописи помещен рассказ «От жития Сергиева чюдо о Белеве», в котором рассказывается о спасении простого ратника во время поражения русских войск под Белёвым. Тогда некому воину Ивану после обращения в молитве к преподобному Сергию удалось дважды избежать смерти или плена от татар (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2, с.70-73). Рассказ об этом «чудесном» спасении практически в два раза больше, чем описание Белёвского боя. Вообще рассказ «О Белевском бою» в Софийской II летописи выглядит как предисловие к рассказу «От жития Сергиева чюдо о Белеве»: они явно взаимосвязаны не только временными и географическими факторами, но и смысловым содержанием. Уникальный рассказ, несовпадающий с официальным рассказом московских летописей,

подтверждает мнение о неофициальном монастырском характере многих свидетельств Софийской II летописи. Более того, повышенное внимание в рассказах о событиях под Белёвом к личности Сергия Радонежского может свидетельствовать в пользу создания данных повествований в Троицкой обители.

Лаконичны оценки ордынцев и в других рассказах о взаимоотношениях Руси и Орды того времени. К примеру, описывая события июля 1445 г., так называемый «Бой под Суздалем», автор единожды называет татар «оканными Агаряны» (ПСРЛ. Т.XVIII, с.193-194; ПСРЛ. Т.XXV, с.262).

Официальная позиция русских князей в данное время нашла отражение в актовом материале. В частности в договорной грамоте Василия II с Дмитрием Шемякой датируемой 1441–1442 гг. при описании расклада ордынского выхода отмечается посылка киличеев (уполномоченных послов!) «ко царемъ к Кичи-Махметю и к Сиди-Ахметю» (ДДГ. № 38, с. 108, 111, 113, 116). А в послании духовенства Дмитрию Шемяке 29-го декабря 1447 г. отмечается: «А отъ царя Седи-яхмата пришли къ брату твоему старейшему Великому Князю его послы, и онъ къ тебе посылають просити что ся тебе имаеть дати съ своеи отчины въ те въ татарские проторы; и ты не далъ ничего, а не зоучи Царя Седи-яхмата царем. А того некакъ позыбылъ еси, не на томъ ли юрту отецъ твой, Князь Юрьи Дмитриевичъ былъу Царя в Орде, съ Великим князем вместе, и на пошлине стояли? Не те же ли пакъ царевичи и великие князи у сего царя Седи-Яхмата, которые тогда и у того царя (Улуг-Мухаммеда – Ю.С.) были да тоже дело делали?» (Акты исторические, 1841, с.80).

Таким образом, московское правительство в 1440-е признавало верховную власть золото-ордынских ханов, а данную позицию поддерживала православная церковь.

Тем не менее, в 1449 г. началась открытая война Сеид-Ахмата с Василием II. Симеоновская летопись при описании набега 1449 г. в оценочной части лишь косвенно отмечает гибель православных людей, а также то, что татары «многа зла учинили христианомъ, секли и въ полонъ вели» (ПСРЛ. Т.XVIII, с.204).

Столь же показательно описание в Симеоновской летописи набегов татар в 1450 и 1451 гг. В первом случае русским войскам удалось предотвратить вторжение татар, нанеся упредительный удар (бой состоялся на берегах Битюга). Во втором же царевичу Мозовше удалось прорваться к Москве и

осадить её. Однако вскоре Мозовша снял осаду: «Якоже бо отступиша отъ града, и тако приать ихъ страхъ и трепеть, яко велико некое воинство чающее по себе, побегоша гневомъ Божиимъ и молитвою преситыя Матерее его и великихъ чудотворецъ молениемъ и всехъ святыхъ; бежаша и полонъ меташа, а не уклонишася ни на десно, ни на шуе, но толико бо скорее убегнути градущего на нихъ гнева» (ПСРЛ. Т.XVIII, с.207). Неудача татар связывалась русским книжником с Божественным заступничеством. Однако для поставленного вопроса выявления оценок и характеристик показательно, что ни в том, ни в другом случае к татарам не применено никаких эпитетов – ни положительных, ни отрицательных. Только покровительство Господа москвичам выдает тот факт, что татары действуют как отрицательная сила.

Те же мотивы мы наблюдаем при описании событий на южной границе Руси в Софийской II летописи, в которой под 1454 г. подчеркивает лишь, что совершавшие набег татары «окаянные». При этом они «возвратишася вспять гневом Божиим гонимы...» (ПСРЛ. Т.VI. Вып. 2, с.70). А описывая другой набег летописец лишь сухо фиксирует, что «одолеша христиане Татаромъ» (ПСРЛ. Т.XVIII, с.209). Подобные характеристики мы наблюдаем в Симеоновской летописи и Московском летописном своде при описании событий 1460 г. – набег на Рязань кратко описывается следующими словами: «...безбожныи царь Ахмут Болшиа Орды...Многу же язву прияша воя его от граждан, изъбыени быша мнози, уязвлены и ничто же не успев граду тому со срамом отступи от него и отъиде в поле» (ПСРЛ. Т.XVIII, с.214; ПСРЛ. Т.XXV, с.277).

Таким образом, необходимо отметить, что при наличии оценок, татары определяются как безбожные, окаянные, агаряне. Для русской письменной традиции было характерно обозначение кочевников измаильтянами или агарянами. Восходит это обозначение к библейскому Измаилу – сыну патриарха Авраама и его служанки египтянки Агари, праотцу союза 12 племен измаилитов Аравийской пустыни. В библейской традиции измаильтяне неоднократно воевали с иудеями, однако всегда безуспешно. В книге пророка Варуха подчеркивается, что агаряне «искали земного знания.. но пути премудрости не познали не заметили стезей ее». То есть, обозначение не только мусульман, но, в первую очередь, кочевников агарянами или измаильтянами было призвано подчеркнуть их

безбожность и, соответственно, противостояние истинноверующим – в данном случае – православным.

То есть, описания русско-ордынских отношений 1420–1460-х гг., сохранившиеся в русской письменной традиции, в большинстве своем, в той или иной степени, служили для иллюстрации сакрального смысла и значения происходящих событий.

В то же время, если для 1429–1430 гг. Русь еще воспринимается как подотчетная ордынскому хану территория, в 1440–1450-гг. татары описываются в основном в негативных оценках, как безбожники. При этом, фиксируются лишь набеги ордынских войск на русские земли, как правило, лаконично.

При этом следует обратить внимание на то, что большее внимание русских книжников в этот период привлекают внутрирусские события. То есть, взаимоотношения Руси и Золотой Орды в 1440–1450 гг. для них менее актуальны, нежели в предыдущее или последующее время.

Примечания

Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссией. – Т.1. СПб., 1841.

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства: вторая половина XV в. – М., 1952.

Барбаро т Контарини о России. – Л., 1971.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.; – Л., 1950.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. – М.: Вост. лит., 2004.

«Книга избранных дат побед» («Таварих-и гузида-ий нусрат-наме») // Материалы по истории Казахских ханств XV–XVII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата, 1969.

Казанская история. – М.-Л., 1944.

Клосс Б.М. Летопись Никоновская // Словарь книжников и книжности Древней Руси XIV–XVI вв. – Ч. 2. – М., 1989.

Левина С.А. Летопись Воскресенская // Словарь книжников и книжности Древней Руси XIV–XVI вв. – Ч. 2. – М., 1989.

Лурье Я.С. Летописный свод Московский великокняжеский 1479 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси XIV – XVI вв. – Ч. 2. – М., 1989.

Лурье Я.С. Летопись Симеоновская // Словарь книжников и книжности Древней Руси XIV – XVI вв. – Ч. 2. – М., 1989.

Лурье Я.С. Летопись Вологодско-Пермская // Словарь книжников и книжности Древней Руси XIV–XVI вв. – Ч. 2. – М., 1989. – С. 37-39.

Лурье Я.С. Летопись Никоновская // Словарь книжников и книжности Древней Руси XIV–XVI вв. – Ч. 2. – М., 1989.

Лурье Я.С. Летопись Софийская II // Словарь книжников и книжности Древней Руси XIV–XVI вв. – Ч. 2. – М., 1989.

«Море тайн относительно доблестей благородных» «Бахр ал-асрар фи манакиб алахийар» // Материалы по истории Казахских ханств XV–XVII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата, 1969.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л., 1950.

Псковские летописи. – Вып.1. Псковская первая летопись. – М.; Л., 1941.

Псковские летописи. Вып. 2. Псковская вторая летопись. – М.; Л., 1955.

ПСРЛ. – Т.VIII. – М.: Языки русской культуры, 2001.

ПСРЛ. – Т.VI. – Вып. 2. – М.: Языки русской культуры, 2001.

ПСРЛ. – Т.XXV. – М.; Л., 1949.

ПСРЛ. – Т.XXVI. – М.; Л., 1962.

ПСРЛ. – Т.V. – СПб., 1851. – С. 263.

ПСРЛ. – Т.XII. – М.: Языки русской культуры, 2000.

ПСРЛ. – Т.XVIII. – М.: Знак, 2007.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 2. – М.; Л., 1941.

Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). – М.; Л., 1950.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М.: Инсан, 1991.

Археологические памятники Казанского ханства: локализация и своеобразие материальной культуры

Территория слияния Волги и Камы, крупнейших рек Восточной Европы, создавало уникальную возможность для активного освоения их благодатной поймы во все периоды. Здесь, в регионе с богатыми природными ресурсами и на стыке различных климатических зон, формировались многие яркие археологические культуры и государства, происходило взаимопроникновение элементов их материальной культуры друг в друга. Большое количество известных памятников с выраженным культурным слоем позволяет использовать их материалы в историко-археологических реконструкциях и помогает представить основные археологические процессы, происходившие в регионе с древнейших времен до XV–XVI вв.

Исследование археологических памятников Татарстана по регионам и периодам проведено не равномерно. На большей территории республики осуществлены сплошные обследования, но имеются и мало изученные районы, в силу объективных и субъективных обстоятельств оставшиеся вне внимания археологов. При этом почти по каждому периоду имеются отдельные памятники или комплексы памятников, подвергнутые широкому раскопкам.

Памятники периода Казанского ханства (вторая половина XV – первая половина XVI в.) представлены культурными остатками ряда городов, особенно Казани, но в большей степени – остатками кладбищ с надгробиями XV–XVI вв. Это естественно, ибо большинство сел этого периода затем переросло в татарские и русские селения XVI–XVII вв. (Чернышев, 1971).

Впервые материалы археологических исследований Казанского ханства начинают использоваться в работах Н.Ф.Калинина с 20-х годов XX в. (Ситдиков, 1999 б). Им была собрана обширная информация о культурном слое Казани и Иске-Казанского комплекса в результате многочисленных наблюдений, проводимых при строительных работах (Калинин, 1923). Н.Ф.Калининым совместно с Г.В.Юсуповым, А.Х.Халиковым организуются разведки и раскопки на памятниках эпохи Казанского

ханства, изучается эпиграфический материал некрополей (Калинин, 1954; Юсупов, 1960).

Во второй половине XX в. планомерным археологическим исследованиям подвергаются многие памятники болгаро-татарского времени, что позволило получить новые сведения о материальной культуре Казанского ханства. Одна из первых попыток обозначить задачи приоритетных направлений изучения археологии Казанского ханства была предпринята в начале 1970-х годов Р.Г.Фахрутдиновым (Фахрутдинов, 1973). Многие высказанные им проблемы нашли свою реализацию в последующих исследованиях, некоторые вопросы в свете новых данных получили иное звучание, ряд поставленных задач остались нерешенными и сохраняют свою актуальность и сейчас.

Принципиальное значение в решении проблем, связанных с развитием материальной культуры поселений ханского времени, имеет археологическое изучение Казани. Исследования ее культурных напластований предпринимались казанскими археологами Казанского университета в 70-е годы XX в. (Халиков, 1983). Значительные результаты были достигнуты в изучении Казанского кремля в 20–70-е годы XX в. Огромный вклад в его исследование внесли Н.Ф.Калинин, А.Х.Халиков (Ситдиков, 1999а, в, 2006; Халиков, 1983). Благодаря их работам были выявлены слои болгаро-татарского времени, установлено домонгольское время возникновения Казани, открыты крупные архитектурные объекты дорусской Казани (Мавзолеи, 1997).

Новый уровень в изучении кремля связан с археологическими исследованиями, проводимыми в период его реконструкции в 90-е годы XX в. В этот период группа исследователей под руководством Ф.Ш.Хузина разработала программу изучения Казанского кремля (Хузин, 1995). В рамках ее реализации раскопами было изучено более 20 тыс. кв. м.

В Казанском кремле с эпохой ханства связан III стратиграфический слой памятника (Археологические открытия, 2001; Археологические открытия, 2002). Он сильно переработан более поздними отложениями. Во

многочисленная культура татар ханского времени была преемственна с предшествующей болгарской – в формах и строительных приемах оборонного и культового (мавзолее, мечети) зодчества, жилых, преимущественно деревянных и кирпичных построек, в гончарной керамике, сохраняющем наряду с типичными болгарскими формами не менее типичное полосчатое, правда разреженное, лощение, волнисто-полосчатую ориентацию и т. п. Наряду с этим отмечаются определенные новации – проникновение характерных культурных традиций городов Московской Руси (распространение белоглиняной керамики, серо-мокрой лощеной посуды, замена квадратного маломерного кирпича прямоугольным и т. п.). Показательно прекращение чекана собственной монеты болгаро-татар и переход их на русскую денежно-весовую систему.

Относительно слабо изученными является материалы раскопок гончарной мастерской XV в. на Русско-Урматском селище (Кокорина, 1995; Кокорина, 1999; Кокорина, Фахрутдинов, 1999). По мнению Н.А.Кокориной, в период Казанского ханства на основе предшествующих традиций идет формирование новых черт, а среди керамических изделий мастерской присутствуют и горшковидная посуда бурого обжига, имитирующая ее белоглиняные образцы. Имеющиеся данные об неполивной керамике ханского времени ставят перед нами задачи продолжения исследований и проведение более полного сопоставительного морфологического анализа имеющихся находок, что позволит более точно определять хронологию находок и выделять памятники Казанского ханства.

Преемственное развитие этноса и культуры населения Казанского ханства на основе предшествующего болгарского населения хорошо видно как на материалах таких многослойных поселений, где наблюдается непрерывность в развитии культуры от периода домонгольской Булгарии (V слой) до середины XVI столетия (III слой), Русско-Урматское селище (Ички Казань), Арское городище, Свияжск, так и в наличии болгаро-татарских кладбищ, сохранивших надгробия, а следовательно и захоронения по мусульманскому обряду, XIII–XIV, XV–XVI и последующих веков: Ямашурминское, Старо-Ашитское, Измянское, Старо-Кишитское и др. Об этом свидетельствует и размещение кладбищ с надгробиями XV–XVI вв. в основном в бассейне р. Казанка, являющемся в период ханства

политическим и экономическим центром страны.

Сосредоточение в Заказанье XIII–XIV вв. значительного числа болгарского населения впоследствии определило то, что Казань, бывшая центром княжества в период расцвета болгарского государства, в XV–XVI вв. стала столицей Казанского ханства. Население ханства в Предкамье сосредоточилось главным образом по рекам, как это было принято у болгар и в Закамье.

В части этнической принадлежности надо указать, что археологические и другие данные свидетельствуют о смешанном характере населения Ханского времени. Помимо болгаро-татарских памятников, встречаются памятники древнемарийские, мордовские, удмуртские.

Одновременно проявляется дальнейшая тенденция освоения новых районов еще более к северу. Так, именно в этот период заканчивается массовое заселение левобережного низовья Свияги, о чем свидетельствуют новые точки эпиграфики казанских татар первой половины XVI в., выявленные именно в этом районе. Селищ периода Казанского ханства, по сравнению с таковыми позднебулгарского времени, в Предволжье и Закамье становится меньше. Это объясняется тем, что основная масса населения Казанского ханства продолжает существование и в настоящее время (современные селения).

Решение широкого круга задач по археологии Казанского ханства предполагает осуществление исследований, направленных на выявление археологических объектов эпохи Казанского ханства. Благодаря анализу письменных источников Е.И.Чернышеву удалось локализовать около 700 селений этого времени (Чернышев, 1971). Многие из населенных пунктов существуют и поныне. Археологически выявлено около 130 объектов, значительная часть из которых это некрополи (Археологическая карта, 1981; Фахрутдинов, 1975). Отсутствие целенаправленных исследований по их изучению сохраняет актуальность данной проблемы и сейчас.

Развитие Казанского ханства как любого государства было связано с четкой структурой управления, в которой важное место, несомненно, занимали города. В отечественной историографии данный вопрос всегда имел неоднозначное решение, доходя до полного отрицания их существования (Шавохин, 1988.). Исследования последних десятилетий

позволили выявить наличие культурных напластований ханского времени в Лаишево, Свияжске, Алабуге, Русско-Ураматском селище и др. Благодаря раскопкам удалось установить и преемственный характер развития этих поселений с домонгольского времени в том числе и Арска. Данные наблюдения позволяют говорить о формировании городской культуры ханского времени на основе традиций болгарского и золотоордынского времени. Несмотря на значительные политические, экономические и социальные потрясения поселения продолжали свое существование. Это свидетельствует об устойчивой социально-экономической структуре и системе расселения, сложившейся еще в домонгольское время. Можно предположить, что и система управления Казанским ханством сохраняла отдельные элементы домонгольского времени. Именно городские центры являлись военно-административным и экономическим сосредоточением государственной власти, а преемственность их размещения указывает на сохранение традиционных форм управления. Изучение ранее выявленных поселений Казанского ханства и позднезолотоордынского времени позволит внести изменения в понимание системы управления этим государством.

Вероятно, необходимо вновь обратиться к Писцовым книгам XVI–XVII вв., где населенные пункты описаны с указанием их принадлежности к административной единице – сотням, учитывая, что порядок управления в Казанском крае до начала XVIII в. был неизменным (Ермолаев, 1982; Мухамедьяров, 1957). Источниковедческие и этно-археологические исследования поселений позволят проследить особенности формирования современных татарских селений. Одним из направлений подобных исследований должно стать археологическое выявление и локализация этих населенных пунктов.

Расположение поселений Казанского ханства для этого времени по имеющимся данным письменных источников была неравномерной. Преобладающее число поселений и археологических памятников этого времени фиксируется в Заказанье (более 500), тогда как в Закамье всего 20 поселений (Чернышев, 1971). Подобное положение было обусловлено социально-политической ситуацией вокруг южной территории ханства в Закамье. Район, вероятно, оказался и в сфере влияния Ногайской орды, вытеснявшей осед-

лое население, которое уходило в более спокойные северные области. Одним из наиболее хорошо изученных памятников этого времени является крупное поселение около Биляра – Торевское селище, погибшее, вероятно, в середине XV в. (Валиулина, 2004). Вопрос о причинах резкого уменьшения населения в традиционных районах земледелия остается открытым.

Разведочные работы, проводимые на территории Республики Татарстан еще с 40-х годов XX в. по изучению эпиграфических памятников, дали уникальные материалы о письменной культуре и высоком профессиональном уровне развития ремесла камнетесов (Юсупов, 1960). К сожалению, в современных условиях усилился процесс их разрушения. Возникла острая необходимость рассмотреть возможность обеспечения сохранности этих уникальных письменных свидетельств ханского времени и не допущения их утраты. Для этого важно также выделить и обозначить места старых некрополей и включить их в число земель историко-культурного назначения. Информация надгробий и некрополей является важным источником и в изучении особенностей мусульманской культуры татар.

Археологически в последние годы изучены несколько некрополей ханского времени. В их числе ханский мавзолей и прилегающие к нему погребения, мусульманский некрополь в южной оконечности кремля и могильник в районе Гостиного двора (Мавзолеи, 1997; Ситдилов, 2006). Во всех захоронениях имеются мусульманские погребения с деревянными гробами-табутами окованные железом, а также встречаются обломки надгробных камней. Выявленный материал требует более тщательного антропологического изучения, что позволит получить более полную информацию о населении средневековой Казани.

Значительное место в исследованиях должно занять изучение так называемых «черемисских кладбищ». Необходимость подобных исследований отмечалась и в работе Р.Г.Фахрутдинова (Фахрутдинов, 1973). В 80-90-ые годы XX в. раскопки проводились Г.И.Дроздовой в Арском районе. Ею был прослежен мусульманский обряд захоронения, что, вероятно, указывает на активное проникновение ислама среди местного населения и процесс их тюркизации. К сожалению, в опубликованной археологи-

ческой карте Заказанья отсутствует описание расположения подобных могильников (Археологическая карта, 1981; Фахрутдинов, 1975). Картографирование некрополей отразит степень освоенности этих территорий и поможет в изучении расселения казанских татар в этом районе.

Примечания

Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. – М., 1981.

Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. – Казань, 2001.

Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. – Казань, 2002.

Археологическое изучение болгарских городов. – Казань, 1999.

Валиулина С.И. Исследования Балынгузского (Торецкого) III селища // АО-2003. – М., 2004. – С.304-306.

Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй XVI-XVII вв. (Управление Казанским краем). – Казань: Изд-во КГУ, 1982.

Калинин Н.Ф. Где был дворец казанских ханов? // ВНОТ. – 1927. – № 6. – С. 81-96.

Кокорина Н.А. Керамика Камаевского городища (культурно-хронологическое соотношение) // Заказанье: проблемы истории и культуры. – Казань, 1995. – С.28-32.

Кокорина Н.А. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // ТА. – 1999. – № 1-2. – С.77-102.

Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // ТА. – 1999. – № 1-2. – С.103-134.

Мавзолеи Казанского Кремля (опыт историко-антропологического анализа). – Казань, 1997.

Мухамедьяров Ш.Ф. Малоизвестная писцовая книга Казанского узда 1602–1603 гг. // Изв. КФАН СССР. – Сер. гуманитар. наук. – Вып. 2. – Казань, 1957. – С. 191-196.

Набиуллин Н.Г. Охранно-спасательные работы на территории бывшего Ханского двора (раскоп XLVIII) // АОТ: 2001 год. – Казань, 2002. – С. 21-26.

Ситдинов А.Г. А.Х.Халиков – исследователь средневековой Казани (материалы к творческой биографии ученого) // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. – Казань, 1999. – С.35-46. (1999а)

Ситдинов А.Г. Калинин Н.Ф. – исследователь средневековой Казани // Археологическое изучение болгарских городов. – Казань, 1999. – С. 41-62. (1999б)

Ситдинов А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. – Казань, 2006.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань: Таткнигоиздат, 1975.

Фахрутдинов Р.Г. Задачи археологического изучения Казанского ханства // СА. – 1973. – № 4. – С. 113-122.

Халиков А.Х. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. – Казань, 1983. – С. 111-138.

Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф., Хлебникова Т.А., Набиуллин Н.Г., Ситдинов А.Г. Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований. – Казань, 1995.

Хузин Ф.Ш., Ситдинов А.Г. Средневековая Казань. Краткий библиографический указатель. Казань, 2002.

Чернышев Е. Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С.360-381.

Шавохин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 1988. На правах рукописи //НБ МГУ, 8158.

Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. – М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Некоторые итоги и перспективы изучения исторической географии Казани

Средневековая история Казани всегда вызывала огромный интерес среди исследователей и одновременно противоречивые суждения по поводу ее развития и становления столицей ханства. Исследование исторической географии города позволило выявить определенные закономерности в изучении и решении как общих вопросов генезиса древнего города, так и частных проблем историко-географического и социально-этнического развития. Дана оценка общегеографических факторов, повлиявших на процесс становления средневекового города как столицы феодального государства. Проведена работа по локализации и выделению хозяйственно-экономического и военно-оборонительного значений Туры Казани, являвшегося водными воротами Татарской столицы, Гостиного острова, где ежегодно 24 июня происходила большая казанская ярмарка, Тирян Узьяка, что являлось одним из условий успешной транзитной торговли и служило также для торжественной встречи почетных гостей и переговоров с русскими. Из Волги по Туры Казанью и Казанке к татарской столице до устья Булака плыли многочисленные торговые и военные суда, которые имели возможность причаливать на пристанях слободы Бишбалта и Зилантовой горы. Среди многочисленных водоемов особое значение имела Ички Казань (Эчке Казан), т.е. Внутренняя Казанка. Внутренняя потому, что она расположена по сравнению с Туры Казанью и основным руслом Казанки внутри городского предместья, на близком расстоянии к городу, оз. Кабанам, Сююнбекиному саду, Кураишевой слободе и другим населенным пунктам XV-XVI вв. Спутанная цепь озер и притоков, образованная рекою Ичка, являлась серьезной помехой на пути продвижения противника на Казань, увеличивала время для защитников города на подготовку к обороне, т.е. имела важное фортификационное значение. Кроме того, существовал водный путь при весеннем разливе от Волги до Казанки по р. Ичка, он был короче, чем путь по Туры Казани, идущий в обход Зилантовой горы. Мы не исключали возможности налаживания

системы водного пути в полуую воду от города по притокам Ички Казани к стратегическим пунктам – к Бакалдинским и другим пристаням, озерам Кабан, Сююнбекиному саду и другим населенным пунктам. Велико и экономическое значение этой реки для казанцев – это и «животинные выпуски», луга и огороды, пашни и леса, «рыбные места» в ее бассейне. К югу от современного железнодорожного вокзала, т.е. недалеко от речки Ички Казань, находилось Царево озеро. Локализованы довольно крупные озера, упоминающиеся в источниках: Безымьянное у Ново – Татарской слободы, Долгое у устья реки Казанки – Туры Казани, озера Чистое и Бишбалта – к югу от деревни Бишбалта, озеро Прилуцкое – в районе современного железнодорожного вокзала, Гузеево озеро – между современной площадью им. Г.Тукая и Булаком, Царево озеро в районе ж/д вокзала, озера Чистое и Бишбалта – в районе деревни Бишбалта, система озер Кабан, озеро Комаровка (в районе Молодежного центра), система озер – Белое, Банное, Гнилое, Поганое. Планы города XVIII – начала XX вв. указывают озера в районе села Плетени и Кизической слободы, Кеземетева, Глухое, Глубокое близ Лебяжьего, Голубое озеро – у д. Щербаковки, озеро – в селе Караваево, Долгое – против деревни Больших Атар, Долгое Глубокое, озеро «подле Спасской улицы» и т.д. Писцовые книги 1565–1568 гг. рассказывают о водоемах в районе современного города: на Волжской пойме Воложке малой, о Черном ручье около деревни Кулмаметова, Ирыхове заводи немного выше казанского устья, речки Атары, Нокса (выше Дербышкинского бора она называется Сухой рекой), речка Киндерка, Солоница (правый приток Казанки, впадающая в нее ниже деревни Щербаковка) и другие. По берегам этих рек в средние века расположилось большое количество населенных пунктов казанской окрестности. Казанцы тщательно следили за состоянием этих водоемов, за их проточностью, облагораживали и благоустраивали их побережья, создавали запруды. Воды каждого из озер употреблялись для опре-

деленных целей. Довольно большое количество озер располагалось в окрестности Казани.

Комплексно рассмотрена география оборонительной системы ханской Казани. Территория города, включая и кремлевскую возвышенность, изобиловала оврагами, спусками, балками, обрывами и глубокими ущельями. Естественные овраги, которых было немало на ландшафте средневековой татарской столицы, являлись составными частями системы укреплений города. Находившийся на северной стороне от Больших ворот ханской Казани, Тезицкий ров стал последним бастионом обороняющихся казанцев против русских, где ожесточенное сопротивление мусульманского духовенства превосходящим силам противника позволило ханским войскам привести себя в порядок, хотя исход битвы был уже известен как для русских, так и для татар. Другой, особенно большой овраг начинался у площади Свободы и шел вдоль улицы Пушкина на запад. Этот овраг, имея крутой обрывистый северный берег, принимая слева несколько небольших оврагов, выходил на низменную часть, где Булак соединялся с озером Нижний Кабан (район Тукаевской площади). На северо-восточном склоне верхней террасы, у подножия кремлевского холма, начинался большой овраг. Он отделял кремлевскую возвышенность от Арского поля, здесь лежали искусственные озера – Белое, Гнилое, Банное, Поганое. Единственная попытка русского войска преодолеть это препятствие во время очередного штурма Казани (22 мая 1506 года) не увенчалась успехом – в озерах и болотах погибло абсолютное большинство воинов. Ряд оврагов, имеющих важное оборонное значение для города, располагался в районах улиц Чернышевского, Баумана (в районе Дома печати), К.Наджми, Астрономической и т.п. Довольно крупные овраги лежали в восточном направлении города в районе современных улиц З.Космодемьянской, Касаткиной, Горшечный овраг на юге-западе Федоровского бугра, ул. Жуковского, на территории Фуксового сада, на Арском кладбище, на поле Ершова и другие. Многие из этих оврагов, несомненно, являясь важными элементами обороны, входили в сложную фортификационную систему города. Некоторые из оврагов казанцы превратили в искусственные рвы (таковы, например, вышеупомянутый Тезицкий ров, ров перед Большими воротами, ров перед Спасскими воротами и другие),

которые усиливали мощь крепостных стен, башен и ворот.

С запада Казань защищали топкая речка Булак и болотистые заливные луга поймы Волги, протекавшей в то время в 6–7 км от города. Булак протекал не прямо, а делала широкие, на 300 – 400 м извивы. Особые мероприятия 1530 года по усилению обороноспособности Казани охватили и Булак: речка превратилась в крепостной ров. Возле устья Булака стоял раздвижной деревянный мост, по берегам расположились причалы, деревянные подпорные стенки, мостки и сходни для разгрузки судов. Крупные торговые суда, плывущие по Волге к Казани, останавливались у устья Казанки – Туры Казани – у пристаней Бишбалта, Бакалда и Зилантовой горы. Дальше товары везлись на меньших судах, которые проходили в устье Булака, многочисленные суденышки по речке подплывали к пристаням на Булаке, оттуда товары доставлялись в торговые точки города. Нельзя исключать возможности попадания небольших судов по Булаку в озерную систему Кабан. Водный маршрут Волга – Казанка – Булак являлся главной транспортной артерией города.

Проведена работа по периодизации, локализации и систематизации городских и посадских фортификационных сооружений (ворот, башен, стен). Исследованы территория городского посада, слобод и населенных пунктов казанского предместья во временной эволюции городской застройки. Столица татарского ханства была окружена слободами и деревнями, которые сыграли специфическую роль в становлении Казани как главного города региона, выполняя определенную хозяйственно-экономическую функцию. Большинство этих поселений располагалось на берегах рек и озер – Казанки, Булака, Ноксы, Дертюли, Киндери, Ички Казани, Кабан и других водоемов – благо, город и его окрестности были богаты ими. Такое расположение было продиктовано, в первую очередь, экономическими интересами. Наше исследование показало, что населенные пункты в предместьях города, за исключением Армянской слободы, были татарскими, жители которых занимались производством ремесленных изделий, земледелием, скотоводством, побочными промыслами. Жители таких поселений, как Бишбалта, Кураишева слобода, стали специализироваться в производстве промышленных изделий. На восточном

побережье озера Нижний Кабан процветала торгово-ремесленная слобода армян. Предположения о существовании небольшого русского населенного пункта в районе Зилантовой горы и чувашских поселений в окрестностях Казани не подтверждаются.

Самая близкая к городу и самая крупная из населенных пунктов в Забулачье XV–XVI вв. была *Кураишева слобода*. Кураишева слобода располагалась на Крымской дороге, к ней вел мост через Булак из Крымских ворот. Возможно, слобода была огорожена острогом. Она не входила в черту города, жила несколько автономно и управлялась чиновником, которого назначал феодал – бек. Западная часть слободы тянулась до Царева луга, где находились обширные луга и болота. Через луга шла дорога Крымская к берегу Волги и в Закабанье. Далее дорога имела продолжение на Нагорную сторону. Это был один из основных магистральных, транспортных, военно-дипломатических путей Казанского ханства. После завоевания Казани Кураишево становится собственностью архиепископа Гурия и превращается в Архиепископскую слободу. Деревня Бишбалта находилась в 1 – 1,5 км от Туры Казани, в 7 км от реки Волги. Не позднее второй половины XIV века здесь уже существовало развитое судостроительное производство, а к XV веку селение становится большим населенным пунктом, где население занималось строительством торгового и военного флота. Здесь находилась просторная и удобная бухта – залив Волги, в которой стояли многочисленные торговые и военные суда казанцев. Построенные суда спускали по Туры Казани на Волгу. На Ногайской дороге, на восточном берегу озера Нижний Кабан располагалась Армянская слобода. Название слободы указывает на присутствие в данной местности армян, занимающихся торговлей, строительством и ремеслом. Среди слобожан немало было искусных каменотесов, кузнецов, ювелиров и т.д. Армянская слобода находилась на расстоянии в 1 км от южных границ посада. Эта слобода упоминается также в переписной книге 1646 года.

В предместьях города преобладали поселения, которые были податными землями хана или высокопоставленных ханских вельмож. Главным богатством жителей этих населенных пунктов были плодородная земля, лес, водоемы. Удовлетворяя потребности быстрорастущего города товарами ремесла и

сельского хозяйства, а ханское войско людьми, предместья сыграли важную роль в становлении столицы татарского ханства.

Разработаны более уточненные топографические карты и планы казанского предместья XVI–XVII вв. с привлечением новейшей базы письменных, археологических и иллюстративных источников. Также была проведена определенная работа по изучению исторической географии населения Казани и окрестностей XVI–XVII вв., социально-этнические, хозяйственные и другие аспекты жизни города и его предместий, наиболее прослеживаемые по источникам. Следует подчеркнуть, что именно эта часть сложной истории города оставалась за пределами внимания историков.

Казань XVI–XVII вв. являлась политическим, экономическим и культурным центром не только Среднего Поволжья, но и всего Поволжско-Уральского региона. Исторически сложилось так, что народы огромного региона тяготели к городу как в период татарского ханства, так и после завоевания ее Русским государством. Наряду с политико-экономическими, культурными и другими факторами, специфические топографические условия Казани и ее окрестности являлись немаловажными аспектами в возникновении и становлении средневекового города, превращения его в столицу одного из могущественных государств Восточной Европы XV – первой половины XVI вв. Ландшафт местности, занимаемый Казанью, полностью отвечал всем требованиям для динамичного развития города: это – наличие разнообразных геологических террас, на которых расположились Кремль и посады, неповторяемая естественная топография, каждый элемент которой строго выполнял свою определенную функцию в сложном хозяйственно-военном организме средневекового города, и наконец, близкое расстояние к могучей реке Волге, что было неперенным условием успешного политико-экономического развития столицы Казанского ханства. Географически выгодное расположение города обуславливало значимость во всех его функциях – градобразующей, административной, военной, демонстрационной и др.

Историческая география ханской Казани и ее предместий отражает процесс постепенного развития города и превращения его в одного из крупных городов Восточной Европы середины XVI века. Однако процесс этот был в корне

изменен событиями 1552 года, когда произошло уничтожение Казанского ханства, существовавших порядков, идеологии, культуры, замена их совершенно другим содержанием. Казань становится для победителей основным опорным пунктом колонизации всего Средневолжского региона. Разрушенные в ходе боевых действий город и окрестности быстро восстанавливаются, состав колониального гарнизона пополняется дворянами и стрельцами, посылаемыми вначале в Казань на годовую службу. За служилыми людьми в завоеванный край устремились православное духовенство, мастеровые люди, посланные сюда из более 40 областей Русского государства для восстановления крепостных сооружений города, строительства новых церквей, монастырей и т. д. Большим потоком хлынуло крестьянство, которое, в первую очередь, обживало брошенное местным населением деревни в окрестностях Казани. Если писцовая книга середины 60-х гг. XVI в. свидетельствует лишь о незначительных изменениях в городском пейзаже Казани, то в последующие десятилетия появились новые топографические доминанты – восстановленная на основе прежней татарской крепости сильно-защищенная русская крепость, укрепленные посады, военные, крестьянские и ремесленные слободы, монастыри, церкви, многочисленные, разные пригородные поселения. Начиная с 1556 года, с перерывами проводилась работа по строительству каменных стен Кремля. Первый этап этой работы завершился в конце XVI века (1595 г.). Одновременно шла замена старых деревянных стен посада на новые дубовые стены. В Кремле и посаде все яснее вырисовываются магистральные улицы, к которым примыкали переулки и тупики уже с русскими названиями. Образование стрелецких слобод было вызвано необходимостью обороны города от нападения местного населения, враждебно настроенного к русской колониальной власти. Эти слободы занимали пространства в слабых в фортификационном отношении частях посада. В 60-е гг. XVI в. городской острог стал включать в себя Забулачье, где образовалось несколько слобод – Архиепископская и Преображенская (на месте бывшей Кураишевской), Ямская, Плотничья. Однако неизменным оставался экономический центр города – рыночная площадь – Гостиный двор. С разрастанием города в XVII веке образовались новые базары – в районе современной

площади им. Тукая – Рыбный ряд, в районе современной улицы им. Баумана – Мясной ряд. Рост торговли и производства во второй половине XVII века привел к образованию новых специализированных слобод в разных частях города и вне острога. Создавались слободы, населенные по сословному принципу – Панская за р. Булаком с польскими поселенцами, Красная – слобода русских помещиков, Новокрещенская – для крещеных татар и других народов, принявших христианство, Гаврилова – слобода нищих, Болдырская – слобода болдырей и др.

Изучены некоторые вопросы возникновения и функционирования Татарской слободы. Значение этой слободы для татарской части города велико. Здесь сохранились основные черты татарской городской культуры, её самобытности. Огромное значение слободы для Казани заключается в том, что она в течение нескольких столетий являлась важнейшим центром национальной культуры татарского народа. Возникшая на болотистом, низменном месте, слобода, несмотря на негативное вмешательство центральных и местных колониальных властей, динамично развивалась, расширяя свою территорию в южном направлении, охватывая земли ряда подгородных деревень – Поповки, Плетени и др.

Колониальная политика Русского правительства привела к быстрому заселению опустевшей после 1552 года окраины Казани. Правительство было заинтересовано в массовой русской колонизации края, поэтому оно посылало сюда, в первую очередь, в Казань и ее предместья, не только служилых, но и ссыльных людей, предоставляла им льготы, пожаловало русским феодалам вотчины и поместья, отторгнув земли от коренного населения. Внедрены были все формы землевладения Русского государства – поместное, дворцовое и церковное (монастырское). На дворцовых землях располагались почти без исключения русские поселения. Государством щедро отводились плодородные земли предместий города Казанскому архиерейскому дому. Нами подсчитано около 50 заселенных русскими во второй половине XVI и образованных в последующее время поселений вокруг Казани, которые сегодня входят в черту мегаполиса. Процесс изменения этно-топографической картины окрестностей Казани в значительной мере был обусловлен целенаправленной политикой русского правительства в регионе.

Историческая география Казани и ее предместий представляет значительный интерес для историков. С одной стороны, Казань имела сходные черты с русскими городами: в распространении субъективной топографии, архитектурно-планировочной идее, фортификационной системе, расположении окрестности с определенными, возложенными на нее функциями. В то же время она наследовала своеобразие многовековых болгаро-татарских традиций, колорит, особенности этнического и социально-сословного компонента в развитии городских кварталов. Безусловно, облик города неоднократно менялся по разным причинам: многочисленных опустошительных пожаров, эпидемий, народных волнений. Однако, являясь одним из важнейших политико-экономических центров Великого Волжского пути, Казань относительно быстро ликвидировала последствия негативных природных и социальных катаклизмов и продолжала динамично развиваться.

Исследование историко-географической картины города в комплексе с его многочисленными и разнотипными окрестными поселениями позволило рассмотреть исторический процесс во всей широте и своеобразии, выявить взаимосвязь и взаимообусловленность компонентов единого городского облика.

Историческая география включает в себя историческую проблематику физической географии, хозяйствования, топографии, этнической географии населения, историко-политической географии. Считаем, что нам удалось найти ответы на тот круг вопросов, который был поставлен этой комплексной историко-географической отраслью знания, изучающей пространственные аспекты исторического процесса. Однако мы не ставили целью разработать все проблемы исторической географии города и его предместий. В перспективе изучения могут быть поставлены следующие проблемы:

1. Кем являются жители Татарской слободы в этногеографическом отношении в момент образования населенного пункта? По вопросу о времени образования Татарской слободы среди историков Казани имеются две точки зрения. Сторонники первой точки зрения утверждают, что слобода появилась сразу же после завоевания Казани, т.е. в 1552 году. По их мнению, татарское население, оставшееся в живых от павшей Казани, было поселено за озером Кабан, в специально отведенной

местности. С.Х.Алишев пишет по этому поводу, что подобный тезис поддерживалось некоторыми историками с целью смягчения ужасов истребления татарского населения города при взятии и последующем распоряжении выдаче его на разграбление населения солдатам. Сторонники этой точки зрения не учитывают фактов источников о том, что мужская часть населения города поголовно была истреблена, а женщины и дети стали пленниками русских и в основном были увезены из Казани. Вторая версия этой точки зрения включает в себя предположение, что якобы за вклад в дело завоевания татарской Казани, татарам – союзникам русских, правительством Ивана Грозного была отведена слобода близ Казани. Такое предположение не лишено основания, однако факт управления слободой русскими приказчиками входит в противоречие с указанным утверждением. Отрицание вышеуказанного утверждения усиливает также факт отведения татарам неудобной для проживания местности, что не подчиняется логике в поступках русских в отношении своих вчерашних союзников.

Другая точка зрения указывает на 1557 год. Она также имеет два тезиса. Первый заключается в том, что правительство отвело место за Булаком некрещеным, но лояльным к правительству татарам, которые не участвовали в национально-освободительном движении 1552–1557 гг. Видимо, русское правительство нуждалось в поддержке местного коренного населения и разрешило на создание Татарской слободы, однако под зорким присмотром русских чиновников. Второй тезис утверждает, что местность отдана тем татарам, которые участвовали на стороне царской администрации в подавлении национально-освободительной войны народов Поволжья 1552–1557 годов в знак благодарности им и в то же время в целях иметь союзников из представителей коренного населения. А русское управление было необходимо по причине того, «что слобода была устроена правительством по образцу средневековых еврейских гетто в польских и других западноевропейских городах».

Придерживаясь первой точки зрения, предполагаем, что оставшееся в живых после событий 1552 года татарское население многочисленных окрестных сел и слобод Казани в период раздачи земли русским помещикам и монастырям было поселено за озером Кабан. Такой шаг правительства

позволил без особых затруднений передать русским крестьянам бывшие татарские угодья и четко контролировать существование покоренной части поверженного противника.

Вышеуказанные версии и наше предположение не подтверждаются документами, следовательно, вопрос остается открытым.

2. Экономическая взаимосвязь Татарской слободы с городом также требует более внимательного изучения.

3. Как известно, в период колонизации русские поселились в татарских аулах, жители которых или были истреблены, или выгнаны, или сами разбежались. Многие татарские

деревни в писцовых книгах уже упоминаются русскими названиями, утратив старинный тюркский этноним. Продолжение работы по раскрытию прежних названий населенных пунктов окрестности ханской Казани было бы делом доброй памяти наших предков.

4. Исследование историко-географической картины Казани и ее окрестностей в XVIII–XIX вв. позволило бы увидеть в комплексе развитие крупнейшего промышленного центра огромного Поволжско-Уральского региона в период развития буржуазных социально-экономических отношений.

Юго-восточная окраина Сибирского ханства Кучума (интерпретация источников по экономике и социальному развитию тарских татар)

Полагаю, что есть как минимум две манеры проведения социально-экономических исследований. Одна из них связана с рассмотрением экономического и социального развития больших регионов, другая – соотносится с микро-региональными исследованиями. Каждая из них имеет специфические источники, специальную методологию исследования, и раскрывает разные стороны средневековой истории. Особенности, недостатки и преимущества этих подходов/манер очевидны, и не требуют особых комментариев. Примером подобного рода работ может анализ социально-экономического развития Сибирского ханства в целом. Тогда следует обращать внимание на «макроэкономику», политику, социальную дифференциацию общества и т.д. Но возможно и обращение к локальным группам (local communities в англоязычной литературе). В этом случае получаемая информация будет соотносима с палеоэкономикой, палеоэкологией, палеодемографией и социальным развитием небольшой группы населения, что при глобальном подходе ученые не всегда (скорее всего, почти никогда) не рассматривают.

В данной работе предполагается рассмотреть некоторые материалы, освещающие социально-экономическое развитие тарских татар (аялынцев и туралинцев), проживавших на юго-восточной окраине Сибирского ханства в XVI веке, и продолжавших жить на этой же территории после прихода русских в XVII–XVIII веках. Сказанное не означает, что после XVIII века эти татары исчезли. Нет. Их потомки и сейчас живут в тех же населенных пунктах, знают родной язык и сохранили культуру предков.

Источниками для подготовки данной работы стали:

- археологические данные с поселений и могильников тарских татар XVII–XVIII веков, полученные в 1991–2007 годах археологами Омского филиала ИАЭТ СО РАН и Омского государственного университета (А.В.Матвеев, В.В.Михалев, М.А.Корусенко, С.Ф.Татауров, С.С.Тихонов и другие);

- архивные материалы, опубликованные Б.О.Долгих (1960), Н.А.Томиловым (1981; 1994), С.Н.Корусенко (2006),

- картографические материалы, подготовленные первым сибирским картографом С.У.Ремезовым в конце XVII – начале XVIII века (Ремезов, 1882; Матвеев, Яворская, 2003);

- путевые записки академика Г.Ф. Миллера, которые он вел в 1734 году при исследовании Прииртышья (Миллер, 1996).

Неизбежно встает вопрос: насколько верно материалы конца XVI–XVIII веков, т.е. времени завоевания и освоения русскими Сибири, отражают экономику и социальное развитие тарских татар во времена властвования Кучума. Думаю, что изменения в этой сфере если и были, то незначительные. Тарские татары жили на периферии Кучумова улуса, и известно, что темпы развития на окраинах всегда медленнее, чем в центральных областях. Основные занятия тарских татар и во время правления Кучума, и после прихода русских были одинаковы. Это в небольших размерах скотоводство, охота, рыболовство, сбор дикоросов, вероятно, кое-где земледелие. По крайней мере, «татарского экономического чуда» – резкого подъема их хозяйства и социального развития после прихода русских – источники не зафиксировали. В течение всего изучаемого периода не произошло смещения караванных дорог на земли тарских татар, поэтому и торговый капитал не развивался. Социально-экономическое и культурное влияние русских вряд ли было довлеющим, поскольку численность русских на первых этапах освоения Сибири была сравнима с численностью коренных жителей. Поэтому изменения в жизни и быте тарских татар были, вероятно, невелики. Скорее всего, они стали платить ясак (дань, подати, налоги) другим правителям, сохранив свой уровень развития и образ жизни. Такие ситуации хорошо известны по историческим данным времен Великих географических открытий или колониальных захватов, происходящих из Америки или Азии.

Рис. 1. Карта Сибири (фрагмент листа 23 «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова)

На размещенном листе из «Чертежной книги...» (рис. 1) ясно видно, что «Великая Тартария» занимала центральное место: «Великая Тартария высокаго холма и всей внутренней Сибири а в ней грады главный град Тоболеск со многими уезды Тара, Тюмень, Туринск с великими ясашными татарскими городками и волостями». Показаны и границы «Великой Тартарии», включающей в себя бассейн Тобола, среднее течение Иртыша и земли по его правым притокам Оми, Таре, Ую, Шишу и т.д. Тарские татары жили на юго-восточной окраине этой территории по берегам Иртыша, Тары, Уя близ Васюганского болота, и соседствовали с жителями Барабинской и Теренинской земли.

Напомню читателям, что по правилам картографии того времени вверху листа были «полуденные» – южные страны, а «полуночные» размещали внизу листа. Поэтому карта с точки зрения современного пользователя перевернута. С.У.Ремезов не делал свои чертежи в масштабе, скорее он пытался соблюсти пропорции, поэтому вид местности на картах, или лучше говорить, чертежах сильно отличается от привычного нам. Эта и последующие чертежи я обработал в

Photoshop'е, убрав шумы и некоторые мелкие детали, а также дублирующие надписи на немецком языке, сохранив вид чертежа в целом.

На листе 21 ремезовской книги (рис. 2) показано расположение аялынской волости – место проживания одной из групп тарских татар*. Аялынды жили на правом берегу Иртыша между притоками Иртыша, рек Тара и Шиш, и по реке Тара. Конечно, место их проживания указано более чем условно. Указанные на чертеже село и церковь Би[r]гамацкая свидетельствуют о том, что на листе показана ситуация, сложившаяся после 1668 года – времени основания Бергамацкого острога. Видно, что по сравнению с более северными районами, т.е. к северу от города Тары, рекам Иртыш и его левым притокам Оше, Ишиму, Вагаю и далее земли были более освоенными, т.к. количество населенных пунктов на карте значительно больше, чем по

* Соотношение аялынской и туралинской групп тарских татар не является в данной работе предметом исследования, поэтому лучше предоставить слово специалистам: Н.А.Томилову (1981) и С.Н.Корусенко (2004; 2006).

рекам Тара и Омь. Юрты барабинских татар показаны С.У.Ремезовым на озерах Сартлан и Чаны в Барабинской лесостепи, а берега Тары и Оми в нижнем течении были пустынными. Вполне возможно, что тарские татары не селились далеко к югу от р. Тара, опасаясь набегов джунгар, и есть свидетельства Г.Ф.Миллера о том, что джунгары в разные годы XVII века совершали набеги на татар и русских. Правда, это не мешало ни тем, ни другим ходить на рыбалку и звериные промыслы на Омь. Показательна надпись на чертеже (рис. 2): «Пристойт вновь быть городу о сомой край степи калмыцкая», расположенная близ устья Оми, там где в 1716 году был основан Омск. Вторая причина относительной незаселенности этих мест – относительно недавнее (XIV?, XV?, первая половина XVI? веков) появление здесь тарских татар. Это только предположение, основанное пока на весьма малочисленных фактах: отсутствие памятников тарских татар XV века и большое расстояние между юртами – татарскими деревнями. Известные мне археологические материалы, найденные на комплексах соотносимых с татарами датируются в целом XVII–XVIII веками, и, бывает, встречаются с артефактами усть-ишимской культуры. Т.е. лагуну XIV–XV – первая половина(?) XVI века пока заполнить нечем. Не исключено, что эти данные есть, но, или пока не найдены, или не выделены из имеющихся материалов. Плотность расселения, выражающаяся в расстоянии между юртами, только косвенно может свидетельствовать о недавнем заселении территории. Так, среднее расстояние между юртами тарских татар может быть 15-30 км, а у тобольских татар – 5-10 км. Расстояние между зимними и летними юртами тарских татар может быть до 10-15 км, а у тобольских татар оно было и менее 1 км. Ну а нехватка земель и тесное расселение – признак длительного проживания на одной территории. Данная ситуация с расселением сходна, по крайней мере, на первый взгляд, с формированием системы расселения казахов Внутренней или Букеевской орды после начала их переселения в 1801 г. из приуральской степи на правобережную сторону р. Урал и низовья Волги (История Букеевского ханства. 2002).

Н.А.Томилов (Томилов, 1981, с. 137; 1996) и С.Н.Корусенко со ссылкой на Б.О.Долгих перечислили деревни аялынской волости в

первой четверти XVII века: Верхний Тунус, Кетешева, Кошбахтина, Бергомак, Абай-Томак, Сеикулова, Чеплярева, Тар-Томак, Рухлерь, Буксунова, Буян, Большая, Байгильдеева, Уй-Томак, Ашут, при этом С.Н.Корусенко замечает, что, Б.О.Долгих не упоминает туралинцев (Корусенко, 2004, с. 137). Возможно, этими названными населенными пунктами и был исчерпан список юрт тарских татар. Интересна последовательность упоминания татарских деревень. Сначала названы деревни, расположенные на р. Тара от верховий к устью: Верхний Тунус, Кетешева, Кошбахтина, Бергомак. Этим юртам соответствуют археологические памятники Верхний Тунус – по-другому это Тунусский городок (городище Надеждинка VII?), Кошбахтина – это Черталинское I поселение, Бергомак – это – поселение Бергамак III. Не локализованной остается только д. Кетешева, которая могла находиться между Тунусским городком и Черталами. Далее с юга на север, т.е. сверху вниз по течению Иртыша, перечислены деревни, находящиеся на этой реке Иртыше: Чеплярева (современная Чеплярово), Тар-Томак (современная Усть-Тара), Рухлерь (современная Екатериновка), Буксунова (современная Темшеняково). Пока не ясно, где находилась д. Сеиткулова: либо это поздний Bulunbai или Otrau-аул Г.Ф.Миллера неподалеку от Чеплярова, либо д. Сеткуловка в 20-30 км южнее, но в любом случае она самая верхняя по течению. Неясно пока, где располагались деревни Большая, Байгильдеева, Уй-Томак, Ашут.

Выходит, что в первой четверти XVII века тарские (аялынские татары) жили по реке Тара от устья почти до границы современной Омской и Новосибирской областей, а также по реке Иртыш от устья Тары почти до устья р. Уй бесспорно, а возможно и почти до устья р. Шиш. Отчасти это подтверждается картами, составленными С.У.Ремезовым. В «Хорографической чертежной книге Сибири» (Матвеев, Яворская, 2003, с. 158) показано, что аялынские татары жили на правом берегу Иртыша к югу от устья р. Уй почти до г. Тары. В «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова (1882) показано, что аялынские татары жили на правом берегу Иртыша от устья р. Шиш на севере до р. Тара на юге.

Рис. 2. Карта Сибири (фрагмент листа 21 «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова)

В недавно выпущенной монографии С.Н.Корусенко опубликовала материалы «Дозорной книги Тарского уезда» (Корусенко, 2006), в которой описаны деревни тарских татар Кыргап, Аиткулова, Атак, Иткучукова, Шихова, Усть-Тарская, Чиплярова, Инцисс, Биргамак, Чертанла, Сабанчеева, Рухляева, Туралы, Буген, Енгачак, Темшенякова, Буянова, Большая, Верхняя, Бабтна, Сеитова, Байтуганова, Утамак, Красноярка. В упомянутой книге сначала описаны деревни на Иртыше ниже устья Тары (Кыргап, Аиткулова, Атак, Иткучукова, Шихова), затем деревни по Таре от устья к вершине (Усть-Тарская, Чиплярова,

Инцисс, Биргамак, Чертанла, Сабанчеева), затем одна деревня на Иртыше (Рухляева), далее три деревни на р. Оши (Туралы, Буген, Енгачак) и опять деревни по Иртышу (Темшенякова, Буянова, Большая, Верхняя, Бабтна, Сеитова, Байтуганова, Утамак, Красноярка).

По времени (1701 год, начало XVIII века) дозорная книга совпадает с Чертежной книгой Сибири (конец XVII – начало XVIII века). То есть система расселения тарских татар, описанная в Дозорной книге показана С.У.Ремезовым на карте (рис. 3, здесь север находится в правой части листа). Часть тарских татар жила по р. Тара. Археологические

данные говорят, что все их юрты находились на правом берегу Тары, как правило, на ее притоке: Усть-Тара или Тар-Тамак близ р. Зимовная, Чеплярово близ речки Коршуновка, Инцисс на одноименной реке, Бергамак тоже, Тунусский городок на р. Нижняя Тунуска. Жили татары и на правом берегу Иртыша, иногда в устье мелкого притока – Киргап у ручья Кильчей, Айткулово близ речки Мурлинка, Атак у речки Уразайка и т.д. Появляются татарские деревни на р. Оша (левый приток Иртыша) на значительном удалении от него. Надо полагать, что первоначально это были заимки близ пашен и покосов, ставшие потом деревнями. В Дозорной книге описано, что жители некоторых татарских деревень имеют сенокосные угодья на левом берегу Иртыша в пойме, но пока нет здесь татарских деревень.

В материалах «Хорографической книги...» (Матвеев, Яворская, 2003) С.У.Ремезов изобразил рассматриваемый нами участок более подробно (рис. 4-6). Эта книга С.У.Ремезова была вывезена в 1917 году за рубеж, в научный оборот материалы были введены в 1957 г. А.В.Матвеев снял и обработал ксерокопии с

листов, касающихся Среднего Прииртышья. В данной работе использованы обработанные мной исходные ксерокопии, любезно предоставленные мне Алексеем Викторовичем. Отметим, что на этих рисунках север находится в левой части листа. Тарские (аялынские) татары занимают примерно ту же территорию, что и почти столетие назад. Правда на рис. 4 и 5 имеются татарские юрты южнее устья р.Тара (Кангачаковы, Танатовские, Изюцкие, Кулрутские, Колбовы, Ньюхоловские, Булунбаевы, Бернагуль), которые не упомянуты в синхронной карте Дозорной книге.

Но эти деревни есть в материалах Г.Ф.Миллера, будущего автора книги «Завоевание Сибирского царства...», как называли ее в XVIII веке, выпущенной под названием «История Сибири» в 1939–1941 годах, совершавшего путешествие по Иртышу от Омска до Семипалатинска. Во время поездки он детально фиксировал места расположения русских и татарских деревень относительно рек, озер, друг друга, крупных населенных пунктов и т.д., что позволило мне локализовать многие указанные им населенные пункты (Тихонов, 2004).

Рис. 3. Чертеж земли Тарского города
(фрагмент листа 3 «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова)

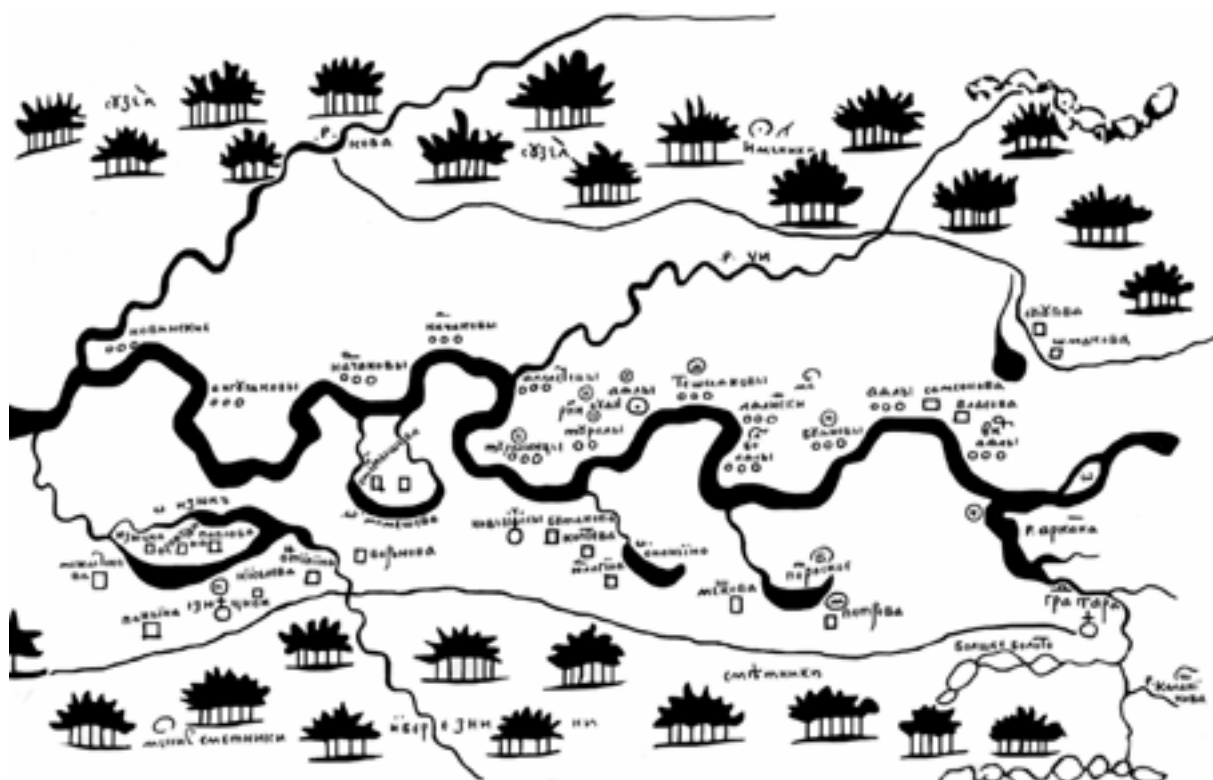

Рис. 6. Русские и татарские деревни в районе устья р. Уй

Итак, рассмотрение письменных, картографических и археологических источников позволяет делать вывод, что тарские татары в XVII веке жили на правом берегу р. Иртыш от р. Тары на юге до р. Шиш на севере. На р. Тара восточная граница их ареала проходила по р. Верхняя Тунуска, на р. Уй в 40-50 км выше ее устья. В XVIII веке они незначительно, на 20-30 км продвигаются к югу от р. Тара и живут в аулах Булунбай, Куллук, Таксай и других. Примерно на такое же расстояние они продвигаются на восток по р. Тара, образуя деревни Гузенево и Альменево. На севере от р. Шиш до р. Уй появляются курдакские татары; вероятно, они вытесняют аялынцево, которые севернее р. Уй больше не живут. В конце XVII – начале XVIII века тарские татары стали жить и на р. Оша.

Похоже, что тарские татары не слишком расширяли свою территорию, но распространялись они на свободные места по правому берегу Иртыша к югу от р. Тара, где жили чересполосно с русскими, шли вверх по р. Тара до границ проживания барабинских татар, и освоили пустые земли по р. Оша, но вместе с русскими, и жили с ними вперемешку. Вероятно, эта территория и была их собственной, за пределы которой они или не могли, или не хотели выходить. В XVIII веке на землях татар

по правому берегу Иртыша селятся русские в районе устья Тары и устья Уя. Переселение татар на левый берег Иртыша (д. Берняжка) явление позднее. На р. Тара правый берег в XVIII веке остался за татарами, левый осваивали русские. В XIX веке юрты Бергамацкие перенесли на левый берег Тары, а русские стали селиться на ее правом берегу.

Природно-географическая среда, в которой жили тарские татары предварительно описана (Тихонов, 2006). Рассматриваемая территория – это юго-западная окраина Васюганской равнины. Она имеет полого-увалистый рельеф и расчленена густой речной сетью, а также многочисленными оврагами и балками. В южной части территории проживания тарских татар (от д. Сеткуловка до д. Темшеняково) встречаются останцы первой надпойменной террасы, т.е. сохранившиеся остатки древнего берега. На всех известных останцах имеются археологические памятники, или находились русские деревни. Низкая (затопляемая пойма) есть в низовьях Тары, Уя и Шиша, ну и, конечно, на Иртыше. На ней четко видны веера блуждания, прирусловые валы, есть масса озер и болот. Населенных пунктов на ней нет. Самая широкая, самая благоприятная пойма для ведения хозяйства расположена от д. Танатова

до устья р. Тара, и в районе д. Усть-Шиш – Семибуренка. Здесь ее ширина 10-15 км.

Пойма Иртыша и его крупных притоков в сельскохозяйственном отношении в наши дни освоены на 85-90%. Территория севернее р. Тара по правому берегу Иртыша – южно-таежный, увалисто-волнистый, значительно дренированный район подзолистых почв – в сельскохозяйственном отношении освоен на 30-50%. Район на левом берегу р. Тара и по правому берегу Иртыша южнее ее – Прииртышско-Тарский террасовый хорошо дренированный район – освоен в сельскохозяйственном отношении на 70-90%.

Выделены следующие типы растительных ассоциаций: **надпойменных террас** – *осиново-березовые леса и сосновые леса на супесчаных и песчаных отложениях* (т.е. северная лесостепь). Это водораздельный (между Омью и Тарой) Барабинский аллапно-болотный район – березняков – 25%, ивняков – 5, болот – 64%, лугов – 9%). Расположен на правом берегу Иртыша южнее р. Тара и по правому берегу Тары. Здесь на лугово-черноземных и серых песчаных почвах сформировались сосново-березовые кустарничково-разнотравные леса; *зона мелколиственных лесов с коренными типами* (подтаежная зона). Это Тарско-Уйский елово-сосново-березовый район в бассейнах рек Тара и Уй (ельников – 7%, кедров – 3%, березняков – 35%, осинников – 3%, болот – 30%, лугов – 6%, вод – 1%); *зона хвойных лесов* (подзона южной тайги) – Шишский елово-березовый район в бассейне р. Шиш (пихтачей – 2%, ельников – 11%, кедров – 5%, сосняков – 12%, березняков – 30%, осинников – 3%, болот – 31%, лугов – 5%, вод – 1%). В тарско-Уйском и Шишском районах на глубокоподзолистых почвах сложились темно-хвойные и сосновые, сосново-березовые зеленомошно-вейниково-осочковые леса; **долин рек** – *высокая и низкая пойма Иртыша* с полого-волнистыми поверхностями прирусловой части и заболоченными понижениями периферии поймы с разнотравно-злаковыми и канареечно-вейниковыми лугами, ивняками на аллювиальных луговых солончаковых и дерновых слоистых почвах. Такой тип растительности прослежен по Иртышу к югу от

устья р. Тара; *высокая и низкая пойма Иртыша* со старичными заторфовывающимися озерами, с осоково-разнотравно-злаковыми лугами, осоково-тростниковыми болотами, ивняками и тополевыми лесами на аллювиальных дерновых слоистых, болотных и луговых почвах; *долины притоков Иртыша* – Тара, Уй, Шиш – с параллельно-грядистой прирусловой поймой и заболоченными понижениями периферийной части с елово-сосново-осиново-березовыми лесами и тальниками, разнотравно-осоковыми и вейниковыми лугами на аллювиальных дерновых слоистых и луговых почвах, низинных торфах; **гигрофильные ассоциации** по слабодренированным и пониженным участкам. Эта территория богата водными ресурсами: река Иртыш с крупными и мелкими притоками и развитой речной сетью. В пойме имеется масса озер и мелких речек.

По совокупности признаков можно выделить три природно-географических района проживания тарских татар, немного отличающиеся друг от друга.

1) Северный. Расположен по правому берегу Иртыша от р. Шиш до р. Уй. В данном районе освоена была только пойма и прилегающие к ней участки. Поскольку здесь располагалась зона южной тайги, то, вероятно тарские татары легко уступили эту территории охотникам, курдакским татарам, которым она была привычной.

2) Центральный. Расположен на правом берегу Иртыша от р. Уй до р. Тара. Лучше всего была освоена пойма Иртыша, но были проникновения и в среднее течение р. Уй. Вероятно, это – коренной район обитания тарских татар.

3) Южный. Расположен по правому берегу р. Тара и к югу от нее. Правобережье Тары, вероятно коренные земли тарских татар, а к югу от нее они начали продвижение после устранения опасности джунгарских набегов в XVIII веке. Возможно, эти земли татарами осваивали во времена Сибирского ханства, поскольку в письменных источниках есть неоднократные упоминания об озере Изюк, где ловили рыбу, о городище Кучума и т.д.

Число хозяйств в юртах тарских татар

Населенный пункт	Служилые татары	Ясачные татары	Захребенные татары
<i>На р. Иртыш</i>			
Киргап	13	17	
Айткулово	12	19	
Атак	3	3	
Иткучуково	6	2	
Усть-Тара	1 (князец)	23	
Рухляева		15	
Темшеняково		3	
Буянова		9	
Большая		6	
Верхняя	1 (князец)	7	
Бабина	5		4
Сеитова	6	2	
Байтуганова	6	7	4
Утамак		2	
Красноярская		4	
<i>На р. Оша</i>			
Туралы	7	1	10
Буген		4	
Енгачаковы		4	
<i>На р. Тара</i>			
Чеплярово		25	
Инцисс		13	
Биргамак		18	
Черталы		22	
Темшенякова		6	
Сабанчеева		15	

Описав ареал обитания тарских татар и природно-географическую среду, в которых они жили, перейдем к рассмотрению уровня их социально-экономического развития. Не стоит забывать, что этот ареал проживания менялся незначительно в XVII–XVIII веках, и практически не изменился до наших дней. Предположим, что такой же он был и во времена Кучума. По сравнению с прошлыми веками природно-географические условия сейчас хуже. Это связано с изменением гидрологического режима Иртыша после постройки водохранилищ на Шульбе, Бухтарме, а также в Усть-Каменогорское в Казахстане. Скорее всего, в XVIII веке была другая увлажненность, т.к. многие русские деревни и татарские юрты находились в пойме, откуда их перенесли на высокие места в XIX веке. Не следует сбрасывать со счетов и антропогенный фактор. Однако бонитет земель, температурный режим, календарь фенологических явлений значительно не изменились. Поэтому среду обитания тарских татар в наши дни в более раннее периоды следует считать изменяющейся

незначительно. Можно сравнить данные по этой территории XVIII века (Описание тобольского наместничества...) современными сведениями (Большаник, 1996; Кутузова, Большаник, 1997).

Судя по материалам «Дозорной книги...» среди тарских татар были 2 князца (один – в Усть-Таре, другой Верхних юртах), служилые татары, ясачные татары и татары захребетные (табл. 1). Интересна система их расселения. Служилые татары и князцы жили на Иртышом в 9 юртах из 15, и на р. Оша – в 1 юртах из трех. Все деревни на Иртыше, где жили служилые татары находились между г. Тарой и рекой Тара на участке длиной около 30-50 км. Ясачные татары жили во всех деревнях, часть наиболее крупных юрт есть в списке Б.О.Долгих, т.е. они образовавшиеся ранее 1625 года.

Количество дворов в деревнях невелико: около полутора двух десятков, в 11 деревнях число дворов менее 10. Опять-таки это напоминает периферию общества, где социально-экономические процессы идут весьма вяло.

Материалы «Дозорной книги...» содержат данные по хозяйству и численности населения. Однако, они неполны. Например, в подавляющем большинстве семей не указано число детей и количество скота. Можно только говорить о том, что были татары, имевшие солидный по меркам XVIII века доход, а также немного скота (чаще всего лошадь и корову), и были татары, имущество и достаток которых в источнике не отражены.

Интересно было бы сравнить письменные источники с данными археологических раскопок. Однако, этому надо посвятить специальную работу. Отметим только, что в могилах на памятниках Бергамак II, Черталы I, Окунево V–VII (позднесредневековый комплекс) не менее половины могил безынвентарные. Это свидетельство низкого уровня жизни. Могут возникнуть возражения, что татары были мусульманами, и им в могилы не нужно было класть вещей. Однако, обряд погребения в XVII–XVIII веках был больше похож на языческий, а в части могил был найден богатый инвентарь (Тихонов, 1994). Есть сведения Г.Ф. Миллера о том, что он в Чеплярово говорил со стариком, родители которого были язычники.

Итак, можно полагать, что юго-восточная часть Сибирского ханства Кучума была тихой окраиной, где по правым берегам Иртыша и Тары жили тарские татары. Их численность была невелика, а экономика и социальная дифференциация были развиты слабо. Зато среда обитания была весьма благоприятной. Возможно (на это указывает плотность населения и ее динамика) татары поселились здесь относительно недавно. Вокруг территории их обитания была зона хозяйственного освоения, и татары ездили на промыслы к югу на р. Омь, имели угодья на левом берегу Иртыша, и на р. Оша. Изменения в материальной культуре татар после прихода русских были незначительны: появление гончарной керамики, русских украшений, новых видов тканей. Место татарской администрации заняла администрация русская, но практически не изменила уклад жизни тарских татар.

Примечания

Большаник П.В. Природные условия Тарского приречного района // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Т. 1. – Новосибирск, 1996. – С. 37-48.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М., 1960.

История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. – Алматы, 2002.

Корусенко С.Н. Этническая группа туралинских татар (XVIII – начало XIX вв.) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Т. 8. – Омск, 2004. – С. 135-199.

Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. – Омск, 2006.

Кутузова Г.И., Большаник П.В. Ландшафтная обусловленность процессов освоения и историко-географическое районирование Омского Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск, 1997. – С. 4-28.

Матвеев А.В., Яворская Л.Я. Территория современной Омской области на листах «Хорографической чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова 1697–1711 гг. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – № 10. – Омск, 2003. – С. 147-162.

Миллер Г.Ф. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыше и возле него вверх от города Тобольска // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф.Миллера. – Новосибирск, 1996.

Описание Тобольского наместничества. – Новосибирск, 1982.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. – СПб, 1882.

Тихонов С.С. Некоторые аспекты исламизации народов Сибири (тезисы) // Ислам, общество и культура. Материалы МНК «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (к 600-летию ислама в Сибири)». – Омск, 1994.

Тихонов С.С. Расселение сибирских татар и русских в Среднем Прииртышье в первой трети XVIII в. (по материалам Г.Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Т. 8. – Омск, 2004. – С. 200-233.

Тихонов С.С. Среда обитания тарских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск-Омск, 2006. – С. 73-80.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск, 1981.

Томилов Н.А. Татары сибирские // Народы России. Энциклопедия. – М., 1994. – С. 328-331.

Томилов Н.А. Поселения тарских татар бассейна Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Т. 1. – Новосибирск, 1996. – С. 188-197.

К вопросу об административно-политическом и территориальном устройстве Сибирских татар в XVI–XVIII вв.

Вопрос об административно-политическом устройстве сибирских татар в период XVI–XVIII вв. на сегодняшний день остается малоизученным, за исключением работ Д.М.Исхакова, исследовавшего проблемы клановых основ устройства Сибирского юрта и пришедшего к выводу, что внутривнутриполитическое устройство ханства основывалось на «системе карача-беев» и в целом было схоже с другими татарскими государствами (Исхаков, 2002, 2004, 2006, 2007). В настоящей работе еще раз обратимся к этому вопросу и попытаемся обобщить имеющиеся сведения.

Сибирское ханство было одним из «осколков» Золотой Орды и, как другие татарские ханства, унаследовало основные черты административно-политического устройства золотоордынского государства. В составе ханства существовала «небольшая привилегированная группа «тарханов» – феодальная знать и плательщики ясака, т. н. «черные люди» (Бахрушин, 1955, с.155).

Татарскую знать Сибирского ханства, как отмечает С.В.Бахрушин, «пеструю по составу» (Бахрушин, 1955, с.155), составляли хан, султаны, беки, мурзы, есаулы, представители мусульманского духовенства (сеиды, шейхи, муллы, абызы и др.), сановники ханского двора – «думчий царев» – карача, «аталыки», карача-беки, а также рядовые воины-казаки.

Подтверждение тому, что население Сибири задолго до русской колонизации делилось на две категории, мы находим, в частности, в сибирско-татарском дастане «Ильдан и Гольдан», где описываются события, связанные с приходом на Сибирские земли (Силан) хана Ишима. Прогнав с берегов реки Сурай (Иртыш) «магулов», он построил здесь город Ишим. В дастане рассказывается о жестоком обращении с черным населением – «каралар», севшего на ханский престол после Ишим-хана его сына Ансама (вероятно, Он-сом хан «Сибирских летописей»). Очень многие из «кара-халык» (ясачных людей), не выдержав поборов Ансам хана, бежали в леса («Илдан и Гольдан», 2002, с.17).

«Охотимся на лосей, ловим рыбу

Не хватает на еду, не видим сытости

Уходит все во дворец.

В год 10 раз платим большую дань,

И хоть берет большую дань, забирает все пойманное нами,

но не насытится Ансам хан...» («Илдан и Гольдан», 2002, с.17).

Как и в других татарских государствах, в Сибирском ханстве существовал институт тарханства. В тюрко-монгольских государствах тарханами обычно назывались лица, обладавшие определенным иммунитетом, а также рядом привилегий (Степанов, 1966, с.95-96). Термин был достаточно распространен на территории Сибирского юрта и свидетельствует о существовании в государстве особых привилегированных людей «тарханов». Категория тарханов упоминается и в дастане «Ильдан и Гольдан»: «Ирешак убил поставивших Чангы бия тарханов и снова стал ханом в Кызыл Торе» («Илдан и Гольдан», 2002, № 8, с.29). До настоящего времени в топонимике сибирских татар сохранились названия Тарханкала, д. Тарханы и др. По мнению С.В.Бахрушина, сибирско-татарское служилое сословие произошло от феодалов-«тарханов» (Бахрушин, 1955, с.163). В определенной степени можно считать, что прежние тарханные привилегии сохранялись и при новой власти. Существовала и особая Тарханская волость. «Тарханские остяки уверяют, что их родоначальники произошли от татар. Их предки живут в Тобольске, один из них был в этих краях тарханом» (Атласи, 2005, с.67).

Е.П.Мартынова отмечает существование в пределах Сибирского ханства так называемых «кыштымных» и «тарханных» отношений между правителями и подчиненными. Причем «кыштымны» находились в полном подчинении хана, «тарханы» же не обязаны были платить дань господину, но, в случае необходимости, должны были принимать участие в его походах. Что касается его людей, то, наравне с прочими, они должны были платить государю этой страны дань, хотя и более легкую. Скорее всего, как замечает исследователь, название хантыйской Тарханской волости свидетельствует о существовании такого рода «тарханных» отношений также между татарским

ханом и остяцкими князьками и указывает на северную границу распространения военно-политического влияния Сибирского ханства (Миллер, 1937, с.222; Мартынова, 1998, с.94).

Существование в Сибирском юрте системы карача-беев отложилось в исторической памяти сибирских татар. Вплоть до второй половины XX в. у татар Тобольского и Вагайского районов сохранялся обычай поднимать над женихом кошму или покрывало четырьмя дружками – нукерами – во время свадьбы при проводах жениха к невесте. Как считает известная собирательница сибирско-татарского фольклора Ф.В.Ахметова-Урманче, данный обряд сохранился со времен Сибирского ханства, когда «карачи являлись держателями священной кошмы, когда на ней поднимали новоиспеченных ханов». Сама она наблюдала последний раз свадьбу с проведением подобного обряда в 1959 г. в ауле Кукранде (Чебурга) Тобольского района. По описаниям Ф.В.Ахметовой-Урманче, во время поднимания кошмы мощным мужским хором исполнялась обрядовая песня «Кияу типсэу» («Проводы жениха»), которая подразумевала проводы жениха в сопровождении пения под аккомпанемент средневековых конусообразных барабанов «тип» (Ахметова-Урманче, 2002, с.343).

Как считает Д.М.Исхаков, этнополитическое объединение сибирских татар – Сибирское ханство, следует рассматривать в одном ряду с другими позднелазоордынскими татарскими государствами XV–XVI вв. Как и в остальных ханствах, в Сибирском юрте существовали отдельные княжества, так, достаточно уверенно можно говорить о «Карачине улусе», бывшем владением клана джалаири и «Тайбугине юрте», принадлежавшем клану салджигутов (Татары, 2001, с.122). Основываясь на одном из преданий, записанных Н.Ф.Катановым у тобольских татар (Катанов, 1895–1896, с.9–10), где рассказывается о делении войск хана Кучума на четыре «отряда», Д.М.Исхаков определяет, что «таких владений было четыре: первый из которых имел название Кордак, второй – Туралы, третий – Аялы, четвертый – Бараба. Пятую группу образовывали люди, которые пришли с ханом Кучумом и заняли столичный округ. Их в предании именуют Сартами» (Исхаков, 2006, с. 66). Как видно, речь идет о четырехчастном делении, которое имело в центре пятое образование. Такое деление напоминает систему «юртов» – княжеств во главе с карача-беками, хорошо известную в

других татарских ханствах – наследниках Золотой Орды (Исхаков, 2006, с.66). Д.М.Исхаков предлагает видеть в группе Туралы клан джалаири, а в «отряде» Аялы – клан салджигутов (Исхаков, 2007 б, с.217). Обнаруживаемые в Сибирском ханстве клановые образования, связанные с карача-беками, надо рассматривать как собственно «татарский» слой сибирско-татарской этнополитической общности.

В Сибирском ханстве существовал улус «думчего царева» Карачи, который в «Сибирских летописях» значится как «Карачин улус». Люди из этого улуса относились к его «дому» («иже бысть дому его») (ПСРЛ, 1987, т. 36, с.52, 59, 61, 67, 68). Карача в 1584 г. во главе «многих воинских людей» осаждал «град Сибирь». Впоследствии он попал в плен к русским и был отправлен в Москву. По мнению М.А.Усманова, под сибирским карачей скрывается автор известного произведения – «Сборник летописей» (1602 г.) Кадыр-Али бек (его отцом был Хусум/Хушум бек) из племени джалаири (Усманов, 1972, с.42–51). Как отмечает К.Кабдулвахитов, бывший сибирский карача Кадыр-Али бек был сыном Касыма (Хусума), внуком Темшик-бахадур, правнуком Айджи-бахадур и возводил свою родословную к сподвижнику Чингис-хана Сартак-нояну из рода Жалаири (Кабдулвахитов, 2006, с.42). Выражение из летописи «иже бысть дому его», которое относится к улусникам, позволяет допустить, что они были его соплеменниками. Дополнительным подтверждением высокого статуса Кадыр-Али бека, то есть его принадлежности к карача-беям, является его нахождение среди других карача-беев (из кланов аргын, кыпчак, магыт) в Касимовском ханстве при провозглашении в 1600 г. султана Ураз-Мухаммеда ханом. Таким образом, одним из улусов, т.е. княжеств, Сибирского ханства надо признать княжество, находившееся в подчинении у племени джалаири во главе с его князем с титулом карача (Татары, 2001, с.120). Х.Ч. Алишина связывает название юрт Салаирских (комоним и гидроним Салаирка) Кашегальской волости Тюменского округа с названием племени джалаири (Алишина, 1999, с.161).

Что касается «Тайбугина юрта», то, по мнению американского историка А. Франка, Тайбугиды имели ногайскую этническую принадлежность, т.е. являлись мангытами (Frank, 1994, с.23). Однако Д.М.Исхаков, проделав детальный анализ данного вопроса и

опираясь на исследования А.-З. Валиди-Тогана, приходит к выводу, что основатель династии Сибирских князей Тайбугидов князь Тайбуга был беем «салжавутского тумена», отцом мурзы Ядигара, упомянутым в полной версии рукописи Утемиш-хаджи «Чингис-наме». Тот же Тайбуга бий, сын Шах-Мурада, был назван в одной из рукописей, обнаруженных Усмановым и Шайхиевым у сибирских татар, основателем г. Искера, пришедшим во главе 500 человек «из Бухары» (Исхаков, 2006, с.97-98). В «Грамоте хранителя Юрумской Астаны» также подтверждаются эти сведения. «Тайбуга би» назван здесь сыном Шахмурад-хана, «все [они] пришли в Эзгер (Искер)» (Ислам, 2004, с. 41). Таким образом, Д.М.Исхаков приходит к выводу, что по клановой принадлежности Сибирских князей можно считать Салжигутами. Группу, составлявшую «Тайбугин юрт», автор пытается отождествить с «отрядом Аялы» из «войск» хана Кучума. Как он считает, между племенем аяли сибирских татар и племенем айле башкир можно провести прямую параллель. У башкирских айлинцев имеется родоплеменное подразделение салыут, т.е. салжигут. По-видимому, в «отряде Аялы» надо видеть «народ» сибирского князя из племени салджигут (Татары, 2001, с.122-123).

В одной из своих последних работ по истории Сибири Д.М.Исхаков сделал важное предположение, что титул «Сибирский князь», применяемый в русских летописях в отношении Тайбугидов, соответствовал титулу «беклярибека» и его следует рассматривать в одном ряду с такими терминами как «Мещерский князь» и «Болгарский (Казанский) князь» XIV-XVI вв. (Исхаков, 2007 б, с.217; Исхаков, 2007 а, с.47). Таким образом, под Сибирским юртом периода Тайбугидов, или «Тайбугиным юртом», можно видеть отдельное княжество (улус) во главе с правящим кланом салджигут.

Определенные предположения по поводу того, кто был беклярибеком, т.е. «князем князей» в Сибирском ханстве после Тайбугидов Едигера и Бекбулата, сделаны Д.М.Исхаковым. Как считает исследователь, «приход на трон Сибирского юрта Шибанида Кучума (возможно и других его родственников) принципиально политический строй владения не изменил – возможно, поменялся лишь клан беклярибека – вместо Тайбугидов это место могли занять представители какого-то другого клана или из того же клана был поставлен иной князь» (Исхаков,

2004, с.79). В «Ремезовской летописи» в рассказе о продвижении Ермака вверх по Иртышу говорится: «И погребли вверх по Иртышу... и до большого князя Бегиша Княжева городка и ту учиниша великой бой со зборным Татары и Карачинцы». Термин «Большой князь», наряду с упоминанием группы «карачинцев», не оставляет сомнения, что мы в лице князя Бегиша имеем дело с беклярибеком хана Кучума (Исхаков, 2004, с.80).

На наш взгляд, этот вывод вполне обоснован, т.к. это подтверждает и концентрация служилых татар в районе Княжева городка, и дальнейшие позиции потомков князя Бегиша – мурз Кульмаметевых в системе русского управления Сибирью. Таким образом, князь Бегиш, называемый С.В.Бахрушиным и Н.А.Томиловым основателем клана Кульмаметевых, вполне мог быть беклярибеком Сибирского юрта. Что касается их клановой принадлежности, то можно предположить, что они могли быть тайбугидами (князь Бегиш не ушел вместе с Кучумом), в то же время, по некоторым документам Кульмаметевы называются выходцами «из Большой Бухареи» (РО ГТИАМЗ, № 12864).

Достаточно обособленное положение среди тоболо-иртышских татар занимали тюменские татары. Город Тюмень был основан на месте бывшего татарского города Чимги-Тура, построенного в XIV столетии татарским князем Тайбугою. «Владение его от имени Туры, что значит первоначальный, главный, знатный, называлось Туралинским, а подданные – туралинцами» (Абрамов, 1859, с.222).

Когда хан Саид-Ибрагим в 1481 г. в союзе с ногайцами взял ставку Большой Орды, он «Ордобазар с собою поведе в Тюмень». В некоторых русских летописях хан Саид-Ибрагим назван даже «царем Нагайским» (Исхаков, 2004, с.26). Также Д.М.Исхаков приводит сведения о том, что по мнению Утемиш-Хаджи под «Турой» т.е. под вилайетом Чимги-Тура, надо понимать осевших на землю мангытов (ногайцев) (Татары, 2001, с.122). Что касается Тюменского ханства, то в нем беклярибеками были представители клана Мангыт. По данным, приводимым Х.Ч.Алишиной, неофициальное название Средних Тарманских юрт Кашегальской волости Тюменского округа – Кирайет. Как считает исследователь, оно происходит от ногайского рода кереит (Алишина, 1999, с.165).

В самом городе Тура (Чимги-Тура) в момент ее завоевания ханом Абулхаиром «хакимами» были представители клана Буркут,

связанного с конгратами (Исхаков, 2004, с. 29). «Вилайет Чинги-Тура в 20-е годы XV в. был в руках предводителей племени буркут Ададбека и Кепекбека, перешедших затем на сторону воцарившегося там Абулхайр-хана» (Ахмедов, 1965, с.42-43). Д.М. Исхаков отмечает, что «в генеалогической традиции кунгратов буркуты связаны с группой кунграт, имеющей монгольское происхождение» (Татары, 2001, с.120). В дастане «Ильдан и Голдан» говорится об изгнании Ишим-ханом магулов (возможно, монголов?). Племенной состав знатных лиц (даруг) вилайета Чимги-Тура к началу 1430-х годов выглядел так: кунграты, дурманы, найманы, уйгуры (возможно, с ответвлениями тубай курлаут) и кушчи. Эти племена, наряду со многими другими, входили в состав государства Шейбанидов, а их знать в 1429 г. участвовала в провозглашении Абул-Хайра ханом. Не исключено, что части названных племен остались на территории вилайета Чимги-Тура. А.-З.Валиди практически все названные племена (кунграт, найман кошчы, уйгур, салджигут) относит к числу «правлящих» и имевших название «карачи» (Татары, 2001, с.121).

А.-З.Валиди Тоган приводит отрывок из рукописи Утемиш-Хаджи о хане Махмудек-ходже, являвшемся современником хана Абул-Хайра и основателя династии сибирских ханов Хаджи Мухаммеда: «...воевал с представителями эля Тура против тюменей (племен) кунграт и салджигут. Владения этого хана находились между реками Тоболом и Ишимом, а ставка – на берегу Тобола. Они были присоединены к государству Шейбанидов в 1430–1431 гг. Тогда же был убит и сам Махмудек-ходжа (Татары, 2001, с.121).

Пока трудно сказать, сохранили ли кланы буркут и мангыт роль правящих кланов в государстве хана Кучума, этот вопрос требует специальных исследований, как и в целом, вопрос о взаимоотношениях вилайета Чимги-Тура и Сибирского юрта.

Выше была приведена татарская легенда об «отрядах Кучума», которая подтверждает, что владения хана Кучума простирались на восточные территории. Когда хан Кучум потерпел поражение, то он направился не в сторону Тюмени, а на восток. На просьбы Кучума о помощи и предложение уйти с ним в подданство Бухары, тарские мурзы отвечали: «торып торайык». Далее от тарских татар Кучум пошел к аялыным татарам и затем на юг – к барабинцам. Таким образом, район

обитания тюменских татар оставался несколько обособленным от Кучумовых земель. Не случайно Б.О. Долгих, характеризуя тюменских татар, говорит о них, как об особой этно-территориальной группе, т.н. андреевских татар, которые в прошлом представляли единое целое: «Тюменские татары образовывали отдельную группировку и в составе Сибирского татарского царства» (Долгих, 1960, с.41, 46).

Не исключено существование в Сибирском ханстве и племени аргын. Как известно, клан Аргын являлся одним из ведущих в клановой структуре Крымского и Казанского ханств. Н.А.Томилов приводит сведения о том, что после разгрома Кучума происходит значительная миграция тюркского населения Тоболо-Иртышского бассейна в сторону Оби и ее притоков. Скорее всего, именно в этот период определенная группа тоболо-иртышских татар проникает на территорию Притомья и далее на восток (Томилов, 1981, с.34; Малиновский, Томилов, 1999, с.492). В исторической памяти кызыльцев и качинцев, чулымских тюрков сохранились предания об их приходе с берегов Ишима и Тобола. В их составе имеется и группа аргын, которая продвинулась к Чулыму «...в последней четверти XVI в. с Тобола с частью сибирских татар» (Потапов, 1952, с.40). По сообщению Д.Г.Мессершмидта, относящемуся к 1721 г., «...большинство живущих на Чулыме и Кие татар происходят от Кучум-хана и что они в древности были одинаковым с казахской ордой народом... Как Кучум-хан от Тобольска был прогнан, то некоторые из них отправились сюда, другие – на томскую сторону» (по: Малиновский, Томилов, 1999, с.492). Именно тогда на Чулыме оказалась часть группировки аргынов. Факт проникновения племени аргын отразился и в названии одной из чулымских волостей – Аргунской. По данным на начало XVIII в. (1720 г.) население этой волости составляли 101 человек, 4 из них были ясачными. (Большой части глав семей Аргунской, Пышкиной-Каргачиной, Кызылдеевой и Ячинской волостей удавалось избегать ясачного учета (Малиновский, Томилов, 1999, с.506)). Еще И.Георги обращал внимание на этнографическое сходство томских, тобольских и тюменских татар (Георги, 1776, с.28, 115, 146). Современные этнографы также отмечают общие черты в традиционной культуре чулымских тюрков и тоболо-иртышских татар (Малиновский, Томилов, 1999, с.493-494).

Несмотря на значительную географическую отдаленность Сибирского и Казанского ханств, просматриваются достаточно тесные контакты, в том числе и политические, существовавшие между этими государствами (Исхаков, 2002, с. 24-58). С.Х.Алишев вслед за М.Худяковым, указывает на «известных князей сибирского происхождения Бибарса и Юлбарса Растовых», убитых в Казани в 1551 г. стрельцами из-за того, что якобы «Растовы и другие начали сноситься с ногайцами» и хотели убить (Шах Али хана и боярина Д. Палецкого)...» (Алишев, 1995, с.106-107). Тот же «тюменский князь» Бибарс Растов назван в числе участников делегации, возглавляемой Кулшерифом в Свияжск в начале 1551 г. для ведения переговоров с московским правительством (Алишев, 1995, с.101). Хотя в исторической литературе существует и другое мнение, по которому «тюменские князья» Растовы называются не сибирскими князьями, а ногайцами (Исхаков, 1998, с.19-20).

Примером тесных связей между татарскими ханствами может служить и неоднократно приводимый в литературе факт, когда после захвата в 1487 г. Казани «Алегамовы царевы люди» Алказый, Тевеккель сеит, Касим сеит, Бегиш с сыном Утешем и «иные их товарищи» выехали в Ногайскую Орду, а оттуда часть их – в Тюменское ханство (Бахрушин, 1955, с.156; Исхаков, 2002, с.37).

После завоевания Сибирского ханства Московским государством в конце XVI в. основная часть оставшейся в живых татарской феодальной верхушки, также, как и в других татарских ханствах, переходит на службу новому правительству в качестве служилого сословия, при этом, с одной стороны, не сливаясь с русским феодальным сословием, с другой стороны, не переходя в аборигенное ясачное сословие. На протяжении длительного времени сохраняются особенности этой этно-сословной группы, обусловленные как внешними, так и внутренними факторами.

По мнению Д.М.Исхакова, соотношение феодальной верхушки и ясачной части татар в Сибирском ханстве могло быть 1: 5. Таким образом, служилые татары должны были составлять около 20 % татарского населения Западной Сибири, остальные же татары были ясачниками. Для конца XVI – начала XVII вв., опираясь на подсчеты Н.А.Томилова, общую численность сибирских татар Д.М.Исхаков выводит в районе 10-12 тыс. человек, из которых служилыми он считает около 2 тысяч человек (Исхаков, 2002, с.9). Остальную часть,

по его мнению, составляло ясачное население тюрко-угорского происхождения. Слой служилых татар в XVI в. не был многочисленным, впрочем, считает исследователь, как и в более ранний период. Так, например, у правителя Тюменского ханства хана Ибрагима (Ибака) во время похода 1481 г. против Большой Орды, насчитывалось только 1000 человек собственных казаков. В ясачном населении можно видеть более раннее население (как тюркского, так и тюркизированного угорского происхождения, которое могло именоваться «иштяками» и «сипырами») (Исхаков, 2002, с.9-10).

Точных данных об общей численности татарского населения в период Сибирского ханства нет. Известно лишь, что послы сибирского хана Едигера, прибывшие в Москву в 1555 г. для принятия русского подданства, определяли число «черных людей» ханства, облагавшихся ясаком, в 30700 человек. В грамоте Ивана IV об обложении их данью приводится округленная цифра 40 тыс. чел. В это число улусных людей входили и небольшие группы манси и ханты, которые подвергались в этот период ассимиляции со стороны тоболо-иртышских татар (Томилов, 1981, с.42).

По данным П.Н.Буцинского, в начале XVII в. общая численность служилых и ясачных инородцев (мужчин) «в семи уездах не превышала и 4000 человек» (Буцинский, 1999, с.26). Далее он обращает внимание на «громчайшую разницу» между этими данными, высчитанными им по ясачным книгам и другим архивным документам, и сведениями всего полувековой давности послов Едигера о «30 700 человек черных людей» Сибирского ханства. В итоге П.Н.Буцинский приходит к выводу, что «во время завоевания Сибирского царства погибла масса инородцев» (Буцинский, 1999, с.26).

Этот вывод подтверждается данными и других документов. Так, например, в уже приводимом выше Наказе русскому послу Александру Федоровичу Жировому-Засекину сообщается, что в решающем сражении с ханом Кучумом в 1598 г. «... государевы наши люди зашед Кучума царя на поле, побили на голову самого Кучума царя да брата его Илитеня царевича и детей его и племянников и с ним трех царевичей ми многих князей, и мурз и всяких людей побили болши шти тысяч человек...» (Наказ, 1892, с.50-51). Даже если сведения о побитии «болши шти тысяч человек» являются преувеличенными (по другим источникам приводятся меньшие

цифры: так, например, Б.О. Долгих называет число погибших в данной битве 370 человек (Долгих, 1960, с.62), а общее число ушедших с ханом Кучумом людей примерно в 1000 человек (Томилов, 1981, с.81)), нет сомнения в том, что значительная часть сибирско-татарского населения в период завоевания Сибири погибла. Прежде всего, это касается военно-служилой страты, которую составляли феодальная знать и служилые татары. Исходя из этого, можно предположить, что количественное соотношение между и обычно «немногочисленной» служилой стратой и ясачным населением в результате военного этапа колонизации Сибири могло во много раз измениться в сторону уменьшения численности служилых татар.

Кроме того, имеются многочисленные сведения о миграции значительной части татарского населения, как отдельных семей и родов, так и целых племен, на другие территории. Обложение ясачными поборами со стороны царских властей стало причиной того, что в первые десятилетия присоединения Сибири к Русскому государству часть татар бежала из Тюменского уезда. Так, в 1595 г. «ушли» 30 башкир и татар Бачкырской и Киньирской волостей, а также 50 семей служилых татар. Известно, что в 1615 г. «изменили и ушли» тюменские татары Терсяцкой волости, а в 1595 г., не желая принять русское подданство, из Черного городка на Иртыше, взятого тарским головой Борисом Доможировым, бежало 90 аялынецов с семьями. Вместе с этими аялыдцами из Черного городка убежало и 50 «малогородцев» (Томилов, 1981, с.50). В конце XVI в., после первого разгрома хана Кучума в 1582 г. часть тоболо-иртышских татар (в том числе и отдельные семьи тюменских татар) уходит на территорию Притомья и на Чулым. Н.А. Томилов приводит сведения о том, что качинская группа будущих хакасов включила в свой состав, кроме потомков енисейских киргизов, кето-и самодийскоязычного населения, также и «...сибирских татар, пришедших, по преданию качинцев, с Тобола». А в составе кызыльцев Н.А. Томилов, вслед за Л.П. Потаповым, указывает на существование группы аргын, которая продвинулась на Чулым «в последней четверти XVI в. с Тобола вместе с частью сибирских татар» (Томилов, 1981, с.4).

Таким образом, можно отметить, что в результате колонизации происходит значительное сокращение как общей численности

татар на территории бывшего Сибирского ханства, так и (в особенности) численности татарской военно-служилой страты. В связи с этим, следует заметить, что приводимые на начало XVII в. данные по численности служилых татар и их соотношению с ясачниками, скорее всего, не соответствовали сложившимся в период Сибирского ханства пропорциям между служилым и ясачным населением. Если исходить из приведенной выше цифры ясачных людей в 30700 человек, то, соотнося их с предлагаемыми Д.М.Исхаковым пропорциями служилого и ясачного сословия 1: 5, можно предположить, что численность служилого сословия периода Сибирского ханства могла составлять около 6 тысяч человек. К сравнению, численность служилого сословия в Казанском ханстве, а именно ядра войска из «казаков» была около 12 тыс. воинов. Численность же воинов Крымского ханства составляла 15-20 тыс. человек (Исхаков, 1998, с.68-69).

Как известно, территория, где проживало аборигенное сибирское население – остяки, вогулы (ханты, манси), делилась на «области» или «княжества», центрами которых были укрепленные городки или городища, объединяющие вокруг себя окрестные селения. Во главе этих «княжеств», которых в XIV в. насчитывалось на территории Югры около 60, стояли князья (Мартынова, 1991, с.129). Аналогичные образования, именуемые улусами, существовали среди татарского населения (Карачин улус, улус Кулары и пр.). Они объединяли под своим началом несколько селений – «юртов». Во главе улусов стояли князья или башлыки (старшины). Как считает Н.А.Балюк, в процессе колонизации административные образования инородцев – «улусы», княжества приводились в русское подданство в качестве ясачных волостей (Балюк, 1997, с.26-27). Опираясь на сведения Сибирских летописей, Д.М.Исхаков сделал предположение о том, что в Сибирском ханстве татары делились на 2 категории: тех, кто жил по улусам и тех, кто жил по волостям. Живущими по волостям он определяет ясачных татар, живущими по улусам – прежде всего, служилых татар (Исхаков, 2002, с.9).

В одном русском документе за 1598 г. перечисляются существовавшие при хане Кучуме татарские волости: Курпицкая (Кирпицкая), Турашская, Любарская, Чойская, Куромская (Курома), Барабинская (Бороба большая), Ялынская, Каурдатцкая, «Чатская»

(Чаты) и «Колмакская» (Колмаки) (Исхаков, 2004, с.81; Акты исторические, 1841, с.2-4).

На карте Сибири (до 1618 г.), составленной К.Н.Сербиной, показаны следующие татарские волости: Кошутская, Каринская, Увацкая, Туртасская, Отузская, Саргацкая, Токузская, Тавдинская, волость Супра, волость Аялы, Тунус (Чангула), Кулебинская (Тураш), Кирпики, Теренинская, Угуй (Лугуй), Караганская (Миллер, 1941, приложение). Х. Атласи называет волости начала XVII в. в верховьях Иртыша: «Курдакская волость – там есть туре Хан-Кол, проживает 350 человек, Саргачская волость, в 4 днях пути по Иртышу от Тобольска, – проживает 80 человек, туре Янбыштыр, волость Утыз в 8 днях пути от Тобольска, проживает 15 человек, в 2 днях пути от той волости – Тау, хороший человек Ан-Кильды, проживает 10 человек, волость Тукуз, там хороший человек Баеш, проживает 3 человека, волость Супра (кол-во человек не указано), волость Аялы, там главные есаулы Мамык и Янкильды, проживает 500 человек. От Тобольска до этой волости 15 дней пути» (Атласи, 2005, с.82). Далее Х.Атласи перечисляются волости Чангула, Лугай, Лиуба, Килем, Тораш, Барма, Кирпек.

На начало XVIII в. существовали следующие волости сибирских татар. По Туринскому уезду: Япанчина, Куртумова, Илясова, Индричьева, по Тюменскому уезду: Киньрский городок, Бачкырская, Терсяцкая, Иленский городок, Шикчинская, Каскаринская, Пышминская и Исетская, по Тарскому уезду: Саргач, Тебендя, Котлубахтина, Я-Ир-тиш, Отуз, Тав, Тав-Отуз (Куллары), Коурдак, Аялы, по Тобольскому уезду: Ясколба и Лоймытомак, Вачиер, Аремзян, Карбина и Ук, Би-Туртас, Кул-Туртас, Уват, Надцы, Лобутан, Калым, Кошуки, Ашла (Лаймы), Бабасан (на Нерде), Бабасан (Отдельная), Кречатники на Ашле, Кречатники на Вагае (Капканы), Кречатники (без указания места жительства), Индерь, Уват, Супра (Долгих, 1960, с.59; Бакиева, 2003, с.202-203). В начале XVII в. ряд туземных волостей Тобольского уезда русской администрацией были объединены. Так, к 1629 г. в одну волость были объединены Би-туртас, Кул-туртас и Уват, Ясколба и Лаймы-томак – в другую, Карбина и Ук – в третью (Долгих, 1960, с.59).

Как можно заметить, количество волостей, называемых на начало XVIII в., по сравнению с предыдущим столетием, значительно увеличивается. Вероятно, причина этого кроется в том, что в наиболее ранних

документах были указаны именно волости. Однако известно, что сибирские татары жили не только «по волостям», но и «по улусам». В результате колонизации в основном сохранилось прежнее территориальное деление аборигенов. Еще С.В.Бахрушин писал о том, что в Сибири для обложения местного населения ясаком русские воспользовались теми административными единицами, которые существовали до ее присоединения. «В ясачных волостях Тобольского и близлежащих уездов легко угадать «агарянские веси», входившие в составе прежнего Кучумова царства, а ближайшими агентами при сборе ясака явились те князья и старшины, отцы и деды которых служили Кучуму» (Бахрушин, 1955, с.52). Функцию основной фискальной единицы стала выполнять волость. По всей вероятности, многие из прежних улусов также были преобразованы в волости. Важнейшей задачей Русского государства после присоединения Сибири становится «полностью охватить всех аборигенов Сибири сбором ясака и всемерно увеличить его поступление в государственную казну» (Файзрахманов, 2002, с.227).

Исследователи социальной организации сибирских татар приходят к выводу, что волости у татар были связаны с традиционными локальными группировками аборигенов и первоначально представляли собой этническую и сословную общность (Долгих, 1960, с.59; Бакиева, 2003, с.160). Как считает Б.О.Долгих, «тюркоязычное татарское население Тобольского уезда, можно разделить на две большие части: на юртовских служилых татар с примыкающими к ним волостями их бывших захребетников, которые занимали южную часть уезда, и остальных татар, вероятно, отатарившихся вогулов и остяков, живших в северной части уезда по соседству с вогулами и остяками» (Долгих, 1960, с.58). Происхождение волостей Кошуки, Ясколба и Вачиер исследователь связывает с пелымскими вогулами (Кошуки с табаринцами, а Ясколба и Вачиер с Кондой), другие северные татарские волости, расположенные по Иртышу (Аремзян, Надцы, Карбина и Ук, Би-Туртас, Кул-Туртас и Уват), – с южным ответвлением прииртышских хантов (Долгих, 1960, с.58).

К волостям «захребетников» тобольских служилых татар Б.О. Долгих относит большую часть населения Тобольского уезда. Таковыми являлись волости Ашла (Лаймы), обе Бабасанские, Кречатников, Индерь, Уват и Супра. Как считает исследователь, население

захребетных волостей представляло собой единую этническую общность со служилыми татарами уезда (Долгих, 1960, с.58). В начале XVII в. указанные «захребетные» волости были положены в ясак. Уделы, в которых сидели ясачные мурзы, после присоединения к России образовали некоторые из волостей Тобольского и соседних уездов. Во главе этих захребетных волостей стояли вассалы хана Кучума. Владения Бабасан-мурзы образовали Бабасанскую волость. По-видимому, такого же происхождения были и другие волости Тобольского уезда, во главе которых еще в XVII в. стоят мурзы и баи, например, волость Супра, в которой упоминается в 1629 г. мурза Гултаев Табер, в Тарском уезде волости Оялы, Тураш, Тереня, Кирпицкая, Барабинская, – все это бывшие составные части Кучумова царства.

Вплоть до конца XVIII в. по материалам ревизских сказок 1782 г. просматриваются имена князцов и мурз Тарского уезда: мурза Юсуп Тлеуметев (ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 31. Л. 1052 об.) Саргатской волости д. Буга (Берестяна) князец Муса Леибагин (ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 31. Л. 1054), Тавской и Отузской волостей князец Маметей Рахмабердин (ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 31. Л. 1088), Аялынской волости князец Кулуги Ешев (ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 31. Л. 1106), в д. Устарской князец Тажбулат Арышев и его сын Атучук (ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 31. Л. 1106). Как совершенно верно определяет С.В.Бахрушин, татарские волости бывшего Сибирского ханства и полунезависимые татарские княжества вошли в состав новых уездов в качестве ясачных волостей (Бахрушин, 1955, с.53).

Территория обитания тобольских, тюменских и тарских татар, вошедших в состав служилого сословия, в XVII в. не входила в пределы существовавших первоначально волостных образований. По всей вероятности, на определенной территории Сибирского ханства существовала улусная организация, аналогичная административно-территориальной системе, существовавшей в кочевнических обществах. Л.И.Шерстова определяет, что в основе социальной структуры кыргызского общества было понятие «улус», т.е. держание, состоящее из зависимых людей, владение податными людьми, и лишь затем и вкупе с ними – территорией, на которой те в каждый данный момент обитают» (Шерстова, 2005, с.27). На наш взгляд, вполне правомерно

связывать социальную структуру и части сибирских татар, а именно служилых, с подобной организацией.

Известно, что первоначальная территория расселения тюменских служилых татар находилась по р. Тоболу «от устья Исети до устья Иски». Тобольские служилые татары занимали территорию вокруг Искера, в основном выше по Иртышу.

Тарские служилые татары проживали по Иртышу вверх и вниз от города Тары.

Томские служилые татары (эуштинцы) были расселены в селениях в низовьях Томи.

Подобное расселение служилых татар, за незначительными изменениями, сохраняется на протяжении всего последующего периода существования данной этнословесной группы.

Таким образом, ареалом сосредоточения служилых татар в течение XVII–XIX вв. оставались районы вокруг Тобольска (Искера), Тюмени (Чимги-Туры) и Тары (Ялы).

На наш взгляд, вполне допустимо связывать существовавшие в период Сибирского ханства центры кланов, во главе с улусбеками или карачабеками, с территорией обитания этих трех основных просматривающихся по нашим материалам центров проживания служилых татар – Тюменского, Тобольского, Тарского. Как видно из приведенных выше сведений, на территории проживания тобольских служилых татар находился центр улуса карачи Кадыр-Али-бека из клана джалаир, а также центр клана предполагаемого беклярибека Сибирского ханства князя Бегиша. Выделившийся среди тюменских служилых в конце XVI в. Маитмас Ачекматов, назначенный русской администрацией на должность головы тюменских татар, мог быть представителем еще одного правящего клана (возможно, мангыт или кунграт). Что касается тарских служилых татар, то пока, по имеющимся материалам, центр клана на территории их обитания не прослеживается. В то же время есть определенные основания считать, что центр тарских служилых татар, по крайней мере, в период правления хана Кучума, находился непосредственно в столице Сибирского ханства – Искере. К данному предположению подводят следующие обстоятельства. Обращаясь еще раз к легенде об «отрядах» Кучума, существовало деление войска хана Кучума на 4 отряда – Курдак, Аялы, Туралы и Бараба (Катанов, 1896, с.9-10). Пятый отряд – Сарты – находился с ним в Искере. Как видим, даже названия этих четырех отрядов совпадают с названиями

волостей и племенных группировок тарских татар. Кроме того, в некоторых русских документах именно тарские волости называются «вотчинными землями» хана Кучума (Небольсин, 1849, с.117-118). По другому преданию, записанному Н.Ф.Катановым, хан Кучум пришел в Искер с территории Притомья (Катанов, 1896, с.6-7), где находились его волости.

Д.М.Исхаков определяет существование в Сибирском ханстве двух княжеств – «Карачин улуса» – владения клана Джалаир и «Тайбугин юрта» во главе с кланом Салджигут (Исхаков, 2006, с.91). Центр клана джалаир мы определили. Что касается центра клана Салджигут, то, по мнению Н.А.Томилова, с XIV в. низовья Тобола и прилегающие земли находились под властью тайбугинов. Один из ранних тайбугинов – Тоболлак, построил на берегу Тобола городок Тобол-туру (позднее юрты Тоболтуринские) и практически положил здесь начало второй линии тайбугина рода. С приходом на эти земли завоевателей-шейбанидов во главе с ханом Кучумом, татары-тайбугинцы были вытеснены с низовьев Тобола и прилегающего района Прииртышья, часть их бежала к сородичам (Томилов, 1981, с.71). Основываясь на данных Н.А.Томилова, обращавшего внимание на «чистоту» тюркоязычного населения бабасанской группы и данные Б.О.Долгих, который захребетных татар, включая и бабасанских, считал близкими в этническом отношении служилым татарам уезда (Долгих, 1960, с.62), можем предположить, что здесь проживало татарское население, а именно ранние тюркские насельники. Д.М.Исхаков приводит татарскую легенду, сохранившуюся в составе поволжско-татарских «летописей». Согласно ей, один из «болгарских/ казанских князей» – Алим-бек, из Казани «пришел в Тобол-Туру..., держал там юрт», и что «Старая Тобол-Тура построена им» (Исхаков, 2007 а, с.47). Как считает исследователь, данное сообщение «может свидетельствовать о каких-то родственных связях «Сибирских князей» – Тайбугидов, с «Казанскими (Болгарскими) князьями» (Исхаков, 2007 а, с.47). Таким образом, один из центров клана салджигут следует искать на территории обитания бабасанских татар.

Районом расселения томских служилых татар Б.О. Долгих считает низовья Томи. Как мы помним, в результате колонизации русскими Сибири именно в Притомье мигрировала группа аргын. Аргунская же

волость как раз располагалась в низовьях Томи.

Однако обычно группа томских служилых татар связываются с группой под названием эуштинцы. По приводимым Г.Ф.Миллером сведениям, значительная часть эуштинцев была занята военной службой и освобождена от уплаты ясака (Миллер, 1937, с.315). По подсчетам Б.О.Долгих, из 300 служилых татар, которые были сначала под руководством князя Тояна, на долю эуштинцев приходится 200 человек (Томилов, 1981, с.198). Н.А.Томилов считает, что изучение лингвистами М.А.Абдрахмановым и Д.Г.Тумашевой эуштинско-чатского говора подтверждает близость его носителей к тоболо-иртышским и барабинским татарам. Как считает А.П.Дульзон, основываясь на сведениях Ф.Страленберга об изгнании ханом Кучумом из города Сибири татарского рода еушта, ранним местом обитания эуштинцев могло быть Прииртышье. С данным мнением не согласен Н.А.Томилов, который считает, что переселение яуштинцев в Томское Приобье состоялось задолго до прихода Кучума (Томилов, 1981, с.189).

Территория расселения тобольских, тюменских и тарских служилых татар располагалась в треугольнике между реками Тоболом, Иртышом и Ишимом. Самой северной точкой этого треугольника был Тобольск (Искер). По всей видимости, в зоне влияния служилых татар тобольской группы находились северные татарские волости: Надцинская, Аремзянская, Карбинская, Ясколбинская и др., а также северные вогульские и остяцкие княжества.

Влияние тюменских служилых татар, скорее всего, распространялось на территорию Верхотурья, западные и юго-западные волости.

Тарские служилые татары, вероятно, держали под контролем восточные и юго-восточные волости (Кулебинскую, Тунусскую, Барабинскую, Чойскую, Любейскую и др.).

На наш взгляд, вполне логично связать происхождение названия города Тюмень, которое в одном из вариантов переводится как «десять тысяч», именно с административно-территориальным делением на тысячи.

В Верхотурском уезде, по данным С.В.Бахрушина, в основу деления на волости легли сотни и десятки, «на которые делилось покоренное татарами население бассейна Туры и Чусовой» (Бахрушин, 1955, с.54). Подобное деление существовало и в Кунгурском уезде. В Пелымском княжестве, подвергнувшись сильному татарскому влиянию, сотни

упоминаются в XV в. и позднее, уже под русскою властью. Согласно Ремезовской летописи, звание «сотника» существовало и в Колпуховской волости.

Деление на сотни в Верхотурском уезде, как считает С.В.Бахрушин, сохранилось с того времени, когда татары и пелымские «вогуличи» подчинили население, жившее на Туре и далее за Урал, по Сылве.

Схожие сведения о существовании на территории бывшего Сибирского ханства деления на сотни и десятки приводит Г.Т.Бакиева. Ее данные – по Тобольскому и Тарскому уездам. Как она отмечает, занимавшего выборную должность в татарской деревне человека, в XVIII – начале XIX в. называли либо десятником, либо сотником, либо «выборным». Звания «десятника» и «сотника», безусловно, являются реликтами военно-административной системы Сибирского ханства. Так, в 1816 г. в Уватской, Коурдатской, Салинской и Супринской волостях Тобольского округа во главе всех юрт находились десятники. В Тарском округе в Аялынской волости во главе деревень Устарской, Чиплярово, Инцисс, Бергамак, Черталы, Ельменева, Сеитова, Ашинской, Туралинской, Кузенева, Суюнчинской, Апталова, Ковинской и Уйской были выборные. Сотники были в Усть-Ишимском острожке, в деревнях Ильчибагиной, Ашеванской. Остальные селения Тарского округа возглавляли десятники (Бакиева, 2003, с.83).

Звание десятников, как далее отмечает исследователь, сохранялось в каждом татарском селении до конца XIX в. В обязанности десятников входил своевременный сбор ясака, а позже податей в сельской общине. Кроме того, они наделялись полицейскими полномочиями (Бакиева, 2003, с. 83-84). По нашим этнографическим сборам, свидетельства о существовании в татарских селениях должностей десятника, старосты сохранялись в исторической памяти населения Тобольского, Вагайского, Тарского районов вплоть до конца XX в. (ПМА, 1987–1990).

Имеются сведения о том, что еще в XVIII в. сохраняется звание «ясаулов». Например, во главе татарских волостей в 1726 г. Тюменского округа стояли «ясаулы» Кучук Кырнав, Тогильды Куртбаков, Инестезяр Уртяков, а в Иленской волости – Окун Ишбулин. В 1782 г. в Тарском уезде во главе четырех волостей были «князцы»: в Коурдакской, Саргацкой, Тавско-Отузской и Аялынской. Во главе Подгорной и Остяцкой волостей в этот

период стояли старшины. «Ясаулы» занимались непосредственным сбором ясака в селениях волости и находились в подчинении старшины.

В Куртумовской волости Туринского уезда в конце XVIII в. во главе крещеных татар, наряду со старостой, выбирался и сотник (Бакиева, 2003, с.68, 89).

Таким образом, административно-политическое и территориальное устройство Сибирского ханства было схоже с другими татарскими государствами. Деление территории государства на улусы, которые в свою очередь, делились на тысячи, а те на сотни и десятки, имело происхождение от структуры Золотой Орды, которую унаследовали татарские ханства. Подобная структура имела место и в Сибирском ханстве. Некоторые свидетельства ее существования сохранялись на территории бывшего Сибирского ханства вплоть до первой половины XIX в.

Примечания

Абрамов Н.А. Курганы и городища в Тюменском, Ялуторовском и Курганском округах Тобольской губернии // Известия императорского археологического общества. – Т. 1. – СПб, 1859.

Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань: Тат. книжн. изд-во, 1995.

Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар. – Т.1. – Тюмень: изд-во ТГУ, 1999.

Атласи Х.М. История Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.

Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М., 1965.

Ахметова-Урманче Ф.В. Звучание дастанов В. Радлова // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск-Омск, 2002.

Бакиева Г.Т. Сельская община тобольско-иртышских татар (XVIII – начало XX вв.). – Тюмень-Москва, 2003.

Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI – XIX вв. – Тобольск, 1997.

Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // С.В. Бахрушин. Научные труды. – Т. III. – Ч. 2. – М.: изд-во Академии наук СССР, 1955.

Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // С.В. Бахрушин. Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI-

XVII вв. – Ч. 2. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

Будинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников // П.Н. Будинский. Сочинения в 2-х томах. – Т.1. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. – Ч. 2. – СПб., 1776.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М., 1960.

Кабдулвахитов К. «Жами ат-тауарих» думчего Карачи Кадргали бека Жалаири // Сулеймановские чтения – 2006: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2006.

Катанов Н.Ф. Предания Тобольских татар о Кучуме и Ермаке // ЕТГМ. – Вып. 5. – Тобольск, 1896.

Малиновский В.Г., Томилов Н.А. Томские татары и чулымские тюрки в первой четверти XVIII века: хозяйство и культура (по материалам Первой подушной переписи населения России 1720 года). – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999.

Мартынова Е.П. Волостная организация хантов // Экспериментальная археология. – Вып. 1. – Тобольск, 1991.

Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. – М., 1998.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т. 1. – М.: изд-во Академии наук СССР, 1937.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т. 2. – М.-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1941. – Приложение.

Наказ русскому послу Александру Федоровичу Жировому-Засекину 1598 г. // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. – Т. 21. – СПб., 1892.

Небольсин П. Покорение Сибири. Историческое исследование. – СПб, 1849.

Илдан и Голдан. Дастан // Мирас. – № 8. – 2002.

Ислам в истории и культуре Тюменского края (в документах и материалах) // автор-составитель Гарифуллин И.Б., ред. Ярков А.П. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2004.

Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический

взгляд на историю волго-уральских татар XV – XVII вв.). – Казань: – «Мастер Лайн», 1998.

Исхаков Д.М. Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и поздне-золотоордынский периоды) // Сибирские татары. Сб. научных статей под ред. С.В. Сусловой. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002.

Исхаков Д.М. О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско-татарской общности // Сибирские татары: Сб. статей. – Казань, 2002.

Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV-XVI вв. – Казань, 2004.

Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. – Казань, 2006.

Исхаков Д.М. О титуле «Сибирский князь» // Сулеймановские чтения – 2007: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень: СИТИ ПРЕСС, 2007 а.

Исхаков Д.М. Проблема клановых основ административно-политического устройства Сибирского юрта в XV–XVI вв. // Занкиевские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тобольск: ТГПИ, 2007 б.

Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII-XIX вв.). – Абакан, 1952.

ПСРЛ. – Т. 36. – Ч.1. – М.: Наука, 1987.

Степанов Р.Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Сборник научных работ. – Казань: изд-во КГУ, 1966.

Татары / ред. Уразманова Р.К., Чешко С.В. – М.: Наука, 2001.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск, 1981.

Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань, 1972.

Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). – Казань, 2002.

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005.

Frank A. Siberian chronicles and the Taybughid biys of Sibir // Papers on Inner Asia. – Bloomington (Ind.). – 1994. – № 27.

Мещерские казаки на страже русских рубежей

Казачество как военно-служилое сословие сложилось еще в составе Золотой Орды. В это время оно состояло из представителей местных этносов Подонья-Приазовья и отчасти из славяно-русского населения, пополнившего золотоордынские войска после покорения русских земель. Эти военные подразделения использовались в основном как легковооруженная конница и кордонные поселения для охраны границ. В XIV веке в Золотой Орде начался период феодальной раздробленности. Это совпало с началом централизации Московского государства. Власть Золотой Орды до того ослабла, что крымский темник Мамай менял в ней царевичей-чингизидов по своему усмотрению. От произвола Мамай и других ханов в пределы Московского государства бежали как отдельные семьи, так и целые орды (Кириллов, 1993, с.10). Постепенно расширялись возможности русских князей для привлечения на службу казаков, и с этой целью ими устанавливалась связь с казачьими поселениями, остававшимися еще на своих местах. Так, в середине XV столетия на границах Рязанского, Мещерского и Северского княжеств на пограничной службе появились «казачьи войска», несшие службу по особым договорам с князьями (Гордеев, 1992, с.115).

При распаде Золотой Орды из южно-восточных княжеств первым образовалось Мещерское, в пределах которого обитали казаки (Гордеев, 1992, с.90). Часть казаков во время владычества Мамай пришла с ханом Тогаем из-за Волги и поселилась в Мещерском княжестве. После того, как это княжество вошло в число московских владений, эти переселенцы составили первые пограничные части служилых казаков Московского государства (Гордеев, 1992, с.125). В конце XIII в. в Мещерский край с огнем и мечом пришел выходец из Большой Орды князь Бахмет, у которого был сын Беклемиш. Приняв христианство и имя Михаил, последний стал родоначальником мещерских князей (Панков, 1984, с.22). Расположенный между такими сильными и могущественными княжествами, как Владимиро-Суздальское, Рязанское и Московское, Мещерский край никогда не имел политической самостоятельности. Им владело

то княжество, которое в данный момент было более сильным и могущественным. Согласно летописям, возникшее в XIV веке Мещерское княжество во главе с Александром Уковичем зависело от Рязани, правда, в таком статусе просуществовало недолго (Попов, 1970, с.7).

Впоследствии оно во всем держалось Москвы и с Рязанью водило дружбу скорее дипломатическую (Панков, 1984, с.22). Дмитрий Донской приобрел его у наследников этого князя и присоединил к Московскому государству. XV век внес новые перемены в историю Мещеры – она отошла к Касимовскому царству (ханству), просуществовавшему до конца XVII века. Столицей его был Городец Мещерский, позже получивший название Касимов (Попов, 1970, с.8). Наиболее вероятным является, что это селение возникло в XII в. как опорный пункт в земле мещеры. Окончательное вытеснение старого названия новым, видимо, произошло к середине XVI века (Топонимический, 2001, с.100-101). Следует заметить, что Касимовское царство (ханство) полностью не охватывало Мещеру. С переходом в 1382 г. Мещеры в распоряжение великого князя Московского Мещерский уезд существовал параллельно с Касимовским царством (ханством), подчиняясь непосредственно Москве (Орлов, 2001). Известно, что эти земли прежде «владелись особыми мещерскими волостелями», и до XV века в состав Касимовского царства (ханства) не входили. Они назывались Кирдяковскими землями, и центром их был город Саконы (Тарасов, с.18). Со временем Мещера приобрела татарский облик (Панков, 1984, с.23) и в течение XIV-XVI вв. оставалась в основном тюркско-татарской. Даже в условиях феодализма жившие в ней общины представляли собой систему сообществ без феодалов. Такими, собственно, и являлись казацкие общины. Вообще, само слово «казак», по крайней мере, в те времена, существовало в тюркских языках в смысле «вольный человек» (Орлов, 2001). Поэтому можно смело утверждать, что на раннем этапе формирования общины донских казаков в ее состав вошли мещерские казаки, которые образовались из ордынцев, разбредшихся по рязанской земле (Федоров, 1996,

с.12). Мещерскими или Городецкими казаками называли вольных людей, живших около Касимова (Городца Мещерского) (Гуц, 2001, с.213). Мещерские (городецкие) казаки упоминаются в документах с 1491 г. Главные их силы были в порубежье с татарами, в том числе земля рязанская, верховья Дона (Сухарев, 2001, с.30). Так, в 1493 году мещерцы приходили воевать с турками к Азову (Федоров, 1996, с.12). Постепенно выходцы из Рязанской земли, касимовские татары и мещеряки (жители Мещерской области) стали селиться на берегах Дона и Волги. Эти люди, называвшиеся казаками, жили в укрепленных городках, построенных ими по берегам рек и на островах (История, 2002, с.655). Историки предполагают, что в 1549 году основателем казачьих городков (станций) на Дону был выходец из Мещеры Сары-Азман (Федоров, 1996, с.12). Старинный русский историк В.О.Татищев в сообщении о происхождении донских казаков отмечает, что «начало сих казаков из дву мест: одни жили в Мещере по городкам, и главный город их был Донской (скорее всего, Данков), 16 верст ниже Тулущеевой, где ныне монастырь Донской, а когда царь Иоанн IV ногайских татар в Мещеру перевел, тогда оные казаки из Мещеры все на Дон переведены» (Казачий, 1995, с.189-190). Известный историк донского казачества В.Б. Бронеvский также сообщает, что «царь Иоанн Васильевич мещорских казаков, живших по разным городам, перевел на Дон. По сему сих мещорских казаков и должно почитать родоначальниками донских казаков» (Горбунов, 1994, с.26). Окончательную точку в этом вопросе поставил император Петр I, также переселив оставшихся казаков из Мещеры в низовья Дона (Горбунов, 1994, с.33).

В ряде случаев селения по казачьей традиции назывались юртами (Орлов, 2001). В средние века Мещерский край именовался юртом. Эта область упоминалась в документах как Иски-Юрт, то есть, «старый юрт». Видимо, термин «юрт» появился во время правления князя Дмитрия Константиновича, и определял он область, состоящую из нескольких (более трех) тем. Тьма – это единица административно-податного деления, произведенная ордынцами и появившаяся во времена хана Навруса (вторая половина XIV века) в современных Нижегородских пределах. С этим понятием связан своим названием город Темников (Тарасов, 1995, с.18), который впервые упоминается в конце XIV века (ныне село

Старый Город в Мордовии). В 1536 году он был перенесен на 8 км выше по течению р. Мокша (Города России, 1994, с.464). Другая тьма – это владения бастановских татар с центром в Кадоме (Тарасов, 1995, с. 18). Этот городок на Мокше у озера Кадомец стал восточной опорой сначала Рязанского, а потом и Московского княжества (Панков, 1984, с.61). Видимо, не ранее XV в. наименование Кадом было перенесено на новое место переселенцами из первоначального Кадома (ныне с. Старый Кадом Кадомского района Рязанской области) (Топонимический, 2001, с.95). Во времена правления Василия Темного Кадом отдала в прокормление мурзе Янглич Бедишеву, чтобы служил Москве верой и правдой (Панков, 1984, с.61). В освоении кадомской земли и образовании там селений большую роль сыграло возведение укрепленных засечных черт (Города, 1990, с. 120). Таким образом, современный Кадом возник на новом месте как укрепление на засечной оборонительной черте Московского государства (На земле, 1968, с. 144). Кадомская засека – военно-инженерное оборонительное сооружение, юго-восточная часть Большой засечной черты, проходившая от Кривой поляны недалеко от левого берега Цны через междуречье Цны и Мокши до Кадома. Была возведена в XVI веке и прикрывала Ногайский шлях (Рязанская, 1992, с.59). Так что название населенного пункта Кадомка в Нижегородской области имеет вторичный характер. Оно возникло в связи с переводом сюда в XVII в. служилых татар из рязанского Кадома (Топонимический, 2001, с.95). Еще одной тьмой, входившей в Мещерский юрт в XIV–XV вв., было междуречье Теши, Пяны, Алатыря и Сатиса. Четвертая тьма – правобережье Оки с центром в Городце Мещерском (Касимове) (Тарасов, 1995, с.18).

Наиболее распространенной является версия, согласно которой топоним «Мещера» образован от этнонима «мещера», т.е. от названия народа, обитавшего ранее в этих местах. Он появился в летописных редакциях XV века, где употребляется как наименование одного из народов, живущих на р.Оке (Топонимический, 2001, с.141). С течением времени представление о Мещере как об области менялось. В древности это понятие включало в себя обе стороны бассейна среднего течения Оки, в левобережье – восточную часть Московского княжества, почти всю территорию Владимиро-Суздальского княжества,

в правобережье – Рязанское княжество. Затем она разделилась на русскую и татарскую части – северная Мещера стала русской, а южная – татарской (Орлов, 2001). В поздних редакциях летописей, относящихся к XV веку, в официальных документах начинают появляться указания на мещерские городки и Мещерскую область (Панков, 1984, с.19-20). В эпоху русской колонизации (XVI-XVII вв.) под Мещерой имелась в виду сравнительно небольшая территория, расположенная на крайнем южном изгибе среднего течения р. Оки, включая лишь низовья рек Мокша и Цна. В дальнейшем Мещера расширялась в юго-восточном направлении, охватывая бассейны рек Цна и Мокша, верховьев Дона. Учитывая важное стратегическое значение Мещеры, на этой территории, кроме Касимовского уезда, были учреждены Кадомский, Елатомский, Шацкий, а также Темниковский уезды, хотя мещерские татары обитали и в верховьях Дона, Цны, Суры, в бассейнах рек Мокша, Битюг, Хопер (Орлов, 2001). Мещерская Украина – пограничная территория рязанской земли в междуречье Оки, Мокши и Цны – в XVI веке постоянно подвергалась набегам крымцев, казанцев и ногайцев (Рязанская, 1992, с.70). К примеру, 26 декабря 1550 г. «и ишли войною ногайские мурзы... со многими людьми на Мещерские места...» (Горбунов, 2000, с.25).

Создание в Мещере Касимовского царства (ханства) явилось вынужденным шагом со стороны Москвы для управления местным тюркским населением и использования его в духе сложившихся традиций в качестве военной силы. Оно возникло в 1452 году (Орлов, 2001) и просуществовало в сильно измененном виде до 80-х гг. XVII в. (Исхаков, 1994, с.320), простираясь на 200 верст вокруг Касимова (Городца Мещерского) до городов Темникова и Краснослободска (Шишкин, с. 13). Краснослободск известен с 1571 г. как Красная Слобода – укрепление в системе обороны Московского государства от набегов казанских татар и ногайцев. К концу XVII в. здесь проживали казаки, татарская сотня, насчитывалось около 700 дворов с населением в 3000 человек (Города России, 1994, с.220). В Касимовском царстве (ханстве) правили ставленники великого князя Московского, а позже русского царя (Орлов, 2001). Территория Касимовского царства (ханства) в XVI-XVII вв. включала в свой состав земли Касимовского, Кадомского, Елатомского, Шацкого и Темниковского уездов. Население

этого вассального Москве государственного образования уже в XV веке было этнически неоднородным и состояло из «можар» (мишарей), мордвы и бесермян. Господствующий слой, представленный ханами, султанами, сеитами, беками, уланами, мурзами, тарханами и казаками, обычно именовался «татарами» (Исхаков, 1994, с.326). Значительную часть служилых казаков составляли мещерские «татары» (Казаки, 1999, с.12). Мещерские татары были известны задолго до образования Касимовского царства (ханства). Упоминаются они чаще всего под названием мещерских казаков. После образования Касимовского царства (ханства) они локализируются в Кадомском и Шацком уездах. Их не следует смешивать с касимовскими (городецкими) и темниковскими служилыми татарами. Среди них не было князей и мурз, характерных для касимовских и темниковских группировок и стародакомских татар (Орлов). Казанцы называли их «мишари» или «можары», а сами себя они, вероятно, называли каким-то словом, близким к слову «мадьяры», поскольку были родственны жившим в Заволжье со времен гуннов венграм (Казаки, 1999, с.12). Этническую историю татар-мишарей освещают сведения о контактах маджар с мадьярами, происходивших в Мещере. Венгерские исследователи, основываясь на русских источниках, показывают, что остатки венгров, обитавших перед переселением в VII в. за Дунай, были перенесены в Мещеру, где они отатарились (тюркизировались) или обрусели. Контакты между мадьярами и кипчаками (тюрками), позже названными куманами (половцами) или маджарами, начались еще на Востоке, продолжались на Урале, Средней Волге и на Северном Кавказе. Мадьяры до переселения за Дунай состояли в союзе с кипчакскими (тюркскими) племенами, переняли от них огромный пласт тюркских слов и вобрали в себя часть кипчаков (тюрков). Возможно, и часть маджар осталась с маджарами. Об этом свидетельствуют частые смешения можар с мадьярами, наблюдаемые у восточных путешественников уже после переселения маджар в Подунавье. Оставшиеся мадьяры были найдены венгерским монахом Юлианом на Средней Волге и около границы Владимиро-Суздальского княжества. В Мещере они смешались с предками нижегородских татар. Именно среди них венгерские исследователи ищут остаточных маджар в топонимике – т.е. в названиях селений с

топонимом «можар» (Орлов, 2001). К примеру, в названии села Большие Можары в Сараевском районе Рязанской области не исключена связь с упоминаемым в памятниках XV века этнонимом «можары», в котором ряд исследователей усматривает предков современных татар-мишарей (Топонимический, 2001, с.23-24). Мишари до середины XVI в. переживали процесс становления самостоятельного этноса (Исхаков, 1994, с.320). Своеобразная общественная жизнь мишарей сформировалась в Мещере – она длительное время служила основным поставщиком казаков для военных целей, чему способствовали природные наклонности мишарей. Они оставались скотоводами – имели крупные стада скота, табуны лошадей. Казакование служило не только значительным источником существования, но и способствовало признанию боевых качеств мишарей. О своеобразии Мещеры в этом отношении говорит тот факт, что здесь отождествлялось два, казалось бы, разных понятия «татары» и «казаки» (Орлов, 2001). Касимовское царство (ханство) в основном выполняло функции обороны границ Русского государства по берегу р. Оки. Поэтому его население участвовало во многих походах и оборонительных сражениях русских войск (Исхаков, 1994, с.326). Под 1515 г. известно письмо «диздара» (турецкого коменданта) Азова к Василию III, где он жалуется на «мещерских Козаков», которые «близко от Азова» захватили в плен трех азовцев (Горбунов, 1994, с.21). Никоновская летопись под 1551 г. сообщает об участии полковых казаков из Мещеры в экспедиции на Казань. «А изъ Мещеры, – говорится в ней – послал государь Подем пеших казаков на Волгу Севергу да Елку, а с ними 2500 казаковъ и велел им, пришедше на Волгу, суды поделати и пойти вверх по Волге воевати казанских мест» (Горбунов, 1994, с.26). Касимовское царство (ханство) стало постоянной базой для поддержания особого рода казачьих войск. Их представителей обычно называли касимовскими (или Городецкими) татарами, казаками. Как правило, они служили за получение земельных поместий и за денежное вознаграждение. Касимовское царство (ханство) поставляло самое многочисленное татарско-казачье войско и после появления новых мещерских уездов (Орлов, 2001). В.Б.Броневский приводит сведения, согласно которым в 1552 г. при занятии Казани находившимся на русской

службе касимовским царевичем Шах-Али (Шигалеем) с ним «было 300 казаков касимовских татар». В самом начале Ливонской войны на театр военных действий были направлены в т.ч. и «конные казаки мещерские» в приборе своего «казацкого головы» Ивана Безкудникова (Горбунов, 1994, с.26). Городецкие казаки – отряды служилых татарских царевичей из Касимова (Городца Мещерского) несли службу ближе к русской границе на «казанской украине» (Каргалов, 1986, с.64). С установлением абсолютной власти царя, отменой местничества и укреплением дворянского сословия Касимовское царство (ханство) в 1681 году прекратило свое существование (Орлов, 2001).

Термин «казаки» постоянно употреблялся в тех случаях, где речь шла о служилых татарах в России. На службу русским князьям вместе с татарскими царевичами приходили не просто собственно татары, а татары-солдаты, из которых и состоял кадр служилого войска. Этой особенностью – военным характером своей профессиональной службы – казаки отличались от массы «простых татар» (Худяков, 1996, с.686). В XVI веке служилыми татарами и казаками в Мещерском крае, расположенном по рекам Оке, Мокше и Цне от Касимова до Темникова, распоряжался особый Мещерский приказ – центральное правительственное учреждение в Москве (Рязанская, 1992, с.70). В Мещере существовало два разряда казаков: вольные и городовые. Но все они по происхождению в основном были тюрками (татарами). По традиции служилые татары назывались казаками городовыми или выезжими (выездными) и принимали на себя тяжелые повинности военных людей постоянно быть готовыми к походам, станичной и сторожевой службе, иметь боевых коней и необходимое снаряжение, хотя очень трудно было совмещать военную службу с крестьянским трудом. Видимо, спецификой казачьей жизни обусловлены крупные размеры селений и их незаметное расположение в ложбинах (Орлов, 2001). Многие из малодворных поселений располагались в лесах, недалеко от трактовых дорог и, вероятно, первоначально выполняли функции сторожевых, дозорных пунктов, охраняя мещерские земли от внезапных набегов кочевников, о чем свидетельствуют предания и названия отдельных поселений. Например, село Казаково (по-татарски «Казаки»). Татарское название деревни Карамышево –

«Карамыш» в переводе означает «сторожевой пункт». Название села Собакино – «Суба», в основе которого лежит, возможно, корень, имеющий значение: сообщать, известие, вестник и т.д. – может говорить о том; что здесь когда-то существовал дозорный пункт (Шарифуллина, 1991, с.52). Все эти селения расположены на территории современного Касимовского района Рязанской области. Городовые казаки составляли четвертый разряд русской конницы. Они наделялись поместными землями, будучи обязанными по первому требованию быть готовыми к походу. Земли им давались большей частью в пограничных местах, где всегда нужны были люди для защиты от внешних нападений. К такому разряду и относились поместные казаки мещерских мест. Процесс образования городовых казаков начался еще в годы, предшествовавшие походу Ивана Грозного на Казань, усилившись в ходе создания оборонительной линии вдоль р. Алатырь. К сторожевой и станичной службе привлекались татары-мишари, хорошо знавшие степные места и повадки ногайцев. Свои маршруты мещерские станицы начинали с пьянских мест, углубляясь далеко в степь (Орлов, 2001). В 1574 году Иван Грозный поручил охрану Мещерской стороны боярину Никите Романовичу Юрьеву. Это был дед первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича. Никита Юрьев увеличил число стражников и «стоялых голов» и, значительно продвинувшись вперед, приступил к созданию новой линии укреплений и засек. Для «мещерских сторожей» границы засек, а также обязанности стражников и «стоялых голов» были определены так: «Вторая сторожа – на реке Шокше меж Суры и Мокшанского лесу; а сторожем на ней стояти из Кадома да из Темникова... татарам да мордве, а из Олатора казакам; а беречи и им розъезжати направо до Мокшанского лесу, до речки Киси, верст с 20, а налево от Усть-Шокше речки к Суре верст с 40. Третья сторожа – верх речки Ломовой; а сторожем на ней стояти шти человеком из Кадома да из Темникова, из города по три человека; а беречи. и им разъезжати налево, до Мокшанского лесу верст с 60, а направо разъезду нет. Четвертая сторожа – верх Ваду, а сторожам не ней стояти из Кадома да из Темникова шти человеком, из города по три человека, а беречь им и разъезжати через Вадовскую и Идовскую дорогу до Ломовских сторожей» (Милованов, 1994, с.22-23). Таким

образом, жители населенных пунктов Цнинско-Мокшинского края были постоянно готовы к отражению нападений прорвавшегося через засечные укрепления противника, выставляли караулы на дорогах, переправах, сакмах и перелазах, ремонтировали «и «подправляли» засеки, вели разведку близлежащей местности (Горбунов, 2000, с.42).

Мещерским казакам принадлежит огромная роль в освоении новых восточных земель, прежде всего, междуречья Оки и Суры. Мещерские сторожи и станицы были призваны предотвращать нападения ногайских орд на новые уезды – Алатырский и Арзамасский. С началом наступления на восток – в среднее и Нижнее Поволжье – практикуется отправка в эти места мещерских казаков. В ходе русской колонизации Мещера приросла новыми мещерскими городами в Нижегородском Поволжье. Поэтому в 20-е годы XVII века Арзамас, Алатырь и Курмыш, так же, как Темников и Кадом в официальных документах назывались мещерскими городами (уездами). Здесь и расселились мещерские казаки, составившие значительную часть поместных войск новых уездов. Основную массу служилых татар в Арзамасском уезде составляли казаки, переведенные из Мещеры. Речь прежде всего идет о кадомских татарах. Так, вблизи Арзамаса была создана особая Казачья слобода (Выездных казаков), где было поселено 600 казаков (Орлов). Арзамас возник в 1578 г. как укрепленный город (вероятно, на месте древнейшего поселения мордвы – эрзя (отсюда название города), разоренного в 1366 году ханом Булат-Темиром). Выступплато между берегом р. Теша и оврагом пересыхающей речки Сорока был укреплен деревянными стенами с башнями, внутри находились приказная изба, воеводский двор и собор (Города России, 1994, с.23). К 1580 г. были созданы арзамасские станицы, которые в отличие от мещерских сторож, находившихся вдали отрубежей, несли дозорную службу в мокшанско-сурском междуречье не по линии «запад-восток» и обратно, а по направлению «север-юг». Все это требовало военной силы, каковой и являлись мещерские казаки. С созданием в 1636 году Алатырской засечной черты значение Арзамасской засеки несколько уменьшилось (Орлов, 2001). Алатырь был основан в 1522 году Иваном Грозным как укрепленный пункт для охраны границ Московского государства. Расположен он в Среднем Поволжье, на левом берегу р. Сура,

при впадении р. Алатырь (Города России, 1994, с.16). Мещерские казаки, как приписанные к пограничным московским городкам и служившие долгое время московским государям, в нравах и обычаях во многом походили на великороссов. Кроме того, родословие выдающихся личностей из этого казачества могло быть легко восстановлено (Савельев, 2002, с.257). Так, например, Иловайские – один из самых известных донских казачьих дворянских родов – свое происхождение вели из г. Темникова, в окрестностях которого жили и сейчас живут татары-мишари. Поскольку из них в значительной мере комплектовались гарнизоны городских казаков, с донскими казаками их сближала общность судьбы. Сама фамилия Иловайский явно тюркского происхождения. «Ил» в тюркских языках означает «народ», «люди». Родоначальником Иловайских был переселившийся в конце XVII века из Темникова на Дон и записавшийся в Донское Войско Мокей Осипович Иловайский (Записки, 2000, с.217-218).

Таким образом, в XV–XVII вв. Мещера представляла собой довольно мощный восточный форпост русских земель в его противостоянии набегам кочевников, а населявшие ее мещерские казаки не только самоотверженно несли пограничную и сторожевую службу, но и явились одними из предшественников донского и волжского казачества, оставив тем самым яркий и значительный след в истории России.

Примечания

Горбунов Б.В. Рязанские казаки в XV–XVIII вв. – Рязань, 1994.

Горбунов Б.В., Почиталин П.В. Сасовская земля. – Рязань, 2000.

Гордеев А.А. История казаков. – Т.1. – М.: Страстной бульвар, 1992.

Города и районы Рязанской области. Историко-краеведческие очерки. – М.: Московский рабочий, 1990.

Города России. Энциклопедия. – М.: Большая российская энциклопедия, 1994.

Гуц А.К. Многовариантная история России. – М.-СПб., 2001.

Записки атамана Денисова. Литературные памятники казачества. – СПб.: ВИРД, 2000.

История России. Энциклопедия для детей. – Т.5. – Ч.1. – М.: Аванта, 2002.

Исхаков Д.М. Татары касимовские/ Народы России. Энциклопедия. – М.: Большая российская энциклопедия, 1994.

Казаки. Иллюстрированная история Отечества / Под ред. Б.А.Алмазова. – СПб.: Золотой век, Диамант, 1999.

Казачий словарь-справочник. – Т.1. Издатель А.И. Скрылов, В.Г. Губарев. – Кливленд, Охайо, США, 1966. – Репринт: Волгоград, 1992.

Каргалов В.В. Засечные черты и их роль в обороне Русского государства в XVI–XVII веках // Военно-исторический журнал. – 1986. – №12.

Кириллов Б.П. От битвы на Калке до «Итифака» // Русский вестник. – 1993. – № 31-32.

Милованов В. Кадомский край. Историко-краеведческие очерки. – Рязань: Узорочье, 1994.

На земле Рязанской. – М.: Московский рабочий, 1968.

Орлов А.М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. (Очерки). – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2000 / <http://mishare.narod.ru>

Панков В.А. Иду Мещерой. – М.: Московский рабочий, 1984.

Попов А.С. Мещерский край // Физкультура и спорт. – 1970.

Рязанская энциклопедия. – Т.7. – Рязань, 1992.

Савельев Е.П. Древняя история казачества. – М.: Вече, 2002.

Сухарев Ю. Лазоревый цвет. Страницы казачьей истории. – Чапаевск, 2001.

Тарасов А. О тьмах и Мещерском юрте // Рязанский следопыт. – 1995. – № 4.

Топонимический словарь Рязанской области. Выпуск первый. А-М / Под ред. А.А. Никольского. – Рязань, 2001.

Федоров Н.В. Казаки. Краткий исторический обзор // Казаки России. Пилотный номер. – М.-СПб., 1996.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. – М.: Инсан, 1996.

Шарифуллина Ф. Касимовские татары. – Казань: Татар. кн. изд-во 1991.

Шишкин Н. История города Касимова с древнейших времен. – Рязань: Изд. газеты «Благовест», 1999.

А.Н. Хабибуллин

К вопросу о типологии оборонительных сооружений Крымского ханства XV–XVIII вв.*

Фортификация Крымского ханства – одна из основополагающих тем для изучения средневековых оборонительных сооружений тюрко-татар. Особенно интересно это направление для выявления закономерностей архитектуры крепостного строительства. Выводы по данному направлению исследований позволят сформировать модель организации фортификации как в Крымском, так и в Казанском государствах.

Формирование фортификационных идей в южном татарском государстве опиралось на богатые традиции предшествовавших памятников военного зодчества Крымского полуострова (Рис. 1). Строителями прежних крепостей на этой территории являлись греки, римляне, скифы, византийцы, хазары, караймы, болгары, монголы, сельджуки, армяне, генуэзцы, венецианцы и др. Также по полуострову прошли следующие племена: сарматов, алан, готов, гуннов, печенегов и половцев. Все они могли оставить после себя признаки хозяйственной деятельности, в том числе, и фортификации¹. Архитектура крепостных сооружений Крымского ханства впитала в себя корни исторических строительных принципов, развивавшихся на полуострове до середины XV века. Богаты типология крепостей, различие и уникальность их местоположения, а также симбиоз фортификационных традиций. Немалую долю в формирование военного строительного искусства Крымского ханства внесла турецкая культура. Конечно, говоря о турецком искусстве, можно выявить точки соприкосновения двух тюркских культур. Часть заказов в татарской части государства выполняли турки, но заказчиками были татары со своими художественными предпочтениями.

Одним из первых описаний оборонительных сооружений Крымского ханства оставил краковский каноник Матфей Меховский в 1521 г. О татарском государстве конца XVI в. рассказывает польский дворянин Мартин Броневский. Являясь посланником польского короля Стефана Батория крымскому хану Мухаммад-Гирею, он прожил в Крыму десять месяцев и в 1595 году в Кельне выходит в свет его описания татарского государства. Нелишним упомянуть работу Дортелли Д'Асколи «Описание Черного моря и Татарии», вышедшей в 1634 году. Ценными материалами середины XVII в. по исследуемому вопросу являются работы французского инженера по строительству крепостей Гийома Боплана. Самым известным источником по описанию территории Крымского ханства является «Сейяхатнаме» турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби, который описал большинство населенных пунктов государства (Челеби, 1996). Описания Крыма также касаются академики Петербургской Академии наук П.С.Паллас в книге «Путешествие по различным провинциям Российского государства» (т. 1-3, 1773–1788 гг.), В.Ф.Зуев в «Путешественных записках от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг.» и П.И.Кеппен. На основании работ М.Меховского, М.Броневского, Э.Асколи и Г.Боплана была создана работа немецкого ученого Туннмана «Крымское ханство» в серии описаний различных народов и изданная Бюшингом в 1784 г. (Тунманн, 1990). Условные схемы диспозиций при взятии крепости Ор-Капусы составили русские специалисты при полковнике Б.К.Минихе в XVIII веке. Серьезными исследованиями объектов по вопросам татарского Крыма занимались в 20–30-х гг. XX века ученые: А.С.Башкиров, В.А.Вишневский, У.А.Боданинский, Б.П.Засыпкин и др. Из современных исследователей следует обратить внимание на работы Е.В.Крикуна, А.Г.Герцена, Ю.М.Могарычева, Е.И.Лопушинской, А.И.Опочинской, М.Г.Крамаровского, Е.А.Айбабиной, С.Бочарова, С.Г.Колтухова, С.В.Карлова и др. ученых, которые также в своих

* Автор выражает благодарность за помощь в выходе настоящей публикации Н.Х.Халитову (Казань), А.Г.Герцену (Симферополь) и А.М.Губайдуллину (Казань).

¹ У А.Г.Герцена вызывают сомнения о причастности иранцев (алан, сарматов, скифов), манголов, сельджуков, гуннов, печенегов и половцев к крепостному строительству.

исследованиях касаются описаний крепостей полуострова.

Следует отметить, что на сегодняшний день достаточно подробно рассмотрено раннее средневековье и только начинаются современные исследования татарского Крыма XV–XVIII вв. Архитектура оборонительных сооружений татар в этом регионе практически не рассмотрена и требует более глубоких и комплексных исследований. Уникальность политической ситуации, сохранившей для нас архитектурное наследие одного из татарских государств, позволяет нам сегодня судить о развитии татарских оборонительных сооружений.

Прежде чем говорить о фортификации Крымского ханства, следует определить какие крепостные сооружения или их отдельные элементы относятся ко времени существования татарского государства. Татарами была использована часть существующих в Крыму крепостей (Рис. 2). В свою очередь, некоторые из них были усовершенствованы в период с XV до XVIII вв. и эксплуатировались с реконструкциями. В конце мая 1475 года в Крым высаживаются десантом турецкие войска, которые захватывают все существующие на полуострове мелкие государства и колонии. Кефе (Каффа) становится резиденцией турецкого паши. Турки устанавливают в Крымском ханстве власть Гиреев, и татарское государство переходит в вассальную зависимость от Порты. После происходит дележ территории Крымского полуострова: к туркам отходят Прибрежная территория и часть горного Крыма, татарам достается в основном степная часть и другая часть горного Крыма и один город-порт – Кезлев. По свидетельству Мартина Броневского, турецкий султан запретил татарам иметь крепости кроме Перекопа (Ор-Капусы). Однако по современным исследованиям известно, что татары реконструировали несколько крепостей уже в период вассальной зависимости от турецкого государства. Примерами тому могут служить Крык-Ор, укрепления которого были обновлены татарами и караимами в XVI веке (Герцен, Могарычев, 1993, с. 79) и Кезлев, укрепления которого перестраивались татарами почти сто лет.

При рассмотрении оборонительных сооружений возникает два вопроса:

1) какова общая типология оборонительных сооружений Крымского ханства;

2) какова их типология по местоположению.

Существуют различные классификаторы типологических характеристик: по материалам строительства, по функциональным признакам, по местоположению, по композиции и т.д. Вопрос типологической классификации обширен и требует глубоких длительных исследований. Это направление объединяется в целое из разных составляющих, перечисленных выше.

Одним из основных подвидов типологической классификации следует назвать типологию по местоположению. Этому составяющему посвящено настоящая публикация.

Во время существования Крымского ханства можно выявить следующие типы оборонительных сооружений по местоположению:

Укрепленные равнинные линии. К этому типу относятся заградительные оборонительные сооружения, перекрывавшие стратегические пути или подходы к населенным пунктам. В качестве единственного примера можно назвать Орскую укрепленную линию², перекрывшую узкий перешеек от Черного моря до озера Чюрюк-Денгиз (Гнилое море, Сиваш) и являвшуюся единственным сухопутным путем на Крымский полуостров со стороны восточно-ногайской степи (Туннман, 1990, с.39), с последующей заливкой рва (шириной – 20 м. и глубиной – 10 м.) морской водой (Рис. 3). Эти укрепления по данным археологов А.А. Щепинского и С.Г. Колтухова были возведены в начале XVI века. В строительстве участвовали каменщики из Мангуп-Кале и Кефе, руководил строительством татарский хан. Длина Орской укрепленной линии равнялась 8 км., ширина вала – 20 м., его высота – 8 м. (Касьяненко, 2001), таким образом, по словам Челеби, превращая условно полуостров в остров (Челеби, 1996, с. 59).

Укрепленные горные балки. Подобием таких укреплений в горной местности можно отнести оборонительные линии в горном Крыму, когда две горные балки перекрывались укреплениями. Горные укрепленные линии, перекрывающие подходы к населенным пунктам впервые появляются во время правления византийского императора Юстиниана (Бахчисарай..., 2003, с.25). Подобный тип укреплений существовал в расщелине между

² Позднее эта линия будет названа Перекоп или Турецкий вал.

Крепостной горой и горой Болван с башней Федерико Астагвера Судакской крепости, защищавшей генуэзский порт и называвшейся Демир-Капу – Железные Ворота. В качестве примера также следует отметить заградительные укрепления в районе Салачика (Рис. 4). По сведениям Челеби татары использовали фортификационную структуру, возведенную византийцами³. Во времена ханства ущелье также было перекрыто с двух сторон стенами с воротами, а на одной из скал располагалась татарская крепость Кырк-Ор⁴ (Рис. 5). После переноса резиденции ханов в Бахчисарай эти укрепления не утратили своего стратегического назначения и преграждали горные подходы к столице⁵.

Крепости. Крепости подразделялись на следующие виды: равнинные и горные⁶, а также подвидом равнинных крепостей можно считать прибрежный тип⁷.

К равнинным крепостям можно отнести крепость Ор-Капу и караван-сарай Карасубазара.

*Ор-Капу (Тафрэ, Тафре, Тафрос, Тафгрос, Ор, Цухала, Ор-Калеси, Ор-Капуси, Ор-Капсу, Феррах-керман, Ор-агзы, Ор-Багази, Хад-Богазы, Перекоп, Пржекоп, Турецкий вал)*⁸. Крепость Ор-Капу пристраивалась к Орской укрепленной линии и была таможенной крепостью входа на крымский полуостров (Рис. 6). По сведениям греческих историков

изначально вход в перешеек охраняла крепость Тафрос, в различные времена принадлежавшая скифам и сармато-аланам. Являясь одной из стратегических точек, в различные времена крепость была атакована гуннами, готами, хазарами, печенегами, половцами, монголами и т.д. (Касьяненко, 2001). Крепость располагалась на равнинной местности, примыкая одной из сторон к укрепленной линии. Татары называли эти укрепления «Ор»⁹, взяв за основу значение греческого названия – Тафрос. Во время Крымского ханства Сахиб Гирей, по сведениям Челеби, снес старую крепость Ор и на этом месте воздвиг новую кале – Феррах-керман, т.е. «крепость радости» (Челеби, 1996, с.59). В крепости стоял татарский гарнизон, состоявший в основном из беш-эвли, а также греческих сегбанов, вооруженных огнестрельными ружьями и подчинявшиеся Блистательной Порте (Челеби, 1996, с.60).

Со стороны степной ногайской зоны в крепость можно было попасть только через единственные главные ворота (Рис. 6г). Перед воротами Ор-Капу был устроен караван-сарай для гостей, а вдоль дороги, ведущую в крепость, были установлены торговые лавки. Главные ворота представляли собой прямоугольную в плане постройку, крытую двухскатной кровлей. На крыше была установлена дозорная вышка. По сведениям Челеби ворота были трехслойными, возможно, имеется в виду с тремя воротами. Перед воротами через ров был перекинут деревянный мост. Мухаммед-Гирей IV в середине XVII века установил на валу стены высотой 10 аршин и шириной 3 аршина и башни на расстоянии ружейного выстрела (Челеби, 1996, с.60) и установил на башнях по пять легких пушек – дарбузен (зербазен, фальконет) калибром 45 – 100 мм., которые были направлены в степную внешнюю зону. На конце укрепленной линии примыкающей к Черному морю был установлен бастион. Также на противоположной стороне, примыкавшей к озеру Сиваш, были установлены два бастиона. Согласно сведениям Челеби, в них сосредотачивались по 200 вооруженных бойцов (Челеби, 1996, с.62).

По сведениям Челеби, крепость была двухслойная (Челеби, 1996, с.56) и пятиугольная в плане, длина периметра стен около 3000

³ По мнению А.Г.Герцена, названные Прокопием Кесарийским в VI веке «длинные стены» существовали севернее Мангуп-Кале, преграждая путь к византийскому Херсону (Херсонесу), но уже в VIII в. прекратили свое существование и позже не могли использоваться.

⁴ Сегодня городище известно под названием Чуфут-Кале (Еврейская крепость). Наименование получила от населявших ее караимов, потомков древних хазар.

⁵ По словам А.Г.Герцена, археологическими материалами это пока не подтверждено.

⁶ За основу взята классификация Тунманна, который разделил Крым на три части: нагорье, равнину и полуостров Керчь.

⁷ По мнению А.М.Губайдуллина, между равнинными и прибрежными крепостями не было особой разницы. Отличительной особенностью прибрежного типа от равнинного можно считать – возможность подвоза осаждаемым боеприпасов и провианта с моря.

⁸ Сегодня от крепости Ор-Капу (Тафрос, Тафгрос, Перекоп,) после авиационной бомбардировки армии Врангеля в 20-х г. XX в. остались только фрагменты вала и рва.

⁹ Позднее татарское название «Ор-Капы» («Крепостные ворота») было переделано русскими в «Перекоп». Первоначально Крымское ханство носило наименование «Перекопское», а ханы ханства – «князьями перекопскими».

метров, стены крепости были каменными. Однако, по сохранившемуся рисунку, опубликованному голландским путешественником Николасом Витсеном, можно сказать следующее. Крепость состояла из двух составляющих: вала и рва, перекрывавших перешеек, и названных «Ор», т.е. «ров», и самой крепости «Ор-Капусы», т.е. «Ворота рва». Сама крепость состояла из трех частей: привычных для нас – арка (цитадели), шахристана (города) и рабата (пригорода). Укрепленная линия была длиной около 8 километров от Черного моря до озера Сиваш.

Шахристан представлял собой четырехугольную цитадель, сложенную из камня и кирпича (Касьяненко, 2011) с трехъярусными круглыми башнями (рис. 6в) по углам¹⁰. По сведениям Челеби эти башни были «двухслойными» (Челеби, 1996, с.56). Эту двухслойность можно объяснить тем, что перед башнями были установлены дополнительные невысокие внешние стены, за которыми были установлены артиллерийские платформы. На этих башнях были установлены по 5 дальнобойных пушек – кулумбурне (кулеврина), стрелявшая ядрами 4-11 кг. По трем сторонам шахристана были расположены проездные ворота. Судя по рисунку, главные ворота шахристана располагались со стороны полуострова¹¹. Эти ворота позже остались единственными. Об этом факте сообщают нам русский посол Тяпкин и дьяк Зотов, посетившие крепость в 1680 году, которые сообщают, что другие ворота крепости были завалены землей¹² и не использовались (Касьяненко, 2001). Со стороны «перекопской линии» стены шахристана входили в состав основной стены и фланкировались башнями. Башни шахристана имели шатровое, вероятно, деревянное покрытие. Внутри стен, видимо, располагались казармы капу-колосы, т. к. на рисунке читаются каминные трубы, выходящие из стен шахристана.

Рабат прямоугольного контура был укреплен только валом и рвом, это подтверждает и Челеби. Со стороны полуострова в вале был устроен проезд, который назывался Крымскими воротами. Со стороны мечети в валу были устроены небольшие воротца, которые выходили на висячий мостик через ров,

ведущей к зданию бани. Эту баню за городом построил Сахиб-Гирей (Челеби, 1996, с.30).

Татаро-турецкая крепость осаждалась русскими войсками в 1698, 1736 и 1738 гг. (Тунманн, 1990, с.39). Разрушена в 1771 году.

Карасубазар (Белогорск) – большой рыночный город – принадлежал калга-султану (Тунманн, 1990, с.34) и был резиденцией беев Ширинских (Рис. 7). Как известно, город не имел крепостных стен, однако в Карасубазаре было два караван-сарая (Крикун, 1998, с.17). Один из них Таш-хан, построенный Ширинами был площадью 10 000 кв. м. Его можно сравнить с площадью средневекового шахристана крепости (Рис. 8). Достаточно упомянуть, что шахристан крепости Казань Казанского ханства имела площадь около 8 500 кв. м. Таш-хан был больше караван-сарая Солхата в 4 раза, следовательно, этот хан (караван-сарай) был рассчитан на убежище большого количества людей, и может быть рассматриваться как оборонительное сооружение, обслуживающее в военное время не только купеческие караваны, но и население.

К *горным* крепостям относятся крепости, географически располагавшиеся в горном Крыму. По свидетельству Геродота, первыми основателями пещерных городов в горной местности полуострова были тавры (Бахчисарай ..., 2003, с.11). Отличительными особенностями таврских укреплений было: сухая кладка, полубашни без внутренних камер (Бахчисарай ..., 2003, с.12). Возможно, таврам принадлежит техника устройства «пастелей» в каменных скалах¹³. К такому типу, в частности, относятся все так называемые «пещерные» города: Мангуп-Кале, Крык-Ор, Тепе-Керман, Кыз-Керман, Иске-Керман т.д. Во время Крымского ханства как оборонительные объекты функционировали две из вышеперечисленных крепостей: Крык-Ор и Мангуп-Кале. Причем Крык-Ор был татарской крепостью, а Мангуп-Кале – турецкой. К горным крепостям также можно отнести Эски (Иске)-Крым, Инкерман и укрепленный дворец нуреддин-султана в Ак-Мечети, которые располагались в области внутренней гряды Крымских гор. Их полигоны, по словам А.Г. Герцена, создавались с учетом особенностей этой местности.

Крепость Крык-Ор (Джуфт-Кале, Кырк-Йер, Кале, Чуфт-Кале, Чуфут-Кале, Кош-

¹⁰ О шахристане также упоминает Туннманн, называя его – старый замок.

¹¹ На рисунке они названы Ворота головного места.

¹² Это не подтверждается рисунком Витсена.

¹³ Перед установкой оборонительных стен, для них вырубались горизонтальные плоскости в скалах.

Кале) связывают, наряду с другими с жизнедеятельностью хазар, также упоминая булгар (Рис. 9). Вполне возможно, что в ее архитектуре отразилась далекая культура родственных тюркских племен булгаро-хазар. В городище сегодня сохранились остатки мавзолея Джанике-ханым, позволяющие нам говорить о присутствии здесь культуры Золотой Орды. Наконец, Крык-Ор стал одной из первых столиц тогда еще суверенного Крымского ханства XV века. Крепость находилась на плато примыкавшего к укрепленной балке селения Салачик. Градостроительная позитивная ситуация расположения крепости справедливо была оценена Гиреями. Активно реконструировали Крык-Ор в XV–XVI вв. (Герцен, Могарычев, 1993, с.70). В это время была разобрана и переложена большая часть стен крепости, которая приспособлялась для обороноспособности против современного оружия. Также в фортификацию были введены новейшие приемы обороны: такие как ворота – ловушка Кичик-Капу или парапеты стен с амбразурами (Крикун, Даниленко, 2005, с.63). В целом крепость обладала функциями убежища населения в военное время. Об этом красноречиво говорит рабат крепости, имевший название – Бурунчак, который был в основном не заселен в мирное время. Как видно, архитектура крепости Крык-Ор богата наслоением различных культур, в том числе хазарской, караимской, болгарской, золотоордынской и татарской.

Мангуп-Кале (Мангуп, Черкес-Керман) – бывшая столица государства Феодоро. Эта крепость является резиденцией турецкого кади кефинского эялета (Челеби, 1996, с.89). По сведениям Челеби, во второй половине XVII века небольшой гарнизон крепости состоял из коменданта и пятнадцати человек, которые были расквартированы вне крепости (Рис. 10). Крепость же стояла пустая с военным запасом на случай военных действий. По свидетельству Броневского, в конце XVI века замок крепости использовался как тюрьма для русских послов. В пещерах снаружи и внутри крепости хранились запасы граждан близлежащих поселений (Челеби, 1996, с.91).

Эски (Иске)-Крым (Кареа, Кареон, Солхат, Кырым, Крым, Старый Крым) был столицей Золотоордынского улуса в Крыму. В первой половине XIII века поселение, возникшее в античную эпоху (Крикун, 1998, с.9), было завоевано монголами и опоясано крепостными башнями и стенами, перед крепостью был

вырыт широкий ров. Крепость была квадратная, периметром около 17 тысяч шагов (15000–17000 м.) и сложена из тесаного камня. Челеби упоминает названия двух ворот: Кефинские и Эгри-Зиярет Алемдар-султана. Город был создан как один из безопасных торговых пунктов на пути от Улуса Джучи к мамлюкскому Египту и как ставка золотоордынского наместника в Крыму (Герцен, Даниленко, 1994). В Эске-Крыме правил хан Узбек, о котором сегодня упоминает нам сохранившаяся мечеть Узбека, построенная в 1314 г. (Крикун, 1998, с.12) (Рис. 11). В 1395 году город был разорен и сожжен Тимуром, а в XV веке город теряет свое политическое значение из-за переноса татарами столицы в Крык-Ор (Крикун, 1998, с.15). Крепостные сооружения функционировали в период от второй половины XIII века до XV века и до сегодняшнего времени не сохранились¹⁴. По мнению Челеби, во время Крымского ханства оборонительные сооружения не восстанавливались, так как не было необходимости укреплять внутренний город государства. По-видимому, политикой государства было укрепление только пограничных и приморских городов, которые первыми встречали врага, и к ним Эске-Крым не относился.

Инкерман (Феодоро, Ктенус, Каламита) – бывшая крепость княжества Феодоро (Теодори), построенная в 20-х гг. XV в. в устье реки Черной (Рис. 12). Во время Крымского ханства, в начале XVI в. она была перестроена турками и принадлежала турецкому наместничеству. Город имел миндалевидные очертания: с восточной стороны крепость была укреплена крепостными сооружениями, с южной стороны – отвесной скалой. Укрепленная часть была длиной 600 шагов с 6 башнями и каменным ровом глубиной около 3-х м. С северо-восточной стороны в крепости была большая башня (донжон) (Челеби, 1996, с.78). Турки нарастили стены в ширину, построили выносную башню, устроили орудийные ниши и каменные боевые площадки на стенах и т.д.¹⁵ О турецкой крепости восхищенно отзывался военный инженер А.Л.Бертье-Делагард в своей работе «Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма». Гарнизон крепости численностью 50 человек в мирное время располагался вне

¹⁴ Места расположения укреплений Эски-Крыма исследовались в 90-х гг. XX в. экспедицией Государственного Эрмитажа.

¹⁵ См. работы Филиппенко В.Ф.

укрепленных стен. Крепость была убежищем населения от пиратских набегов казаков. В рабате крепости находился дворец нуреддин-султана.

Ак-Мечет (Солтан-Сарай, Акмесджид, Симферополь) – крупный татарский город, резиденция калга-султана (Рис. 13). Этот город не был опоясан крепостными сооружениями, в нем находился укрепленный дворец калга-султана, располагавшийся невдалеке от бывшего греческого Неаполя Скифского. Ранее в XIII–XIV вв. Неаполь завоевали татары, переименовав его в Керменчик (Крикун, 1998, с.68) (Рис. 14).

И последний тип крепостей – *прибрежный*. Во время существования Крымского ханства практически все береговые крепости были турецкими. Лишь одну крепость можно отнести к татарской культуре – это крепость *Кезлев (Керкинитис, Коронитис, Керкинитид, Гезлев, Козлов, Евпатория)*. На месте Кезлева до конца XIV века при хане Туктамыше предположительно находилось татарское поселение. По словам Челеби, инициатива строительства Кезлева принадлежит Сандживану-паше (Книга путешествия, 1999, с.19-20). Строительство крепости начато в конце XV века, продолжено Сахиб-Гиреем в середине XVI века¹⁶ и закончено крымскими ханами во второй половине XVI века (Рис. 15). Основной идеей Гиреев было перенесение столицы ханства из Бахчисарая в прибрежный Кезлев, что и удалось в 1588 году, однако из-за сопротивления Блистательной Порты в 1644 году столица была возвращена снова в Бахчисарай. Периметр крепости имел неправильную форму и был длиной 3-3,5 км. В крепости было 24 четырехугольные башни, высотой около 11 м., крытые черепицей, 5 из которых были воротными. Куртины были длиной около 150 м., высотой около 9 м. и толщиной около 3-х м. Стены башен имели бойницы для ружей (Драчук, Кара, 1977, с.46). В восточном углу крепости располагался четырехугольный арк длиной периметра около 300 м. В восточном углу арка была пристроена высокая круглая башня типа донжона и называлась она Ханлы-Куле (Ханская башня). Площадь крепости составляла предположительно 34 га.

¹⁶ Сахиб-Гирей получил право татарам иметь первый татарский торговый город с крепостью во время Крымского ханства.

Одной из крупнейших крепостей была *Кефе (Кеффе, Каффа, Кафас, Абдарба, Кырым-Стамбули, Кече-Стамбул, Ярым-Стамбули, Теудозия, Феодосия)* – столица турецкого паши в Крыму. Крепость Феодосия в VI в. на этой стратегической точке построили милетцы (Тунманн, 1990, с.35). Гунны переименовали город в Абдарбу. В 1357 году город был реконструирован генуэзцами и обведен новыми крепостными стенами, которые затем были использованы турками (Рис. 16). Каффа состояла, как в основном и все генуэзские крепости, из цитадели и наружной линии обороны, окруженной рвом (Лопушинская, 1999, с.167). Хотя если учесть прилегающее неукрепленное предместье, город можно считать с трехчастной структурой (Туревич, 1996, с.44). Перед башнями были устроены земляные бастионы, которые некоторые исследователи датируют концом XIV – началом XV в. (Лопушинская, 1999, с.169), другие – XVI–XVII вв. (Айбабин, 1973, с.73). Площадь крепости была 70 га. После захвата Каффы турецким десантом в 1475 году крепость была незначительно реконструирована турками: были устроены дополнительные бойницы на башнях, направленные в сторону моря, расширен Консульский замок и отремонтированы поврежденные восточные стены (Лопушинская, 1999, с.176).

Сары-Кирман (Херсонес, Херсон, Малый Херсонес, Херронезе, Херрроне, Херсон Трайхейский, Корсунь, Сорсон, Шерсон) – антично-византийская крепость, которая во времена Крымского ханства практически не использовалась по прямому назначению (Рис.17). По свидетельству Мартина Броневского (1578) и Туннмана, который использовал данные польского посла, в конце XVI века от крепости Херсонес остались только стены и башни из тесаного камня (Тунманн, 1990, с.30). Характерными фортификационными приемами для средневекового Херсонеса были: устройство протейхизма – дополнительной стены перед основной, образуя так называемые «коридоры смерти или каменные мешки»¹⁷; устройство ворот с дополнительными пилонами и катарактой – подъемной решеткой (Бахчисарай ..., 2003, с.18). Эти приемы были освоены и применены в татарских крепостях Крымского ханства.

¹⁷ Позднее этот прием применит Сахиб-Гирей при устройстве Южных ворот Кырк-Ора.

Судак (Сугдая, Сидагиос, Солдая, Солдадия, Саддия, Салдадия, Сурож, Шолтадия) – хазаро-генуэзская крепость, захваченная турками (Рис. 18). Первоначально турки имели в крепости гарнизон и поддерживали крепость в хорошем состоянии, которую застал Челеби в XVII в. В Доковой башне во времена Крымского ханства находилась дозорная вышка или маяк (Тимергазин, 2000, с.26). Есть мнения, археологически подтвержденные, что барбакан крепости был построен турками (Опичинская, 1986, с.259)¹⁸. По книге Туннмана, вышедшей в 1784 г., укрепления Судака в конце XVIII в. были уже разрушены (Тунманн, 1990, с.36) и не использовались.

Керш (Керчь). Согласно мнению Туннмана, укрепленная крепость Керчь с семью башнями возникла на месте милетского города Пантикапей (Тунманн, 1990, с.41). Некоторые исследователи причисляют ее стены хазарским мастерам (Лапушинская, 1996, с.50). Об этом городе также упоминает Мартин Броневский в конце XVI в., говоря, что эта крепость принадлежала татарскому хану, но турецкий султан заставил татар ее разрушить. Однако, это было ошибкой султана, так как эта стратегическая точка охраняла вместе с крепостью Таманью Керченский пролив. Только поняв свою оплошность, турки в XVIII веке возводят севернее Керша крепость Ени-Кале.

Ени-Кале (Парфенион, Сипягино, Еникаль, Яникуль, Еникале) – крепость на месте греческой крепости Парфенион. До 1470 года недалеко от этой стратегической точки существовала генуэзская крепость Черкио, которую турки использовали, переименовав в Черзети (Рис. 19). По словам научного сотрудника Керченского Государственного историко-культурного заповедника О.А.Ивашиной, после взятия Азака Петром I турецкое государство принимает решения укрепить пролив из Азовского моря в Керченский пролив. С начала XVIII века на берегу против оконечности косы Чушка была возведена в спешном порядке крепость Ени-Кале. Архитекторами крепости считаются по одним сведениям – Голоппо – итальянский специалист, принявший ислам, по другим – французские инженеры (Краун, 1998, с.100). Крепость представляла собой приближенными к четырехугольнику контурами с ломаными

куртинами. С суши крепость была опоясана рвом.

Алустон (Алушта, Алушты, Шалуста) и Гурзувиты (Гурзув, Урсева, Курзув, Кура-саита) – бывшие крепости Византийской империи для защиты готов от участвовавших набегов кочевых племен. Неукрепленные поселения были обнесены каменными стенами императором Юстинианом. Во время Крымского ханства это были прибрежные турецкие укрепления. Что касается Алустона, археологическими раскопками 1984–1989 гг., в частности, выявлена деятельность хазар (IX–X вв.), реконструировавших крепость. Разрушенные укрепления также подвергались перестройке генуэзцами после 1380 гг. В начале XV в. крепость представляла собой цитадель габаритами около 67х50 м. и внешнюю стену с тремя башнями: Чатар-Куле (шестигранная 12х12 м.), Орта-Куле (прямоугольная 12х12.5 м.) и Ашага-Куле (круглая, диаметром 8 м. и высотой 16 м.). Башни были сложены из бутового камня на известковом растворе¹⁹.

Ламбат (Лампадес, Ламтас, Ленада), Ялнта (Джалита, Ялта) и Партеник (Партенитэ, Партанити) – руины береговых крепостей, которые не использовались во время существования татарского государства.

Балуклава (Симболон-Лимен, Йомболон лимси, Сююболон, Сямболон, Чембало, Чембальдо, Ямболи, Ямболь) – завоеванная турками генуэзская крепость, охранявшая какое-то время, османскую судовую верфь (Тунманн, 1990, с.38). По свидетельству Мартина Броневского, в конце XVI века крепость уже лежала в руинах и не использовалась.

Арабат (Рабат) – татаро-турецкая крепость, основанная в середине XVI в., а на рубеже XVII – XVIII вв. капитально перестроенная (Рис. 20). Эта крепость была установлена для обстрела подходов из Арабатской стрелки и являлась, по словам А.Г. Герцена, частью оборонительной линии, протянувшейся более чем на 150 км через Восточный Сиваш к крепости Ор-Капусы. Крепость второго строительного периода имела форму неправильного многоугольника и была построена с учетом обороны от дальноточной огнестрельной артиллерии XVII века. Стены были трехметровой толщиной и имели пять бастонов. Вокруг крепости был устроен ров,

¹⁸ Опичинская А.И. Судакская крепость// Архитектурное наследство. – № 34. – М., 1986. – С. 259.

¹⁹ См. работы Мыца В.Л.

который при необходимости заполнялся водой (Крикун, 1998, с.103).

Несмотря на небольшую территорию, которую занимает Крымский полуостров, наблюдается богатая типологическая классификация оборонительных сооружений. Отмечаются три основных вида крепостных сооружений по местоположению: равнинные, горные и прибрежные (Рис. 21). Из вышеупомянутых оборонительных сооружений татарами использовались практически все типы фортификационных укреплений. Исключениями явились крепости, которые во времена Крымского ханства не имели стратегического значения, и горные крепости, перестройка которых против современной осадной техники была невозможна. Старые крепости, которые не позволяли устроить рабат для укрытия населения, в Крымском юрте практически не использовались. В период существования Крымского ханства на полуострове функционировало 15 крепостей, 5 из которых были татарскими и 10 – турецкими (Табл. 1). Следует отметить высокий уровень архитектуры оборонительных сооружений татар, позволившей достойно нести дозор стратегических точек Крымского полуострова.

Примечания

Айбабин А.И. Работы на территории средневековой Каффы //АО. – М., 1973.

Бахчисарай и дворцы Крыма / Автор и сост. Е.Н. Грицак. – М.: Вече, 2003.

Герцен А. Г., Даниленко В. Н., Ищенко С. А., Никифоров А. Р. Крым средневековый. РИЦ «Атлас». – 31. 12. 1994 г.

Герцен А.Г., Могарычев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-Кале. – Симферополь: Таврия, 1993.

Драчук В., Кара Я., Челышев Ю. Керки-нитид-Гезлев-Евпатория // Археологические памятники Крыма. – Симферополь: Таврия, 1977.

Касьяненко Никита. Древняя архитектура Крыма... Опубликовано исследование из истории крымскотатарской архитектуры // День. – 2001. – №152. – 28 августа.

Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). Перевод и комментарии Е.В. Бахревского. – Симферополь, 1999.

Крикун Е.В., Даниленко В.И. Воздушный город Джуфт-Кале. Очерки архитектуры. – Симферополь: Таврида, 2005.

Крикун Е.В. Памятники крымскотатарской архитектуры. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 1998.

Лопушинская Е.И. Крепостные сооружения Карантина в Феодосии // Архитектурное наследство. – Вып. 43. – М.: УРСС, 1999.

Места расположения укреплений Эски-Крыма исследовались в 90-х гг. XX в. экспедицией Государственного Эрмитажа.

Опочинская А.И. Судакская крепость // Архитектурное наследство. – № 34. – М., 1986.

Тимергазин А.Д. Судак. Путешествия по историческим местам. – Симферополь: СОНАТ, 2000.

Тунманн. Крымское ханство. – Симферополь: Таврия, 1990.

Туревич Н.А. Из истории фортификационного строительства южной России // Архитектурное наследство. – № 41. – М.: НИИТАГ, 1996.

Челеби Эвлия. Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.). – Симферополь: Таврия, 1996.

Таблица 1

Крепости Крымского ханства в XV–XVIII вв. на территории Крымского полуострова

№№ п\п	Наименование крепости	Период строительства или реконструкции	Тип местоположения	Культурная принадлежность	Функции крепости
1.	Ор-Капусы	Первая половина XVI – XVIII вв.	равнинный	татарская	Татарская крепость при Орской укрепленной линии. Обладала функциями таможни при входе на Крымский полуостров.
2.	Иске-Крым	Вторая пол. XIII в. – XV в.	горный	татарская	Столица Крымского Улуса в Крыму.
3.	Кезлев	Конец XV в. – конец XVI в.	прибрежный	татарская	Единственная прибрежная татарская крепость-порт Крымского ханства. В 1588-1644 гг. – столица Крымского ханства
4.	Инкерман	Первая половина XVI – XVIII вв.	горный	турецкая	Турецкая крепость-убежище от грабительских набегов казаков.
5.	Арабат	XVI-XVIII вв.	прибрежный	турецкая	Татари-турецкая крепость защищала подходы из Арабатской стрелки.
6.	Крык-Ор	Первая половина XV – XVII вв.	горный	татарская караимская	Первая столица крымских ханов. С XVII века используется как крепость-убежище, поддерживаемое в хорошем состоянии караимами.
7.	Мангуп-Кале	До XV в.	горный	турецкая	Турецкая крепость используется в XVI в. как тюрьма. В XVII в. – резиденция кади. Мангуп также используется как крепость-убежище.
8.	Кефе	XV – XVIII вв.	прибрежный	турецкая	Резиденция турецкого паши в Крыму. Крупнейший город-порт государства.
9.	Сары-Кирман	До XVI в.	прибрежный	турецкая	Во время Крымского ханства практически не использовалась. Возможно, могла являться крепостью-убежищем.
10.	Ени-Кале	1703-1710 гг.	прибрежный	турецкая	Турецкая крепость, охранявшая пролив из Азовского моря в Керченский пролив. В гарнизоне крепости входили татарские воины.
11.	Судак	XV – XVII вв.	прибрежный	турецкая	Турецкая крепость контролировала морские подходы к Кефе. Позднее в XVIII в. Уже не использовалась.
12.	Керш	До XV в.	прибрежный	татарская	Татарская крепость, контролировавшая Керченский пролив. Разрушена татарами по приказу турецкого султана.
13.	Балуклава	До XV в.	прибрежный	турецкая	Турецкая крепость, охранявшая какое-то время судовую вервь.
14.	Алустон	VI – XVIII вв.	прибрежный	турецкая	Дозорная турецкая крепость
15.	Гурзувиты	VI – XVIII вв.	прибрежный	турецкая	Дозорная турецкая крепость

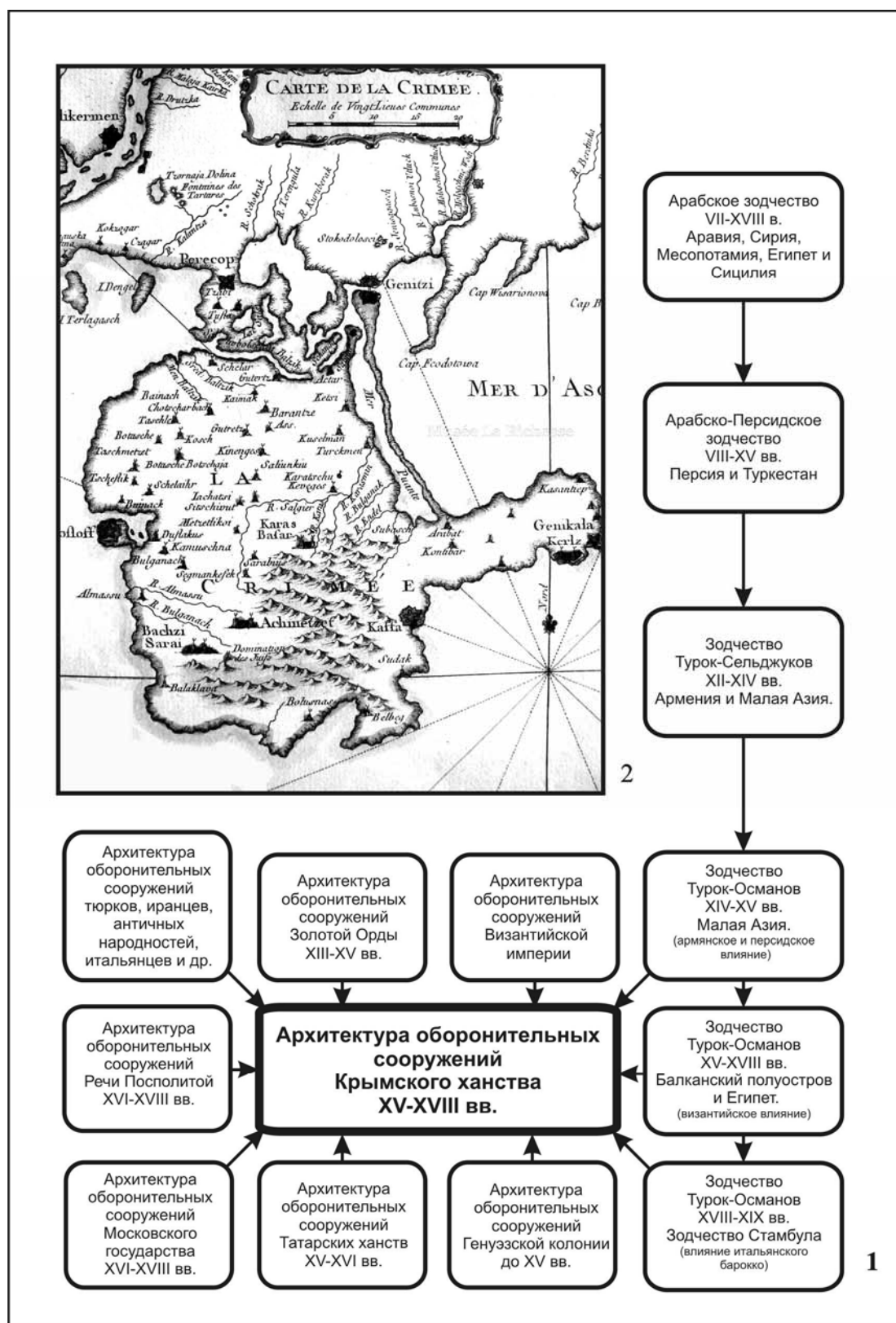

Рис. 1. Карта Крыма. 1755. Париж.

Рис. 2. Схема формирования архитектуры оборонительных сооружений Крымского ханства в XV–XVIII вв.

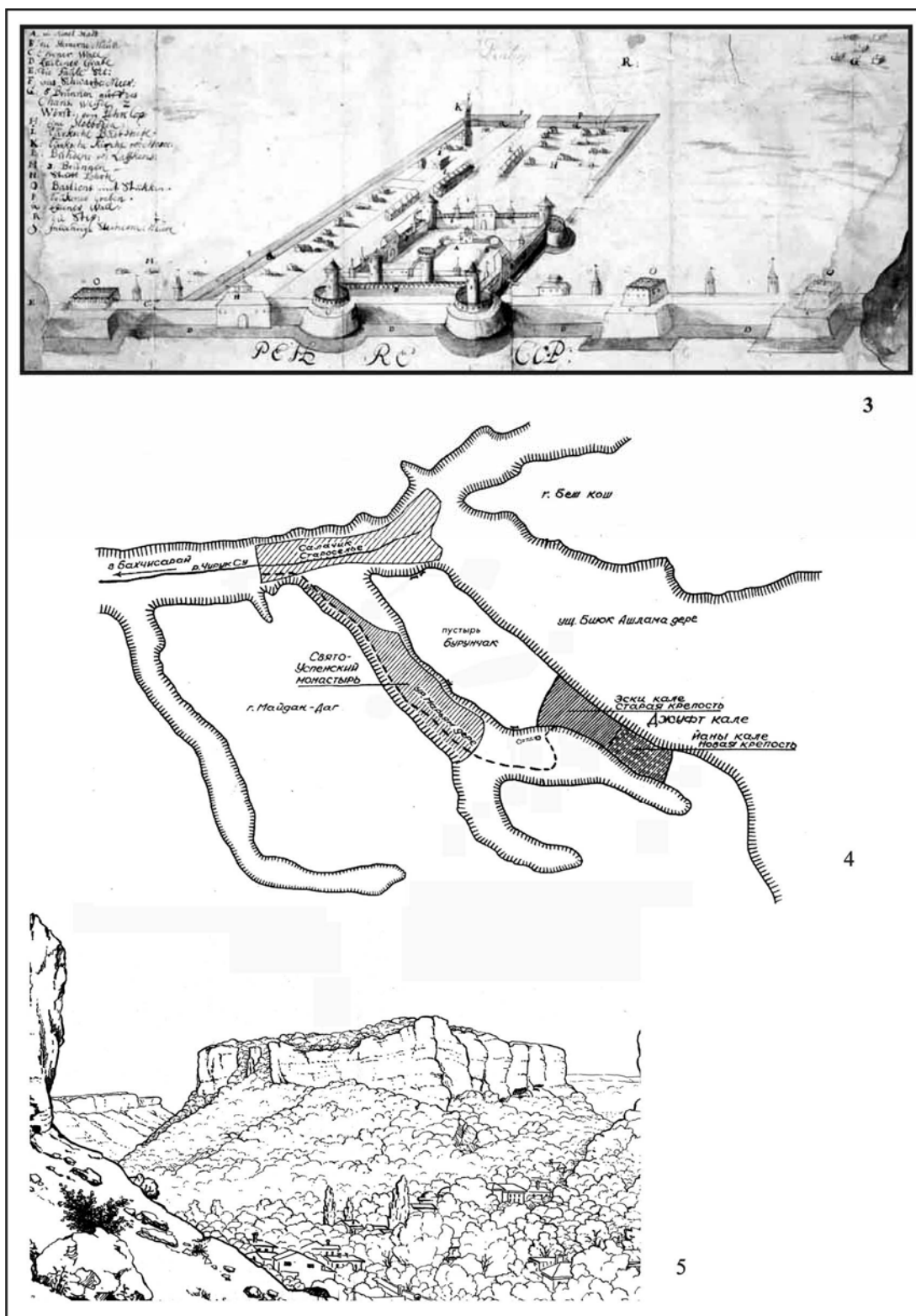

Рис. 3. Орская укрепленная линия и крепость Перекоп, перестроенная в XIX веке из крепости Ор-Капусы.

Рис. 4. Ситуационная схема расположения Салачика и крепости Крык-Ор.

Рис. 5. Общий вид на селение Салачик, урочище Марьям-Дере, Бурунчак.

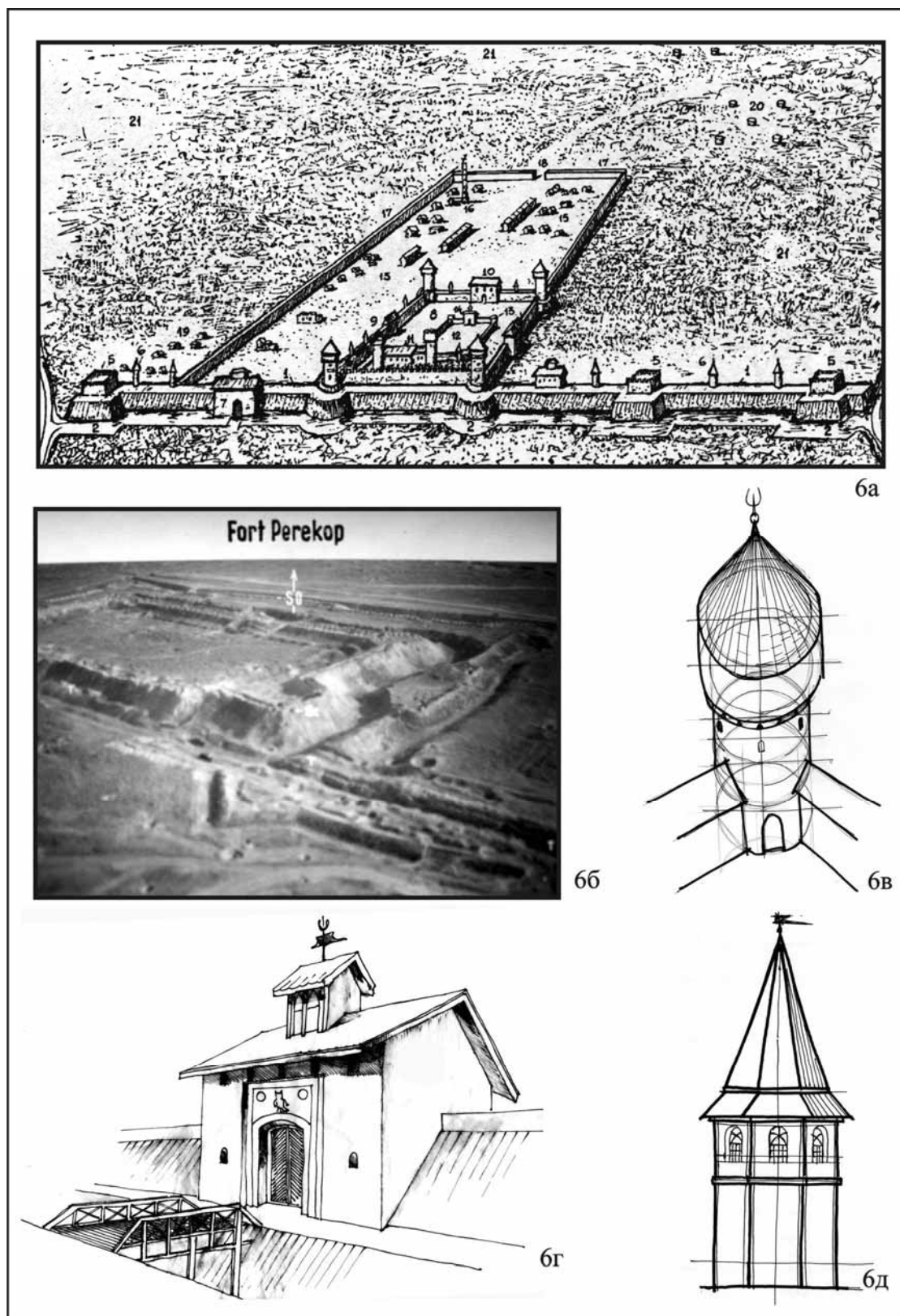
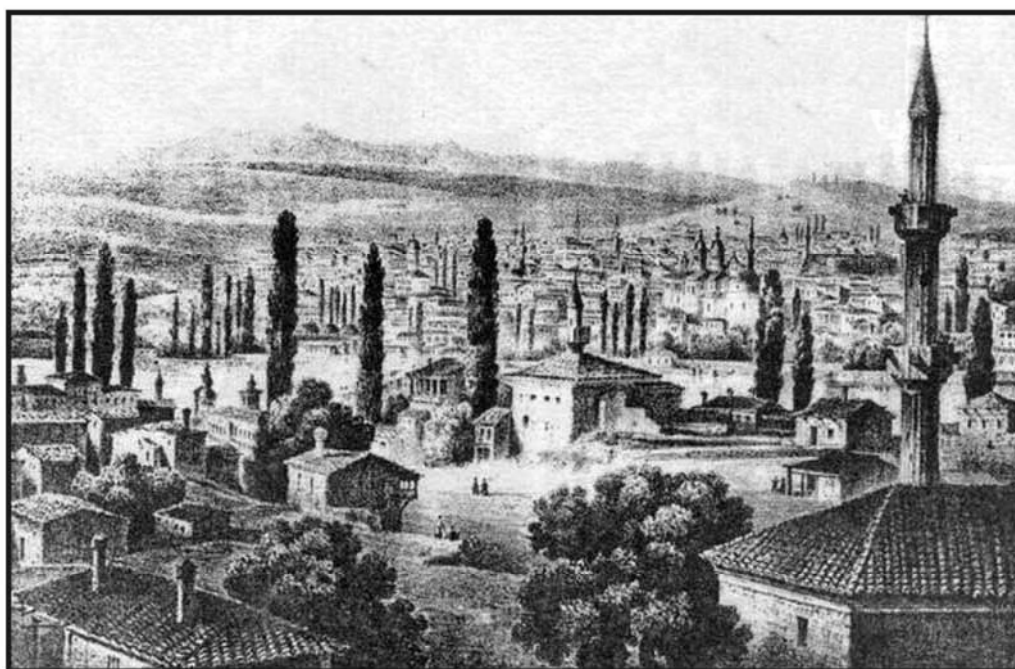

Рис. 6. Крепость Ор-Капусы.

а – крепость Ор-Капусы на рисунке, опубликованном Н. Витсеном в XVII в.; б – Форт Перекоп с военного немецкого снимка. Фото 11.10.41 г.; в – угловая башня шахристана крепости. рек. автора; г – главные ворота крепости. рек. автора, рис. Хабибуллиной Э.М.; д – наблюдательная будка на валу. XVII в., рек. автора.

7

8

Рис. 7. Город Карасубазар в XVII в.

Рис. 8. Остатки караван-сарая Таш-хан в Карасубазаре. XV в.

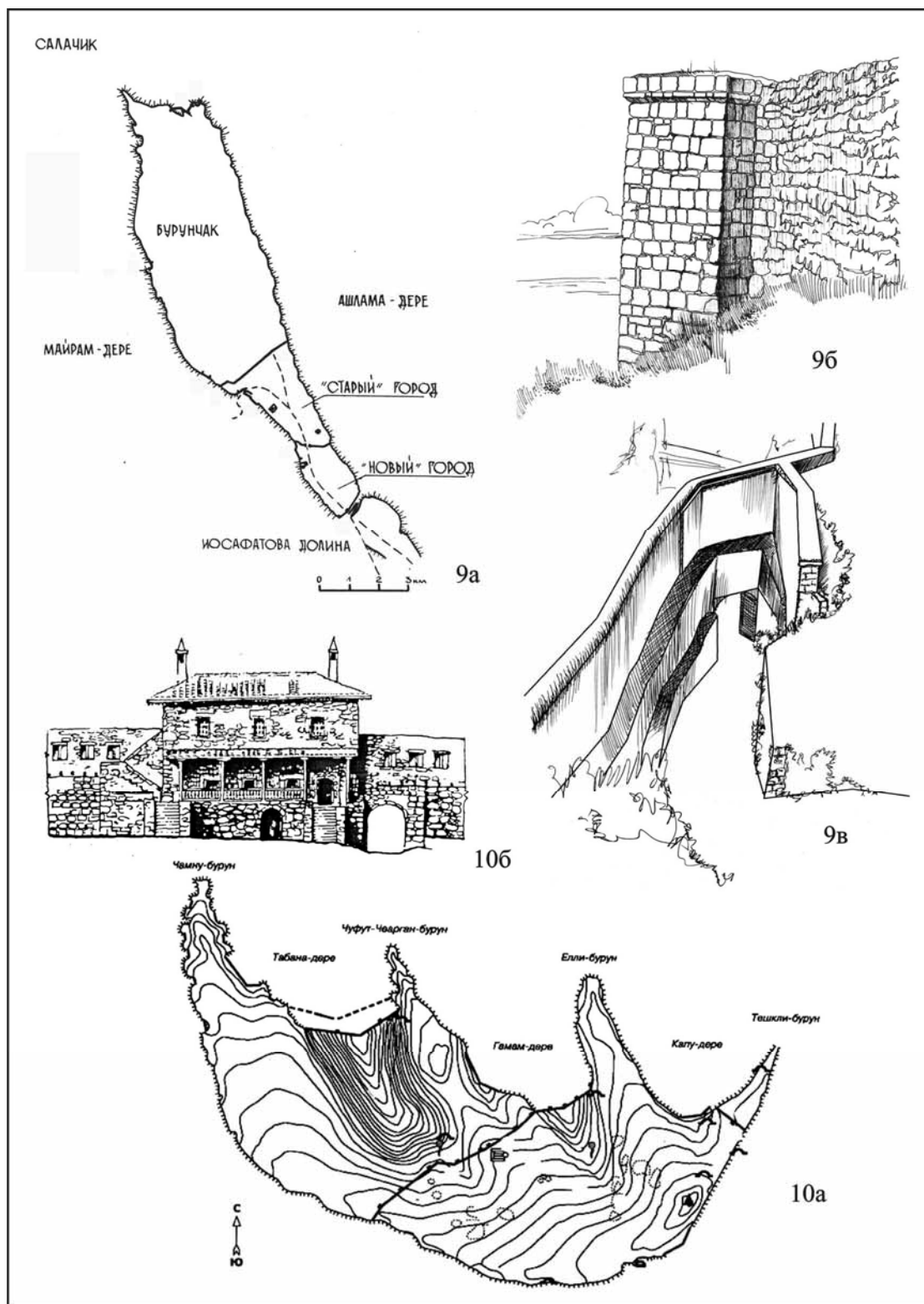

Рис. 9. Крепость Крык-Ор.

а – ситуационный план крепости Крык-Ор;

б – башня средней крепостной стены; в – ворота-ловушка Кичик-Копу.

Рис. 10. Крепость Мангуп-Кале.

а – общий план крепости; б – северо-восточный фасад дворца цитадели. Рек. Лопушинской Е.И.

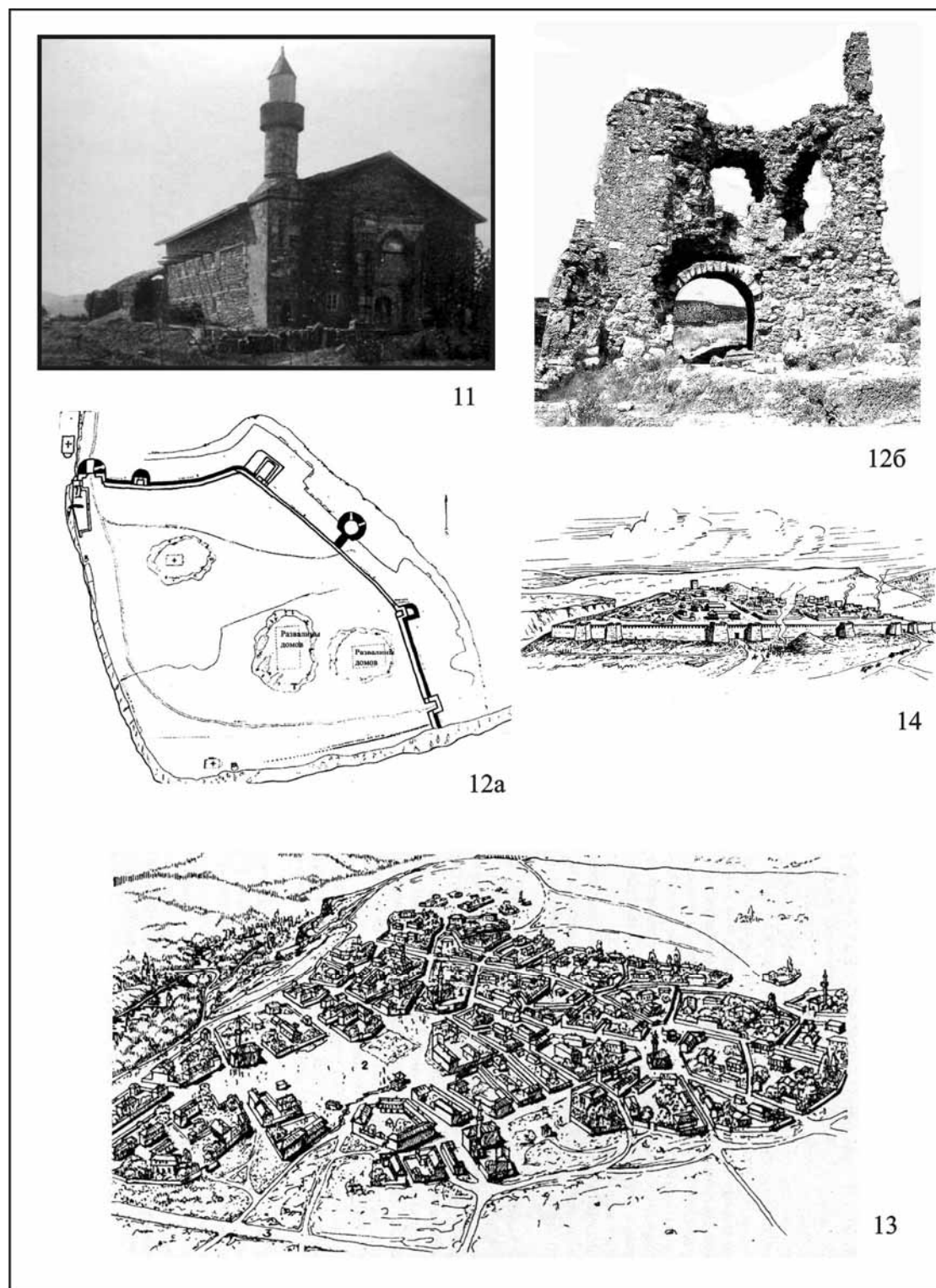

Рис. 11. Мечеть Узбека XIV в. Фото 1906 г.

Рис. 12. Крепость Инкерман.
а – план крепости; б – современное состояние ворот крепости.

Рис. 13. Город Ак-мечет.

Рис. 14. Крепость Керменчик.

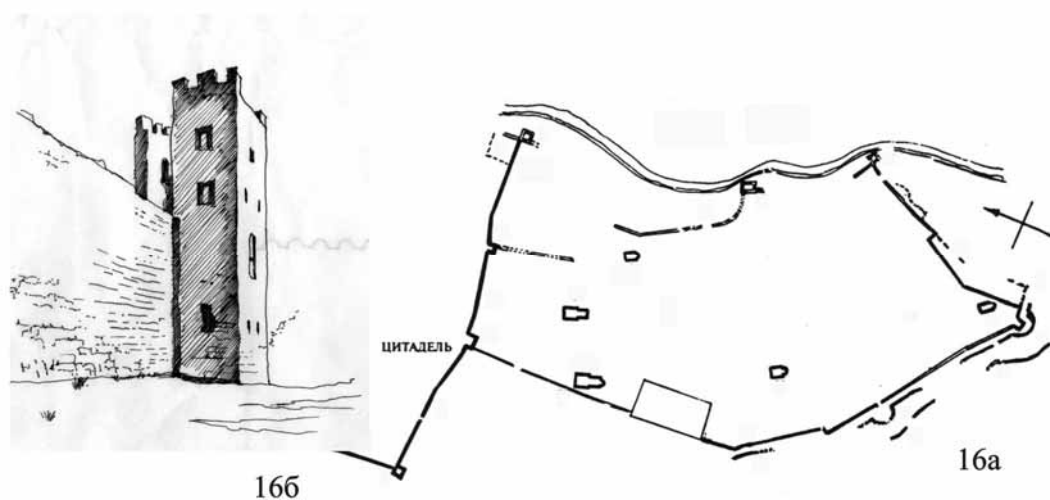
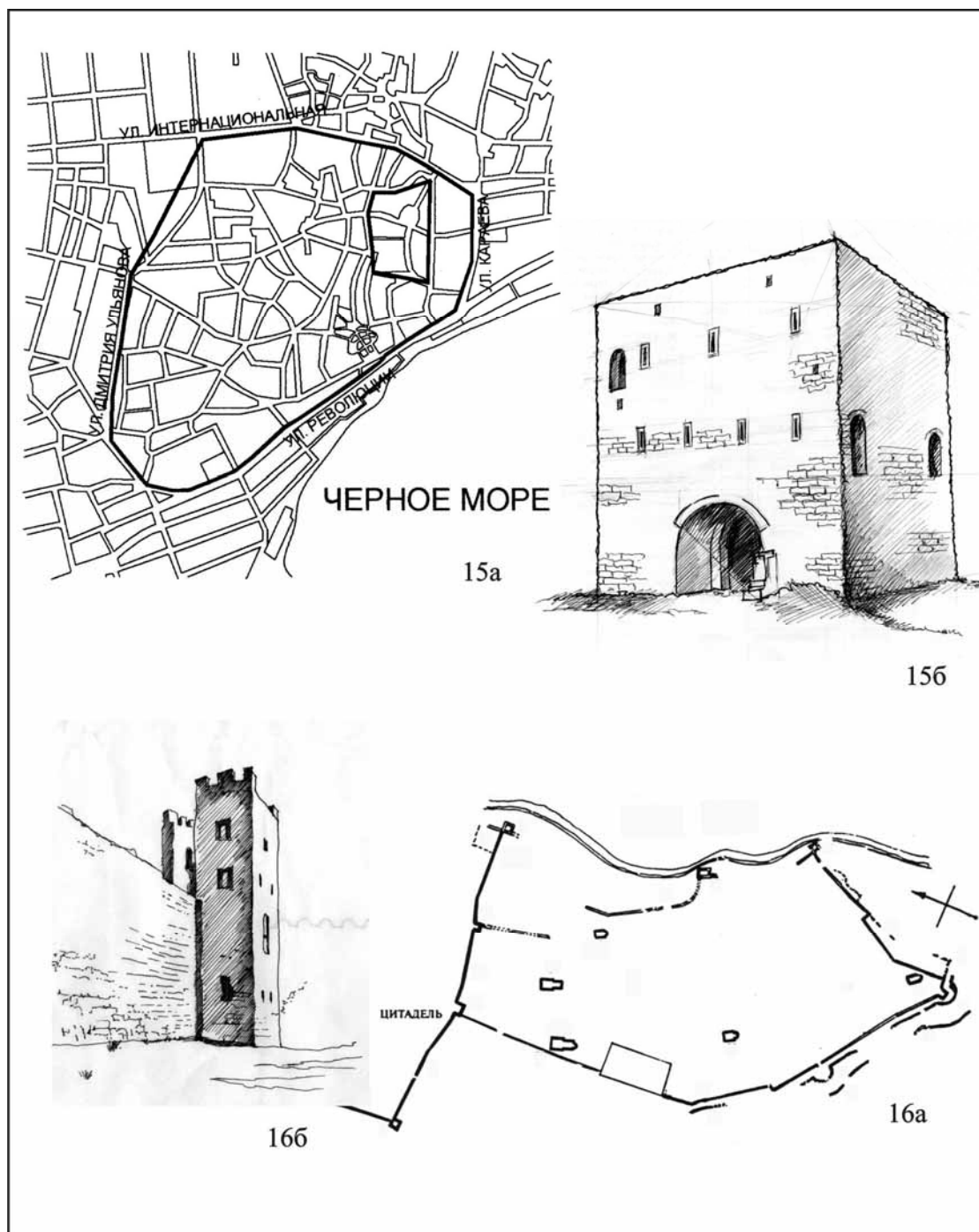

Рис. 15. Крепость Кезлев.

а – локализация контура крепости на современном плане Евпатории. рек. автора;
б – Одун-базар капусу. Воссоздание 2004 г. Рек. Приднева С.В., рис. автора.

Рис. 16. Крепость Кефе.

а – план крепости; б – башня Климента. Рис. Хабибуллиной Э.М.

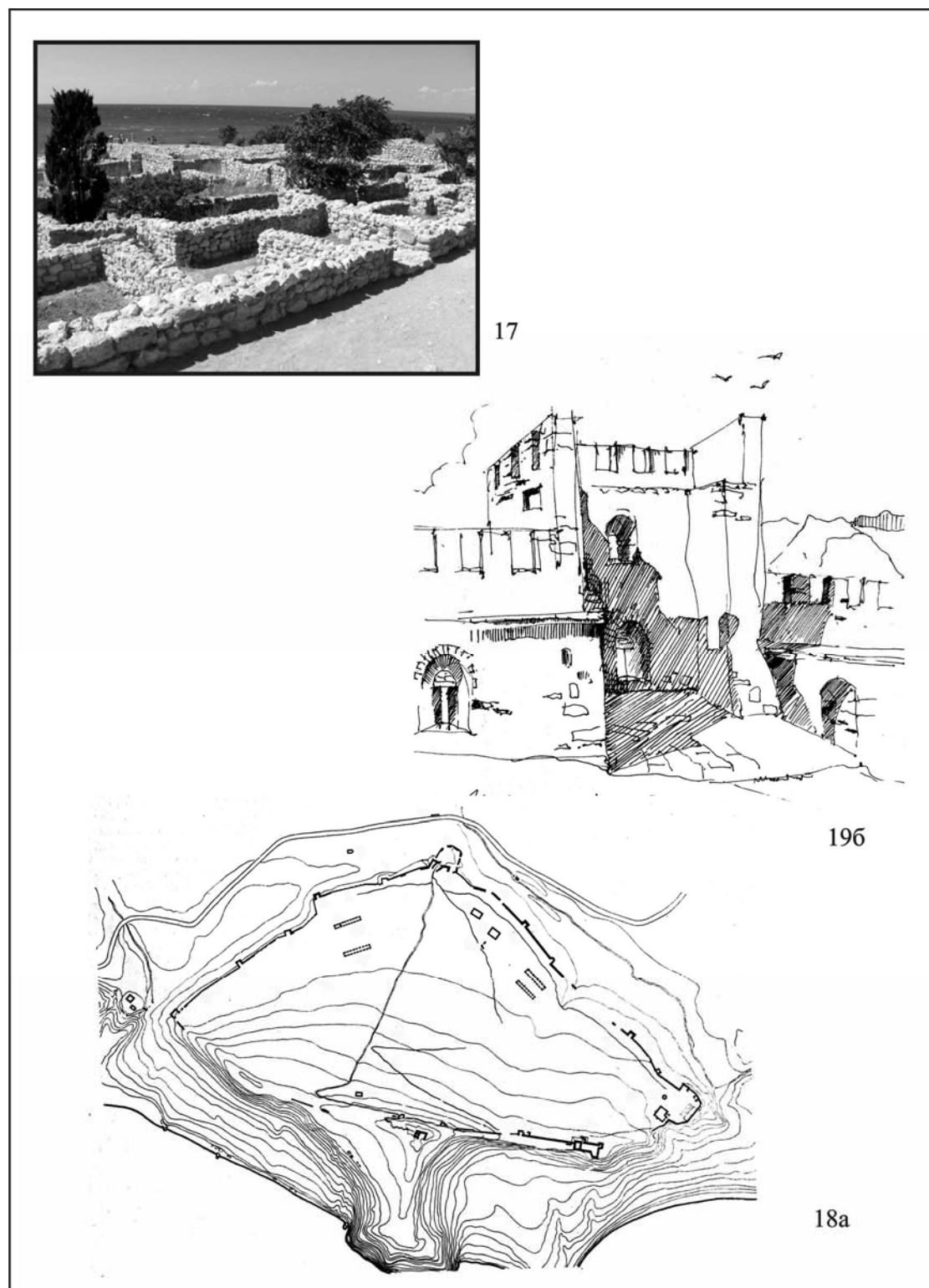

Рис. 17. Крепость Сары-Кирман. Современное состояние

Рис. 18. Крепость Судак.
а – план крепости; б – одна из башен. рис. Хабибуллиной Э.М.

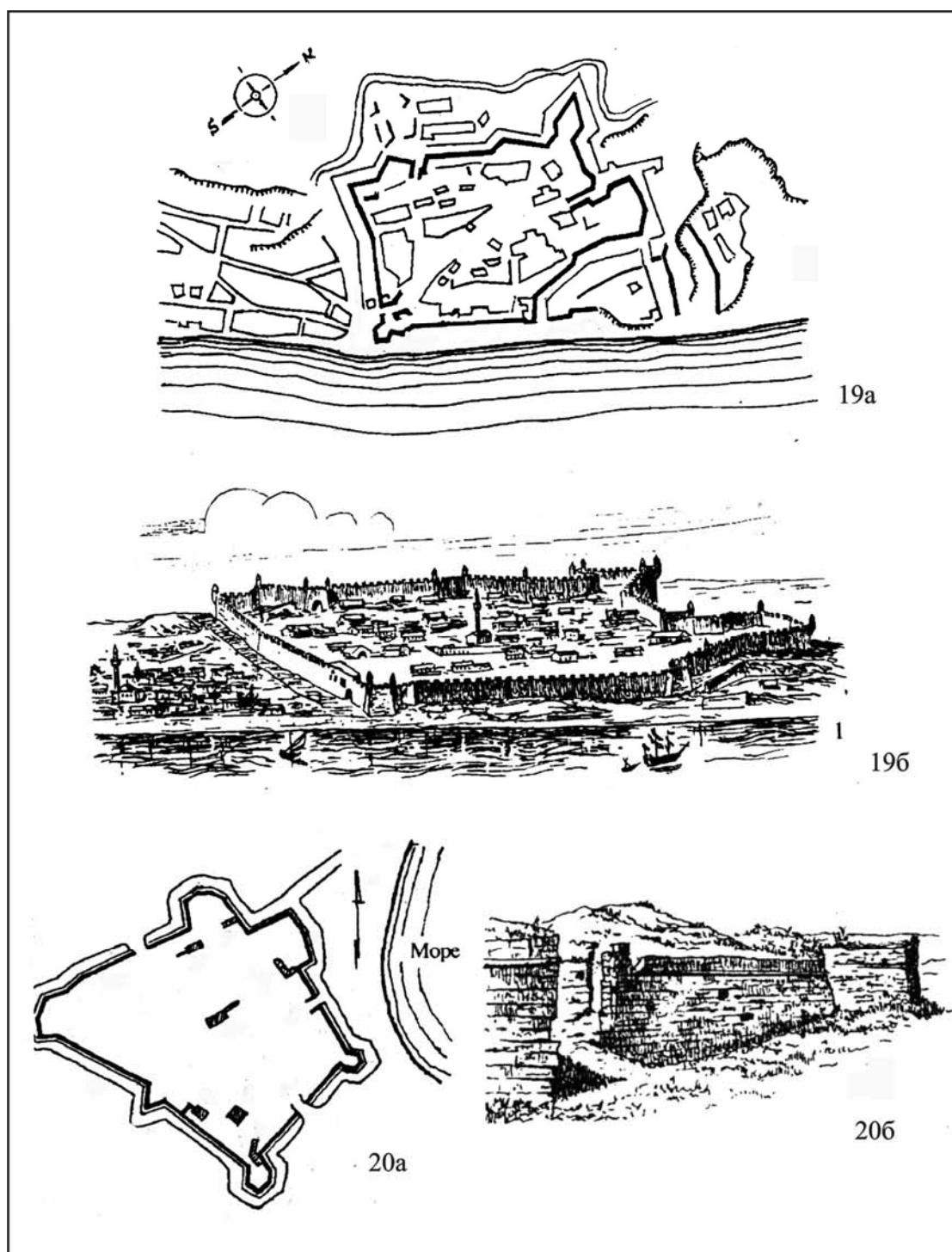

Рис. 19. Крепость Ени-Кале.

а – план крепости; б – общий вид крепости в XVIII в.

Рис. 20. Крепость Арабат.

а – план крепости; б – главные ворота крепости.

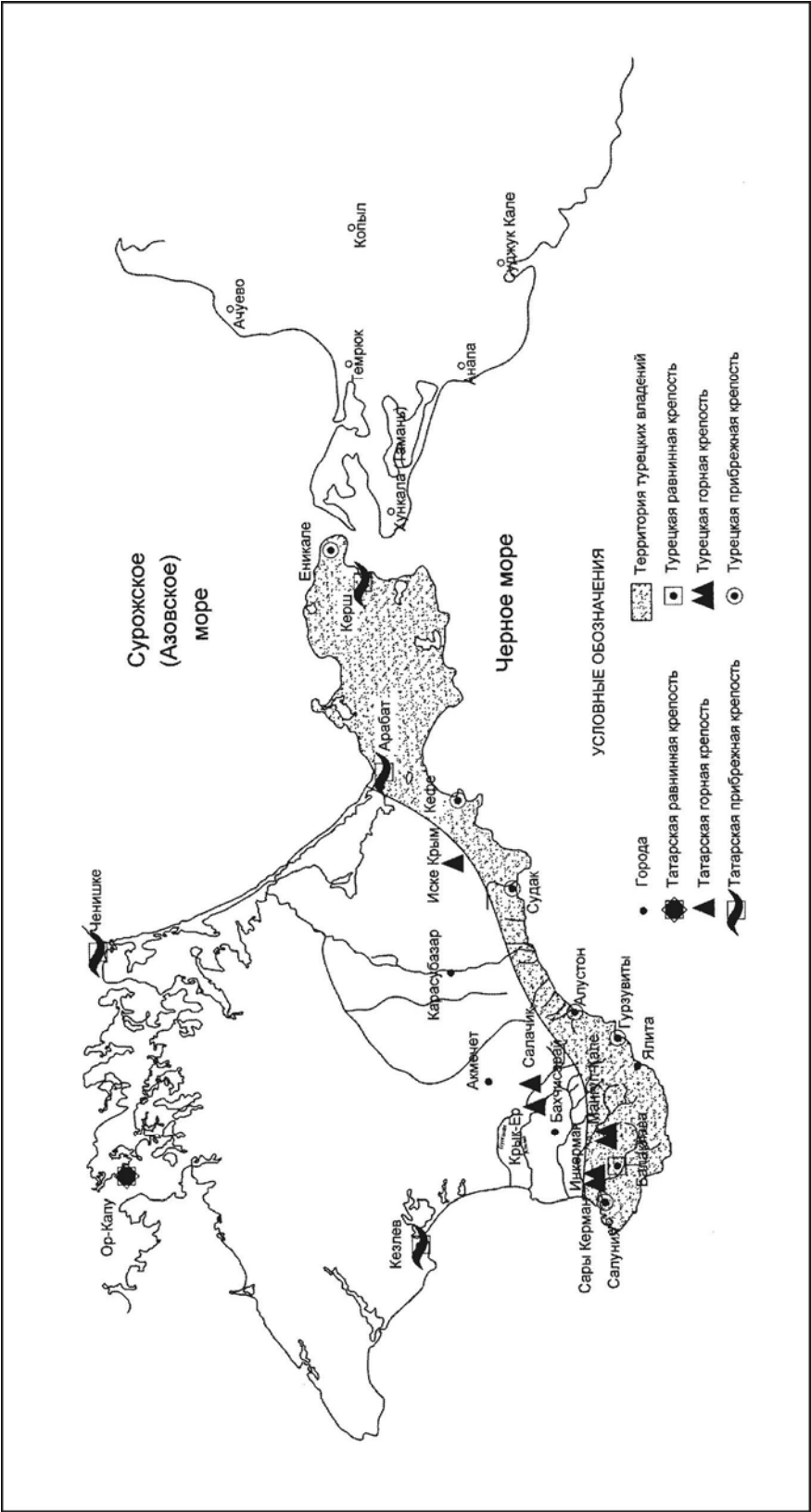

Рис. 21. Локализация крепостей Крымского ханства в XV–XVIII в. по местоположению. Рек. автора.

Версии о посольской резиденции Казанского ханства в Москве

В связи с оживленными политическими и торгово-экономическими контактами Московского великого княжества с Казанским ханством в XV–XVI вв. следует предположить наличие в Москве отдельного посольства этого ханства аналогично дипломатическим резиденциям других постордынских государств (Крымский, Ногайский, Касимовский, Астраханский дворы и др.). В исследовании О.Иванова (писал под псевдонимом Маслов Ал.) имеется указание на то, что в первой пол. XVI в. в Москве существовал Казанский посольский двор. Наличие отдельного Казанского посольского двора в Москве не подвергается сомнению хотя бы исходя из размеров посольств из Казанского ханства (так, в январе 1552 г. в столице Руси находилась делегация из Казани числом около 300 человек) и их частых приездов. В состав казанских посольств входили князья (мурзы), карача-беки, бакши (канцеляристы), уланы и муллы. Б.Р.Рахимзянов отмечает высокую политическую активность посольств Казанского ханства в Москве в период с 1519 по январь 1552 гг., связанную с борьбой за ханский престол ставленников московского правительства – представителей Большеордынской династии Шах-Али и Джан-Али. К примеру, провозглашение 1 марта 1519 г. касимовского султана Шах-Али казанским ханом в начале его первого правления в Казани состоялось именно в Москве в присутствии посольства из этого ханства.

Точных сведений о месторасположении Казанского посольского двора не сохранилось. Это не удивительно, учитывая сложности политических взаимоотношений Москвы и Казани, наложивших свой отпечаток на всю российскую историческую науку. Кроме того, письменные источники на эту тему могли быть уничтожены большим московским пожаром 1626 г., когда сгорело огромное количество документов – так, в Российском государственном архиве древних актов сохранилось очень мало казанских дел.

Возможны несколько версий расположения Казанского посольского двора. По первой из них, Казанскому ханству было отдано Старое Татарское подворье в Китай-городе (это место до последнего времени занимала прилегающая

к гостинице «Россия» территория со стороны Китайгородского проезда), предположительно принадлежавшее до того сарайским ханам. Такое могло произойти в свете известных претензий хана Улуг-Мухаммеда и его детей на легитимность правления в разваливавшейся Золотой Орде именно его династии, что было де-факто признано Москвой в лице Василия II. Еще в бытность ханом Золотой Орды, Улуг-Мухаммед в 1432 г. отрядил своего посла царевича Улана для венчания на великое княжение Василия II (это коронование впервые в русской истории было совершено в Москве, т.к. до того обряд происходил во Владимире). Такие знаковые события не забываются, тем более что Улуг-Мухаммед с момента своего изгнания из Сарая имел особую историю взаимоотношений с московскими правителями. По результатам Суздальского сражения 1445 г., когда Василий II попал в плен, он заплатил в качестве выкупа за себя чуть ли не всю казну, или же 200 тысяч рублей серебром; во все города Московской Руси были назначены казанские администраторы. В этих условиях казанские ханы могли забрать для своего посольства как оставшееся от эпохи Золотой Орды Татарское подворье в Китай-городе, так и некое место в самом Кремле.

В пользу этой второй, «кремлевской», версии говорит еще один факт – вплоть до 1530-х гг. посольство Крымского ханства располагалось в Кремле, а затем было вынесено в особый Крымский двор. «Кремлевская» версия расположения Казанского посольского двора может быть соотнесена с информацией И.М.Снегирева о том, что в Кремле существовали «хоромы Казанского царя Сафа-Гирея». Изначально находившиеся «близ храма Спаса на Бору» (сейчас на его месте здание внутри комплекса Бол. Кремлевского дворца), позже они были перенесены к церкви Николы Гостунского по соседству с Черкасским двором, где и сохранялись вплоть до XVIII столетия. О приездах самого Сафа-Гирея в Москву ничего не известно, однако он неоднократно посылал сюда посольства, что и могло отразиться на названии этого объекта (Сафа-Гирей прав. в 1524–1531 и 1533–1549 гг.; хотя он был, по словам М.Г.Худякова, «непримиримым про-

тивником России», «между Казанским ханством и русским правительством при нем восстановились добрососедские отношения»).

Однако, скорее всего, хоромы получили свое название от предпоследнего казанского хана Утямыш, сына Сафа-Гирея, младенцем взятого в плен в 1551 г. и проживавшего здесь до своей смерти в 1566 г. В пользу такого толкования говорит тот факт, что район церкви Спаса на Бору входил в состав великокняжеского двора; если относительно XV в. там и могли располагаться посольства Казанского ханства, то в XVI в., с учетом изменения акцентов в геополитическом положении Москвы и Казани, здесь уже вряд ли размещали бы большие посольства из татарских государств.

Наконец, есть и третья версия, согласно которой Казанский посольский двор размещался в районе будущего Казанского подворья в Китай-городе (Ветошный пер., 11). Подворье принадлежало Казанскому архиепископству, учрежденному Иваном Грозным на территории завоеванного ханства в 1555/56 гг. В самом ханстве из числа земель и владений, принадлежащих ханской семье и казанским мурзам, архиепископу, церквам и монастырям были отданы «обширные владения» (М.Г. Худяков) — не только в Казани и в ее окрестностях, но и на всей территории покоренной страны.

История возникновения Казанского подворья до сих пор не изучена. Известно, что в нынешнем виде («каменный двухъярусный дом с палатками, подвалами») подворье было отстроено в 1874 г. архитектором А.Н. Стратилатовым, однако оно упоминается в документах еще XVII в. В 1722 г. Казанское подворье было отведено для Греческой школы, преподаватель которой Софроний Лихуд сделал к нему много каменной пристройки. Тем не менее, историк и знаток Москвы И.М. Снегирев, осматривая Казанское подворье в 1836 г., описывает его как «здание, по-видимому, XV и XVI в., в два этажа с полуколоннами двойными во втором этаже; а в другом здании, примыкающем к нему, внизу, темницы для монахов».

Не только смутная датировка возникновения Казанского подворья и наличие на его месте строений XV–XVI вв. подводит к мысли о том, что его предшественником выступал К.П.Д., но и само его расположение — в 200 метрах от Покровского собора (иначе — храм Василия Блаженного) на Красной площади, который был возведен в честь завоевания Казанского ханства и, как полагают, по образцу разрушенной при этом главной мечети

ханства. Чуть позже с другой стороны Красной площади «казанскую тему» завершил Казанский собор (собор Казанской Богоматери), построенный в 1620-х гг. в память о победе над польскими интервентами в 1612 г.

В Кремле напротив Казанского подворья находился Чудов монастырь, основанный в XIV в. на месте Ханского двора, а чуть далее — церковь Николы Гостунского. Эта церковь также упоминается в связи с Ханским двором; кроме того, именно к ней были перенесены вышеупомянутые «хоромы Казанского царя Сафа-Гирея», по утверждению И.М. Снегирева. О таком соседстве важно упомянуть потому, что в XV–XVI вв. между Кремлем и Ветошным пер. не существовало строений (Красная площадь достигала Ветошного пер. — П.В. Сытин), следовательно, даже визуально Казанский посольский двор, если расположить его на месте Казанского подворья, находился напротив и в пределах видимости бывшего политико-экономического центра Московского государства, генетически связанного с Золотой Ордой.

В противоположную от Кремля сторону, к востоку от Казанского подворья располагалось с момента распада Золотой Орды (кон. XV в.) Татарское подворье в Китай-городе. Такое близкое соседство делает версию о наличии до сер. XVI в. на месте Казанского подворья посольской резиденции Казанского ханства еще более реальной.

Примечания

Маслов Ал. Древние урочища Замоскворечья: Крымский двор // Московский журнал. — 1992. — № 11.

Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений. — М., 2005.

Рахимзянов Б.Р. Представители Большеордынской династии в Казани и Мещере (1520–1550-е годы) // Казань в средние века и ранее новое время. — Казань, 2006.

Романюк С.К. Из истории московских переулков: Путеводитель. — М., 1988.

Снегирев И.М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. — Т. 1. — М., 1865.

Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. — Т. 1: 1147–1762 гг. — М., 1950.

Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX вв. — Н.Новгород, 2002.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991.

К реконструкции архитектуры дворца в Хан-Кермане

Касимовское ханство, просуществовавшее более 200 лет, весьма неоднозначно рассматривается в литературе, – как с точки зрения его политической истории, так в этнокультурном отношении. Серьезному изучению архитектура касимовских татар как культурный феномен пока не подвергалась. К сожалению, в русской официальной истории получила распространение весьма тенденциозная версия об изначальной несамостоятельности этого государства как политического образования и тщательно скрывается факт давнего присутствия татарской культуры на этой территории, – еще задолго до появления здесь хана Касыма. Зато всячески подчеркивается на фактор значительной доли русского населения и условия русского окружения, хотя относится этот фактор уже к более позднему времени. Все это естественным образом складывает впечатление о слабости и малоразвитости местной культурной традиции, большом русском влиянии, о малозначительности касимовского феномена как культурного явления. Архитектура, как одна из важных и значительных сфер государственной культуры, является важным показателем уровня культурного развития государства, самостоятельности его политики, может многое сказать о его месте среди окружающих культур и государств.

К сожалению, от времен суверенного развития татарской культуры Касимова сегодня мало что осталось на поверхности земли, а системные археологические исследования пока остаются только предметом наших вождлений. Сегодня об архитектуре собственно Касимовского ханства можно судить лишь по отдельным сохранившимся зданиям Хан-Кермана и редким документам, запечатлевшим уже исчезнувшие средневековые постройки. Поэтому говорить о полноценном анализе касимовской архитектуры пока будет преждевременно, хотя, опираясь на комплексный анализ всех материалов и сведений, мы уже можем составить самое общее понятие о характере татарской культуры Хан-Кермана в разные этапы ее существования, что, тоже достаточно важно. Сопоставление же с общими закономерностями развития архитек-

туры средневековых татарских государств того времени может вывести на некоторые результаты, дать общее понятие об архитектурной культуре и региональных особенностях касимовского стиля.

Мещерская земли, подаренная хану Касиму великим князем Василием в 1 половине 15 века, отнюдь не была исконно русской территорией, а имела довольно сложную этнополитическую историю, в том числе и татарскую. В корне имевшая древнюю традицию автохтонного финно-угорского населения, прослеженную здесь уже с 5 в., ее архитектура дополнялась и обогащалась в течение 12–15 вв. деятельностью русской и татарской общин, в которой можно обозначить народное зодчество, архитектуру культовых, административных и представительских зданий, фортификацию и инженерные сооружения. Все это образовало ту этнокультурную основу и архитектурную традицию, на которой сложилась в дальнейшем культура касимовских татар.

Новая татарская архитектура Хан-Кермана и его окрестностей появилась здесь сразу как ветвь золотоордынской, как изначально перенесенный ордынскими переселенцами штамм поволжской и, возможно, крымской татарской культуры на местную, мещерскую почву. Заказчиками и идеологами здесь выступали татары, а исполнителями могли быть, и наверняка в период становления стиля были приглашенные зодчие, каждый из которых мог внести свое в общий золотоордынский контекст – так, как это было, к примеру, при строительстве итальянцами Московского Кремля или дворца Менгли-Гирея в Крыму. Их могли пригласить как с юга (Кавказ, Крым, Иран), так с востока (Казань), запада (Литва, Польша) и севера (Москва, Рязань и др.). Это вполне соответствовало амбициям Касым-хана, основавшего новое государство с позиции силы и декларировавшего приход чингиса из столицы Золотой Орды на эту территорию. Были у него и хорошие финансовые возможности для осуществления столь масштабных проектов: откупные за великого князя Василия, равные всей великокняжеской казне, часть которых наверняка

досталась и ему, а кроме того – благодарность Москвы за военную поддержку возвращения Василия на его престол, что обеспечило и иную помощь со стороны Москвы и союзной Казани.

Исходя из комплексного анализа сведений по политической истории Касимовского ханства и иных известных данных, историю его архитектуры можно разделить на три этапа: 1) середина 1445–1487 гг., период могущества и независимости государства; 2) 1487 г. – 2 пол. 16 в., русский протекторат; 3) конец 16 – 17 вв., период упадка и заката.

Хан-Сарай. Укрепленный Ханский двор¹, с «*палатами каменными*», занимал мыс между двумя глубокими оврагами с обрывистыми склонами, а ограда шла вдоль кромки обрыва. Въезд в цитадель находился с южной стороны – там, где сближались отроги Успенского и Полежаева оврагов, и, вероятно, был укреплен рвом и валом.

В литературе комплекс датируется 2 половиной 15 века, временем правления Касыма. Он был зарисован в 1 трети XVII века А.Олеарием (Эльшлегером), а затем во 2 половине XVII века – Н.Витсен². На этих рисун-

ках различим комплекс каменных и деревянных сооружений, минарет и мавзолей, окруженные высокой деревянной стеной. Конкретных сведений о планировке Хан-Сарая не сохранилось, однако известно, что здания комплекса размещались вокруг майдана, остатки которого и до сего времени именуются Ханской площадью. Если же исходить из закономерностей, прослеженных в планировке Ханских дворцов Казани и Бахчисарая, то можно предполагать здесь продольно-осевую композицию комплекса вокруг протяженного майдана, где группировались жилая, представительская, культово-мемориальная и хозяйственная зоны. Все это было огорожено оборонительной стеной, которая хорошо видна на рисунке Олеария.

Для ханских резиденций, где жилые и хозяйственные функции дополнялись функциями государственного управления, существовал необходимый перечень построек для обеспечения нормального функционирования такого центра. Функциональные группы зданий и помещений, входивших в состав дворцового комплекса как административного центра государства, места проживания ханской семьи и одновременно оборонительного сооружения, были следующими:

1. *Административный блок*: здания или помещения Государственного совета (Дивана); судилище (казият); парадная площадь перед дворцом; тюрьма (зиндан); казнохранилище; библиотека, архив; казармы ханской гвардии.

2. *Жилой блок*: Ханский дворец; здания для челяди и охраны; гостевой дом; сад.

3. *Служебно-хозяйственный блок*: кухни; баня; конюшни; кладовые; мастерские придворных ремесленников (меднолитейная, сапожная, швейная, кузнечная, ювелирная, оружейная и др.);

4. *Культовый блок*: мечеть; усыпальница ханов; возможно, усыпальница святого.

Дворец хана, как и всякая резиденция крупного феодала, обладал рядом качеств, главными из которых должны были быть:

1. Удобство и безопасность проживания.

2. Многофункциональность комплекса дворцовых сооружений – в числе функций должны были присутствовать следующие:

рассматривать как вариант одного, а точнее историческим источником можно считать лишь рисунок Олеария, предположительно исполненный с натуры, в то время как ремикс из книги Витсена – всего лишь его искаженной копией. Иных изображений Хан-Сарая не сохранилось.

¹ В 1633 году Олеарий делает важную заметку, что дворец «в прежние времена служил замком», что значит – Ханская площадь была окружена стеной, очевидно деревянной, но в 17 в ее уже разобрали. Стена «замка» сгорела в 1679 году, а до этого, в 1670, когда угрожал Разин, воевода укрылся именно за тыном царевичева дворца, поскольку стена русского посада сгорела еще раньше. Дворец могли начать разбирать после смерти последней владельницы Фатимы-Султан (вскоре после 1681 г.) и добить к 1703 г., хотя еще в начале 19 века Гагин видел фундамент и измерил его, а вскорости после местный купец разобрал и фундамент на кирпичи. О том, есть ли подземные ходы от дворца к мечети и к текие, существуют разные точки зрения, но точно этого не знает, похоже, никто.

² На этих изображениях следует остановиться более подробно. Ситуация на рисунке Витсена настолько буквально повторяет рисунок Олеария, что возникает подозрение в том, что это просто его более позднее воспроизведение. Разрыв в 70 лет предполагает некоторые изменения в застройке, – особенно деревянной, в то время как число, взаимное местоположение, размеры и конфигурация всех сооружений сохраняются на более позднем изображении в неизменности. Вероятно, для книги Витсена, за неимением более современного материала, на основе рисунка Олеария была изготовлена и опубликована специальная иллюстрация и оба этих документа следует

жилищная, представительская, административная, оборонительная.

3. Возможность эвакуации в случае военных действий.

Представительские функции, особенно в столичном центре государства, должны были диктовать монументальность и внешнюю красоту дворцовой архитектуры.

От первого, интересующего нас периода до настоящего времени сохранилось только два наземных памятника: минарет мечети Касым-хана с подземными остатками примыкавшей когда-то к нему мечети (1467 г.) и текие Шах-Али хана (1556 г.), выполненные из тесаных известняковых блоков. Оба эти сооружения, — так же как и не сохранившееся Ханское кладбище, составляют единый культово-мемориальный комплекс в составе обширного комплекса Хан-Сарая, возникшего здесь как резиденция Касым-хана во 2 половине 15 века.

По сведениям Палласа, Ханский дворец был протяженным четырехугольным зданием, ориентированным с юга на север, длиной более 32 аршин³, шириной более восьми аршин с половиной, т.е. 22,7х5,7 м. С торцов к нему примыкали узкие пристройки длиной в 16 футов⁴, т.е. 3,7 м. В северном пристрое был вход в сводчатый подвал, простиравшийся под всем дворцом (Паллас, 1773, с.43-44). Судя по рисунку, это было трехэтажное (по всей видимости) здание, имевшее монументальный пристрой в виде высокой угловой башни. Иных суждений о его архитектуре по единственному сохранившемуся изображению руин, пока не рождается. Разумеется, дворцовый комплекс, функционировавший как центр административного управления государством, не мог быть ограничен лишь одним названным зданием, а включал в себя и ряд других, полностью разрушенных к моменту исследования его краеведами. В его состав могли входить как каменные, так и деревянные здания, как это было, к примеру, в Казанском Арке, или известном дворце царя Алексея Михайловича в Коломенском. Понятно также, что, подобно другим средневековым дворцовым комплексам, Хан-Сарай в Хан-Кермане имел свободную планировку, исходившую из потребностей его многообразных функций, а также приспособленную для обороны в случае опасности. Аналогично Казанскому, Бахчисарайскому дворцам или

дворцу Ширваншахов в Баку, следует предполагать деление его территории на замкнутые секции, огороженные глухими стенами и защищенными входами. Одним из важных элементов архитектуры Хан-Сарая была многоярусная цилиндрическая башня, примыкавшая к жилым покоям хана, и выглядевшая весьма эффектно. По-видимому, такие башни-донжоны играли особую, возможно, даже знаковую роль в архитектуре татарских и тюркских правителей, поскольку мы встречаем их и в других известных нам средневековых резиденциях татарских ханов: в Казани (Халит, 1991) и Бахчисарае (т.н. Соколиная башня). Все эти сооружения объединяет одно: они были выстроены ханами-чингисидами, выходцами из Сарая, столицы Золотой Орды при основании новых независимых татарских государств. Думаю, сходство в их архитектуре не случайно, несмотря на определенный разброс во времени: в основе их должен был лежать один прототип, — «Златоглавый» дворец хана Золотой Орды⁵, родовая резиденция чингисидов в Сарае, что подтверждает и рисунок францисканского монаха 15 века Фра Мауро, изображающий золотоордынский Сарай. Показательно, что подобная же башня существует и в комплексе султанского дворца Топ-Капы в Стамбуле.

Петр Паллас, кроме общих сведений, оставил описание монументального входа на каменных столбах во дворец, еще сохранявшегося в 1770 году. Он был украшен «многими Готскими фигурами и Арапскими надписями... кровельными резными подзорами и теремочками» (Паллас, 1809). Не надо обладать большой фантазией, чтобы усмотреть в «готских фигурах» исламские орнаменты, в «кровельных резных подзорах» — мукарнасы, «теремочках» — надкровельные купола. Словом, описаны порталные ворота с усложненным верхом, аналогии которым встречаются во многих странах, и чаще — в Турции, Юго-Восточной Азии. Именно такие ворота отмечены в средневековом Казанском Арке и

³ Старорусский аршин равнялся 71,12 см.

⁴ Английский фут равняется 2,333 м.

⁵ Знаменитый путешественник Ибн-Батута посещал Сарай лично в сороковых годах XIV века, и в описании путешествий своих оставил нам следующие драгоценные строки: «Город Сарай один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами... Тамошний дворец султана называется Алтунташ. Алтун пишется через а, л, тун и значит золото, а таш пишется через та и ш, и значит голова».

султанском дворце Топ Капы в Истанбуле. Из ситуации следует, что главным фасадом дворца был южный, выходивший на Татарскую слободу и занимавший северную сторону протяженного майдана, откуда в разные стороны расходились пять улиц. Именно сюда же, видимо, выходили и описанные ворота.

Как указывается, в литературе, поместья татарских царей и царевичей в городе были невелики. Основные их владения находились, как правило, в селениях – Шырын (Подлипки), Торбаево, Болотцы, Царицыно и др.

Хан-джами. Об изначальной архитектуре этого здания можно сегодня судить лишь по массивной цилиндрической башне-минарету и габаритам фундамента, на котором, согласно распространенной версии, было возведено новое здание мечети. Впрочем, археологических исследований фундамента, насколько мне известно, не проводилось, и эта версия еще требует подтверждения. На рисунке из книги Адама Олеария здание мечети также не просматривается, хотя, судя по размерам сохранившегося фундамента, она была значительных размеров и не могла бы выпасть из поля зрения художника, если бы еще существовала к тому времени⁶.

Композиция мечети с квадратным планом и угловым примыканием минарета стандартна, однако соотношение площадей фундаментов минарета и здания мечети весьма необычны и

говорят о превалирующей роли минарета, превышающей значение его как просто атрибута мечети. Минарет в его современном виде представляет собой массивный цилиндр без цокольной части (что само по себе весьма необычно для нашего региона) и небольшого цилиндрического барабана, увенчанного параболоидным куполом. Купол поздний, на рисунке Олеария завершение выглядит кокетливым.

Образ и композиция минарета в его современном виде не имеют себе подобных ни в одной из культур и эпох мусульманского зодчества, что наводит на серьезные размышления о его первоначальном облике. Размеры нижнего яруса минарета, его громоздкие пропорции, отсутствие цокольной части и мощный массив внутреннего объема говорят о том, что, по всей вероятности, утрачена значительная часть его высоты и сохранившийся ярус является всего лишь основанием первоначального минарета, имевшего в прошлом намного большую высоту. Общий анализ архитектуры мечетей Поволжья домонгольского и золотоордынского времени говорит о стойкой традиции сельджукского стиля, ставшего основой и для культовой архитектуры новых татарских государств. Именно традиции сельджукских минаретов с их вытянутыми пропорциями, объединяющие башенную архитектуру исламских государств Переднего Востока, невзирая на различие декоративных решений, в единое явление на протяжении нескольких столетий, сформировали представление о минарете как о высокой стройной башне вытянутых пропорций, противопоставленной массивному объему мечети. Именно такой стереотип господствовал и в золотоордынской культуре. Молодой амбициозный Касым-хан, основавший новое мусульманское государство и принеший сюда высокие культурные традиции Золотой Орды, не мог санкционировать возведение центральной мечети с непропорционально уродливым минаретом, не вписывающимся ни в какие культурные традиции. Общие закономерности минаретов Золотой Орды и прилегающих государств 2 половины 14 – 1 половины 15 вв. подсказывают наличие минимум еще двух ярусов над ним в пропорциях, увеличивающих высоту башни почти втрое. У таких минаретов существовали промежуточные балкончики-шерефе и закрытый фонарь, увенчивавший башню. Сопоставление пропорций многоярусных минаретов сельджукской традиции гово-

⁶ Разрушение мечети и дворца никак не может быть связано и с именем Петра I в его второе посещение города в 1722 г., как о том гласит популярная легенда, поскольку Олеарий запечатлел разрушенный комплекс почти на 100 лет раньше. Указывается, что в свое первое посещение Касимова в 1695 г. Петр распорядился прекратить строительство каменной мечети, и она простояла недостроенной вплоть до указа Екатерины II (Родин, 1997; Фулин, 1990). Стало быть, действительно к тому времени мечеть была уже разрушена. Насколько мне известно, никаких сведений о разрушениях и катаклизмах в допетровское время не зафиксировано, хотя можно предположить, что это было связано с переходом Ораз-Мухаммеда на сторону Лжедмитрия II в период смуты (убит в 1610 г.) (Султанов, 2006). Эту историческую загадку оставим специалистам, наша же цель, опираясь на известные данные, попытаться восстановить облик исчезнувшего дворца. Олеарий упоминал «мусульманский храм», причем, без привязки к конкретному месту. Возможно, на месте разрушенной мечети XV в. в это время находилась другая мечеть меньших размеров, каменная или, судя по рисунку, деревянная, на которую и обратил внимание Олеарий.

рит о стойких пропорциональных закономерностях их членений, куда вписывается большинство башен. Находятся и прямые аналогии минарету Хан-Кермана, правда, относящиеся к более ранним эпохам: XII–XIII вв.⁷ Это говорит о том, что, вероятно, образцом для касимовского минарета послужила какой-то исторический образец или стереотип, имевший особое значение для золотоордынских переселенцев и воспроизведенный на новой земле как знак преемственности культурной традиции. Примером аналогичного решения может послужить минарет мечети Нурулла в Казани, воспроизводящий образ минарета в Болгарах и Кул-Шариф, минареты которой имитируют минареты мечети Азимова.

Так или иначе, рассматривая современный минарет лишь как сохранившуюся цокольную часть первоначального многоярусного минарета и следуя пропорциональным закономерностям сельджукского стиля, можно с некоторой долей уверенности реконструировать его в виде четырехъярусной башни с последовательно утоняющимися ярусами и тремя шерефе, верхняя из которых имела вид закрытой площадки.

О том же говорит и большая площадь древнего фундамента мечети, принадлежавшая весьма значительному по размерам зданию. Стандартное для того времени решение: кубический объем, перекрытый куполом, дает в совокупности с предполагаемым более высоким минаретом уравновешенную и гармоничную архитектурную композицию. В итоге вырисовывается весьма значительное сооружение с активным силуэтом, господствовавшее не только над Ханской цитаделью, но и над всем городом. Размеры минарета, явно превышающие необходимый минимум, имели, видимо, символическое значение, обозначая как центр государственной власти, так и господство ислама на этой территории. Может быть, минарет нес и мемориальную нагрузку, закрепляя память о некоем историческом событии. К сожалению, татарская история изобилует такими «белыми пятнами», о существовании которых мы пока можем догадываться лишь по косвенным признакам, подобным архитектуре Хан-джами.

Текие Шах-Али-хана, датированное 1555 годом. Имеет вид прямоугольного параллелепипеда, двухкамерную планировку и

перекрыта крестовыми сводами покамерно⁸. Наружные стены его возвышаются над сводами в виде парапетов, а сводчатые перекрытия были завалены землей, через парапеты выпущены водометы. Вход в виде арочного низкого проема ничем не выделен. Текие сложено из хорошо отесанных и подогнанных друг к другу известняковых блоков, а своды выведены из кирпича. По планировке и строительной технике это сооружение близко некоторым усыпальницам времени на городище Булгар и некоторых других золотоордынских городищах. Согласно типологической классификации Д.В.Васильева (Васильев, 2003) он относится к группе Б1-1 золотоордынских мавзолеев (двухкамерные прямоугольные без портала) или Б2-1 (двухкамерные прямоугольные без портала с помещениями вдоль главного фасада). Причем, согласно этой же классификации, на сегодняшний день ни одного памятника точно такой планировки пока не обнаружено и текие Шах-Али хана может считаться единственным, да к тому же почти целиком сохранившимся образцом золотоордынской гробницы такого типа.

Никаких иных аналогий в мусульманском зодчестве касимовским текие не прослеживается, если не считать нескольких карачаевских (балкарских) кешенэ с двускатным покрытием.

Оформление фасадов сооружения характерно южно-мусульманскому типу, без признаков западноевропейского иллюзорно-тектонического оформления, и строится на образе четко ограненного геометрически правильного объема с лаконичными профилированными обрамлениями ряда деталей на фоне гладкой стены из хорошо отесанных прямоугольных блоков. Обращают на себя внимание водометы – неперенный элемент архитектуры плоскокрытых и купольных сооружений Малой Азии и Закавказья, что говорит, вероятнее всего, о южном происхождении приглашенного архитектора.

Над одной из дверей врезана каменная плита с высеченной рельефной надписью: *«Строитель и собственник этого здания – Шах-Али-хан, сын Шейх-Аулияр-султана,*

⁷ Минареты Масуда III и Баграма в Афганистане, начало 12 века.

⁸ Некоторые авторы их считают позднейшим добавлением, однако против этого говорит толщина стен, явно изначально рассчитанная на сводчатые конструкции. Стены не пострадали даже несмотря на земляную засыпку поверх сводов, значительно усилившую тяжесть сводов, а значит и распор стен.

21 числа месяца рамазана 962 года», т.е. 9 августа 1555 г., кругом же высечены слова 256 стиха II суры Корана. Дизайн этого элемента говорит о высоком мастерстве каллиграфии и развитой эстетике монументально-декоративного искусства в Хан-Кермане. То же впечатление производит и архитектурное обрамление картуша: монументальное, лаконичное и элегантное.

Архитектурный образ текие полон внутреннего достоинства, отрешенности от мирской суеты и вполне соответствует фундаменталистскому пониманию места и значения подобных сооружений в мусульманском мире. Именно так решалось большинство надгробных усыпальниц татарско-турецкого (сельджукского и османского) ареалов, где величие похороненных государей увековечивалось не пышностью формы, а их местом в памяти народов, их вкладом в историю.

Внутри усыпальницы было 9 могил, в том числе самого Шах-Али, его жены Буляк-Шад и воспитанниц Хан-Султан и Маги-Султан.

Другие гробницы не сохранились, однако остались сведения о том, что некоторые из них имели погребальные склепы под полом (Вельяминов-Зернов, 1863).

Известные сведения о монументальных постройках Хан-Кермана говорят о сложении собственной, достаточно оригинальной ветви татарской архитектуры, — как по типологии отдельных сооружений, так и по общим их стилевым качествам. Им была присуща масштабность решений, монументальность художественного образа, активный, даже агрессивный силуэт, выразительная композиция, хорошее качество отделки и строительной техники при сохранении элегантной лаконичности форм.

Здесь прочно закрепились вполне конкретные типы сооружений, — в частности, тип надгробных усыпальниц — текие, не столь распространенное в иных регионах и придающее черты индивидуальности этой ветви татарского зодчества⁹. Выбор этого не самого монументального типа надгробного сооруже-

ния говорит о некоей идеологии, заложенной в его типологию или художественный образ¹⁰. Возможно, в архитектуре Хан-Кермана сложилась традиция унаследования определенного типа гробницы в связи с династийной принадлежностью колена Улу-Мухаммеда к определенной ветви чингисидов, пользовавшихся именно такими типами сооружений. На такую мысль наталкивает и идентичность ее с Ханским мавзолеем в Казанском Арке.

Какие-то причины, — возможно, большой пожар или что-то иное, привели к значительным разрушениям в комплексе дворца, в том числе исчезновению первоначального здания мечети и повреждению минарета, так что к моменту появления здесь Олеария от комплекса остаются лишь отдельные фрагменты, дополненные деревянными сооружениями уже совершенной иной архитектурной культуры.

Думается, эскизную реконструкцию первоначального состояния Хан-Сарая можно было бы провести при наличии минимальных данных, опираясь на общие закономерности подобных же комплексов в Казани, Бахчисарае, Стамбуле и Баку.

В это время Касимов, как и Городец XII в., тоже был обнесен земляными валами с деревянными стенами и восемью башнями, из которых две были проездными. В крепости стояла деревянная Вознесенская церковь, воеводский и пушкаревский дворы, амбары с пушками и пороховыми припасами и т.п. Царевичи и цари татарские имели здесь свой двор. В городе числились те же слободы: Татарская, Пушкарская и Ямская.

Почти все постройки Касимова начала XVII в. были деревянными, за исключением мечети, царского дворца и мавзолея Шах-Али-хана в Татарской слободе, мавзолея Авган-Мухаммед-султана и еще одной «палатки», которая

⁹ «Прямоугольные двухкамерные мавзолеи с зиарат-ханой, — пишет Д.В.Васильев, — произошедшие, на наш взгляд, путем развития мавзолеев типа А1-3, пештак которых, мощный и глубокий, трансформировался в зиарат-хану, представлены на территории Золотой Орды довольно хорошо, но лишь на Нижней Волге, в Мохшах, на Северном Кавказе и на Южном Урале. На территории Волжской Булгарии их не обнаружено» (Васильев, 2003).

¹⁰ Если отталкиваться от самого названия — текие, чаще применяемого к постройкам дервишеского ордена суфиев, проповедовавших аскетизм во всем, то это может объяснить подчеркнутую скромность архитектурных форм гробницы.

Есть и другая точка зрения, изложенная мне в частной беседе И.К.Загидуллиным. После экономического и политического упадка Касимовского ханства, об усыпальнице заботились суфии и, возможно, реально использовалась как дервишеская текие, в результате чего мог произойти перенос названия, закрепившийся впоследствии в сознании населения.

не сохранилась на Старом посаде. Мостовые также были из бревен.

Примечания

Васильев Д.В. Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации // Ученые записки Астраханского государственного университета. – Астрахань: изд-во АГУ, 2003.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. – Ч.1. – СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1863.

(Паллас П.С.). П.С.Палласа, Доктора Медицины, Профессора Натуральной истории и члена Российской Императорской Академии Наук, и Санктпетербургского Вольного Экономического Общества, а также Римской Императорской Академии испытателей естества и Королевского Аглинского ученого собрания, путешествие по разным провинциям Российской империи. – Ч.1. – СПб., 1773.

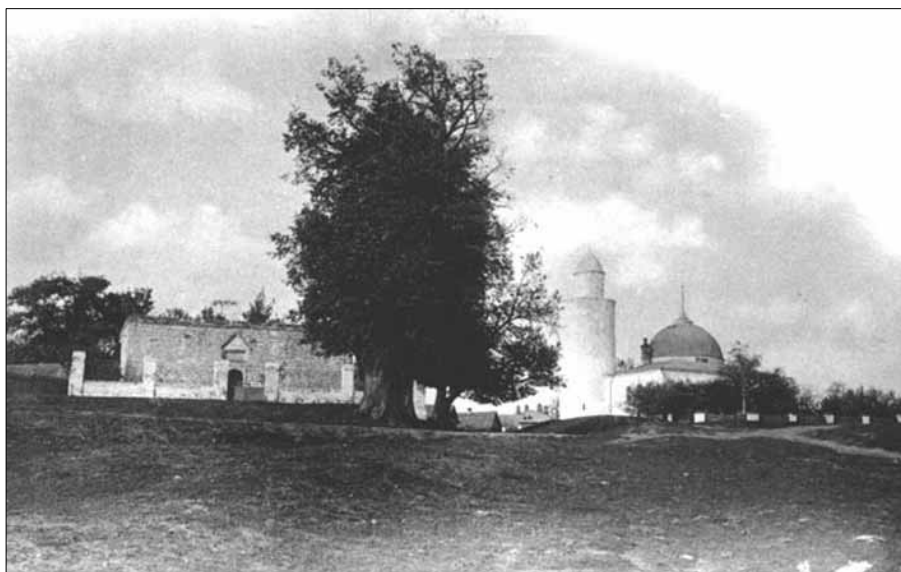
(Паллас П.С.). П.С.Палласа, Доктора Медицины, Профессора Натуральной истории и члена Российской Императорской Академии Наук, и Санктпетербургского Вольного Экономического Общества, а также Римской Императорской Академии испытателей естества и Королевского Аглинского ученого собрания, путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть первая. – Вторым тиснением в Санктпетербурге при Императорской Академии Наук, 1809 года.

Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М.: АСТ, 2006.

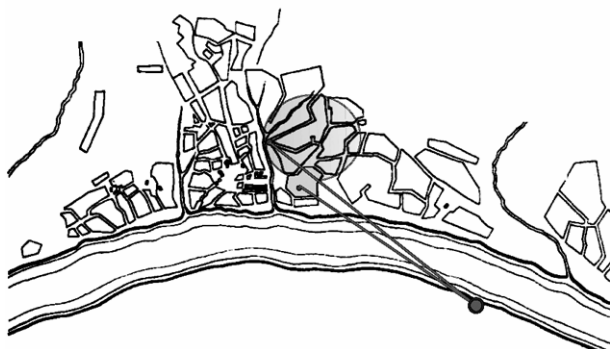
Родин Н. Касимов – Городец Мещёрский. – Изд-во «Узорочье», 1997.

Фулин Ю.В. Города и районы Рязанской области. – М.: изд-во «Московский рабочий», 1990.

Халит Н. Очерки по архитектуре Ханской Казани. – Казань, 1991.

Татарские памятники Касимова, открытка конца XIX – начала XX вв.

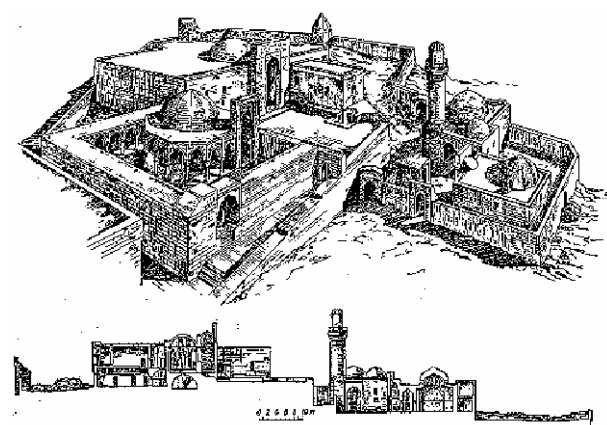
Местоположение Хан-Сарая художника и Татарской слободы на дорегулярном плане Касимова. Реконструкция Н.Халита

Город Касимов. Хан-Сарай. Фрагмент рисунка из книги А.Олеария. 1 треть XVII в.

Город Касимов. Рисунок из книги Н.Витсена

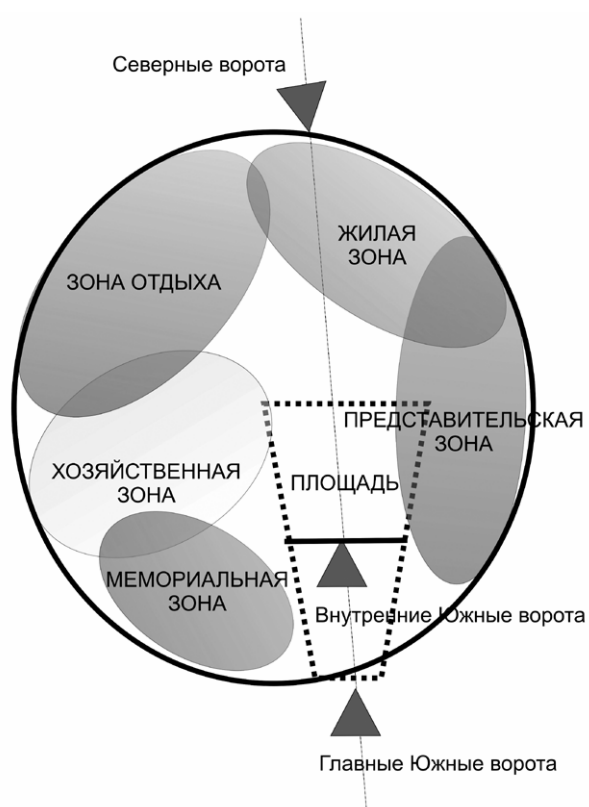
Баку, Азербайджан. Комплекс Дворца Ширваншахов. XV в.

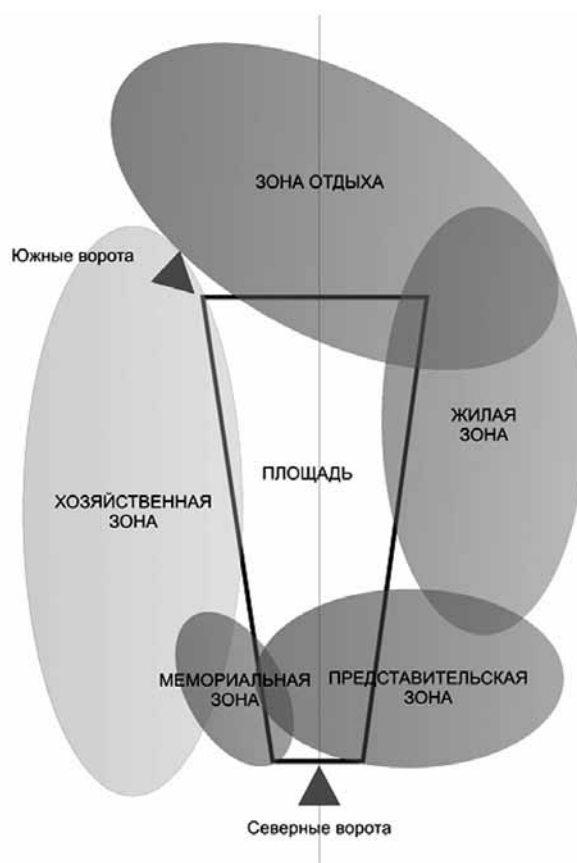
Коломенское, дворец царя Алексея Михайловича. XIV–XVII вв.

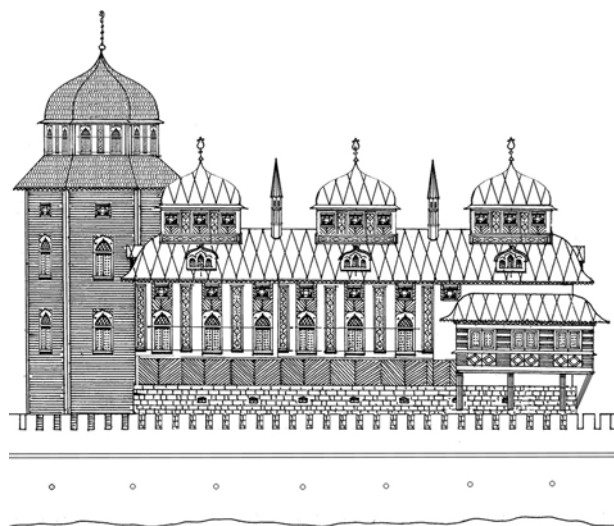
Татарские памятники Касимова. Современное фото

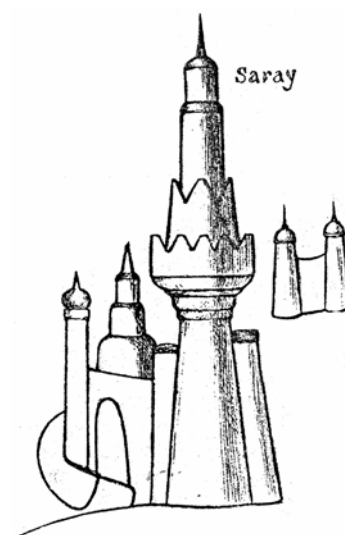
Функциональная схема Казанского Арка. XVI в.

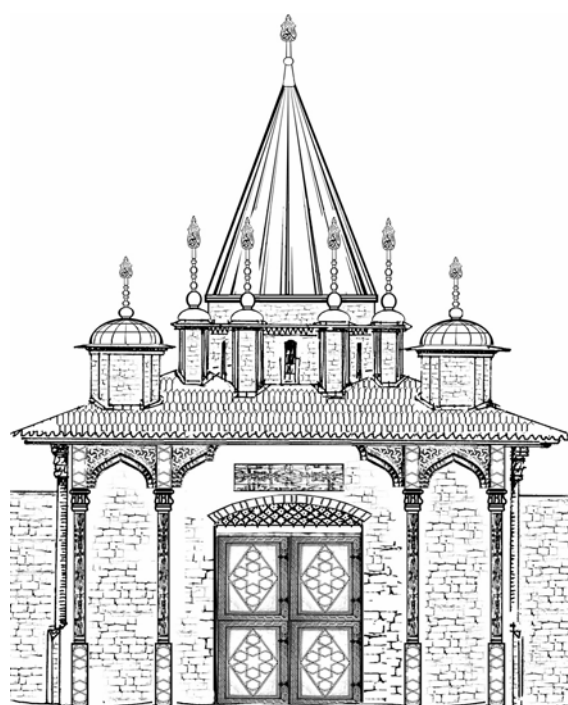
Функциональная схема Хан-Сарая

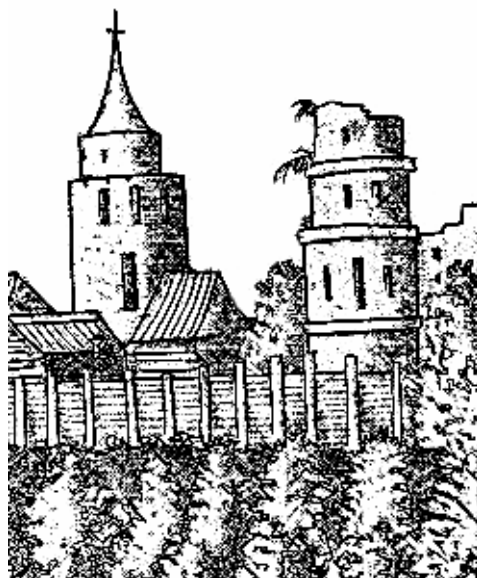
Хан-Сарай в Казанском Арке.
Реконструкция Н.Халита и Н.Хазиахметова

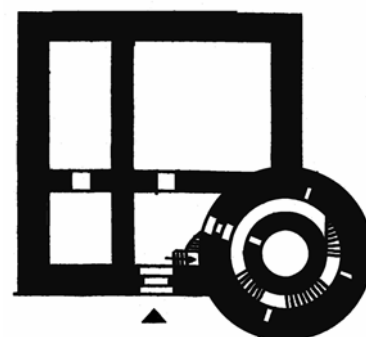
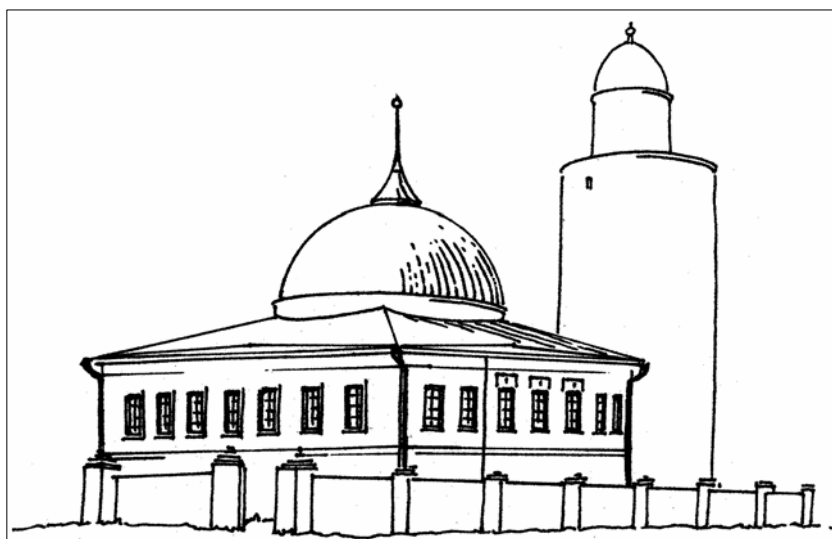
Дворец хана Золотой Орды в
Сарае (предположительно).
Рис. XV в.

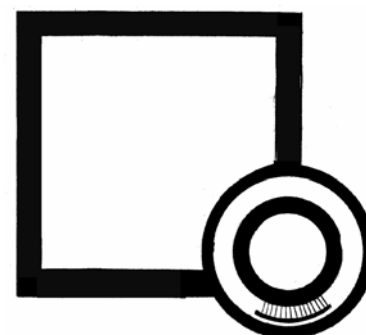
Внутренние ворота Казанского Арка.
Реконструкция Н.Халита и Н.Хазиахметова

Касимов. Руины Хан-Сарая. Фрагмент
рисунка из книги А.Олеария. 1 пол. XVII в.

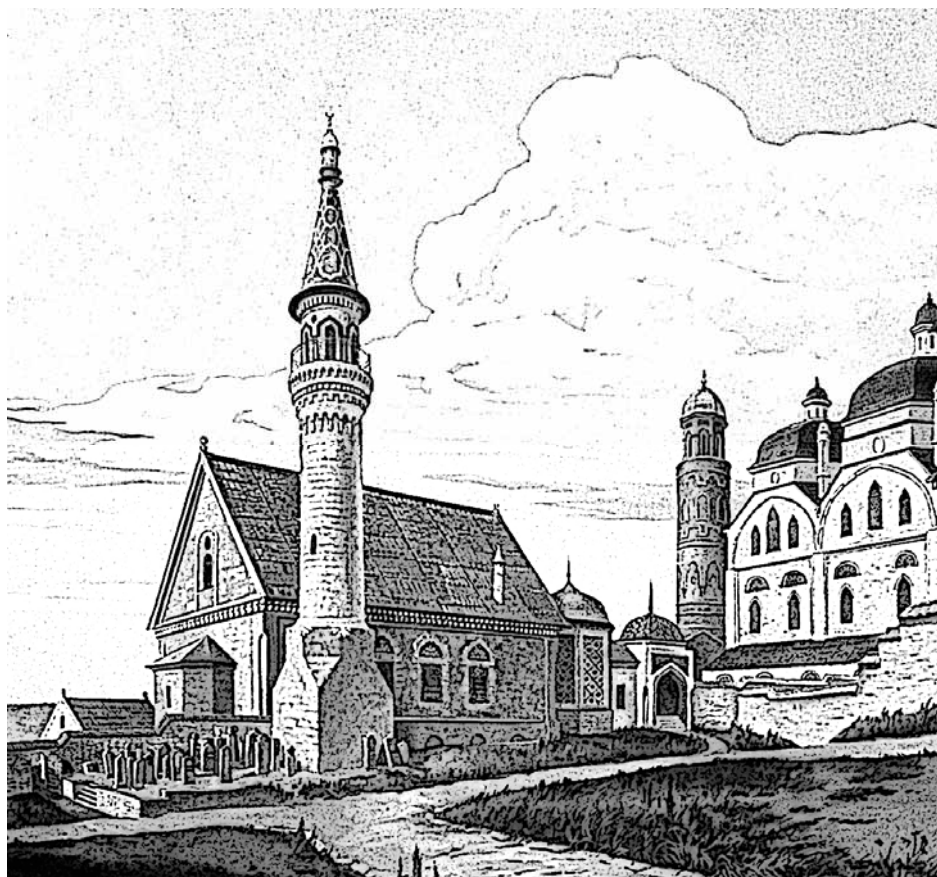

План 1 этажа

План 2 этажа

Город Касимов. Ханская мечеть. Рис. Н.Халита. Планы этажей

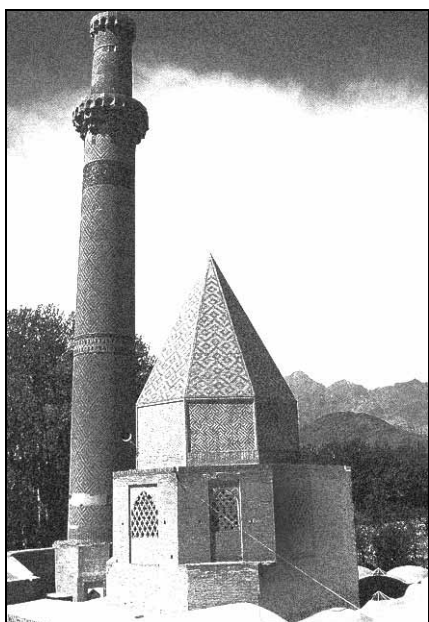
Казань. Хан-Сарай. Реконструкция Н.Халита и Н.Хазиахметова

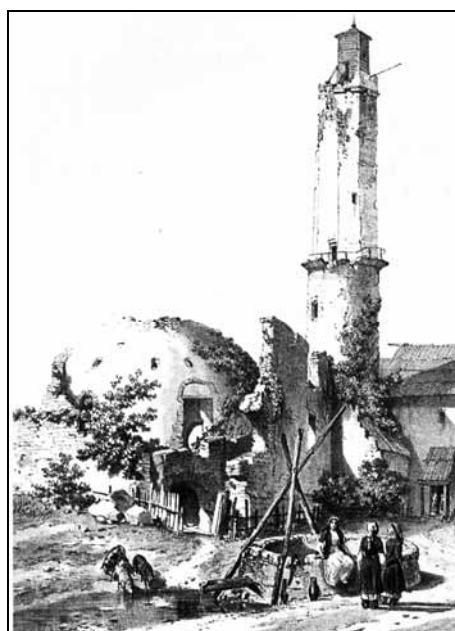
Хан-Керман. Хан-Сарай. Реконструкция Н.Халита по 2 половине XV в.

Хан-Керман. Хан-джами. Южный фасад.
Реконструкция Н.Халита по 2 половине XV в.

Мавзолей Абдул-Самата в Натанзе. Иран, 1304 г.

Руины золотоордынской мечети,
запечатленные А.Дюраном в XIX в.

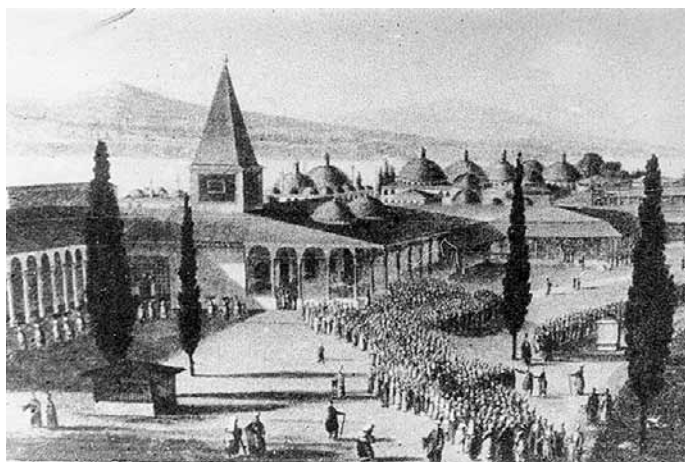
Ворота мемориальной зоны султанского дворца Топ Капы в Стамбуле. Рисунок XIX в.

Бахчисарай. Хан-Сарай, Соколиная башня. Современное фото

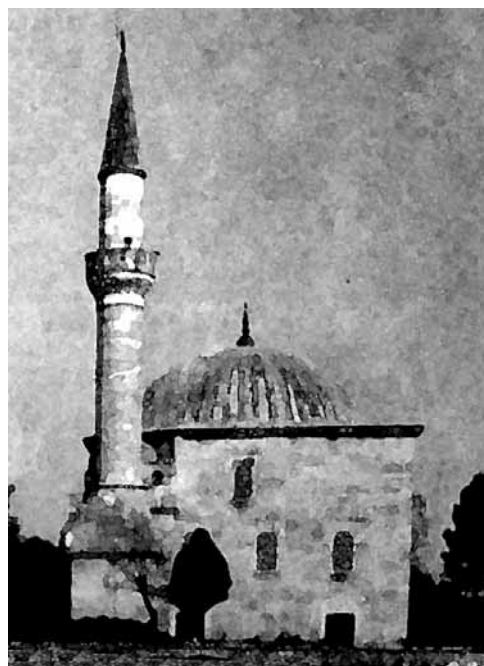
Внутренние ворота султанского дворца Топ Капы в Стамбуле. XVI в. Рисунок XIX в.

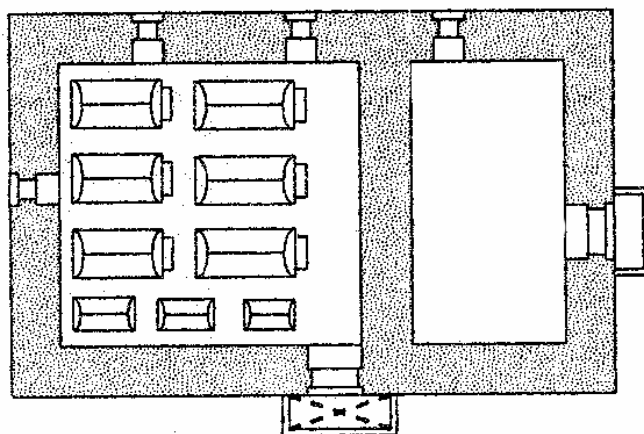
Султанский дворец Топ Капы в Стамбуле. XVI в. Рисунок XIX в.

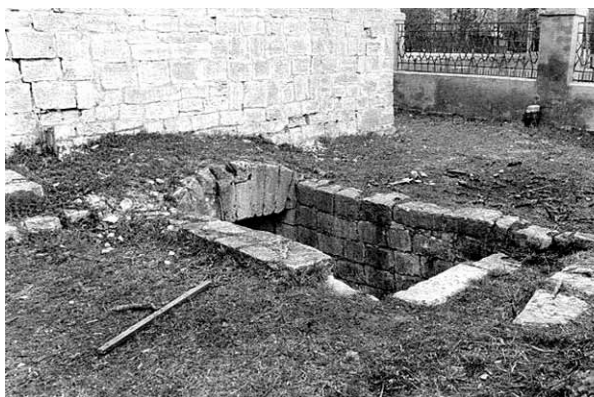
Конак джами в Измире. Османская империя

Османская мечеть. Сер. XVI в. Архитектор Синан

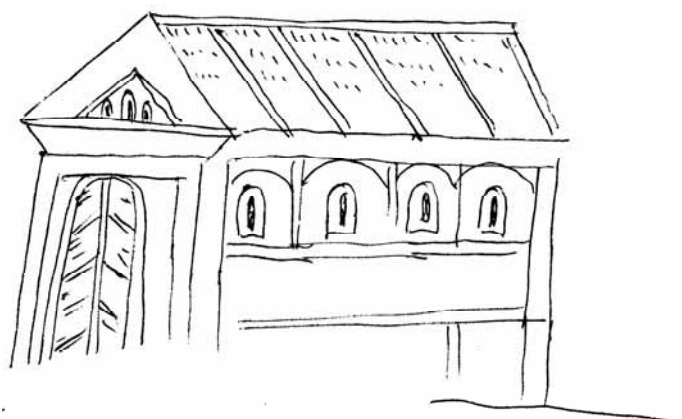
Хан-Керман.
Текие Шах-Али хана.
План

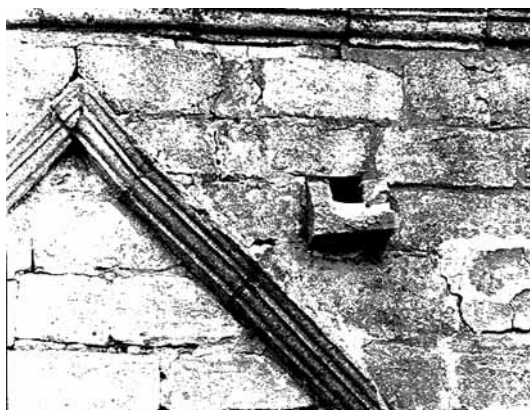
Хан-Керман. Текие Шах-Али хана.
Вход в подвальную часть

Хан-Керман. Текие Шах-Али хана. Общий вид.
Фото А.Хабибуллина

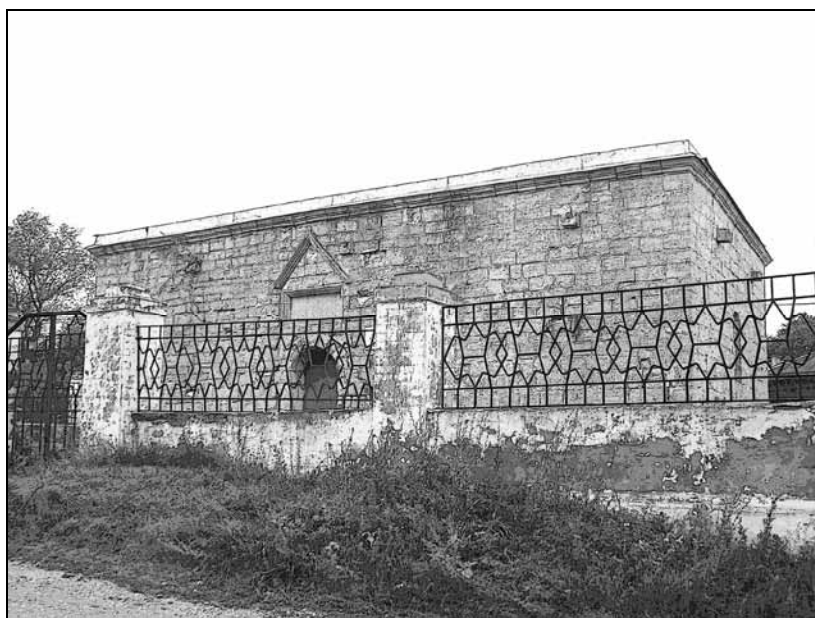
Усыпальница Казанских ханов. Рисунок из рукописи
«Казанский Летописец». XVII в.

Хан-Керман. Текие Шах-Али хана.
Водомет

Неизвестный мавзолей в
Касимове. Чертеж XVIII в.

Хан-Керман. Текие Шах-Али хана. Главный фасад

Хан-Керман.
Текия Шах-Али хана.
Надпись над входом

**Резолюция
Всероссийской научно-практической конференции
«Политическая и социально-экономическая история средневековых
тюрко-татарских государств (XV – третья четверть XVIII в.)»
(Казань, 20 мая 2008 г.)**

В процессе работы участники конференции «Политическая и социально-экономическая история средневековых тюрко-татарских государств (XV – третья четверть XVIII в.)», ознакомившись с новейшими исследованиями российских ученых по истории средневековых тюрко-татарских государственных образований, констатировали, что:

- материальная и духовная культура средневековых тюрко-татарских государств является неотъемлемой частью истории и культуры Российской Федерации и СНГ;

- востребована необходимость включения в вузовские и школьные учебники объективных сведений по истории средневековых тюрко-татарских государств на основе плюрализма мнений;

- на современном этапе исследований истории средневековых тюрко-татарских государств востребовано усиление межкультурных связей;

- необходимо обсуждение теоретических и методологических проблем истории тюркских народов средневекового периода;

- целесообразно укреплять и расширять связи между учеными, занимающимися данной проблематикой;

- важным источником по изучению средневековых тюрко-татарских государственных образований выступают археологические изыскания, поэтому востребована специальная программа по археологическому изучению городов Улуса Джучи и средневековых тюрко-татарских государств;

В связи с вышеизложенным участники конференции рекомендуют Академии наук РТ и Институту истории им. Ш.Марджани АН РТ:

- наладить регулярное проведение конференций с привлечением ведущих ученых России, ближнего и дальнего зарубежья по данной проблематике;

- рекомендовать разработать и обеспечить финансирование комплексных источниковедческих и археологических работ по изучению истории средневековых тюрко-татарских государств;

- провести конференцию, посвященную этнополитической и социокультурной истории Улуса Джучи (Золотой Орды);

- рассмотреть вопрос о проведении научного семинара по вопросам феодальных отношений в средневековых мусульманских государствах;

- издать материалы конференции отдельной книгой.

Сведения об авторах

Аксанов Анвар Васильевич – студент 5-го курса Института истории и политических наук Тюменского государственного университета. E-mail: hananvar@rambler.ru (г.Тюмень)

Алиев Камиль Магомедсалихович – к.филос.н., этнополитолог, Председатель Кумыкского научно-культурного общества, шеф-редактор журнала «Вести Кумыкского научно-культурного общества», главный редактор газеты «Ёлдаш» (г.Махачкала)

Ахметзянов Марсель Ибрагимович – д. филол. н., заведующий отделом рукописей научного и архивного фонда ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ (г.Казань)

Байрамова Фаузия Аухадиевна – писатель, к.и.н., член Исполкома Всемирного конгресса татар (г.Набережные Челны)

Бакиева Гульсифа Такиюлловна – к.и.н., с.н.с. Института проблем освоения Севера СО РАН. E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru (г.Тобольск)

Бустанов Альфрид Кашафович – студент 5-го курса исторического факультета Омского государственного университета. E-mail: alf_b@list.ru (г.Омск)

Гариф Нурулла Гиматдинович – к.и.н., член Союза писателей РТ (г.Казань)

Галлям Рашит Габдельфартович – к.и.н., с.н.с. Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань)

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – к.филос. н., доцент кафедры русского языка Дагестанского государственного университета. E-mail: mariza71@mail.ru (г.Махачкала)

Давлетшин Гамирзан Миргазиевич – д.и.н., профессор Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (г.Казань)

Загидуллин Ильдус Котдусович – д.и.н., зав. отделом средневековой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. E-mail: zagik63@mail.ru (г.Казань)

Маслюженко Денис Николаевич – к.и.н., доцент, зав.кафедрой культурологии, зам.декана исторического факультета Курганского государственного университета (г.Курган)

Матвеев Алексей Викторович – к.и.н., зам. директора по научной работе Омского музея просвещения, Омский Государственный университет им. Ф.М. Достоевского. E-mail: Almatveev2003@mail.ru (г.Омск)

Миргалеев Ильнур Мидхатович – к.и.н., с.н.с., Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. E-mail: dilnur1976@mail.ru (г.Казань)

Мустакимов Ильяс Альфредович – ведущий советник Главного архивного управления при КМ РТ. E-mail: imus@rambler.ru (г.Казань)

Рахимзянов Булат Раймович – к.и.н., с.н.с. Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. E-mail: bulatraim@mail.ru (г.Казань)

Рябинина Елена Алексеевна – ассистент кафедры отечественной истории Курганского государственного университета

Сабитов Жаксылык Муратович – магистр политологии, докторант PhD. Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева E-mail: babasan@yandex.ru (Казахстан, г.Астана)

Селезнев Юрий Васильевич – к.и.н., преподаватель кафедры истории России Воронежского государственного университета. E-mail: orda1359@mail.ru (г.Воронеж)

Ситдинов Айрат Габитович – к.и.н., зав. кафедрой Казанского государственного университета, зав. Национальным центром археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г.Казань)

Султанов Ринат Ибрагимович – к.и.н., зав. кафедрой истории и основ общественных наук, Арского педагогического колледжа им. Г.Тукая (п.Арск РТ)

Татауров Сергей Филиппович – к.и.н., зав. сектором археологии Филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского. E-mail: tikhonov@omsu.ru (г.Омск)

Тихонов Сергей Семенович – зав. кафедрой первобытной истории Омского госуниверситета, с.н.с. сектора археологии Омского филиала ИАЭТ СО РАН. E-mail: tikhonov@omsu.ru (г.Омск)

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна – с.н.с., зав. отделом этнографии Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. E-mail: tgiamz@mail.ru (г.Тобольск)

Филатов Игорь Альбертович – сотрудник Центра по изучению и охране объектов историко-культурного наследия (г.Рязань)

Хабибуллин Алмаз Наилевич – соискатель Института истории им.Ш.Марджани АН РТ (г.Казань)

Хайретдинов Дамир Зинюрович – к.и.н., зам. председателя Духовного управления мусульман Нижегородской области. E-mail: khair2003@mtu-net.ru (г.Москва)

Халитов Нияз Хаджиевич – доктор архитектуры, гл.н.с. Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань)

Список сокращений

АО – Археологические открытия. Москва

АОТ – Археологические открытия в Татарстане. Казань

ВНОТ – Вестник Научного общества татароведения. Казань

ГУТО ГАТО – Государственное управление Тюменской области Государственный архив Тюменской области

ГУТО ГА в г. Тобольске – Государственное управление Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.

ИТУАК – Известия Таврической ученой археологической комиссии. Симферополь

ИИЯЛ ДФ РАН – Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Российской академии наук

Изв. КФАН СССР – Известия Казанского филиала Академии наук СССР. Казань

ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ

НБ МГУ – Научная библиотека Московского государственного университета

ОРРК – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГИА – Российский государственный исторический архив

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис

СА – Советская археология. Москва

ТА – Татарская археология. Казань

Содержание

Предисловие	3
А.В. Аксанов Русские летописи конца XV в. о московско-казанской войне 1467–1469 гг.....	4
К.М. Алиев К этнополитической истории кумыков в составе Золотой Орды (XIII–XV вв.).....	9
М.И. Әхмәтжанов Ибраһим хан ярлыгы һәм Манаш тархан нәсел шәжәрәсе.....	16
Ф.Ә. Бәйрәмова Себер ханлыгын яулап алуға яңа караш.....	24
Г.Т. Бакиева Сибирские татары в составе Российского государства в XVII–XVIII вв.....	29
А.К. Бустанов Сочинение «Шаджара рисаласи» и его списки.....	34
Р.Г. Галлям, Р.Г. Насыров Историческая география Закамья в эпоху Казанского ханства (к проблеме расселения в регионе в XV–XVI вв.).....	49
Н.Г. Нәбиуллин, Н.Ф. Исмагыйлев, Н.Г. Гариф Тарихи сәхифәләр ачылганда: Чистай шәһәре тарихына бәйле ачышлар.....	64
Г.-Р.А.-К. Гусейнов О западных пределах Кумыкского государства XVI–XVII вв. в зеркале фольклора и исторических источников.....	76
Г.М. Давлетшин О богословии и науке в Казанском ханстве.....	84
И.К. Загидуллин Мусульманское духовенство в Крымском ханстве.	92
Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябинина Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI века.....	97
А.В. Матвеев, С.Ф. Татауров Сибирское ханство Кучума царя. Некоторые вопросы государственного устройства.....	112
И.М. Миргалеев Поздnezолотоордынские ханства: к определению верхней даты существования золотоордынского государства.....	118
И.А. Мустакимов Об одном списке «Дафтар-и Чингиз-наме».....	122

Б.Р. Рахимзянов

Касимовское ханство в советской историографии..... 132

Ж.М. Сабитов

Ханы Ногайской Орды..... 138

Ю.В. СелезневОсобенности восприятия в русской письменной традиции
русско-ордынских отношений в 1420–1460-е гг..... 142**А.Г. Ситдинов**

Археологические памятники Казанского ханства: локализация и своеобразие..... 152

Р.И. Султанов

Некоторые итоги и перспективы изучения исторической географии Казани..... 156

С.С. ТихоновЮго-восточная окраина Сибирского ханства Кучума
(интерпретация источников по экономике и социальному развитию тарских татар)..... 162**З.А. Тычинских**К вопросу об административно-политическом
и территориальном устройстве сибирских татар в XVI–XVIII вв..... 172**И.А. Филатов**

Мещерские казаки на страже русских рубежей..... 183

А.Н. Хабибуллин

К вопросу о типологии оборонительных сооружений Крымского ханства XV–XVIII вв. 189

Д.З. Хайретдинов

Версии о посольской резиденции Казанского ханства в Москве..... 208

Н.Х. Халитов

К реконструкции архитектуры дворца в Хан-Кермане..... 210

Резолюция

Всероссийской научно-практической конференции
«Политическая и социально-экономическая история средневековых
тюрко-татарских государств (XV – третья четверть XVIII в.)»..... 225

Сведения об авторах..... 226

Список сокращений..... 228

Средневековые тюрко-татарские государства

Научное издание

Компьютерный набор – *М.Н.Исламова*

Оригинал-макет – *А.Р.Тухватуллина*

Подписано в печать 13.02.2009 г.

Усл. печ. листов 29,0 Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве «Алма-Лит»

420045, г.Казань, ул. Н.Ершова, 35а

Тел. (843) 273-65-69